

Современная
психотерапия

Нэнси Дж. Догерти
Жаклин Дж. Вест

Матрица и потенциал характера

С позиций архетипического
подхода и теорий развития
В поисках неиссякаемого
источника духа



COGITO
CENTRE
NT

Современная
психотерапия

МАТРИЦА И ПОТЕНЦИАЛ ХАРАКТЕРА

NANCY J. DOUGHERTY
JACQUELINE J. WEST

THE MATRIX AND MEANING OF CHARACTER

AN ARCHETYPAL
AND DEVELOPMENTAL APPROACH

SEARCHING FOR THE WELLSPRING OF SPIRIT

ROUTLEDGE
TAYLOR & FRANCIS GROUP
LONDON AND NEW YORK

НЭНСИ ДЖ. ДОГЕРТИ
ЖАКЛИН ДЖ. ВЕСТ

МАТРИЦА И ПОТЕНЦИАЛ ХАРАКТЕРА

С ПОЗИЦИЙ АРХЕТИПИЧЕСКОГО
ПОДХОДА И ТЕОРИЙ РАЗВИТИЯ

В ПОИСКАХ НЕИССЯКАЕМОГО ИСТОЧНИКА ДУХА

КОГИТО-ЦЕНТР
МОСКВА, 2014

УДК 159.9

ББК 88

Д 59

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Authorised translation from the English language edition
published by Routledge,
a member of the Taylor & Francis Group

Перевод с английского
О. Ю. Чемакиной

Научная редакция Р. А. Кононова
(Уральская ассоциация
аналитической психологии и психоанализа)

Догерти Н. Дж., Вест Ж. Дж.

Д 59 Матрица и потенциал характера: С позиций архетипического подхода и теорий развития: В поисках неиссякаемого источника духа. – Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2014. – 400 с. (Современная психотерапия)

ISBN 978-0-415-40301-6 (англ.)

УДК 159.9

ISBN 978-5-89353-424-5 (рус.)

ББК 88

Книга «Матрица и значение характера» знакомит читателя с глубинным миром архетипов, образующих основу разных структур характера, и предлагает оригинальную модель развития, в которой синтезированы современные аналитические теории. Авторы рассматривают девять структур характера, оживляя их описание обращением к сказочно-мифологическим образам и клиническим случаям, соединяя традиционную терминологию психопатологических классификаций с универсальным образно-символическим языком.

*Выражаем благодарность за помощь в реализации проекта
Л. А. Хегаю (Московская ассоциация аналитической психологии)
и Н. И. Сидоренко (Уральская ассоциация
аналитической психологии и психоанализа)*

© Nancy J. Dougherty, Jacqueline J. West, 2007

© Когито-Центр, 2014

ISBN 978-0-415-40301-6 (англ.)

ISBN 978-5-89353-424-5 (рус.)

Содержание

Благодарности	9
Введение	11
<i>Дыхание Изиды</i>	11
<i>Матрица структур характера:</i>	
<i>архетипический подход и модели развития</i>	15
<i>Стадии развития</i>	17
<i>Базовые паттерны отношений</i>	25
<i>Структуры характера</i>	27
<i>Регрессия, тень и интерсубъективное поле</i>	29
<i>Дополнительные комментарии</i>	33

Часть I ИЗБЕГАЮЩИЙ ПАТТЕРН

Глава 1. Шизоидная структура характера	39
<i>Девочка со спичками</i>	39
<i>Теоретическое обоснование</i>	43
<i>Шизоидная защита в форме инкапсуляции</i>	49
<i>Богиня Седна: леденящее душу одиночество,</i> <i>подавленная креативность</i>	70
Глава 2. Контрзависимая нарциссическая структура характера	78
<i>Питер Пен и архетип Вечного Ребенка</i>	78
<i>Сказочные сестры Питера Пена и психология Пуэллы</i>	89
<i>Фрейд и неопрейдисты о нарциссизме</i>	96
<i>Случай из практики: Джоан – само совершенство, дочь – тень</i> . . .	102

Юнг и юнгианцы о нарциссизме	105
Афина – девственница Олимпа: победоносная и неуязвимая	110
Глава 3. Обсессивно-компульсивная	
структура характера.	116
Клинический случай: стремиться к верной цели и постоянно совершать ошибки	118
Динамика развития.	119
Проблемы терминологии	121
Теоретический экскурс.	127
Личностная и архетипическая динамика.	130
«Красные башмачки»	134
Клинический случай: не спящая, истощенная, измученная и виноватая.	139
От Питера Пена и нарциссизма к Сатурну и обсессивно-компульсивному расстройству	146
Аполлон: в мире людей справедливость нуждается в милосердии, если сила не возьмет верх	147
Избегающий паттерн отношений: выводы	149

Часть II ИЩУЩИЙ ПАТТЕРН

Глава 4. Пограничная структура характера:	
агония и экстаз	153
Введение.	153
Ослиная шкура: сказка о солнце, испачканном сажей	160
Пограничная структура характера в специальной литературе	165
Клинический случай: Рейчел – на острие клинка.	173
Мифологический ландшафт пограничного хаоса.	185
Заключительные размышления	192
Глава 5. Зависимая нарциссическая	
структура характера.	193
Введение.	193
Теоретические соображения.	196
Сказка: учимся служить своему Я	207
Клинический случай: Пол – обаятельный, но отчаявшийся «дамский угодник».	209
Деметра и Персефона	215
Заключительные размышления	224

Глава 6. Истерическая структура характера	226
<i>Мир Алисы</i>	226
<i>Общие сведения об истерической структуре характера</i>	228
<i>Теоретические соображения</i>	232
<i>Кассандра: одаренная и проклятая</i>	241
<i>Джейсон: обрести связь со своими чувствами</i>	242
<i>Афродита: золотоволосая богиня</i>	252
<i>Выводы: ищущий паттерн отношений</i>	256

Часть III

АНТАГОНИСТИЧЕСКИЙ ПАТТЕРН

Глава 7. Психопатическая структура характера	261
<i>Психопатия, социопатия,</i>	
<i>антисоциальное расстройство личности</i>	266
<i>Архетипическая динамика в аналитических отношениях:</i>	
<i>опасность неадекватной оценки</i>	272
<i>Возможность исцеления и оценка</i>	277
<i>Клинический случай: Сью – очаровательный волк</i>	
<i>в овечьей шкуре</i>	279
<i>Безжалостная принцесса и ее находчивый жених</i>	290
<i>Призыв к действию: трикстер внутри</i>	298
Глава 8. Альфа-нарциссическая структура характера	302
<i>Динамика зависти и разрушения того,</i>	
<i>что воспринимается как нечто хорошее</i>	304
<i>История вопроса: теоретические рассуждения</i>	308
<i>Юнгианская теория: динамика развития</i>	315
<i>Случай из практики. Элизабет:</i>	
<i>боль–превосходство–боль</i>	316
<i>Представление в мифах: самая темная сторона</i>	
<i>человеческой души</i>	328
Глава 9. Пассивно-агрессивная структура характера	335
<i>Липкий капкан</i>	335
<i>Три взгляда на одну историю</i>	339
<i>Характеристика пассивно-агрессивной структуры характера</i>	343
<i>Братец Лис и Братец Кролик: бесконечная череда провокаций</i>	350
<i>Терапия пациентов с пассивно-агрессивной</i>	
<i>структурой характера</i>	355
<i>Заключительные размышления</i>	364

<i>Выводы: антагонистический паттерн отношений</i>	365
Заключение.....	367
<i>Структуры характера, сознание и духовное начало</i>	367
Примечания	373
Литература	387

Благодарности

К сожалению, мы не можем назвать поименно всех людей, которые содействовали появлению этой книги. Все они – учителя, воспитатели, друзья, коллеги, аспиранты и в особенности пациенты – вдохновляли и обогащали нас.

И все же из этого множества людей нам бы хотелось выделить нескольких человек, благодаря которым книга увидела свет. Среди них Джером Бернштайн, Гус Квик, Кейт Хос из издательства Рутледж, Катарин Джоунс, Том Келли, Клодетт Килкарни, Стэн Марлан, Кларисса Пинкола Эстес, Рон Шенк и Мюррей Стайн.

Кроме того, я, Нэнси Догерти, хотела бы выразить свою признательность Лоис Хан, Луеве Лернер, Харриет Гордон Махтигер, Лауре Мак-Гру, Шарон Смит и Биллу Уолкеру за их огромную поддержку, а также человеческое участие и доброту. А я, Жаклин Вест, хочу поблагодарить Джоан Буреш, Джима Боггса, Даниэля Бордело, Джоан Херцберг, Майкла и Вирджинию Кан, Дианн Нойманн, Мередит Иннинг и Тима Сандерсона за их непоколебимую веру в меня и бесценную дружбу.

Также хотелось бы отметить вклад наших юнгианских институтов, являющихся оплотом знаний и коллегиальности – Межрегионального общества юнгианских аналитиков, Института К. Г. Юнга в Чикаго и Института К. Г. Юнга в Санта-Фе.

Мы обе выражаем искреннюю благодарность нашим семьям и безмерно дорожим жизнеутверждающими дарами, которые преподнесли нам те, кто выросл рядом с нами, пока

мы писали книгу: Джошуа и Девора (со стороны Жаклин Вест), Рэнди, Алекс и Джейми, а также Маргарет, Сьюзанн и Джексон Рэндалл (со стороны Нэнси Догерти).

От всего сердца мы благодарим наших мужей. Их ежедневное присутствие в нашей жизни и любовь давали нам столь необходимую поддержку и стимул к работе. Я, Жаклин Вест, хочу признаться в том, что необычайно крепкая любовь Джеффри, его вдохновенное чувство товарищества и неповторимая индивидуальность украшают мою жизнь и воодушевляют меня. Я, Нэнси Догерти, выражаю свою глубочайшую признательность Сэнди. Его игривость, надежность и внимательность придают силы в повседневной жизни, а мечты о плавании в теплых морях сплотили нас в настоящую дружную семью.

И, конечно же, мы хотим поблагодарить друг друга за нашу дружбу, за дух товарищества и единое чувство смысла и цели – все то, что объединяло нас в работе над книгой. Обнаружив явные различия в характерах, мы с любопытством присмотрелись друг к другу и, движимые упорством и любовью, исследовали – ведя диалог – их сложные структуры. Благодаря диалогу мы не только пришли к пониманию того, каким образом структуры характера помогают защищаться и побуждают к отношениям и индивидуации, но и решились создать классификацию разных характерологических структур, которая собственно и является темой этой книги. Процесс написания очень обогатил нас и в личностном, и в профессиональном плане. Нам невероятно повезло, поскольку в этом путешествии мы стали друг для друга великолепными попутчицами.

И наконец, мы преисполнены благодарности нашим внутренним неистощимым источникам духа, так щедро питавшим нас в пути.

Введение

Дыхание Изиды

Одним из источников вдохновения, побудивших нас к написанию этой книги, стал древнеегипетский миф об Изиде и Осирисе. Эта великая история любви и смерти на протяжении столетий трогала сердца людей, более всего тот момент, когда Изиды своим дыханием возвращала к жизни расчлененное тело Осириса. Согласно мифу¹:

Божественная пара – Изиды и Осирис – правила вселенной древних египтян в эпоху ее расцвета и благоденствия. Когда все пребывало в великой гармонии и целостности, злой брат Осириса – Сет, движимый завистью, решил захватить власть. Он взял своего брата в плен, разрубил его тело на несколько частей и разбросал их в долине Нила. В великой скорби бродила Изиды по берегам реки, разыскивая и собирая в корзину расчлененные останки Осириса. Затем спустилась она в подземный мир и на алтаре соединила найденные части. Обернувшись птицей, взлетела Изиды над телом своего мужа и осенила его своим дыханием. И пробудилось в Осирисе желание, и оплодотворил он жену свою. И родился от этого союза божественный ребенок, и нарекли его Гором, и стал он провозвестником нового мира.

Цель нашей книги – вернуть к жизни «тело» знаний о структурах характера, осенив его «дыханием» вечных мифологичес-

ких тем, лежащих в основе человеческого развития. Как клиницисты, мы хорошо знакомы с терминологией, описывающей характерологические паттерны. Этот диагностический язык достаточно разработан и представляет собой необыкновенно богатый ресурс для понимания психических процессов. Но он теряет свою значимость и ценность, если применяется шаблонно и небрежно. На практике в своей конкретизированной и упрощенной форме он может звучать оскорбительно по отношению к пациентам и лишать терапию ее творческого потенциала. По этой причине многие терапевты неохотно пользуются этой терминологией. Действительно, наш клинический язык постоянно дифференцируется и все больше напоминает расчлененное тело Осириса: он дробится на дискретные и порой совершенно безжизненные куски. Мертвые слова – жизнь ушла. И, наоборот, наполненный жизнью термин, например «нарциссизм», обретает глубину и целостность, и таящийся в нем дух раскрывает себя в новом аутентичном смысле. Живой диагностический язык способен сделать клиническую работу не только эффективной, но и увлекательной, позволяя проникать в психические глубины и находить там нужное направление.

А каких представлений о структурах характера придерживаетесь вы? Задайте себе несколько вопросов: удобно ли вам пользоваться дифференцированным языком психопатологии? может быть, вы склонны воздерживаться от его использования? делите ли вы своих пациентов на тех, кто страдает неврозом, и тех, у кого присутствует характерологическое расстройство? влияет ли такое разделение на форму ваших интервенций? считаете ли вы, что используемые вами диагностические термины описывают нечто, присущее только вашим пациентам, или же они обозначают некие паттерны, общие для всех людей?

Мы пришли к выводу, что в основе бытия каждого человека лежит та или иная потенциально распознаваемая структура характера, которая с психодиагностической точки зрения может быть описана как характерологическое расстройство. Такой взгляд представляется нам слишком зауженным, поскольку характер любого из нас раскрывается в континууме

от структуры характера, которую можно считать естественным явлением, до собственно характерологического расстройтва. Смещения архетипической реальности и персональной истории, нуминозной энергии и раннего травматического опыта встречаются с защитами, выстроенными психикой в попытке создать безопасность, связность и постоянство. Взаимодействие этих факторов приводит к формированию опознаваемых структур характера. Таким образом, структура характера является индивидуальным портретом, который отображает архетипические темы и личные травмы, а также то, с чем удалось справиться, и то, от чего пришлось защищаться на том или ином этапе развития.

Этимологически слово «характер» происходит от греческого χαρακτήρ – «запечатлевать», однокоренного с латинским «archetypum», что значит «оригинальный, особый». Применительно к отдельному качеству или набору качеств «характер» обозначает поведенческий или личностный паттерн человека, его отличительные черты и свойства (Webster's Dictionary, 1983, p. 304). Учитывая разнообразные оттенки значения, можно сказать, что характер представляет собой серию особых зарубок на древе нашей личности. И, несмотря на то, что мы можем развивать гибкие и свободные эго-структуры, наша индивидуальность навечно «вырублена» – запечатлена в нашем характере.

Ядро любого характера содержит парадокс: с одной стороны, это защитная структура, с другой – адаптивная и обладающая потенциалом развития, наполненная вдохновляющим архетипическим присутствием. Таким образом, наши травмы, наша индивидуальность и наши способности напрямую связаны друг с другом. В самой структуре характера заложено зерно трансформации и индивидуации. Действительно, и в нашем собственном анализе, и в работе с пациентами мы не раз убеждались в том, что трансформация происходит не вопреки, а благодаря структурам характера. Именно благодаря нашим ранам, архетипическим по своей природе, мы получаем возможность исцелиться на самом глубоком уровне, пробудить творческие энергии и запустить процесс индивидуации.

Еще во время учебы и подготовки к аттестационным экзаменам и позже, когда уже началась наша аналитическая практика, мы обнаружили, что наш разговор заметно оживляется, когда мы начинаем переводить диагностические термины на язык архетипов. Но еще большее оживление воцарялось, когда мы обсуждали самих себя. Каждая из нас разбирала и описывала собственную личность и собственный психический ландшафт, пользуясь как традиционной терминологией, так и архетипическим языком. Мы все яснее видели, в какой форме паттерны, присущие нашим структурам характера, проявляются в нашей работе и жизни. А затем постепенно мы приступили к изучению того, каким образом эти паттерны влияют на наши взаимоотношения, а также на отношения с родственниками, друзьями и пациентами.

Мы описываем свой опыт, чтобы и в вас пробудился интерес к исследованию вашей базовой структуры характера. Разве вам, дорогой читатель, не любопытно узнать, какой характерологический паттерн наиболее точно описывает ваш собственный опыт? Может вы считаете, что ваш паттерн ближе всего к нарциссическому? Или он схож с пограничной динамикой? Или связан с шизоидной реальностью? Нелегко задавать вопросы на языке, который используется для обозначения степени ненормальности. Ведь такой язык, применяемый только по отношению к пациенту, незаметно отделяет его от терапевта. Мы предлагаем терапевтам, как бы трудно это ни было, распознавать и описывать собственные паттерны в этой же терминологии, и тогда мы выйдем за пределы плоскости иерархически-дистанцированных отношений, в которых есть лишь субъект и объект познания, и окажемся в пространстве взаимности. Продвигаясь вперед от главы к главе, спрашивайте себя, комфортно ли вам в той или иной характерологической реальности. Почувствуйте и примерьтесь к различным описаниям характера. Разобравшись, какой паттерн является базовым в вашей структуре, проанализируйте, каким образом он влияет на ваши взаимодействия с окружающими.

Когда мы понимаем, что наш характер, с одной стороны, отражает нашу личную историю, а с другой – архетипическую реальность, мы погружаемся в более насыщенное интересубь-

ективное пространство, в котором мы связаны с другими более разнообразно и творчески. В клинической практике терапевт сможет более точно чувствовать и понимать потребности пациентов, если будет учитывать то обстоятельство, что и его личность оказывает на них встречное воздействие в результате возрастающей настройки друг на друга. В аналитическом пространстве может возникать, например, и шизоидная, и пограничная, и нарциссическая динамика. Необходимо уметь распознавать эти мощные, сменяющие друг друга состояния, которые могут либо затмить, либо озарить терапевтические отношения. Где бы ни протекали эти процессы – в анализе или за его пределами, – их исследование может раскрыть наши сердца и пробудить воображение для постижения глубин человеческого опыта и смысла жизни.

Может быть, вам уже захотелось перескочить к следующим главам. Какая сказка вызывает у вас более сильный отклик: та, в которой говорится о злой королеве, или другая, о девочке, замерзшей в снегу? Вы все готовы отдать за любовь или, напротив, стремитесь сохранять самообладание любой ценой? Вас больше притягивает тот, кто остроумен, или тот, кто мудр? Некоторым из вас, прежде чем продолжить чтение нашей книги, не помешает ознакомиться с теоретической частью введения; другие же, наоборот, могут сразу перейти к основному тексту.

Матрица структур характера: архетипический подход и модели развития

Язык клинических описаний – это система образов. Явления, описываемые с его помощью, также изображаются в других символических системах, таких как сказки и мифы. На клиническом языке мы называем пациентов обсессивно-компульсивными, пограничными и т. д. На языке архетипов мы говорим, что в человека вселился Дионис или он живет в стеклянном гробу, или накрепко прилип к смолянному чучелку, или работает, как Золушка, и т. д. Руководствуясь знаниями о том, что оба языка символически представляют одну и ту же реальность, мы составили описания структур характера.

Используя мифологические темы и образы наряду с пониманием психопатологии, мы сплели полотно из нитей архетипической и клинической реальностей, на котором проступили девять взаимосвязанных структур характера. Наша модель доэдипальных структур соединяет современные психоаналитические представления о характере с юнгианским подходом к природе и динамике психики. Эти девять структур характера являются не столько типологической системой, сколько представляют собой упорядоченные диагностические и архетипические образы, объединенные в мифопоэтическую модель. Мы признаем, что это лишь один из возможных взглядов на структуру характера². Составляя свой словарь клинических терминов, мы пользовались несколькими источниками, но чаще всего обращались к работе Маквильямс (McWilliams, 1994), в которой она умело обобщила результаты многолетних исследований Юнга, Фрейда, Кернберга, Миллона, Кохута, Штерна, Боулби, Фейрберна, Винникотта, Гантрипа и многих других психоаналитиков и психологов.

Наша Матрица показывает, что девять структур характера привязаны к этапам раннего развития и архетипическим темам. Развиваясь, психика каждого человека проходит через три разные стадии, характеризующиеся разной степенью выделения Эго из коллективного бессознательного. Мы дали им следующие названия: примитивная, или ранняя, нарциссическая и преневротическая. Человек усваивает также один из трех специфических паттернов отношений: избегающий, ищущий или антагонистический. Паттерн отношений, который, собственно, и определяет жизнь человека, возникает из совокупности факторов, в которую входят архетипические силы, биологическая предрасположенность, условия развития, а также элемент случайности или то, что называется тайной жизни. Три структуры характера, образующиеся вокруг паттерна отношений, описываются в тематически связанных, но при этом совершенно непохожих образах, сказках и жизненных историях. Такой «портрет» мы называем ландшафтом характера.

Все девять структур характера одна за другой обрисовываются в отдельных главах этой книги. Портрет каждой струк-

туры создается с помощью амплификаций к сказкам, мифам, стихотворениям, произведениям живописи и литературы. Однако прежде чем приступить к чтению глав книги, следует ознакомиться еще с несколькими вводными комментариями. Сначала мы рассмотрим особенности всех стадий развития, а затем расскажем, как на каждой из этих стадий проявляется базовый паттерн отношений.

Стадии развития

Подобно многим теоретикам (Fairbairn, 1954; Neumann, 1954; Jung, 1956a; Edinger, 1972; Fordham, 1974; Eigen, 1986), мы полагаем, что человеческое развитие начинается в состоянии единства, которое символически воплощается в таких образах, как уроборический союз, психическое ядро, древнее единое Эго, святая святых, безымянный создатель или Самость. Классическая аналитическая психология уже ответила на вопрос, каким образом Эго развивается из Самости, то есть как сознание дифференцируется от бессознательного. Эдингер расширил этот базовый посыл, выдвинув предположение о том, что напряжение, неизменно возникающее между Эго и Самостью в процессе дифференциации сознания от бессознательного, приводит к формированию оси Эго–Самость (Edinger, 1972). Современная юнгианская теория дополнила эти идеи более детальными соображениями о том, как на развитии отношений Эго и Самости сказывается взаимодействие ребенка с его окружением, то есть с теми, кто заботится о нем³. Объединив все эти взгляды, мы выделили три стадии развития.

Характер формируется как под влиянием внутренней врожденной предрасположенности, так и под воздействием внешнего окружения. Знание основных положений теории сложных систем и понимание нелинейной динамики развития позволяют не приписывать главной роли ни одному из этих факторов. Лишь учитывая напряжение, порождаемое этой неопределенностью, мы можем попытаться описать конфигурации, возникающие в ходе развития ребенка в соответствующем возрасте. В нашем представлении стадии развития – это нарративы о самых распространенных процессах, возникаю-

Матрица структур характера

Базовые паттерны отношений			
	Ищущий	Антагонистический	Избегающий
Преневрологическая стадия	Истерическая структура характера	Пассивно-агрессивная структура характера	Обсессивно-компульсивная структура характера
Нарциссическая стадия	Зависимо-нарциссическая структура характера	Альфа-нарциссическая структура характера	Контрзависимая нарциссическая структура характера
Примитивная стадия	Пограничная структура характера	Психопатическая структура характера	Шизоидная структура характера
Динамическое качество паттерна отношений	Цепляние или запутывание	Доминирование	Инкапсуляция
Преобладающая форма выражения коллективного бессознательного	Аффект	Агрессия и контроль	Интеллект и воображение

Стадии формирования оси Это-Самость

щих в рамках сложной системы взаимодействий между Самостью, Эго и миром отношений с другими. Мы рассматриваем стадии развития в качестве одного из элементов «композиции, которая в большей степени является калейдоскопической, нежели линейной и монолитной» (Harris, 2005, p. 8). Другим элементом «композиции» является базовый паттерн отношений, активизация которого на той или иной стадии развития приводит к формированию структуры характера.

Прежде чем перейти к описанию каждой из трех стадий развития, хотелось бы пояснить, что мы имеем в виду, когда говорим об архетипе и оси Эго–Самость. Для нас это, с одной стороны, образные конструкты, с другой – некие вполне автономные сущности, которые обладают особой, не постижимой до конца природой, проявляющейся в психическом опыте и оказывающей влияние на развитие человека. Архетипические переживания или опыт связаны с теми аспектами бытия, которые символизируют вечное и нуминозное, они часто биполярны и наполнены благоговением и ужасом. В психике они проявляются в образах, аффектах и действиях.

Ось Эго–Самость – это метафора, описывающая систему, которая формируется в результате взаимодействия сознания и бессознательного. Вслед за многими юнгианцами (Шульманом, Бернштейном, Вилкинсоном, Кноксом, Хогенсоном) мы попытались применить положения теории комплексных адаптивных систем для описания внутреннего устройства психики. С точки зрения теории сложных систем, ось Эго–Самость представляет собой самоорганизующуюся, комплексную адаптивную систему, способную к самовоспроизведению. В этой системе реализуется так называемая аутопойетическая динамика (от гр. αὐτός – сам, ποιήσις – создание), для которой характерны взаимосвязанные процессы разрушения и трансформации компонентов (Maturana, Varela, 1991). В этих процессах, порождающих и реализующих друг друга, проявляется фундаментальная взаимодополняемость структуры и функции. В этом смысле Эго и Самость как компоненты целостной системы реализуются и трансформируются в процессе функционирования оси Эго–Самость. В действительности дифференциация Эго и Самости, а также развитие диалога между

ними – проявления процессов разрушения и трансформации, свойственных самоорганизующейся системе. Непрерывно обновляясь, ось Эго–Самость порождает опыт, который мы называем архетипическим и нуминозным.

С юнгианской точки зрения, психика, подобно любой самоорганизующейся системе, представляет собой совокупность процессов, в данном случае сознательных и бессознательных. В этой системе Эго является центром сознательной личности, а Самость – центром всей психики. При этом мы не рассматриваем Самость как нечто буквальное – как некую материальную структуру, распознаваемого другого или конкретную божественную сущность, управляющую миром (Jung, 1943, pag. 32). Под ней мы понимаем объективную реальность, в которой вселенский смысл переплетается с субъективным человеческим бытием. Самость можно символически уподобить неведомой силе, неявленному присутствию, вдохновляющему источнику и т. д. Эти символические формы привели Юнга к пониманию Самости как архетипа целостности – упорядочивающего и объединяющего центра психики.

Эго ребенка, рождающегося в состоянии единства со всем сущим, постепенно дифференцируется от Самости. Ребенок научается отделяться от бессознательного, или, другими словами, от архетипической реальности, но все же остается динамически связанным с ней. Он вынужден справляться со сложными и часто фрустрирующими переживаниями, вызванными архетипической реальностью, а также соматическими, аффективными и когнитивными факторами взаимодействиями с окружающими.

Когда переживания становятся угрожающими, у ребенка естественным образом включаются защиты. Используемые многократно на протяжении долгого времени, эти защиты наносят вред отношениям Эго и Самости. Они делают ось Эго–Самость ригидной, а придавая ей жесткость, тем самым лишают Эго и бессознательное способности контактировать друг с другом. Образно можно представить, что защиты блокируют поток энергии вдоль оси Эго–Самость и таким образом разрушают зарождающийся между ними диалог. Эта защитная блокада надежно изолирует Эго не только от потенциально

всеобъемлющей власти Самости, но и от ее нуминозности, богатства и изобилия. В результате человек может оказаться почти полностью отрезанным от неиссякаемого источника жизни, собственной аутентичности, душевных и телесных переживаний. Затопленный бессознательным или отрезанный от него, человек наглухо закрыт от великих тайн жизни⁴.

Общее описание примитивной стадии

Самая ранняя стадия развития – «примитивная» – охватывает первые 18 месяцев жизни. В течение этого периода новорожденный как бы находится «один на один со вселенной». Пребывая в состоянии только-только зарождающегося сознания, ребенок склонен воспринимать мир исключительно в архетипических образах. Для слабого младенческого Эго все окружающее выглядит преувеличенно, подобно тому как мы, взрослые, видим сказочных героев: вот ведьма, вот королева, а вот принц на белом коне или ужасное чудовище. Ребенок видит реальность в нуминозном, архетипическом аспекте. Так, хмурый взгляд матери может восприниматься как угрожающая жизни ярость, а ее кратковременное отсутствие переживаться как вечное пребывание в аду.

Поскольку нарождающееся Эго не дифференцировано в достаточной мере от бессознательного, архетипическое царство то и дело легко затягивает его обратно. Другими словами, психика ребенка, пытающегося отстоять свои первые, ранние победы в дифференциации (младенец стремится отделиться от матери, Эго – от Самости), постоянно сталкивается с угрозой быть заново поглощенной бессознательным. Стрессовая ситуация, коей является возможная регрессия в состояние недифференцированности, заставляет ребенка применять особые защиты. К ним относятся классические примитивные защиты – расщепление и проективная идентификация (McWilliams, 1994, p. 112)⁵. Они названы примитивными не только потому, что используются в таком раннем возрасте, но и потому что являются достаточно радикальными по своему воздействию. Они надежно изолируют одни части психики от взаимодействия с другими ее частями и/

или от взаимодействия с окружающими⁶. Юнгианские психоаналитики выделяют еще и ранние защиты Самости (Stein, 1967; Fordham, 1974). Они приводятся в действие, когда связанное Эго еще не сформировано, следовательно, «управление» ими осуществляет не Эго, а более глубокий центр психики (Kalsched, 1996, p. 1–3). Эти защиты часто персонифицируются архетипическими фигурами, которые оберегают таинственную внутреннюю сердцевину личности, другими словами, Самость. Фактически психика ребенка пытается защитить целостность от непереносимых внутренних и внешних угроз. Мы также считаем, что, помимо примитивных защит Эго и защит Самости, ребенок может использовать в защитных целях и паттерн отношений: избегающий, ищущий и антагонистический. Сочетание всех этих разнообразных защит в итоге и помогает нарождающемуся Эго сохранить с трудом завоеванную дифференциацию и уберечь Самость. Комбинация из нескольких видов специфических защит, используемая чаще всего, и определяет формирование базовой структуры характера.

Если ребенок развивается в благоприятных условиях, то его защиты не становятся ригидными и жесткими, у него формируется способность гибко перерабатывать опыт реальности; он постепенно усваивает, что человеческая жизнь многомерна и изменчива. Но чем более угрожающей является внутриспсихическая или межличностная реальность, тем чаще он прибегает к негибкому, ригидному использованию ранних защит. Именно об этом говорит Маквильямс. По ее мнению, защиты вначале существуют лишь как формы здоровой творческой адаптации, которые при их многократном и негибком применении в ситуации непреодолимой угрозы превращаются в то, что мы, собственно, называем термином «защита» (McWilliams, 1994, p. 97).

Специалисты в области нейробиологии особо подчеркивают тот факт, что построение защитных структур на раннем этапе развития препятствует формированию сложных нейронных сетей. Шор разъясняет это следующим образом: если ребенок не имеет возможности взаимодействовать с эмоционально чутким и отзывчивым опекуном, образуя с ним открытую динамическую систему, то его кортико-лимбические

структуры оказываются неподготовленными к принятию хаотической динамики, свойственной человеческим отношениям. «Такая система имеет тенденцию становиться статичной, закрытой и окружает себя защитными структурами с целью оградиться от возможных внешних нападений, которые могут вызвать дезинтеграцию и тяжело переживаемые психобиологические состояния. Окруженный защитами ребенок в дальнейшем сторонится всего незнакомого и не открывает-ся навстречу новому обучающему опыту, который необходим для «полноценного развития правого полушария мозга». А такое структурное ограничение в будущем также отрицательно сказывается на способности к самоорганизации (Schoore, 1997, p. 624).

Несмотря на то, что защиты стремятся усилить и укоренить естественную для ребенка склонность видеть мир в абсолютных образах, они одновременно помогают закрепить дифференциацию Эго от бессознательного, тем самым оберегая его от тотальной дезорганизации и утраты пока еще слабой связи с реальностью. Именно укрепление дифференциации и является основной задачей на примитивной стадии психологического развития.

Общее описание нарциссической стадии

Нарциссизм как стадия развития связан с переживанием чувств грандиозности и всемогущества, эксгибиционизмом и дальнейшим формированием отношений между Эго и Самостью. Он охватывает период от 1,5 до 2,5 лет и ставит перед ребенком ряд задач, решение которых определяет будущий тип его характера.

На этой стадии дифференциация Эго продолжается. И при условии, что окружение ребенка и его согласованность с родителем достаточно хорошие, происходит увеличение внутриспсихического пространства, в результате чего зарождается способность к рефлексии. Расширение пространства внутриспсихического мира совпадает с новым ощущением пространства между ребенком и его опекунами во внешнем мире. В межличностном пространстве ребенок получает воз-

возможность находить и получать родительское отзеркаливание, а также переживать идеализацию значимого другого, что содействует развитию у него здорового нарциссизма, который проявляется в ощущении компетентности, связности и устойчивости, а также в наличии творческого взаимодействия между Эго и Самостью.

Но если согласованность в паре родитель–ребенок на данной стадии недостаточно хорошая, то есть ребенок не получает адекватного отзеркаливания или отсутствует человек, которого можно идеализировать, тогда нарциссическая динамика начинает использоваться в защитных целях, а именно для сохранения достигнутой психической целостности. В результате ось Эго–Самость превращается в ригидную конструкцию, лишенную возможности развития – процесс дифференциации Эго от Самости прекращается, затрудняя формирование внутреннего пространства, столь необходимого для развития рефлексивного сознания. При этом Эго попадает в опасную ситуацию инфляции, раздуваясь от архетипического всемогущества и грандиозности (Schwartz-Salant, 1982, p. 19). Нарциссические защиты отгораживают Эго ребенка от невыносимого стыда и потенциально травмирующего опыта, помогая ему избежать пугающей регрессии на предыдущий уровень развития – примитивную стадию.

Общее описание преневротической стадии развития

Нарциссическую сменяет преневротическая стадия развития с ее собственными задачами и вызовами, которая охватывает период от 2,5 до 4 лет. На этом этапе ребенку больше не надо направлять свою психическую энергию на дифференциацию Эго и формирование оси Эго–Самость. Наступает время войти в более просторный и сложный мир и построить с ним отношения. Ребенок пребывает в некоем промежуточном пространстве: он выходит из диадных и стремится к сложным триадным отношениям. Он уже не на руках у матери, но еще не вовлечен в эдипальную борьбу. Продвигаясь вглубь триадных отношений, он сталкивается с влечением, соперничеством и чувством вины.

Термин «преневротический» был введен К. Хорнер в 1991 году для обозначения уровня отношений с объектом, которые являются более зрелыми по сравнению с пограничной организацией, но менее зрелыми по сравнению с невротической. Маквильямс дает подробное описание зрелых защит, применяемых на данном этапе развития. К ним относятся подавление, рационализация, аннулирование, обращение против себя, компартаментализация и вытеснение (McWilliams, 1994, p. 117). Как и примитивные защиты самой ранней стадии, зрелые защиты преневротического этапа изначально являются обычными инструментами психологической адаптации, но, используемые часто и негибко, они становятся препятствием на пути развития. Они сковывают Эго и не дают ему развивать активный диалог с Самостью. По сути, эти защиты создают разрыв в оси Эго–Самость, изолируя сознание от бессознательного. За приобретенную таким образом независимость от бессознательного Эго вынуждено расплачиваться подспудным ужасом перед регрессией, сулящей дезинтеграцию к примитивной стадии.

Базовые паттерны отношений

Избегающий, ищущий и антагонистический

Три стадии развития, которые мы описали выше, вступают во взаимодействие с тремя отличимыми друг от друга паттернами отношений. Для одного из них мы выбрали название *избегающий*, для второго – *ищущий*. В своем выборе мы опирались на работы Френсис Тастин, которая, изучая поведение детей, имеющих нарушения в развитии, выделила два типа динамики – инкапсуляцию и цепляние/запутывание (Tustin, 1990)⁷. Согласно наблюдениям Тастин, в ответ на фрустрирующую и травматическую ситуацию одни дети движутся от опекуна, другие – навстречу ему. В нашей Матрице движение от других с образованием некой защитной капсулы составляет основу избегающего паттерна отношений. Движение навстречу опекуну с образованием спутанности и слияния формирует ядро ищущего паттерна. В слу-

чае серьезной фрустрации и достаточно тяжелой травмы эти паттерны действуют и как межличностные защиты, работая вкупе с внутриспсихическими защитами, типичными для той или иной стадии развития.

Третий паттерн отношений – *антагонистический*. Он отражает сущность людей, которые, как говорила Хорни (Horney, 1939), «противодействуют другим». Каждый ребенок в возрасте 9 месяцев сталкивается с необходимостью преодолеть «страх Чужого». Если у ребенка нет надежной привязанности и эмоциональной связи с опекуном, то он может подпасть под власть «чужого селф-объекта», который воспринимается как хищник-преследователь (Grotstein, 1982, p. 63). С юнгианской точки зрения, такой «чужой селф-объект» – это нечеловеческий, архетипический «иной», который часто отождествляется с темной стороной трикстера и способен легко подчинить себе незрелую психику. Такое явление, когда «Эго захвачено архетипической фигурой», Юнг называл одержимостью (цит. по: Hart, 2001, p. 92).

Современные исследования в области нейробиологии объясняют, каким образом неудача в установлении привязанности приводит к ситуации одержимости архетипической фигурой Чужого. Благодаря последовательному поступательному выстраиванию привязанности между матерью и ребенком нейроны связываются друг с другом в нейронные сети, что в итоге запускает или активизирует связи между мозговым стволом и лимбическими структурами. Однако если здоровому ребенку достается угрожающая материнская фигура, то у него не складываются столь необходимые привязанности, содействующие эмоциональному развитию и формированию зрелой нервной системы. Ребенок не испытывает важных для него ощущений, которые позволили бы нейронным сетям полноценно сформироваться и соединить мозговые и лимбические структуры, отвечающие за эмоциональные переживания. Поскольку сети «недогружаются», происходит их усечение. А неиспользуемые, они атрофируются. Таким образом наносится серьезный урон дальнейшему эмоциональному развитию (Schore, 2003a, b).

По причине отсутствия необходимых нейронных связей, что обусловлено неудачей в установлении межличност-

ных привязанностей, ребенок идентифицирует себя с темной, хищнической стороной трикстера и усваивает антагонистический паттерн отношений. У него, захваченного этой фигурой, всё и все вызывают враждебность или антагонизм: опекуны, окружающие и даже собственный внутренний мир. Манипулирование, доминирование и агрессивный контроль используются в качестве защитных маневров. Как и в других паттернах отношений, ригидность межличностных защит антагонистического паттерна находится в прямой зависимости от тяжести нарушений в детском развитии.

Архетипические ландшафты паттернов

По мере формирования защит вырисовывается не только специфическая динамика межличностных отношений, но и характерные архетипические ландшафты. Человек с избегающим паттерном очарован образами архетипического мира – его бескрайностью и вечностью. Он отстраненно бродит в его холодной и гулкой пустоте «в сопровождении» собственного интеллекта и воображения. Человек ищущего паттерна заморожен экстазом и глубиной отношений. Под властью архетипического аффекта он погружается в хаос разрывающихся и вновь образующихся связей. А человек с антагонистическим паттерном, захваченный архетипическим хищником, живет в реальности доминирования и подчинения, добываясь своих целей с помощью угроз и физической силы. Паттерны, в которых стойко проявляются вышеописанные архетипические темы, сплетаются с динамикой развития, порождая несколько структур характера, отличных друг от друга.

Структуры характера

Структура характера является «сборным продуктом» (soft-assembly) (Harris, 2005, p. 18), поскольку появляется в результате наложения паттерна отношений на стадию развития. Таким образом, каждая структура характера представляет собой уникальное сочетание внутриспсихических защит, свойственных той или иной стадии развития, и межличностных защит,

основанных на том или ином паттерне. Если эта комбинация защит используется ригидно, то и сама структура характера превращается в защитный паттерн.

Каждый из трех паттернов отношений – избегающий, ищущий или антагонистический – проявляется по-своему на разных стадиях развития. Сущностные характеристики каждого паттерна отношений наиболее ярко проступают на примитивной стадии, где архетипические образы, аффекты и действия предстают в своем самом «грубом и сыром» виде. Если характер человека закладывается на примитивной стадии, то при ее взаимодействии с избегающим паттерном формируется шизоидная структура характера, с ищущим – пограничная, а с антагонистическим – психопатическая.

При сочетании нарциссических защит, используемых ребенком в ходе развития, с уже закрепившимся паттерном и лежащим в его основе архетипическим ландшафтом возникают три отличных друг от друга формы нарциссима. Если характер человека закладывается на нарциссической стадии, то при избегающем паттерне у него развивается контрзависимая нарциссическая структура характера, при ищущем – зависимая нарциссическая, а при антагонистическом – альфа-нарциссическая⁸. Все три нарциссические структуры используют нарциссическую динамику в защитных целях, оберегая связь Эго и Самости, но делают это по-разному. Так, контрзависимый нарцисс, защищаясь, уходит в архетипически заряженный мир интеллекта и воображения, зависимый нарцисс впадает в глубокий и сильный аффект, а движимый архетипической энергией альфа-нарцисс совершает манипулятивные, хищнические действия. Мы считаем, что такая классификация дает ответы на многие вопросы, неизменно возникающие при диагностике и терапии нарциссизма.

И наконец, преневротическая стадия развития со свойственными ей эго-защитами. На этой стадии у ребенка с избегающим паттерном формируется обсессивно-компульсивная структура характера, у ребенка с ищущим паттерном – истерическая, а с антагонистическим – пассивно-агрессивная.

Мы прекрасно понимаем, что личность человека нельзя втиснуть в какую-то одну категорию, как и то, что одна кате-

гория не дает исчерпывающего описания человека. Нам бы хотелось, чтобы и вы, наши читатели, воспринимали предложенные концепции символически, как творческую игру ума. Помните о них, когда общаетесь с другими или размышляете о самих себе. Мы делимся своими соображениями, чтобы прояснить некоторые аспекты, а не дать их точное определение. Наши идеи могут помочь полно и ясно осознать базовую структуру характера, которая благодаря своей архетипической природе не только соединяет человека с его собственной творческой энергией, но и с источником вселенского смысла. Кроме того, пониманию человека становятся доступны все остальные структуры и паттерны, несмотря на то, что основу его личности всегда составляла и будет составлять одна конкретная структура характера. В действительности чем более индивидуализирован человек, тем активнее другие паттерны проявляются в его жизни, дополняя его базовую структуру характера. И мы ни в коем случае не считаем, что предложенные нами девять структур характера могут дать исчерпывающее описание личности во всей ее уникальности⁹.

Регрессия, тень и интерсубъективное поле

Регрессия

Мы уже несколько раз упоминали о регрессии, когда обсуждали паттерны отношений. Юнг неоднократно подчеркивал важность регрессии, которая возвращает человека в «пренатальное» состояние, в темноту бессознательного, где «дремлет божественное дитя, терпеливо ожидая своего воплощения в сознании. Этот ребенок есть зародыш целостности». (Jung, 1956a, par. 508–510). Регрессия как важный созидательный процесс происходит на всех стадиях развития, выделенных нами. Мы заметили, что и ребенок, пытающийся отстоять завоеванную на примитивной стадии дифференциацию, и взрослый, структура характера которого закладывалась в этот период, испытывают угрозу быть снова поглощенными бессознательным. Подобным же образом ребенок, сталкивающийся с вызовами нарциссической стадии, и взрослый, чья

структура характера начала формироваться на этом этапе развития, подвергаются опасности регрессировать сначала в примитивную стадию, а затем в бессознательное с его пугающим отсутствием дифференциации. Точно так же поступательно может регрессировать в архетипическое недифференцированное пространство и человек, чей характер оформлялся на преневротической стадии.

Так, работая с человеком, имеющим зависимую нарциссическую структуру, можно наблюдать, как в ходе аналитической сессии или в ситуации дезинтегративного стресса он регрессирует в пограничное состояние. Он может обратиться к использованию примитивных защит, таких как расщепление и проективная идентификация, и вести себя нетипично, оказавшись во власти «грубых» архетипических аффектов, хаотичных и разрывающих на части. Точно так же в работе с истерическим пациентом нужно быть готовым к тому, что при исследовании своих ранних детских воспоминаний и аффектов он в конечном счете регрессирует в пограничное пространство. Чтобы помочь психике перестроиться, пациент должен не только проработать базовую структуру своего характера, но и вернуться в более ранние состояния, предшествующие ее формированию.

Созидательная регрессия, хорошо проработанная в рамках переноса, может способствовать реструктуризации защит и трансформации отношений Эго и Самости. Однако регрессия вызывает сопротивление, что в общем не удивительно, поскольку ранние состояния скрывают более дезинтегрирующую и, следовательно, менее функциональную динамику по сравнению с состояниями поздних стадий развития. Регрессия действительно может восприниматься и переживаться как коллапс, предательское отступление и ужасное поражение. Безусловно, справиться с более примитивными состояниями предшествующих этапов намного труднее, но именно они образуют фундамент нашего развития. Поэтому как бы тяжело ни было, аналитическое исследование ранних паттернов необходимо для того, чтобы интегрировать их динамические резервы, которые ригидно отвергаются защитами, сформировавшимися на более поздних стадиях. Когда эта примитивная динамика выводится на уровень созна-

ния, человек получает прямой доступ к источнику витальной силы и аутентичности, расположенному в самой сердцевине психики. По мере того как он освобождается от жестких оков защит, его столкновения с Самостью во время спуска в подземный мир становятся все более напряженными, сокрушающими и дезорганизующими. По словам Юнга, «переживание Самости всегда наносит поражение Эго» (Jung, 1955, par. 778). Но если человек оказывается в состоянии принять это неизбежное поражение, сохранив целостность сознания, то благодаря возобновленному диалогу между Эго и Самостью он сможет прожить свою жизнь творчески и смиренно, будучи глубоко укорененным в ощущении своей внутренней силы.

Тень

Как уже отмечалось, в рамках любого паттерна отношений во время его проработки может произойти регрессия к предшествующим стадиям развития. А возможен ли некий переход из одного паттерна в другой? Сможет ли, например, человек с ищущим паттерном воспринять динамику избегающего и антагонистического паттернов? Мы считаем, что структуры характера, образующие разные паттерны, выполняют роль теневых элементов по отношению друг к другу. Задачи разных стадий развития человек разрешает с помощью средств одного конкретного паттерна, поэтому свойства двух других остаются для него явно *чуждыми* или *инородными*. Так, развитие человека с зависимой нарциссической структурой характера проходило в пределах ищущего паттерна, следовательно, люди, чьи структуры характера формировались в избегающем или антагонистическом паттерне, будут для него совершенно *иными*. Эта инаковость может вызывать восхищение, зависть, ненависть, безразличие, отвержение – именно так мы реагируем на теневые элементы. Однако некоторые из этих инаковых или теневых элементов человеку необходимо признать, чтобы достичь состояния целостности.

Юнгианцы давно придерживаются того мнения, что столкновение с тенью содействует исцелению и индивидуации. Узнавание различных структур характера может обога-

тить нашу способность видеть и взаимодействовать с «иным». Например, если в ходе анализа зависимый нарцисс регрессирует в пограничное состояние, это значит, что его теньевые элементы могут оказаться в избегающем или антагонистическом паттерне, то есть в работе, вероятно, придется столкнуться с маневрами избегания и контроля. В конечном итоге эти переживания могут вести его к осознанному использованию этих механизмов и, следовательно, способствовать индивидуации.

Так сложилось, что юнгианцы хорошо обучены распознавать теньевую сторону личности и работать с ней. Однако следует признать, что для подробного описания особенностей развития недостаточно только архетипического языка. Сегодня в поле психоанализа и юнгианской психологии больше внимания уделяется ранним детским переживаниям как в теоретическом, так и в практическом ракурсе. Благодаря такой направленности у нас появляется возможность усовершенствовать терминологию, применяемую для описания раннего, архетипически окрашенного опыта. Сейчас мы уже более четко понимаем, чувствуем и характеризуем паттерны, возникающие в период имплицитной памяти, то есть до формирования речи и эксплицитной памяти. Соединение новых представлений о развитии и архетипических амплификациях позволяет передать различия между вызывающим напряжение эмоциональным хаосом пограничной реальности, вечно замороженной бесконечной ужасающей пустотой шизоидного мира и непрекращающейся неусыпной борьбой за господство антагонистического паттерна. Благодаря все более четкому и ясному пониманию этих различий мы можем по-настоящему разобраться в том, какой паттерн является теньевым по отношению к другому.

«Погружение в подземный мир», или, другими словами, созидательная регрессия и соприкосновение с «иным», дает человеку возможность воссоединиться с ощущением глубины и целостности и вступить в аутентичные отношения с Самостью. Регрессия, осознание теньевых аспектов личности и конфронтация с ними приобретают важную роль в терапии ригидных структур характера. Последние исследования в области нейронаук привели к важному открытию: репаративная

терапия влияет на пластичность мозга. По мнению Уилкинсона, «можно предположить, что в ходе аналитического процесса... в коре головного мозга образуются новые нейронные связи... их формированию способствует перенос, в рамках которого прошлое соединяется с настоящим и ранний эмоциональный опыт может быть вновь пережит и проработан» (Wilkinson 2005, p. 490). Можно сказать, что в пространстве осознанных, хорошо согласованных связей ригидное, ограничивающее действие защитных структур ослабевает, а жизнь постепенно наполняется динамизмом, энергией и близкими отношениями⁹.

Регрессия и тень в intersубъективном поле

Глубокое понимание регрессии и теневой динамики помогает терапевту не только тоньше чувствовать переживания пациента, но и полнее понимать процессы, протекающие в intersубъективном поле, что немаловажно. Кроме того, аналитику необходимо досконально изучить собственную структуру характера, в том числе свойственный ему тип регрессии и теневой динамики. Тогда он сможет понять, каким образом его переживания взаимодействуют с переживаниями пациента. Терапевт с зависимой нарциссической структурой характера и, например, терапевт с контрзависимой нарциссической структурой характера будут совершенно по-разному воспринимать пациента с пограничной структурой. Мы считаем, что очень важно правильно распознать и хорошо изучить эти различия, поскольку сложные взаимодействия наших многогранных структур характера являются невероятно ценным источником информации и трансформирующей энергии.

Дополнительные комментарии

Видение Гора

В начале этой главы мы рассказали о том, что дыхание Изиды вернуло к жизни расчлененное тело Осириса и благодаря их воссоединению на свет появился божественный ребенок

Гор – провозвестник нового мира. Царство Изиды и Осириса, где царил гармония, процветало сельское хозяйство, почитались музыка и духовность, оказалось отщепленным от собственных теневых элементов. Поэтому злодей Сет, брат Осириса, являвшийся носителем этих отрицаемых аспектов, и сверг его с престола. Новый царь Гор, имя которого означает «высоко над всеми», изображается в облике ястреба или сокола, а вместо глаз у него солнце и луна. Он воплощает видение перспективы, способность воспринимать жизнь всесторонне. Он устанавливает в мире новый баланс сил.

Миф об Изиде и Осирисе пробудил в нас намерение, прибегнув к архетипическим амплификациям, оживить накопленные знания о структурах характера и попытаться привести к единству раздробленную терминологию, используемую для обозначения психопатологий. В мифе после воскрешения Изидой расчлененного тела Осириса рождается Гор. Видение Гора сравнимо с осознанным восприятием. У нас эта история ассоциируется с образом живого «клинического» языка, который может пробудить к жизни сознание, освобождающее дух.

Более глубокое понимание структур характера помогает принимать их ограничения и потенциал. Вступив в контакт с Самостью как духовной силой, сознание может освободить структуру характера, которая прежде была не чем иным, как набором ригидных защит. Описание психологических расстройств общепонятным языком с привлечением ярких архетипических образов содействует обретению более широкого видения. Благодаря такому живому языку каждый из нас сможет отнестись к собственной структуре характера и структуре характера другого человека с должным уважением, признав необходимость ее развития, а также по достоинству оценить скрытые в ней источники трансформации. Может показаться удивительным, но, с точки зрения предлагаемой нами модели, структура характера рассматривается скорее не как препятствие на пути духовного роста, а как центральный элемент эманации божественного. Соответственно, духовная практика и интроспекция собственных психологических состояний становятся неотделимы друг от друга. Признание того обстоятельства, что наши собственные раны, а следовательно, наши

характерологические защиты являются источником нашего исцеления, превращает саму процедуру диагностики из акта имплицитного обвинения в процесс пытливого исследования и трансформации. Только в этом случае человек действительно сможет посмотреть на структуру своего характера как на своеобразный родник, бьющий из-под земли, источник питания, наделяющий способностью сопереживать другим и строить отношения.

Выкрикивание имен

Каждый раз, оказываясь на пороге нового отрезка времени,
Чтобы открыть следующие врата в подземное царство,
Нужно выкрикнуть имя.

(Anonymus)

Фрески и тексты, найденные в древнеегипетских гробницах, описывают передвижение по подземному миру как долгое и опасное путешествие. Чтобы обрести вечную жизнь, умерший должен следовать заданному пути. Часто он плывет на большом корабле или лодке в сопровождении нескольких богов и богинь. Корабль движется по загробному царству, разделенному на несколько территорий, которые иногда предстают в виде отрезков времени, а иногда – как отдельные пространства. Вход на каждую территорию напоминает порой змеиную глотку, а порой обычную дверь. Этот вход во временной интервал или пространство охраняется свирепым существом и находится под присмотром нескольких божеств. Каждый раз, когда корабль подходит к очередному порогу, усопший должен выкрикнуть имя хранителя ворот, тогда вход открывается и он вступает на новую территорию, хранящую свои опасности. Успешно и благополучно пройдя весь путь, он попадает в Чистилище, и если там признают, что он в достаточной степени чист душой, он будет жить вечно в царстве Осириса.

«Выкрикивание» имен перед вратами и есть тот яркий образ, который передает суть этой книги. Переходя к новой главе, мы как бы перемещаемся в следующий временной от-

резок или пространство загробного мира. Выкрикивая имена, мы обозначаем каждую конкретную территорию, тем самым признавая ее и выказывая ей свое уважение. Совершая это действие, каждый из нас стремится войти в более глубокий и непосредственный контакт с Самостью. А чтобы правильно подобрать имя «хранителя», его нужно «знать в лицо», то есть необходимо понять, проработать, прочувствовать и в полной мере усвоить сущность именуемого. В нашей книге «Матрица и потенциал характера», подбирая имена, мы выкрикиваем названия динамических процессов, защит и архетипических ландшафтов, свойственных каждой структуре характера. Называние имен делает Эго все более сильным и гибким, а следовательно, все более способным к диалогу с Самостью. Окруженное защитами Эго слабо и ригидно и потому вновь и вновь попадает под власть неопосредованных архетипических энергий, воспринимая проявления Самости в искаженном и ограниченном виде. Напротив, бытие в диалоге с Самостью, что можно образно уподобить «обретению вечной жизни в царстве Осириса», психологически позволяет человеку испытывать блаженство гармонии со всем сущим и ощущать вечность в каждом моменте.

Итак, мы будем называть, выкрикивать имена, тем самым побуждая вас исследовать, обдумывать, размышлять, идти на контакт с божественными и демоническими силами, ждущими на «каждом отрезке времени», в каждой главе.

ЧАСТЬ I
ИЗБЕГАЮЩИЙ ПАТТЕРН

Глава 1

ШИЗОИДНАЯ СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА

ЗАМЕРЗАЮЩИЙ ВО ЛЬДАХ

Девочка со спичками

Было невероятно холодно, шел снег, сгушались сумерки. Канун Нового года. В холоде и темноте брела маленькая нищая девочка с непокрытой головой и босая... Девочка шла босиком по улице. Ее ножки распухли и покраснели от стужи. В руке она держала маленькую коробочку спичек, а в кармане ее передника лежало еще несколько коробочек. За весь день она не продала ни одной спички, и никто не подал ей ни гроша. Замерзшая и голодная брела она по городу; совсем измучилась, бедняжка!

(Andersen, 1976, p. 306–368)

Перед нами портрет человека потерянного, скитающегося, замороженного и неспособного установить контакт. Девочка заглядывает в окна деревенских домов, где в тепле отмечают семейные праздники. Страх не дает ей вернуться в свой холодный дом, к жестокому отцу – никого нельзя попросить о помощи. Смирненно сидит она в одиночестве на снегу. Лишенная человеческого тепла, она обращается к собственным скудным ресурсам – жжет оставшиеся спички, что в итоге и приводит ее в смертельные объятия собственных фантазий.

Важно отметить, что у девочки жестокий отец и нет матери. С клинической точки зрения, можно предположить, что именно пренебрежение самими базовыми физическими

и эмоциональными потребностями ребенка могло заморозить его изнутри. Изоляция, переживаемая в значимых детских отношениях, интернализуется во внутриспсихическую изоляцию. Шизоидный пациент испытывает ужасающую пустоту, невыразимый страх, его внутренний ландшафт не заселен человеческими фигурами. Он часто предается бесконечным мечтаниям и фантазиям, которые могут быть яркими, символическими и завораживающими. Если он обладает хорошо развитым интеллектом, то может частично утешиться, построив внутренний ледяной дворец, где будет жить один, в безопасности, но замороженный. Но даже несмотря на это, опасные глубины, непредсказуемость и смертельный ужас не оставляют его. Как и девочка со спичками, шизоидная личность обычно не контактирует со своим телом и аффектами, а также не способна организовать свои действия в этом мире. У нее нет связи с собственным телом как с вместилищем, то есть нет телесно переживаемого опыта. Она живет в теле, которое как бы спит или еще не пробудилось к жизни. При этом оно может быть нормально сформированным, но зажатым и не откликаться на прикосновения или реагировать на них отвращением. Шизоидная личность склонна проявлять настороженность, переходящую в гипербдительность, и легко затопляться чувствами.

С архетипической точки зрения, люди, которым в отношениях свойствен избегающий паттерн, отличаются незаурядным интеллектом и воображением. Захваченный благоговением перед ментально-символическим аспектом бессознательного, человек с шизоидной структурой характера пребывает во власти увлекательных событий внутреннего мира, куда сбегает от напряженного, аффективно заряженного опыта человеческих отношений. Он почти не способен вступать в близкие взаимодействия, хотя иногда обладает особой чувствительностью к ним. Он не может отстаивать свои интересы – для этого у него не хватает душевных сил. В то же время на определенной психологической дистанции люди с шизоидной структурой характера могут восприниматься искренними и незащищенными. Пытаясь сохранить безопасное личное пространство, они часто производят впечатление

отчужденных и отстраненных. Поступая вопреки ожиданиям окружающих и ведя себя эксцентрично, они тем самым культивируют свою чрезмерную уникальность, которая еще больше отделяет их от мира. В то же время внутренне они бывают неумолимо самокритичны и невыносимо одиноки.

Совсем не редкость, когда пациенты с шизоидным профилем обращаются к аналитикам-юнгианцам. Та легкость, с которой они оперируют богатым на образы материалом своих фантазий и снов, создает благодатную почву для установления тесных аналитических отношений. Наша практика показывает, что переживаемый опыт и защитные структуры шизоидной личности с клинической точки зрения недостаточно признаны специалистами и даже идеализируются. Причина подобного отношения кроется в том, что у самих терапевтов шизоидные состояния в целом остаются непроанализированными и непроработанными.

Одна такая пациентка – молодая работающая женщина – жила только в своих снах. Неважно, что у нее был муж, трое детей и много знакомых. Прежде всего ее увлекала собственная внутренняя жизнь. На каждую сессию она приносила кипы листов, содержащих скрупулезные описания сложных архетипических сновидений. Заполняя наше пространство, яркие образы из этих сновидений редко снисходили до того, чтобы дать нам хотя бы секундочку пообщаться по-человечески. Но в конце концов такие секунды, когда мы по-настоящему контактировали, все же стали накапливаться. Со временем человеческая теплота наших отношений стала понемногу растапливать лед. Примерно в тот же период поток сновидений пошел на убыль, а их содержание сделалось более символически доступным, а не таким отстраненно архетипическим, как раньше. Теперь сновидения рассказывали о ее теле и ее жизни, в которой, опираясь на наш контакт, пациентка смогла увидеть и мрачность своего внутреннего ландшафта, и одновременно его богатство. Ниже мы вернемся к этому случаю (с. 67).

Благодаря погруженности в ментально-образный аспект бессознательного и способности легко контактировать с его содержанием, люди с шизоидной структурой характера обла-

дают выраженной способностью к абстрактному мышлению. Они часто находят свое призвание в философии, религии, психоанализе, поэзии, математике и музыке. И это, несомненно, является их сильной стороной. Однако для диагностики основными критериями служат ограничения и защиты, а не достижения и сильные стороны Эго. Лишь те из них, кто обладает более развитым Эго, могут раскрыть свои способности в полную силу. Ведь из-за ограничений, обусловленных структурой характера, их творческий потенциал может остаться погребенным в бессознательном и так никогда и не раскрыться.

Умение наслаждаться уединением, интерес к занятиям наукой, философией и духовными практиками – вот то, что часто восхищает нас, терапевтов, в наших друзьях, в пациентах, да и в нас самих. Обладая чувствительностью и интеллектуальными ресурсами, люди с шизоидной структурой характера нередко выбирают профессии консультантов и терапевтов, в которых они применяют свою обостренную наблюдательность, помогая другим и при этом находясь от них на безопасном расстоянии. Терапевт с шизоидными чертами умеет создать в терапии атмосферу особой доверительности и близости, а распределение ролей в аналитических отношениях благоприятствует ему и защищает его. Такой терапевт переживает близость, избегая тех самых стрессов, которые делают отношения один на один столь напряженными для людей с избегающим паттерном. Тем не менее непроработанная и непроанализированная шизоидная инкапсуляция сказывается определенным образом на интересубъектном поле, влияя, в частности, на процесс формирования глубокой эмоциональной связи и на вероятность неосознанного травмирования пациента.

Не каждого жизнь одаривает структурой, способствующей развитию воображения. Но как бы мы ни романтизировали шизоидный характер, боль и изоляция, присущие этой структуре, порой прорываются наружу в виде внезапных вспышек насилия, извращенных форм поведения и пагубных страстей. Шизоидный характер может выражать себя в самых разных вариантах адаптации. На шизоидной шкале распола-

гаются и замкнутый человек, который в периоды декомпенсации подлежит госпитализации, и ученый, отличающийся высокой работоспособностью и сделавший карьеру, и художник, прославившийся своей самобытностью в мире искусства. Всех их объединяет склонность к изоляции. Если же человек обладает слабым Эго и минимальными материальными и культурными ресурсами, то картина может оказаться ужасной. Терпящий унижения рабочий, подспудно отыгрывающийся на жене; домохозяйка-затворница, не выносящая неповиновения своих детей и избивающая их до полусмерти; непризнанный уличный актер, погрязший в садомазохизме и наркотиках; тихий неприметный незнакомец, входящий в школу с оружием в руках, – все эти люди могут иметь шизоидную структуру характера.

Теоретическое обоснование

Может показаться, что мир сказки и мир теории разделяет огромное пространство, однако девочка со спичками символически присутствует во всех теоретических рассуждениях о пациентах, имеющих шизоидную структура характера. Ранние психологи-теоретики часто пользовались термином «шизоид» для описания человека, который предрасположен к шизофрении, но не является явным психотиком. Август Хох (August Hoch, 1910), описывая замкнутую личность, использовал определения: скрытный, нелюдимый и пассивно-упрямый. Крепелин (Kraepelin, 1913) ввел термин «аутичная личность», характеризуя человека, который, используя пассивную адаптацию в форме отчужденности, стабилизируется, не достигая психотического состояния. Юджин Блейлер впервые применил термин «шизоидия», описывая наименее тяжелый поведенческий паттерн в континууме шизофрении. Он характеризовал своих пациентов как подозрительных, неспособных к дискуссии и *достаточно подавленных* (Bleuler, 1922, 1929).

Юнг пишет о том, что сознание шизоидной личности затоплено архетипическим содержанием, результаты воздействия которого более разрушительны, чем при неврозе:

Эти комплексы... бессистемны, явно хаотичны и случайны. Более того, для них, как и для некоторых сновидений, характерны примитивные или архаические ассоциации, очень сходные с мифологическими мотивами и комбинациями идей. Эти архаизмы также встречаются у невротиков и нормальных людей, но реже.

(Jung, 1958, par. 563)

Вывод, сделанный Юнгом, важен для нашего обсуждения, поскольку в нем подчеркивается, до какой степени архетипическая реальность господствует в психике, препятствуя проживанию человеческой жизни или ограничивая ее. Мифические мотивы, которые упоминает Юнг, в избегающем паттерне проявляются иначе, чем в ищущем или антагонистическом. С самого начала шизоидный ребенок смотрит на мир сквозь причудливую призму «разум-образ»: и она укладывается в основание его защитной структуры. Внутренний мир шизоидного человека отличается архаичными и богатыми образами; в них он и окунается при возникновении внешней угрозы.

Исследуя архетипические образы снов, фантазий и жизненных событий людей с шизоидной структурой, мы довольно часто слышим такие слова, как «изоляция», «пустота» и «бессмысленность», с помощью которых пациенты описывают свой ландшафт травмы. В аспекте сознания или Эго бессознательное воображается и переживается как *пустота*. Часто эта пустота представляется в качестве обширного, ничем не заполненного пространства, огромной территории, обезлюдившей или вообще не населенной никакими формами жизни. Эта архетипическая территория предстает в виде бесконечных лабиринтов, у которых нет центра и выхода, в виде домов, в которых разносится эхо и кишат демоны, или же холодных тюрем, где человека удерживают в изоляции. Очень важно распознать этот пустынный край в душах наших пациентов и в наших собственных душах, потому что процесс индивидуации запускается, только если человек сознательно проходит через этот ландшафт, что очень непросто. Человек с шизоидной структурой характера испытывает мощное бессознательное воздействие, затягивающее его сознание вглубь

ландшафта травмы, что реактивно порождает всеохватывающий животный страх дезинтеграции. Он боится уйти в небытие, превратиться в перегной, раствориться без остатка. Этот страх заставляет его вновь и вновь задаваться вопросом: а заметят ли вообще его исчезновение? Поскольку связи с другими непрочны, то чаще всего он внутренне убежден, что именно так все и случится. Подобные страхи одной пациентки полностью подтвердились. Отдалившаяся от окружающих ее людей, никогда не обращающаяся за помощью, однажды в момент тяжелой психической дезинтеграции, разбитая параличом, она действительно оказалась изолированной и забытой в собственной квартире. Она пробыла в полном одиночестве три дня, и если бы не пронзительное мяуканье оголодавших кошек, соседи так бы и не спохватились.

Шизоидные истоки на примитивной стадии развития

Представляя нашу Матрицу (с. 18), мы уже отмечали, что шизоидный характер располагается на пересечении избегающего паттерна и примитивной стадии. Эта стадия отражает проблемы, которые возникают и разрешаются в течение первых 18 месяцев жизни. На примитивной стадии Эго, в сущности, еще не дифференцировано от бессознательного и легко захватывается им. Шизоидная личность постоянно борется за выживание, сопротивляясь угрозе затягивания в бессознательное и страху дезинтеграции. Каждая из трех структур характера, укорененных в примитивной стадии, использует примитивные защиты – главным образом расщепление, проективную идентификацию и уход в фантазии. Эти защиты применяются отчаянно и негибко – лишь бы не допустить сокрушительной дезинтеграции и не потерять связь с реальностью. Примитивная защита, используемая чаще всего, становится краеугольным камнем формирующейся структуры характера.

Если рана, полученная на нарциссической и преневротиической стадии, проявляется в переживании глубокого стыда и вины, то структуры характера, формирующиеся во всех трех паттернах примитивной стадии, связаны с борьбой за элементарное выживание. Так же, как людей, захваченных погра-

ничной и психотической динамикой, девочку со спичками не беспокоит чувство стыда или вины; она ощущает, что ее существование постоянно находится под угрозой. Она ушла глубоко в себя, парализована и не способна позвать на помощь. Отсутствие связи с окружающими и уход в мир фантазий толкают ее прямо в холодные объятия смерти.

В шизоидных переживаниях, как их описал Юнг в приведенной выше цитате, архетипы предстают в грубой и неопосредованной форме. Архетипический прилив просто затопляет нарождающееся Эго и препятствует накоплению ощущений и образов, формирующих в опыте слои личных комплексов. Внутрипсихические структуры, которые должны были бы служить основанием и содействовать развитию жизни индивида, оказываются несформированными, а Эго остается во власти архетипов. В случае с шизоидной структурой характера, когда этот мощный, неопосредованный архетипический поток затопляет нарождающееся Эго, ребенок уходит в защитную инкапсуляцию мира фантазий, пытаясь уберечь «живое сердце своего Я» (Guntrip, 1969) или «личностный дух» (Kalsched, 1996). Лишенная «своего личностного духа», одинокая девочка со спичками, замерзающая в снегу архетипической реальности, не в состоянии почувствовать, что ее тело коченеет и не может вдохновиться на то, чтобы позаботиться о себе или позвать на помощь.

Все три структуры, формирующиеся на примитивной стадии, обладают низкодифференцированным, слаборазвитым Эго, которое не может выступать полноценным партнером в диалоге с Самостью. Вкупе с защитами оно блокирует целенаправленное течение психической энергии вдоль оси Эго–Самость, которая поэтому не может полноценно функционировать. Эго лишено возможности принимать, а Самость – возможности побуждать, придавать смысл и поддерживать последовательное развитие личности, оставляя внутрипсихические структуры несформированными. Пребывая в защитной инкапсуляции, шизоидная личность оказывается отрезанной от процесса индивидуации и лишена возможности соприкоснуться с сокровенными смыслами души, таящимися в самом центре ее существа.

Гарри Гантрип и регрессировавшее сердце Я

Гарри Гантрип, представитель британской школы объектных отношений, проникновенно и метафорично пишет о шизоидных явлениях. Гантрип проходил анализ у Д. В. Винникотта и был протестантским теологом. Он очень точно описывает шизоидную динамику: «Мы увидели, как слишком ранние и слишком сильные страх и тревога, возникающие у ребенка при столкновении со средой, с которой он не может справиться и от которой не чувствует поддержки, провоцируют уход из внешней реальности и искажают процесс развития Эго по причине мощного стремления к отстранению и пассивности» (Guntrip, 1969, p. 87). Гантрип полагает, что ребенок, испытывающий страх перед «токсическим затоплением», уходит из внешнего мира, пытаясь внутри воссоздать ту безопасную среду, которая окружала его в утробе. Этот уход таит в себе серьезные опасности; для живого организма регрессия в пренатальную стадию равносильна переживанию смерти. И, несмотря на то, что ребенок прячется, чтобы обрести безопасность, его уход из реальности нередко сопровождается страхом дезинтеграции. Определяемые масштабом нависшей угрозы и степенью инкапсуляции, уход и потеря своего Я чаще всего вызывают большое беспокойство и переживаются пациентом как умирание. Но, по мнению Гантрипа, такая регрессия, хоть и подобна смерти, в конечном итоге несет в себе и надежду на возрождение.

Уход из внешнего мира с последующей шизоидной инкапсуляцией нужен для того, чтобы отрицать существующую реальность и не допустить появления серьезных привязанностей. Ребенок отворачивается от самого себя, подавляет естественное проявление чувств и использует примитивные защиты для взаимодействия с миром, который воспринимает как враждебный. Эта психическая катастрофа есть не что иное, как разрушение через имплозию*. Пытаясь справиться со страхом дезинтеграции, ребенок приносит в жертву спонтанные проявления своего Я, только тогда его организм

* Имплозия – взрыв, направленный внутрь.

может выжить. Джонсон выразился более драматично: «Чтобы сохранить свою жизнь, организм, по сути, перестает жить» (Guntrip, 1985, p. 56–57). Согласно данным современных нейробиологических исследований, подобные имплозии, спровоцированные травмой, запускают каскады глубинных характерологических и нейробиологических изменений¹.

Гантрип пересказывает страшный сон одной своей пациентки, который в символической форме передает, как бессознательное представляет последствия этих явлений. Во сне женщина открыла стальной ящик и обнаружила внутри крошечного голого ребенка, который смотрел на нее своими большими, пустыми, ничего не выражающими глазами. У шизоидного пациента не развита способность проявлять эмоциональное тепло и живость, она заперта в бессознательном, не пробужденная и изолированная. Как будто его живое сердце перестает биться. Не имея доступа к этому главному источнику чувств, невозможно установить нежные отношения ни с одним человеком, в том числе с самим собой. Пациенты говорят, что чувствуют себя нереальными, неживыми, иногда будто бы пребывают в зомбированном состоянии. Ниже на примере клинического случая Кларка (с. 51) мы рассмотрим динамику процессов де-realизации и деперсонализации шизоидной личности.

Девочка со спичками никогда не будет в состоянии позвать на помощь, территория ее существования ограничена холодной тюрьмой, она ее узница. В жизни взрослого человека с шизоидной структурой характера это состояние проявляется в виде эмоциональной опустошенности и безжизненности физического тела. Состояние умерщвления – это оборонительная мера для защиты от повторного переживания страха дезинтеграции; кроме того, оно помогает не чувствовать собственную уязвимость. С этой же целью пресекаются любые межличностные отношения и привязанности: «Этот неустранимый дефект, причиненный незрелому Эго и являющийся средоточием страха в структуре шизоидной личности, создает основную угрозу регрессивного срыва на более поздних этапах жизни» (Guntrip, 1969, p. 77).

Гантрип в общих чертах описывает процесс терапии шизоидных пациентов, и мы поддерживаем его подход: сначала

ла создается надежный аналитический контейнер, внутри которого инкапсуляция может раскрыться, а затем в сформировавшемся рабочем альянсе прорабатывается терапевтический восстанавливающий симбиоз. На этом этапе «истинное Я... спрятанное в безопасном хранилище», обретает шанс возродиться. Если воспользоваться метафорой Гантрипа, можно сказать, что в результате успешного аналитического процесса человек получает доступ к инкапсулированному «сердцу своего Я».

Шизоидная защита в форме инкапсуляции

Главную роль в формировании всех трех структур характера избегающего паттерна играют динамика и защиты, связанные с инкапсуляцией. Отличие состоит лишь в степени защитной инкапсуляции, которая и определяет размер ущерба, наносимого дальнейшему развитию. Инкапсуляция детей-аутистов бывает настолько глубокой, что ни о каком дальнейшем формировании характера не может быть и речи. У невротиков с таким же паттерном встречаются инкапсулированные анклавы, вокруг которых формируются укрепленные защиты².

С внутриспсихической точки зрения, инкапсуляция призвана создавать для Эго иллюзию надежного укрытия. Однако, если она слишком глубока, ощущение своего бытия и его смысл теряются. Иногда это называют «уходом в безобъектное пространство». Все пациенты с избегающим паттерном в напряженные моменты аналитической работы склонны время от времени уходить в инкапсуляцию, что не остается без последствий. Каждый такой уход стирает границу между сознанием и бессознательным, а связь с внешним миром ослабевает.

Проблемы терминологии

Как показывает практика, с обозначением феномена и диагностикой шизоидной структуры характера у клиницистов возникают некоторые трудности и расхождения. Во-первых, повод для этого дает сам термин, происходящий от слов

«schism» (схизма, раскол) и «schizo» (расщепление, разделение). Таким образом, термин «шизоидный» может описывать разные явления. Но чаще всего его используют в значении «раскола» между «я» и внешним миром.

Во-вторых, существует множество диагностических категорий, которые включают определение «шизоидный». Уже начиная с публикации DSM-III (American Psychiatric Association, 1980) в целях дифференциации моделей поведения, ранее входивших в один континуум шизоидности, было введено три отдельных диагноза. Это «шизоидная личность» (асоциальная форма адаптации); «избегающая личность» (адаптация в форме ухода) и «шизотипическая личность» (эксцентрическая форма адаптация). Наш практический опыт показывает, что такое разделение точно передает поведенческие особенности, но мало помогает в распознавании динамики и объяснении шизоидного характера. В DSM-IV психотические уровни шизоидной организации включены в диагнозы шизофрении, шизофреноподобного и шизоаффективного расстройства. Мы оставляем эти классификации в стороне, рассматривая шизоидный характер как проявление непсихотического варианта шизоидного континуума.

В-третьих, существует регулярная путаница в отношении диагнозов «шизоидное расстройство личности» и «шизофрения». С одной стороны, первое действительно часто предшествует второму; а с другой, человек с шизоидным расстройством или шизоидной структурой характера подвержен психозу ничуть не в большей степени, чем имеющий любую другую структуру характера.

В-четвертых, затруднения в диагностике шизоидной структуры характера или шизоидных анклавов связаны с *намерением* носителя этого характера оставаться незаметным или даже «исчезнуть» из поля взаимодействия с окружающими, скрывшись в защитной инкапсуляции.

Следует отметить, что наличие дезориентирующего множества диагностических терминов по данной теме приводит к тому, что клиницисты нередко считают, что шизоидные структуры характера встречаются исключительно у психически недееспособных людей. В результате эти характероло-

гические проблемы остаются недоисследованными и у пациентов, и у терапевтов, да и в обществе в целом.

Мы приводим несколько клинических случаев, иллюстрирующих шизоидную динамику более подробно. Клинические случаи представляют собой комбинированные истории, в них изменены реальные имена и обстоятельства.

Кларк: безупречный, замороженный и одинокий семьянин

Некоторые шизоидные пациенты очень разговорчивы и охотно делятся своими историями, снами и образами. Другие, напротив, молчаливы; за час не произнесут ни слова. Молодой хирург по имени Кларк, обратившийся за терапевтической помощью, относился как раз ко второй категории. Пациент состоял в браке и воспитывал троих дочерей. На первых сессиях царило молчание, и физически ощущался страх, о котором вслух не говорилось. Отзеркаливание этого бессознательного страха не дало никаких результатов; Кларк не осознавал этого состояния в самом себе. Так мы сидели часами. Внешне он являл собой эталон безупречного профессионала; его персона была безукоризненна, но в ней не было жизни. Движения были выверенными и очень скованными. В некотором смысле он казался неживым.

Прошло немало почти бессловесных сессий, прежде чем между нами установилось какое-то доверие. История Кларка раскрывалась очень медленно. Я узнала, что он начал терапию из-за того, что на работе у него уже не раз возникали стычки с коллегами, и это указывало на определенные разногласия, которые он не желал замечать. Накопившиеся на столе у заведующего «докладные» свидетельствовали о его неспособности наладить отношения с сослуживцами. Такое явное подтверждение его неадекватности стало для Кларка горьким прозрением; ему всегда легко давались и учеба, и карьера. И, похоже, у него действительно не было опыта, который позволил бы ему задуматься над имевшимися у него проблемами в межличностных отношениях. Он сказал мне, что его злит несогласие другого, содержащее оценочный подтекст,

при этом его гнев был каким-то «бесплотным» и интеллектуализированным. Согласно его представлениям о нормах общения, гнев был нормальной реакцией, возникающей в рабочих ситуациях. Хотя он и мог описать свой гнев, слова сами по себе были пусты. Зато он беспрестанно говорил о том, какими «пустыми, бесполезными, поверхностными» казались ему отношения с заведующим отделением. Это ощущение пустоты и бесполезности было ему хорошо знакомо.

Анализ длился уже год, когда Кларк несмело признался в том, что его жена не удовлетворена их отношениями, о чем она не так давно сообщила ему. Жена Кларка состояла в правлении нескольких благотворительных организаций. Некоторое время тому назад она посетила несколько семинаров по личностному росту и почувствовала потребность в эмоциональной близости, которая, по ее ощущению, отсутствовала в их браке. Кларк встревожился: брак был важен для него. Когда я спросила, что же, по его мнению, имела в виду жена, он предположил, что речь, скорее всего, шла об их сексуальной жизни. Сексом они занимались регулярно, но как-то механически. Он подозревал, что и здесь причину проблем следовало искать в его эмоциональной «закрытости». Адаптация в форме изоляции порождала у него крайне амбивалентное отношение к чувству близости.

Следует отметить, что очень важно удерживать фокус внимания на происходящем внутри терапевтической пары. Поскольку в работе с шизоидными пациентами аффект проявляется очень скудно, то возникает соблазн сместить терапевтический фокус с трудных взаимодействий, происходящих в ходе сессии, на проблемы, с которыми пациенты сталкиваются в отношениях с другими. Человек с избегающим паттерном испытывает такую же потребность в зависимости, как и любой другой человек, но, оказываясь в ситуациях, предполагающих близость или интимность, он переживает страх поглощения и дезинтеграции. Может показаться, что, сместив фокус с терапевтического взаимодействия на личное, выходящее за пределы аналитического контейнера, терапевт испытает чувство облегчения, однако следует помнить, что у таких пациентов трудности в отношениях обусловлены шизоидной

защитой, которая как раз и проявляется в уходе и непроницаемости, а именно она и нуждается в непосредственной проработке, чтобы процесс формирования психической структуры мог возобновиться.

Иногда отношение Кларка ко мне было сверхбдительным, а иногда я чувствовала себя предметом комнатной обстановки. Работая с детьми, британский аналитик Френсис Тастин заметила, что часто для инкапсулированных детей, за которыми она наблюдала, она была «пустым местом». Когда мы обращаемся к нашим пациентам, а наши слова пропускают мимо ушей, чрезвычайно важно не позволить им стереть, уничтожить нас таким образом. Нам необходимо найти способ обозначить свое присутствие, снова привлечь внимание пациента, чтобы сессия была заземлена в реальности терапевтических отношений, а не только в содержании его бессознательного.

Поскольку я удерживала фокус на взаимодействиях, разворачивающихся в комнате, а не переключалась на проблемы его брака, Кларк стал все охотнее рассказывать о себе и своей жизни. Неважно, наполняло ли кабинет молчание или рассказы о ничемных, пустых отношениях, для меня все равно оставалось в нем совсем мало места. Кларк был далеким и отстраненным и тогда, когда молчал, и тогда, когда говорил. На этом этапе терапии я уже распознала и смогла описать Кларку, каким образом он отстраняется от контакта. И этот уход я интерпретировала как защиту. Часто он выказывал откровенное безразличие к моим комментариям. Часто, как мне казалось, он пребывал в состоянии транса, его внимание, очевидно, было захвачено бессознательным. Со временем я стала оставаться навливать его, если во время своих монологов он игнорировал мои комментарии, и спрашивала, что, по его мнению, только что произошло между нами. Поначалу он говорил, что не знает. Но я неустанно задавала этот вопрос на протяжении нескольких месяцев. Часто он отвечал, что даже не слышит моих слов. Иногда признавался, что ему было неинтересно то, что выносило мной на обсуждение; но постепенно в нем все же проснулось любопытство к моим словам. У нас сложилась определенная модель взаимодействия: когда он говорил, не обращая

на меня внимания, я намеренно постукивала по ручке стула, приговаривая: «Кларк, в этой комнате два человека». Сначала эти моменты вызвали напряжение, но затем приняли форму шуточного противоборства.

Казалось, что благодаря схеме «вызов–соединение» инкапсуляция Кларка в достаточной степени ослабевала и мы становились более реальными друг для друга. Он стал чаще видеть сны, начал понимать, насколько был отгорожен от окружающих. Постепенно Кларк научился отслеживать моменты, когда ощущал, что отрезан от самого себя, закрыт для контакта, когда действует, как «пустая бездушная машина». Когда он приходил на сессии, имея более серьезный настрой и намерение, то признавался, что чувствует себя все более незащищенным в жизни. Сейчас, по-настоящему ощутив свою ранимость, он мог описывать периоды, когда воспринимал себя нереальным или неживым. Он был потерян для мира и для самого себя. Во время длительных периодов дереализации ему обычно снилось, что он заперт в морозильной камере в педиатрическом отделении больницы, что его тело рассеяно в воздухе подземной пещеры, что он не может попасть домой и остается на подъездной дорожке в саду. На сессиях мне приходилось быть очень терпеливой и чуткой, чтобы помочь Кларку снова почувствовать себя живым и соединиться с самим собой.

Напряженные периоды дереализации и деперсонализации были мучительными и пугающими для Кларка. Мы старались выяснить, что же играло роль пусковых механизмов для этих состояний. Как обнаружил Кларк, иногда они возникали после сессий, а в ряде случаев их причиной служила неблагоприятная обстановка на работе. Сессии шли тяжело: он часто выпадал из взаимодействий, уходя в себя полностью. Лишь после более тщательного анализа он понял, что периоды дереализации наступали, когда он неосознанно соприкасался со своей травмой.

Однако самой большой неожиданностью для Кларка стало открытие, что иногда состояние оцепенения наступало вследствие близкого общения. Он начал осознавать, какой угрозой был для него близкий контакт и в жизни, и на сесси-

ях. Как только он смог понять, в чем состояла его проблема, мы приступили к поиску источника его страхов. Выяснилось, что иногда его эмоционально замкнутое, холодное поведение было реакцией на страх быть поглощенным другими. На этом этапе терапии в его снах и фантазиях появились образы обвивающих скользких щупальцев, гигантских удушающих грудей, а затем образ его собственного тела, утратившего границы.

Шизоидная личность живет с ощущением того, что ее индивидуальность и базовое чувство безопасности постоянно подвергаются угрозе со стороны внешнего мира. Шизоидный человек, чтобы защититься от окружающих, которых он часто воспринимает как требовательных и вторгающихся, использует уход от межличностного контакта и бегство в мир фантазий, потому что зрелые защиты у него не сформированы, а имеющиеся – недостаточны для сохранения целостности Эго. Коллапс неустойчивого Эго вполне реален при возникновении угрозы поглощения. За ним может последовать период психической дезинтеграции. В отличие от поглощения покинутость воспринимается человеком с шизоидным расстройством или шизоидной структурой характера как гораздо меньшая опасность.

Кларк описывал периоды утраты себя как «падение в холодную пустоту, где никого нет, ничто не имеет значения, ничто не имеет смысла». Он мог пребывать в таком состоянии неделями. Когда он научился лучше распознавать его и чувствовал, что снова в него погружается, то сразу обращался ко мне за помощью. За несколько лет терапии длительность периодов, когда он ощущал себя потерянным, значительно сократилась. При разрушении шизоидной защиты архетипическая угроза для пациента существенно возрастает. Когда частота обращения к инкапсуляции уменьшается, начинают проявляться неопосредованные архетипические аффекты. Ранее неосознаваемые примитивные аффекты ярости, ужаса и отчаяния проступают и в анализе. Одновременно с появлением грубых аффектов тело все больше наполняется примитивной энергией и становится отзывчивым. Пробуждение таких физических ощущений, как боль и удовольствие, может

сильно осложнить жизнь человека, который прежде был инкапсулирован. Неожиданно высвободившаяся сексуальность, запущенные проблемы со здоровьем и способность совершать деструктивные действия вышли на первый план в моей работе с Кларком. Чувствовать ожившее тело – и страшно, и интересно.

Выдержав вместе все аффективные и соматические бури, мы заметно продвинулись вперед в нашей работе. Кларк осознал, насколько важны были для него наши отношения. Из-за нехватки связного переживания себя он начал проецировать на меня свое пока еще не пробудившееся ощущение целостности, а также способность жить полнокровной, содержательной жизнью. Он воспринимал меня как воплощение надежности. И так как я приобретала для него все большую значимость, у него появился страх потерять меня. Ему приснилось, что, придя в мой офис, он обнаружил, что я съехала. В сновидениях офис его нового аналитика располагался в пустом подвале, а у самого терапевта были длинные острые ногти и колючие волосы.

«Растопить лед» – именно эту метафору мы использовали ранее в этой главе, когда речь шла о проработке ледяной непроницаемости шизоидной защиты. Эту ригидную защиту можно разрушить, научив пациента признавать эмоциональную потребность в обращении к другому. Кларка постепенно заинтересовала перспектива курить интернов в больнице. Медленно в нем пробуждался интерес и к самому себе: кто он и что ему важно. Он решил изменить эстетический облик своего дома, что удивило и обрадовало его. Он всегда перекладывал заботы о доме и детях на жену, но, как оказалось, у него были собственные представления о том, как можно разнообразить их жизнь. Обретая способность принимать свои чувства и понимать ощущения, он сумел наладить отношения в семье. Жена и дочери были довольны. По-прежнему переживая периоды дереализации, он хотя и маленькими шажками, но продвигался глубже в пространство людей. Его жизнь обогатилась благодаря тому, что он отважился войти в мир домашних и семейных отношений. Открыв свои сокровища свету, он позволил солнцу согреть их.

Терапевтические размышления:
инкапсуляция, довербальный ужас и защитные паттерны

Подстраиваться под изменчивый ритм отношений в работе с Кларком было нелегко. Казалось, что сейчас он здесь, а в следующий момент уже «исчез». Гарри Гантрип описывает шизоидный паттерн как «программу входа-выхода» (Guntrip, 1969, р. 36): человек то присутствует в отношениях, то вдруг исчезает из них. Хотя Кларк научился достаточно быстро откликаться на мое присутствие и комментарии, он мог свалиться в переживание пустоты, если мне не удавалось вовремя отреагировать. Мои оплошности в эмпатическом реагировании на ранних этапах терапии приводили к тому, что Кларк мог чувствовать себя «потерянным» или «нереальным» в течение нескольких недель. Наша связь часто напоминала мне тонкую паутину, соединяющую края огромной пропасти, пролегающей между нами.

На ранних стадиях анализа Кларк был немногословен в описании собственного опыта. На сессиях он в основном молчал и, уходя, выглядел подавленным. Тогда мне казалось, что в одной комнате со мной заперто маленькое дикое животное, которое сидит в углу и дрожит. По своему качеству тишина в кабинете никогда не была спокойной, напротив, она была наполнена ужасом. В случае с Кларком этот примитивный архетипический ужас был всепроникающим и неосознаваемым. Действительно трудно выразить словами довербальные переживания. Если ребенок с шизоидным паттерном воспринимает угрозу как совершенно непреодолимую, в нем тут же просыпается страх дезинтеграции. В результате может наступить паралич внутриспихических и межличностных процессов. Когда ребенок встревожен и напуган, его аффективное и соматическое развитие приостанавливается, как бы застывая в страхе. В курсе терапии Кларк учился сначала осознавать, а затем передавать словами испытываемое им страдание.

Не слышать, не помнить и не обращать внимания – во всем этом может проявляться шизоидная инкапсуляция. «Демонтаж внимания» – такое описательное выражение использует Мельцер, объясняя способность шизоидного ребенка

отгораживаться от воспринимаемой угрозы. Подробно описывая признаки инкапсуляции, он указывает на «способность сознания выпадать из существования» (Meltzer et al., 1975, р. 6–29). Майкл Эйген, говоря об этом же явлении (Eigen, 1986, р. 112), вводит свой термин «помутнение». Оба термина – «демонстрация внимания» и «помутнение» – точно определяют неспособность Кларка помнить или обращать внимание на наши взаимодействия при наличии переживаемой угрозы. Такие защиты в форме когнитивного дистанцирования также служат целям сдерживания примитивных аффектов.

Кларк так описывал периоды дереализации: «В прошлый четверг я не почувствовал свою кожу, а затем выпал из реальности» или «Кажется, что моя жизнь нереальна, а тело принадлежит другому человеку». Деперсонализация и дереализация – это состояния бытия, переживаемые на стадии примитивного ухода, который предшествует декомпенсации. Когда человек чувствует, что не живет в собственном теле, а сама жизнь нереальна, он изо всех сил цепляется за ощущение своего Я.

Уход в мир фантазий происходит, когда зрелые защиты не сформированы, а имеющиеся – недостаточны, чтобы сохранить целостность Эго. Шизоидный человек с более развитым Эго вполне способен использовать проекцию, идеализацию и обесценивание. Умственные способности и воображение шизоидных пациентов позволяют им особенно умело применять интеллектуализацию. Именно ее без проблем использовал Кларк. Он был человеком умным, сложным, оригинально мыслящим. Поскольку у него не было возможности напрямую контактировать со своими чувствами и телесными ощущениями, то мир интеллекта стал для него тем убежищем, где он прятался.

По мере того как наши отношения с Кларком углублялись, шизоидные защиты ослабляли хватку, Эго становилось сильнее, а душа заметно ожила. Примитивные архетипические аффекты ужаса и ярости прорвались в анализ. Проявление таких мощных аффектов может оказаться неожиданностью как для терапевта, так и для пациента. Благодаря тому, что мы вместе проработали эти сильные эмоциональные выбросы, у Кларка сформировалось более гибкое Эго и он смог

жить более активно и в большей соотнесенности с другими. Высвобождение либидо привело к раскрытию аутентичного Я. Поскольку психическое содержание, проявившееся внутри и за пределами инкапсуляции, было контейнировано и *трансформировано* в контексте аналитических отношений, установилась связь с неиссякаемым инстинктивным источником.

Перенос и контрперенос

Шизоидные пациенты могут напоминать оленя, попавшего в свет автомобильных фар. Они часто воспринимают терапевта как человека, который причинил или может причинить им боль. Это архетипический перенос, уходящий корнями в примитивный ужас. Возможно, придется выносить долгие периоды молчания, пока пациент не интернализует переживание безопасности. По причине своей изолированности и отчужденности такие люди имеют мало опыта интеграции в неугрожающие отношения. Страх эмоционального или физического поглощения слишком силен, поэтому им очень непросто справиться с напряжением, которое неизбежно возникает в терапевтических взаимодействиях.

Эти обстоятельства существенно влияют на создание условий для формирования переноса у шизоидных пациентов. Когда терапевт воспринимается как постоянная угроза их благополучию, недифференцированный архетипический перенос может принимать разные формы: огромной окутывающей ведьмы-матери, снежной королевы с развратной улыбкой, обольстительной злобной вампирши. Переход от первоначального архетипического переноса к более личному очень пугает, но именно он может медленно вывести из внутреннего мира воображения к человеческим слезам и близкому контакту. Способность воспринимать терапевта не как навязчивого, а как доброжелательного и предупредительного человека возникает далеко не сразу, но именно она помогает ослабить ощущение подавляющего физического и эмоционального пренебрежения или посягательства. Образы, населяющие перенос, эволюционируют в ходе терапии, помогая личностной инте-

грации и развитию способности к самовоплощению. И этим благотворное воздействие переноса на психические процессы человека с шизоидной структурой не исчерпывается.

Проявление терапевтом из благих намерений теплоты и беспокойства на самых ранних этапах анализа может быть воспринято как угроза затопления и в итоге оказать разрушающее воздействие на формирование рабочих отношений. Шизоидные пациенты нуждаются в эмоциональном пространстве. Только при плавной модуляции от одного аккуратного взаимодействия к другому начинают постепенно выстраиваться доверительные отношения, а живой интерес терапевта будет восприниматься пациентом более терпимо, закладывая основу, которая в дальнейшем позволит ему разжать тиски инкапсуляции. С другой стороны, раннее сопротивление переносу может проявляться в отстраненных и ироничных репликах пациента, в которых обнаруживается попытка выстроить непроницаемый барьер во взаимодействии с терапевтом. Хотя изначально этот барьер сооружается с намерением защитить Я от губительного поглощения, в дальнейшем он мешает восприятию реальности и препятствует формированию переноса. Как уже говорилось ранее, отчужденность и есть та самая защита, которая должна быть демонтирована, чтобы процесс мог двинуться дальше.

Дефицит эмоциональных ресурсов у шизоидного пациента и кажущееся отсутствие интереса к взаимоотношениям могут навести терапевта на мысль, что пациент подавлен. Мы знаем по собственному опыту, что многим шизоидным пациентам часто ставят неверный диагноз – какую-нибудь разновидность депрессивного расстройства. Однако в случае шизоидной инкапсуляции отсутствует характерный для депрессии мрачный тон вины. Неспособность выражать чувства, пустота и вялая экспрессия свидетельствуют о шизоидной структуре характера. Шизоидный человек может впасть в депрессию, например, пережив утрату, но ограниченный аффект и депрессия – это не одно и то же.

Неверное диагностирование депрессии у человека с шизоидной структурой характера может направить клинициста по ложному пути в рабочих взаимодействиях и интервенциях. Подлинный шизоидный дистресс – особое явление, и его легко

проглядеть из-за *маскирующего* действия характерологической защиты. Следует учитывать, что любое внешнее отвержение уводит пациента в привычное ему холодное и пустое место – в бесплодный, безобъектный и нереальный ландшафт, лежащий в самой основе шизоидной структуры характера. Эта особая архетипическая территория может быть представлена в образах бездны, бескрайних холодных пространств или пожизненного заточения в больничной палате. Опыт переживания пустоты сопровождает шизоидную личность с самого раннего детства.

В контрпереносе терапевт может испытывать разнообразные чувства в отношении шизоидного пациента. В какой-то момент, хотя и в меньшей степени, он может почувствовать отчужденность по отношению к нему, а также к собственному аффекту. Трудности шизоидной личности в вербальной передаче своего аффективного опыта вкупе со страхом поглощения и защитной отчужденностью могут спровоцировать терапевта выйти из контакта, отдаться собственным грезам, став «контротрешенным». О шизоидных пациентах бывает очень трудно заботиться. Невыносимо долгое молчание, неспособность описать переживаемый дистресс, минимум умений поддерживать контакт – все это приносит терапевту мало удовольствия, лишая оптимизма и уверенности в успехе работы.

Стараясь невольно компенсировать недостаток контакта, демонстрируя повышенный интерес или давая советы, терапевт вскоре оказывается в затруднительном положении. Любая попытка установить связь, выступая в роли опекуна или покровителя, дает обратный эффект. И только анализ контрпереносных реакций с их последующим разъяснением сначала себе, а потом пациенту является ключевым моментом в работе с шизоидной личностью. Другая контрпереносная реакция возникает из неосознаваемой очарованности ее интеллектуальным богатством, что приводит к негласному соглашению с ней. Терапевт начинает чувствовать исключительную одаренность своего пациента, которую не в состоянии оценить другие. Такой сговор доставляет пациенту немалое удовольствие, поскольку освобождает его от напряженной работы над отношениями во внешнем мире, но он

как бы вновь оказывается в тупиковых отношениях с опекающим и недалеким родителем.

Еще один вариант контрпереноса заключается в моральном осуждении пациента за его интерес к жестокости и насилию. Для клиницистов, не знакомых с шизоидным ландшафтом, может стать неприятным открытие того, насколько кротость шизоидной личности контрастирует с ее тягой к наблюдению за всем, что связано с насилием и страданием. Пациент с увлечением смотрит фильмы ужасов, читает детективные истории, основанные на реальных событиях, следит за сводками военных действий и криминальной хроникой. Однако этот интерес вполне объясним. В природе шизоидной личности заложено быть осторожным, бдительным и готовым немедленно скрыться в случае угрозы. А для этого не мешает знать об опасностях внешнего мира как можно больше.

Терапевты склонны идеализировать сферу имагинального в своих шизоидных пациентах, во многом потому что их собственные шизоидные элементы остаются неопознанными и непроработанными. Они также провоцируют некоторые контрпереносные реакции, а именно отстранение при столкновении с мощным аффектом; «провальные» эпизоды в рабочей коммуникации; бегство в грезы прямо на сессии, благодаря чему можно «переждать» обсуждение неудобной для себя темы. Непроанализированная идеализация имагинальной сферы может завести терапию в тупик, равно как и неопознанная шизоидная инкапсуляция у пациента и аналитика, парализующая их способность поддерживать связь друг с другом. Оба ее участника, подобно девочке со спичками, оказываются в заснеженной архетипической реальности, не в состоянии ощутить эмоциональное тепло или обратиться за помощью.

Архетипический ландшафт шизоидной дезинтеграции:
невывразимый ужас, черная дыра и то, что лежит
за пределами человеческих отношений

В психоаналитической литературе два образных термина передают переживания шизоидного человека, приближающегося к декомпенсации: «невывразимый ужас» и падение в «черную

дыру». Термин «невыразимый ужас» был введен Карен Штефен в 1941 году для описания крайней степени тревоги в раннем детстве. Позднее Блон стал использовать термин «невыразимый ужас» в более узком значении, описывая переживания ребенка в ситуации, когда матери не удастся контейнировать его тревогу (Bion, 1967). Некоторые теоретики используют этот термин при описании безмолвного переживания жуткого и таинственного ужаса, предшествующего шизоидной дезинтеграции (Grotstein, 1982; Eigen, 1986; Tustin, 1990). «Невыразимый ужас» как состояние включает в себя: глубокую беспредметную тревогу перед вступлением в опасную и неизведанную область; жуткое предчувствие неизбежной гибели и полного исчезновения. Без контейнирующего присутствия чуткого опекуна, «невыразимый ужас» так и остается для ребенка примитивным нуминозным переживанием, которое в нетрансформируемом виде практически непереносимо³.

Образ «черной дыры» передает ощущение катастрофического разрыва связности Я, возникающее в результате тотальной имплозии – Эго коллапсирует и падает в безобъектную бездну. Почва уходит из-под ног, и человек больше не может ощущать себя живым. В этом состоянии «черной психотической депрессии» идентичность, сознание, способность к осмыслению опыта исчезают в пространстве архетипической реальности.

Отступая от жизни, человек рискует проскочить некую «критическую точку», после которой мощная энергия бессознательного необоримо затягивает его во внутриспсихический вихрь, уносящий на *другую сторону* – в шизоидный ландшафт. Теперь он наглухо закрыт от жизни; неспособный бороться, он не находит никакого смысла в своем существовании, а любые проблески надежды – лишь давнее и почти уже исчезнувшее воспоминание. Образно выражаясь, катастрофа шизоидной дезинтеграции заключается в распаде человеческой жизни на мельчайшие частицы, которые затем неумолимо засасываются «черной дырой». В астрономии гравитационный коллапс происходит, когда исчерпавшая свои ресурсы звезда сжимается, проваливается в себя, превращаясь в «черную дыру» –

космическое тело с гравитацией такой силы, что даже свет не может покинуть его пределы, как и любые объекты, попавшие в поле его притяжения. Последние минуты жизни звезды и ее последующий коллапс – это удачная метафора, описывающая процесс шизоидной дезинтеграции. Подобно коллапсирующей звезде, человек проваливается сам в себя, втягиваясь в ледяное небытие, где нет ни света, ни смысла, ни надежды.

Леденящий душу страх дезинтеграции не является исключительно патологическим по своей природе. На первом году жизни сознание только-только начинает дифференцироваться от бессознательного. И любой ребенок живет в состоянии зависимости от опекуна, который может присутствовать или отсутствовать, проявлять заботу или быть безучастным. Ребенок неминуемо переживает моменты, когда воспринимаемая им угроза вызывает сильное беспокойство и беспомощность, он не может вербально сообщить о своих потребностях или о собственном дистрессе. В таком состоянии ребенок нуждается в поддержке и успокоении со стороны другого, который мог бы контейнировать его переживания. Когда же травма воспринимается как катастрофическая, а опекун не в состоянии вынести испытываемый ребенком страх, в действие вступают защиты Самости, предотвращающие сокрушительную психическую дезорганизацию. Нередко в периоды стрессов, внезапных перемен или в процессе трансформации взрослые люди вновь переживают катастрофическое беспокойство.

Именно в такие моменты мы все подвержены переживанию примитивного страха дезинтеграции, который в определенном смысле является частью жизни. И тотальная защита от соприкосновения с ним может невольно способствовать потере контакта со всем живым и внутреннему опустошению. Если же с этим архетипическим переживанием удастся установить связь и исследовать его, оно способно привнести особенный смысл в нашу жизнь. Тревожные состояния и глубинные раны не только причиняют страдания, но и способны стать инструментом внутреннего воссоединения. Время от времени осматривая свои болезненные раны, человек может обрести путь к познанию великой тайны.

Страх дезинтеграции и нуминозный потенциал

До сих пор мы рассматривали невыразимый ужас и энергетическое втягивание во внутриспихическую черную дыру с психологической точки зрения. В религиозном смысле ощущение неопишемого ужаса и темных вихрей указывает на присутствие божественного (*pnuminosum*) и имеет глубокий духовный подтекст (Otto, 1923). Всеохватывающее переживание инаковости духа обладает силой, которая способна одновременно как наполнить нас глубинным ощущением смысла, так и уничтожить нашу человеческую природу. Люди всегда интуитивно чувствовали, что за пределами сознания существует некий непостижимый мир; иногда его называют трансцендентным или трансперсональным, а иногда сверхъестественным. Когда человек с истощенными ресурсами, использующий уход в качестве основной защиты, помещает себя в капсулу, отгораживаясь от жизни, можно сказать, что он вступает в непостижимый мир богов. Книга Бытия гласит: «... и вступили они в темные глубины, что прежде самого творения» (Jerusalem Bible, 2000). Инкапсуляция – это неестественное состояние бытия – тяжкий проступок, имеющий губительные последствия. Уход, который предназначался для временной защиты – чтобы уберечься и успокоиться, – быстро становится ледяным, изолирующим, темным и потенциально смертоносным.

Тяжелая судьба человека, совершающего опасное погружение во внутренний мир, является той архетипической темой, которая чаще всего встречается в фантастической литературе, сказках и мифах. Если травма и инкапсуляция случаются прежде, чем сознание обретает способность дифференцироваться от бессознательного, структурная целостность оси Эго–Самость нарушается и Эго оказывается отлученным от живого источника психической энергии. Теперь человек не только не может добиться исполнения своих желаний, но даже не в состоянии понять, чего хочет. Шизоидная инкапсуляция наглухо отгораживает человека от мира отношений, удерживая его в плену духовного ландшафта. Покинутая и неспособная обратиться за помощью, девочка со спичками находит свое смер-

тельное утешение в духовном мире (Donahue, 1995), куда ее заманивает архетипическая бабушка и где живой человек существовать не может.

Избегающий паттерн отношений и невоплощенное Я

Ранее мы уже упоминали о скудном аффекте и слабом контакте с телом, характерных для шизоидной личности. В действительности такая ситуация свойственна избегающему паттерну в целом. Д. В. Винникотт пишет, что процесс пробуждения души разворачивается в теле, благодаря тому, что *достаточно хорошая мать* «нянчит и выхаживает» свое дитя в первые месяцы его жизни. Чувствуя прикосновение, ощущая кожу как вместилище и границу своего Я, ребенок обнаруживает, что мать отделена от него и в то же время имеет с ним общность и отношения. «Поскольку мать вновь и вновь знакомит сознание и душу ребенка друг с другом», безличная архетипическая реальность постепенно становится персонифицируемой, обретая индивидуальность и внутреннее присутствие в ребенке (Winnicott, 1971, p. 271). «Нянча и выхаживая», мать помогает своему ребенку постепенно развивать чувство собственного Я и способность воспринимать другого как самостоятельную целостность. Теперь, ощущая себя отдельным от матери и воспринимая других целостными, он более не нуждается в примитивных защитах, таких как расщепление, отрицание или уход. Как только Самость получает возможность воплощения, Эго обретает дом и оживает в ребенке, создавая основу для формирования уверенности, доверия, независимости и любви.

Во взрослом состоянии люди с шизоидной структурой характера часто сталкиваются с мучительной проблемой отчужденности от собственного тела и страхом сексуальной близости. Теодор Миллон отмечает, что в случае шизоидного расстройства личности «биологическая основа некоторых влечений, таких как секс и голод, особенно слаба» (Millon, 1981, p. 273). Нэнси Маквильямс поддерживает мнение о том, что шизоидные люди могут быть сексуально апатичны; «несмотря на то, что они вступают в отношения и испытывают

оргазм... некоторые из них проявляют страстное желание лишь по отношению к недостижимым объектам, испытывая при этом непонятное равнодушие к объектам, находящимся рядом» (McWilliams, 1994, p. 193). Партнеры шизоидных людей иногда жалуются на их механическое или отстраненное поведение во время занятий сексом. В сексуальных отношениях шизоидный человек стремится ощутить безопасность, близость и чувственную свободу, но боится поглощения и пугающей регрессии в примитивное пассивное состояние, которое может вызывать сексуальная близость. Компромиссом становится равнодушное и отрешенное отношение к сексуальному желанию и его механическая разрядка. Описывая сексуальные проблемы шизоидного человека, Гантрип цитирует слова одного пациента: «Я чувствую, что не должен желать грудь моей жены, да и вообще какого-либо удовольствия. Половой акт должен быть чисто механическим. [Дело в том, что] я боюсь отпустить себя и позволить вам помочь мне» (Guntrip, 1969, p. 159).

В следующей главе мы рассмотрим, почему боятся и как защищаются от регрессии во время холодных и пустых шизоидных состояний контрзависимые нарциссические и обсессивно-компульсивные личности. Этот пустынный ландшафт в самом деле не то место, куда хотелось бы попасть. Прочные нарциссические и преневротические защиты, собственно, воздвигаются для того, чтобы уберечься от болезненной и пугающей регрессии в безобъектное пространство. Человеку с шизоидной структурой или шизоидными анклавами эта регрессия грозит психозом.

Джоанн: в поисках духовной опоры

Человек нуждается в развитии Эго, чтобы договариваться с архетипическими мирами. Никакой дух нельзя назвать добрым, если он подчиняет себе человека. В финале сказки Ганса Христиана Андерсена «Девочка со спичками» любимая покойная бабушка появляется в сияющем ореоле спасительницы и заманивает девочку в царство духа. Но в данном случае речь не идет о какой-либо духовной трансформации маленькой

героини. Желание обрести поддержку вне человеческих отношений приводит к тому, что с каждой сожженной спичкой девочка оказывается во все большей власти архетипической реальности. И пока в своем воображении она вместе со своей призрачной бабушкой возносится на небеса, ее тело просто замерзает в снегу. Неосознаваемая притягательность власти ума и воображения оборачивается серьезной опасностью для человека с шизоидной структурой характера. И если он действительно хочет прожить земную, человеческую жизнь, ему необходимо все время помнить, насколько обольстительен и опасен мир архетипического духа.

Одна пациентка, пришедшая на анализ, имела жесткую шизоидную структуру характера. Джоанн отправилась на западное побережье в духовный центр гармонизировать ауру и изучать ченнелинг*. Она была уверена, что эта практика приведет ее к свету. Но чуда не случилось, напротив, она почувствовала, что ее жизнь становится все более ограниченной, а она сама все более несчастной. Она порвала с семьей и начала постепенно отдалялась от друзей. В анализ она вступила с четко поставленной целью – разобраться в том, какие детские паттерны ограничивают ее духовное развитие. В течение следующих нескольких лет мы разгадывали тайну детских переживаний, которые увели ее из полноценной вовлеченности в жизнь и направили в холодные объятия изолированного духа.

У некоторых из нас есть клинический опыт работы с людьми, которые искали духовный и религиозный смысл жизни, и этот поиск серьезным образом сказался на их повседневной жизни. Если не иметь в качестве противовеса

* Ченнелинг существует в человеческой духовной культуре очень давно. Он был широко распространен во всех языческих и шаманистских религиях мира от Америки и Австралии до Греции и Африки. Шаманы, отправлявшиеся в мир духов, и жрецы, вызывавшие богов, задавали им самые разные вопросы и получали ответы, которые потом облекали в словесную форму. Это и есть ченнелинг: предоставление «канала связи» сверхчеловеческим сущностям, вступление в контакт с «духами-наставниками».

хотя бы немного развитое Эго, глубокое вхождение в мир образов бессознательного может вытянуть человека из жизни. Когда божественное идеализируется как всемогущее, любящее и щедрое, слишком легко вообразить, что сдаться на милость этому бытию и есть духовный прогресс. Однако любая архетипическая одержимость – это предвестник будущей катастрофы. В некоторых духовных кругах говорят так: «Чтобы выйти за пределы Эго, нужно иметь его».

Джоанн рано разочаровалась в матери. Уже став взрослой, она поняла, что мать серьезно страдала от депрессии и даже несколько раз попадала в больницу по причине психотического срыва. От отчаяния и одиночества Джоанн потянулась к отцу в надежде ощутить связь, которая могла бы быть, но не сложилась у нее с матерью. Отец был человеком незлым, но холодным и отчужденным. Такое стечение обстоятельств привело к тому, что любовь Джоанн к отцу приняла форму идеализации, которая в дальнейшем распространилась на образ Бога-Отца. Уйдя в церковь и погрузившись в духовную практику, Джоанн вела жизнь, полную лишений и одиночества. В ходе нашей работы ей приснилась серия снов, в которых божественное существо учило ее летать и вовлекало во все более невероятные приключения «в вышине». Тем временем ее будничная жизнь продолжала рушиться. Она пережила несколько кратковременных психотических приступов, которые сильно напугали ее.

Затем ей приснился еще один сон о Боге, испугавший ее. Бог увлек Джоанн в новое приключение-полет за облака, за пределы атмосферы. Там она стала задыхаться. Бог вывел ее в открытый космос, где было красиво, безмятежно и очень-очень холодно. В какой-то момент она посмотрела вниз на свое тело и увидела, что ее кожа покрылась инеем, а сама она начала синеть. Джоанн проснулась в ужасе и решила обсудить этот сон на сессии. Когда мы разобрали его, она заплакала, осознав, что, посвящая все больше времени молитвам, она перестала заботиться о своем теле и о своем доме. Эти оттаявшие слезы обозначили точку возврата из духовной практики, которая в своем крайнем проявлении лишила ее человеческой вовлеченности в жизнь.

Только боги могут жить в Акрополе; искать там себе место – серьезный проступок для человека. Принесение в жертву архетипического союза с богом может стать важным этапом исцеления и воплощения в индивидуальной человеческой жизни. Человеческая природа умалется, если мы захвачены каким-нибудь аспектом божественности. Греки твердо знали, что идентификация с богом или одержимость им есть проявление гордыни, за что смертный несет суровое наказание.

Человек, соблазненный переживанием духовного удовольствия или воображаемой боли, рискует выпасть из человеческой жизни во внутреннюю архетипическую реальность, в которой раз за разом его иллюзорный мир будет переживать собственное разрушение. Нам известен миф об Атлантиде – удивительном древнем континенте, отделенном от остального мира бескрайними водами. В этом мифе рассказывается об огромных хрустальных дворцах, общении с помощью телепатии, великих умах, совершивших великие интеллектуальные открытия и создавших величайшую цивилизацию. В один момент Атлантида существует, а в следующий исчезает бесследно, что напоминает внутриспсихическую дезинтеграцию шизоидного человека. Великолепный одухотворенный мир поглощают морские глубины.

Богиня Седна: ледящее душу одиночество, подавленная креативность

В завершении этой главы мы исследуем миф о богине, живущей в ледяных глубинах; она воплощает архетипическую силу, которая может запустить свои ледяные пальцы в жизнь человека. Всем народам, населяющим Арктику, морская богиня Седна внушает страх и благоговение. Ее историю рассказывают сикумиуты, называющие себя «народом морского льда», и инуиты – «народ ледяного моря». Эта история о том, как остаться живым в запретном месте, о цикличности жизни и смерти, о том, как травма может превратиться в сокровища, покоящиеся на дне моря и ждущие, когда их поднимут на поверхность (Merkur, 1991).

Миф о Седне, как и любой другой, можно рассматривать с разных точек зрения. Прежде всего, это история о богине и о сотворении животных. Но для нас он символически отражает динамику ранних этапов развития и описывает специфический паттерн, определяющий судьбу женщины в случае одержимости этим архетипом. Миф о Седне можно понимать и как рассказ о богине, и как историю о печальных и пугающих перипетиях жизни человека, вставшего в силу сложившихся обстоятельств на шизоидный путь развития. Седна, лежащая на дне холодного моря, – это вполне точный образ шизоидной инкапсуляции.

Гордая девушка живет одна со своим отцом в северном краю и отказывается выходить замуж за мужчин, просящих ее руки. В мужья себе она выбирает птицу, которая уносит ее к себе на горный утес. Здесь девушка томится в невыносимой изоляции. Сквозь завывание северных ветров отец Седны слышит плач дочери и приплывает на лодке, чтобы забрать ее с собой. Но разъяренный птица-муж бросается за ними в погоню и, размахивая крыльями, вызывает неистовую бурю. Испугавшись за свою жизнь, отец выбрасывает дочь из каяка в океан. Девушка цепляется за лодку, но отец отрубает ей пальцы. Но и лишившись пальцев, она все равно пытается держаться за борт. Тогда отец бьет ее по рукам. Замерзшие в холодном Арктическом море ее искалеченные руки отваливаются. И вот Седна уже не может больше бороться, она тонет. Ее пальцы превращаются в тюленей, ногти – в китовые усы, а обрубки рук – в полярных медведей.

Со дна моря Седна, превратившаяся в странное существо – полчеловека-полуживотное – управляет жизненными приливами и отливами. Когда она довольна, то распускает волосы в потоках воды; если же разгневана человеческой беспечностью, то волосы спутываются и заполняются вшами, а естественный порядок жизни на земле нарушается. Она наказывает людей, укрывая морских животных от охотников. Чтобы племя могло выжить, а законы природы восстановиться, шаман должен совершить духовное погружение на морское дно и умиротворить рассерженную богиню; он расчесывает и очищает

ее волосы, искупая таким образом людские проступки. Когда волосы Седны снова распутаны, порядок восстанавливается. Шаман убеждает ее отпустить животных, чтобы инуиты могли питаться дарами моря. Вот такая история!

Это история о богине. Отвергнутые претенденты на руку и сердце, брак с птицей, предательство, отсечение конечностей и перерождение – вот основные архетипические темы, образующие сюжетную канву мифа. По ходу мифологического действия описываются события из жизни богов, отождествление с которыми способно принести опустошение в жизнь людей. Помня об этой опасности и не оскорбляя богиню, рассмотрим, каким образом подводные течения этого мифа могут проникать в жизнь отдельного человека. Женщина с шизоидной структурой характера лишена способности чувствовать – ее инкапсулированное Эго удерживается в царстве темной архетипической феминности могущественной раненой богиней. Связь с миром телесных ощущений и чувственного опыта остается неразвитой. А сознание и творческий потенциал оказываются запертыми в архетипической ловушке мифа.

Подобно тому, как Седна отказывает одному жениху за другим, слабое Эго ребенка, обреченного на шизоидный путь развития, раз за разом выпадает из отношений, не в силах вынести их напряженности. В этой ситуации конституция ребенка и его особое восприятие окружающего мира вынуждают его снова и снова укрываться от дискомфорта в собственной защитной раковине. В результате его способность взаимодействовать с миром ослабевает и, возможно, никогда не будет полноценной. Если инкапсуляция сохраняется нетронутой, то психика начинает жить по иным – нечеловеческим законам, уподобляясь Седне, которая является человеком лишь наполовину. Ее вторая, сверхъестественная часть – морское животное – символизирует творческий потенциал, захваченный архетипической реальностью.

В мифе девушка выбирает себе в мужа птицу. И этот выбор для шизоидного человека олицетворяет чрезмерную идентификацию с духом, символом которого и является птица. Одержимость имагинальным аспектом бессознательного лишает человека возможности развить осознанные, зрелые

отношения с миром интеллекта и воображения, используя его только в защитных целях.

В мифе птица-муж уносит Седну на бесплодные вершины, оставляя ее страдать в одиночестве. Жизнь взрослой женщины с шизоидной структурой характера наполнена невыносимой болью изолированного существования. Она оказывается в этом положении всякий раз, когда из-за страха близости снова и снова прячется в своем воображении. И даже когда она сама жаждет контакта, уже само бессознательное «вызывает неистовую бурю» сопротивления, препятствуя отношениям. Момент, когда Седна цепляется за отцовскую лодку, показывает, насколько хрупка и кратковременна сознательная адаптация шизоидной личности к суровой реальности жизни. Подобно тому, как израненная и обессиленная Седна погружается в морские глубины, женщина с шизоидной структурой перестает бороться за живую связь с реальным миром, становясь отрешенной и бессознательной.

В этом месте повествования Седна остается человеком лишь наполовину, другой своей частью обращаясь в морское животное. И это коварный момент в судьбе женщины. Потерпев поражение в мире отношений, она может соблазниться потусторонним существованием среди архетипических нечеловеческих форм, став, в сущности, одной из них. Эта метафора описывает человека, пребывающего в психотическом состоянии. Мы полагаем, что погружение в нечеловеческую реальность является также символическим выражением деперсонализации и дереализации, свойственных человеку с шизоидной структурой характера – тело воспринимается чужим, а жизнь – нереальной. Настолько сильная одержимость богиней может оказаться убийственной – женщина обречена слепо следовать ритмам Седны, которая то дает жизнь, то забирает ее. Этот ритм подобен уже упомянутой ранее шизоидной программе «вход–выход»: освобожденный из инкапсуляции, человек вступает во временные отношения с жизнью только для того, чтобы вновь уйти, погрузившись в себя.

В мифе есть момент, когда Седна разгневана поступками инуитов – ее волосы спутываются и заполняются вшами. И естественный порядок жизни нарушается. В человеческом

измерении нарушением порядка является смешение границ между божественным и человеческим. И в этом смысле инкапсуляция является одним из серьезных проступков, ведущим к опасным последствиям. С точки зрения развития, шизоидная инкапсуляция – это тупик, поскольку Эго захватывается бессознательным в облике богов и богинь, а процесс его дифференциации прекращается. Образ спутанных, заполненных паразитами волос символизирует нарушенный баланс в психике шизоидной личности: естественное течение психической энергии между Эго и архетипической реальностью нарушается.

Как нам показал случай с Джоанн, чтобы прожить полноценную человеческую жизнь, союз с богами необходимо принести в жертву. Такая жертва является попыткой восстановить естественный порядок вещей. Создание и поддержание этого порядка и есть выражение архетипической Самости. Такова природа богов – совершенно отличаться от людей, быть величественными, нуминозными и внушающими благоговение. Если человек не располагает развитым Эго, способным осознанно вести диалог с этими аспектами божественного, и не имеет в своем вооружении соответствующих ритуалов почитания, он подвергается серьезной опасности. Без подготовки мы не сможем выстоять при встрече с богами. Когда нас захватывает *mysterium tremendum*^{*}, наша человеческая природа уничтожается. Мифы содержат множество примеров того, как боги разрушают жизнь смертного. Об одной такой губельной встрече рассказывает греческий миф о Семеле, которая упросила Зевса предстать перед ней во всем его великолепии. Когда он открылся перед ней, вспышки божественных молний сожгли ее, оборвав человеческую жизнь.

Внутри шизоидной инкапсуляции сознание пассивно дрейфует среди архетипических сил, то очаровываясь ими, то переживая насилие, то растворяясь почти до исчезновения. Подобно Атлантиде с ее изменчивой судьбой, в которой величие хрустальных дворцов внезапно сменяется картиной тотального уничтожения, шизоидная личность ощущает мир своего Я неустойчивым и эфемерным. А поглощение острова

* Тайна, внушающая трепет (лат.).

Атлантиды водами Нептуна можно символически рассматривать как утрату связи с телом. Близость к архетипическому аспекту божественного способна одарить чарующими мгновениями, но, как в случае с Икаром, может принести человеку несчастье. Трепет превращается в ужас, когда благоговейное оборачивается жутью, великолепное становится омерзительным, а возвышенное оказывается дьявольским. И этот ужас сулит шизоидной личности неминуемое уничтожение – инкапсулированное существование становится все более опасным. В сновидениях эта ситуация находит свое выражение в образах угрожающих демонов, преследующих вурдалаков или темных призраков, загоняющих сновидца бог знает куда.

Лишь когда мы «обретаем лицо» и обращаем его к Богу, он открывает нам свой лик. Юнг говорил, что бессознательное показывает нам то лицо, которое показываем ему мы. Только когда шизоидная инкапсуляция начинает ослабевать, а сознание обозначать себя, тогда и появляется возможность полноценной, значимой встречи с нуминозным. Мы оказываемся более подготовленными к духовному переживанию, которое теперь действительно способно принести нам оживление, вдохновение и воодушевление. Когда архетипическая реальность открывается нам в образах богов и богинь, мы, в свою очередь, должны быть готовы к раскрытию своего потенциала и принятию своей судьбы.

Архетипически дух не является ни светлым, ни темным. Это индивидуальная психика тяготеет либо к одному, либо к другому полюсу. Почему божественный лик предстает в психике шизоидной личности темным и пугающим? Все дело в стремлении к слиянию с великолепными, позитивными, светлыми аспектами божественного. Именно потому божественный лик темнеет и наливается гневом, обращая священное в дьявольское.

Седна и шаман

Вернемся к мифу о Седне. Ее волосы заполняются вшами и спутываются, а в результате затрудняется течение морских вод. Гневаясь на людей за их проступки, Седна прячет от них «мед-

ведей, тюленей и китов», охота на которых важна для живущих на земле. Люди быстро понимают, что они серьезно обидели богиню, не смогли оказать ей должные почести, ведя несправедливый образ жизни. Они отправляют шамана заглаживать вину, восстановить смену времен года и вернуть дары моря. Традиционно шаман – это целитель, знающий, как совершить трудное путешествие в мир духов. Подобно греческому богу Гермесу, он перемещается между землей и миром богов. В этом архетипическом царстве он получает то, что необходимо для исцеления, и возвращается на землю. Образ шамана символизирует внимательное и терпеливое сознание, способное обращаться к трансцендентной функции, разделяя, трансформируя и соединяя заново разные области мифа.

Женщине с шизоидной структурой характера необходимо освободиться от бессознательной слитности с архетипической реальностью, распутав и разгадав головоломку инкапсуляции. В мифе шаман должен погрузиться в ледяные воды, чтобы привести в порядок волосы Седны, избавив их от вшей. Подобно тому как шаман успокаивает рассерженную богиню, расчесывая ее волосы и отделяя их пряди друг от друга, женщина должна постепенно научиться разделять личностную и архетипическую реальности в своих переживаниях. И это очень непросто для нее, поскольку, опираясь лишь на высшие защиты, она практически отрезана от своего тела и чувств, поэтому важнейшим становится умение различать и проживать в своем опыте базовые человеческие переживания – страх, боль, возбуждение и удовольствие, соединяя физическую и аффективную энергии. Вместе с этим умением к женщине возвращается практически утерянная способность заботиться о себе и успокаивать себя, не прибегая к инкапсуляции при первом возникновении тревоги. Постепенно она сможет отслеживать и принимать ранее недифференцированные ощущения и беспокойства, которые сопровождают человека в процессе его воплощения. В конце концов закрепившись в человеческой реальности, женщина с шизоидной структурой сможет исследовать холодную бездну собственной изоляции и понять, какое страдание скрыто в существе, которое наполовину женщина, наполовину богиня. Понять и осознанно пережить его.

Вернемся к мифу. Из отрубленных пальцев и рук Седны волшебным образом появились морские животные, на них охотились для поддержания жизни. Седна всегда будет богиней жизни и смерти, живущей на дне моря. Но она не только забирает жизнь, но и дает ее, когда человеческая вина перед ней заглажена. Благодаря шаману, волосы Седны свободны от вшей – естественное течение психической энергии между мирами восстановлено. Подобно созидающей Седне, женщина способна раскрыть свой творческий потенциал. Ведя диалог с архетипической реальностью на качественно новом уровне, она может позволить себе уже осознанную регрессию в глубины, возвращаясь оттуда с дарами: присутствием духа, вдохновением, – которые будут служить ей и ее миру.

Миф о Седне знакомит нас с глубинными образами, наполняющими шизоидную структуру, и одновременно проливает свет на возможность возрождения желания и возвращения смысла человеческой жизни. Нуминозное, двигаясь с самого дальнего берега бессознательного, соединяется с человеческим сознанием, помогая водам жизни вновь течь свободно, а «медведям, тюленям и китам» родиться на свет. Именно эта тайна лежит в центре мифа, как и в сердце каждого из нас. Мистики и художники совершают путешествия в глубины бессознательного в поисках неистощимого источника нуминозного, который освежает, обновляет и трансформирует человеческую жизнь⁴.

Шизоидная структура характера способна претерпеть полную трансформацию. Освободившись от инкапсулирующей власти бессознательного, женщина устанавливает связь с Самостью и приносит морскую жемчужину в земную жизнь. Она выучивает новый язык, совершает новые открытия, становясь для других вдохновляющей силой, бесценной для общества в целом. Как подтверждают работы мистиков и их жизнь, истинные дары бессознательного добыть нелегко. Откровения *mysterium tremendum* – это ноша не для всех. Однако человек, чей ум, душа и тело едины, может быть одарен вдохновением, которое наполнит его творчество таинственным присутствием, открывающим совершенно новую картину мира.

Глава 2

КОНТРАВИСИМАЯ НАРЦИССИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА

НЕЗАВИСИМОСТЬ В СТЕКЛЯННОМ ГРОБУ

Питер Пен и архетип Вечного Ребенка

РЕГИСТРАЦИОННАЯ ЗАПИСЬ, ПАЦИЕНТ #6882, ПИТЕР ПЕН – ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ КЛИНИКА НЕВЕРЛЕНД-ХАЙТС

Господин П. Пен – моложавый, холостой, обаятельный, импозантный и харизматичный мужчина. Решил начать терапию, потому что его беспокоит смутное ощущение пустоты и тоски по «дому, которого у него никогда не было». Свое поражение он чувствует особенно остро в те моменты, когда сознает, что стареет и теряет силы.

Господин Пен очень рано ушел из дома и, собственно, никогда не знал своих родителей. Он часто общается с компанией молодых людей, которые уважают его как смелого и дерзкого лидера. Прилежный работник с грандиозным ощущением собственного могущества. С гордостью рассказывает о своих многочисленных рискованных предприятиях, однако как профессионал не состоялся. Ежедневно занимается поддержанием физической формы и духа.

Господин Пен в какой-то степени разочаровался в любовных отношениях, хотя ему и трудно в этом признаться. Он уверен, что оказывает на женщин магическое действие, однако построить близкие отношения ему не удалось; его романы всегда были короткими и бурными. Он часто испытывает острое желание контактировать, которое, по его словам, не связано с сильным сексуальным влечением.

КЛИНИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Во время сессии пациент беспрестанно флиртовал. Он пытался управлять ходом сессии при помощи обольщения, но впечатление такое, что это отработанный и поверхностный прием. Вместо того чтобы вдохновляться своей молодостью, господин Пен, кажется, инкапсулировался в своей молодости, заперся в детстве. Он сбит с толку собственной сексуальностью. Не сумев адаптироваться к зрелости, сейчас он сражается с приближающейся старостью.

У интервьюера есть некоторая озабоченность по поводу способности пациента адекватно тестировать реальность. Рассказывая о своих похождениях, он заявил, что «летал». На следующей сессии необходимо выяснить, является ли это сравнением, бредом или метафорой.

ДИАГНОЗ

Контрзависимый нарциссизм. Исключить возможные признаки бреда.

История пациента, так игриво переданная в записях аналитика, является откровенным воплощением архетипической истории о Питере Пене. В приведенном выше описании специалисты могут распознать защитные паттерны, подпадающие под определение «нарциссические». Человек с контрзависимой нарциссической организацией личности с виду бесстрашен и часто озабочен своим внешним обликом. Он выглядит решительным, ярким и харизматичным. Твердо отстаивает свою независимость, защищаясь таким способом от глубокого и сильного желания контактировать. Взрослый мужчина ведет себя уверенно, несколько самонадеянно. Он может быть великолепным любовником, который чувствует себя нелюбимым. Его личность завораживает, в нем видят победителя и прекрасного лидера. Но бесчисленные похождения и победы не удовлетворяют его желание быть раскрытым, освобожденным от показной независимости. Контрзависимый нарцисс не только отрезан от контакта с другими людьми, у него нет реальной связи с подлинным ощущением своего Я. Он избегает того, что могло бы его освободить, а именно погрузить-

ся через печаль в свой внутренний мир с его питательным и адаптогенным потенциалом. Зацикленный на самом себе, он постоянно ищет одобрения у других, пытаясь таким образом обрести самоуважение.

В своей книге «*The Problems of the Puer Aeternus*», написанной в классической юнгианской традиции, Мария-Луиза фон Франц (Von Franz, 2000) отмечает, что Пуэр – это человек, психологическое развитие которого задержалось на подростковой стадии. Он нетерпелив, не имеет привязанностей, никак не может обрести равновесие, он как бы живет «временной» жизнью. Идеалистичный, бесхитростный и, как ребенок, предающийся фантазиям, он живет сиюминутными удовольствиями, часто не осознавая последствий такого отношения к жизни. Неосознанное психическое напряжение, нагнетаемое ощущением силы вкупе с полным отсутствием дисциплины, толкает его на немислимые авантюры, многие из которых обречены на неудачу. По мнению фон Франц, идентификация с безграничным потенциалом данного архетипа ведет к формированию дилетантского подхода к жизни. Идентификация «с птицей высокого полета» в сочетании с неспособностью устанавливать «земные» отношения представляет основную трудность в терапии контрзависимых нарциссов. Фон Франц проводит аналогию с пилотом, поднимающим самолет высоко в небо: в анализе ничего нельзя будет достичь до тех пор, пока у самолета не закончится топливо и он не начнет падать.

Идентификация с одним из аспектов любого архетипа – это непосильная ноша для человека. Такая идентификация нарушает порядок прохождения стадий развития и ведет к формированию систем ригидных защит. В ходе развития, когда естественная потребность ребенка в зависимости не удовлетворяется, вокруг образовавшейся внутренней пустоты выстраивается противобоязненная защита. При наличии некоторых особенностей внутриспсихической структуры и неблагоприятных факторов окружающей среды архетип вечного ребенка захватывает душу человека, суля ему волшебную жизнь в облачных далах, высоко-высоко над миром взрослых отношений и обязанностей, и начинает искажать динамику структуры характера, которая со временем постепенно закрепляется.

Хотя человек, захваченный архетипом Пуэра, несет легкий багаж ранимости и архетипической инфляции, в наследство ему также достается игривый творческий дух ребенка. Юнгианский автор Джеймс Хиллман отмечает, что в Пуэре «открывается наша исконная природа, „золото, залегающее глубоко“ в нашей тени... ангельское существо, посланное Небом» (1979). Архетип Пуэра и Пуэллы Этернус переполнен энергией вечного обновления, творчества и игры. Освобожденная от оков ригидных защит нарциссической структуры, вдохновенная, живая, поэтическая красота, подобно роднику, пробивается в обычную земную жизнь. Архетип Пуэра/Пуэллы может обеднить, а может и обогатить жизнь человека с контр-зависимой нарциссической структурой характера.

Изначально в своих рассуждениях о нарциссизме юнгианские теоретики опирались на архетип Пуэра как на метафору, описывающую человека, развитие которого как бы остановилось на стадии юношества. На самом деле в юнгианской литературе для амплификации динамики нарциссизма часто используется сказка о Питере Пене. Но, по нашему мнению, Питер Пен является воплощением лишь одного конкретного аспекта нарциссической структуры характера, а именно контрзависимой формы нарциссизма.

Нарциссической стадией развития мы называем этап в жизни ребенка, который наступает по завершении примитивной стадии, на которой ребенок испытал определенное чувство всемогущества, и длится до момента констелляции доэдипального конфликта (см. с. 18). Все доэдипальные структуры характера возникают вследствие отвержения, которое в некоторой степени является естественным и неизбежным в ранних отношениях, определяющих в дальнейшем гибкость эго-структуры. Другими словами, во всех этих структурах присутствуют «проблемы с матерью». По правде говоря, все три стадии, включенные в Матрицу, по определению, являются доэдипальными и диадными, поскольку отражают психологическую динамику и характерологические проблемы, возникающие в период младенчества на этапе сепарации–индивидуализации и в период, предшествующий попытке от-

делиться от матери, в случае успеха которой становятся возможными триадные отношения.

Однако, исследуя архетипическую основу и механизмы формирования нарциссизма, мы обнаруживаем, что он существует в трех различных формах. В сказочном мире, кроме Питера Пена, есть много иных героев, воплощающих динамику «юность–старость». В главах 5 и 8 мы покажем, как в других сказках более полно воплощается динамика ищущего и антагонистического паттернов отношений: например, «хорошая дочь» – это манифестация зависимого нарциссизма, а «гордая принцесса» – проявление альфа-нарциссизма. Эти три юных сказочных персонажа-нарцисса ведут скрытую сексуальную игру: они флиртуют и соблазняют. В них еще не проявилась сексуальность взрослого человека, утратившего свою невинность и умеющего строить близкие отношения, и пока не сформировалась способность к установлению любовных, супружеских и родительских отношений.

Сказка

Неугомонный Питер Пен, по-мальчишески дерзкий и очаровательный предводитель большого племени потерянных детей, как нельзя лучше подходит для исследования специфической динамики контрзависимого нарциссизма. Сначала шотландский драматург Джеймс. М. Барри написал пьесу «Питер Пен», а уже потом на ее основе создал детскую сказку. Вот ее краткое содержание (Barrie, 1991):

В первый раз сказочный герой Питер Пен попадает в дом идеальной, но при этом вполне обычной семьи Дарлинг поздно ночью, когда трое детей супругов Дарлинг уже легли спать. Он влетает в открытое окно детской спальни непрошенным гостем. И тут же сталкивается с Наной, большой собакой-водолазом, которая при всем своем добродушии упреждающим лаем выгоняет мальчишку обратно в окно, но прежде успевает схватить зубами его тень. Испугавшись, Питер Пен улетает в ночное небо, забыв о собственной тени. Не на шутку обеспокоенный, он возвращается за ней, но об-

наруживает, что она никак не хочет «крепиться обратно», и впадает в отчаяние. Он сидит на полу и горько плачет; от его плача просыпается Венди.

Вежливая Венди хочет узнать причину слез и утешить мальчика, поэтому спрашивает, как его называет мама. Питер с вызовом отвечает: «Да не плакал я... и никакой мамы у меня нет!». Да родители вообще не нужны. Лично он начал жить по-настоящему только тогда, когда ушел от них и решил навсегда остаться в детстве. Вот что узнает Венди и, сочувствуя этому необычному мальчику, помогает ему – пришивает обратно его тень. А Питер Пен все это время держится самодовольно, хвастается и рисует. Когда же он улетает прочь, Венди уже не сомневается в том, что в жизни не встречала более нахального мальчишки.

Каждую ночь Питер прилетает к окну детской и забирает маленьких Дарлингов с собой в увлекательные приключения. Он учит их летать, и однажды все они попадают в страну Нет-и-не-будет. Именно здесь, на волшебном острове, дети, у которых нет мам, никогда не вырастают. Маленькие Дарлинги узнают, что Питер нашел этот остров, убежав из дома как раз в день своего рождения. Он услышал разговор родителей о реалиях взрослой жизни с ее обязанностями, тяжелой работой, страданиями и спешно покинул отчий дом.

Попав на остров Потерянных Мальчиков, дети слышат историю о страшном пирате – капитане Крюке. Вскоре мы узнаем, что этот ужасный и опасный пират – злой рок Питера – оплакивает свою одинокую жизнь. В одной отчаянной схватке Питер отрубил пирату руку. Однажды днем, когда Питер отсутствовал, пираты Крюка похищают маленьких Дарлингов и остальных потерянных мальчиков с намерением сбросить их всех в море. Благодаря своей сообразительности, находчивости, силе и смелости Питер спасает детей и снова одерживает победу над Крюком. Старый одинокий пират падает в море, где его проглатывает крокодил, уже давно преследовавший его. В благодарность за спасение братьев Венди хочет поцеловать Питера, но он стыдливо уклоняется от поцелуя.

После этого великолепного сражения Питер возвращает детей домой, как они и просили. Миссис Дарлинг, обрадованная их возвращением и растроганная историей о храбром и одиноком мальчике, хочет усыновить Питера. Но он отказывается от предложения обрести семью и дом и улетает один в ночное небо.

Архетипические темы из сказки о Питере Пене четко просматриваются в жизни человека с контрзависимой нарциссической структурой характера. Мифологема «*детство без матери*» приводит к отрицанию важности материнской заботы и адаптации к жизни по типу «сам справлюсь», отличительными признаками которой являются чрезмерная бравада, авантюризм и одиночество – вот что обуславливает использование контрзависимым нарциссом защиты в форме ухода от земной жизни и бегства в потусторонний мир воображения. Но человек не может жить вечно в сказочном мире. Реалии повседневной жизни и давление примитивного аффекта, между которыми зажата инкапсулированная структура характера, угрожают раздавить хрупкую нарциссическую оболочку.

Впервые появившись в образцовом доме семьи Дарлингов, заколдованный мальчик Питер Пен пробуждает защитные инстинкты любимицы семьи Наны, собаки, которая выполняет роль бабушки. Испугавшись ее лая, Питер вылетает в окно, но Нана успевает схватить зубами его тень. Такое поведение типично для Пуэра: бегство от конфликтов, неизбежных при воплощении себя в отношениях, есть проявление защитной инкапсуляции. А не задумываться о последствиях, которые уход может иметь для личных отношений, – это способ не вступать в контакт с тенью. Оторванный от связей с людьми по причине бегства в страну «Нет-и-не-будет», то есть в бессознательное, человек не контактирует с теневой стороной своей души, которая могла бы бросать вызов, пробыть защитой и содействовать дальнейшему развитию. В невоплощенном состоянии Пуэр утрачивает связь с душой и тем, что могло бы вызвать к жизни его «личностный дух» (Kalsched, 1996).

Контрзависимый нарцисс «раздувается» от ощущения безграничного потенциала; талант и харизма часто плещут через край и подпитываются архетипической энергией так, что создается впечатление, будто бесконечные возможности выходят за рамки человеческой ограниченности. Высокий полет в одиноких, бездушных пространствах может опьянять, но часто не имеет ни цели, ни смысла.

Материнское сострадание воплощается в образе Венди, которая приходит на помощь Питеру и пришивает обратно его тень. Развитая способность к эмпатии и состраданию, а также естественная способность заботиться о других – вот те качества, которых чаще всего не достает человеку с нарциссическим расстройством характера. Исцеление может наступить при длительной и тщательной проработке переноса. Только ощущая заботливое и чуткое отношение на протяжении долгого времени, такой человек сможет познакомиться со своим шизоидным началом, постепенно признать свою тень и встать на путь обретения целостности.

Эта задача не из легких. Самонадеянность и высокомерное отношение, используемые в качестве защиты, удерживают контрзависимого нарцисса в инкапсуляции. Девизом человека с контрзависимой личностной организацией, бесспорно, могла бы стать фраза «Мне ничего не нужно». Проявления эмпатии не принимаются всерьез и с пренебрежением отклоняются, особенно в начале терапии. Чтобы по возможности удерживать мучительные переживания и неразвитые аффективные состояния от осознания, потребность в зависимости категорически отвергается, а любое проявление слабости воспринимается с презрением.

Когда контрзависимый нарцисс чувствует достаточное внутреннее равновесие, он готов пуститься в невероятные приключения; и ничто не сможет сдержать полет его фантазии и авантюрные порывы. Но вся эта гонка за приключениями изматывает и наводит уныние, если дома никто не ждет. Огни рампы и аплодисменты, столь необходимые его эксгибиционистской персоне, есть та тонкая нить, которая привязывает его к миру людей.

Шизоидное начало, составляющее основу характера Питера Пена, подобно племени потерянных мальчиков, живущих изолированно на острове посреди моря, в стране Нет-и-не-будет. Вытесненная неудовлетворенная потребность в зависимости живет, затерявшись в далеких просторах бессознательного. В сказке маленькие Дарлинги узнают о страшном пирате – капитане Крюке, злом роке Питера. Капитан Крюк является символическим воплощением альфа-человека, который совершенно магическим образом приводит сюжет в движение и подготавливает героя к трансформации. С этой мощной хтонической маскулинной энергией человек сталкивается, когда теневое содержание, порожденное архетипической Самостью, из внутреннего мира прорывается наружу. Архетип злодея, ярким представителем которого является капитан Крюк, динамично присутствует в сказках как персонаж, который продвигает сюжет, как мощная темная сила, запускающая индивидуацию. И если бы злодей капитан Крюк оказался более сильной фигурой и смог нанести Питеру поражение, то человек, отождествляющий себя с этой сказочной историей, имел бы больше шансов на освобождение. В человеческой жизни поражение Питера означало бы, что нарциссическая инфляция как защита и инкапсуляция Эго повержены, и тогда переживания слабости и уязвимости, вытесненные в бессознательное, поднялись бы на поверхность. Таким образом, человек, некогда захваченный архетипом, мог бы начать соединяться со своей человеческой природой.

Но в сказке Питер дает отпор Крюку и не проигрывает ему. В одной отчаянной схватке он отрубает пирату руку. В этой истории капитан Крюк – недостаточно сильная теневая фигура, которая могла бы вызвать трансформацию сказочного Пуэра. Похоже, что с возрастом контрзависимому человеку необходимо совершать все более дерзкие поступки. Над стареющим Пуэром, чей нарциссический характер слишком одиозен, все неотвратимее нависает угроза краха. В сказке капитан Крюк терпит поражение, когда в схватке Питер отрубает ему руку и ее проглатывает крокодил, неотступно следующий за пиратом. Нарциссическая травма и защиты провоцируют

угрозу появления примитивного аффекта – архетипического зверя, живущего в бессознательном и всегда готового «проглотить» сознание. Победа Питера Пена над Крюком порождает еще более свирепого врага. Если архетипический злодей не в состоянии пробить защиту, он возвращается в бессознательное только затем, чтобы однажды вернуться вновь.

После пугающей встречи с опасными и примитивными силами – капитаном Крюком и его пиратами – младшие Дарлинги хотят вернуться в свой безопасный дом, где они могут быть просто детьми под защитой и опекой собственных родителей. Питер выполняет просьбу детей и возвращает их домой. Растроганная историей об одиноком храбром мальчике и преисполненная чувством благодарности, госпожа Дарлинг предлагает усыновить Питера. Но он отказывается. Отказ от такой прекрасной возможности символизирует избегание чувственной связи, которая могла бы привести к трансформации героя. У человека с контрзависимой личностной организацией страх «запутаться» часто оказывается сильнее желания создать человеческие отношения. Опасность «запутаться» страшит больше, чем по-прежнему одинокая жизнь в капсуле, так же как раньше он не смог принять поцелуй Венди, теперь он отказывается от предложения войти в семью и улетает один в ночное небо.

Архетипы молодости и старости

Если человек идентифицирует себя с одной стороной архетипа, другая уходит в тень. Можно догадаться, что если мальчик идентифицирует себя с Питером Пенем, то энергия озлобленного поверженного злодея, капитана Крюка, поглощенная примитивной энергией зверя, таится в темноте бессознательного. «Сенекс» в переводе с латинского означает «старец». Как метафора «сенекс используется для обозначения строгой приверженности к порядку и символизирует ограничения и тяготы старости» (Hillman, 1983, p. 117). В каких клинических и динамических формах может проявляться напряжение между «исконной золотоносной молодостью», с которой охотно идентифицируются, и темным, разрушительным, ограни-

чивающим аспектом старости, который отрицают? Ранняя идентификация с Пуэром приводит к преждевременной инкапсуляции развивающегося Эго. Захваченный архетипом Пуэра человек часто оказывается не в состоянии делать и создавать нечто реальное и значимое. Даже если он действительно чего-то добивается, то вместо того, чтобы просто радоваться плодам своего труда, он часто не может избавиться от пугающей фантазии, что будто бы совершает мошенничество. Ему постоянно необходимо внимание и одобрение, но при этом он держит других на расстоянии. А тем временем комплекс Сенекса ждет в бессознательном и накапливает энергию, готовясь захватить сознание и обрушить поток кастрирующей критики, которая заточит в свинцовые оковы наивные юношеские надежды и раз и навсегда положит конец заоблачным мечтам и творческим устремлениям. Нарциссическая инкапсуляция – очень хрупкая адаптация, которая грозит свергнуть человека в пучину опасностей, от которых она же и защищает. С возрастом последствия этой архетипической идентичности становятся все более катастрофическими для психики человека:

Если идентификация с Пуэром не будет проработана или человек «не вырастет» из нее, то произойдет энантиодромия: Пуэр попадет под власть архетипического Сенекса. И тогда парящий в небе и любящий веселье мальчик спросит со всех, станет жадным до власти и будет символически пожирать творческий потенциал окружающих его людей. Вот так непрожитая жизнь Пуэра проявляется в ее негативной форме. В своей душе стареющий Пуэр встречает не мудрого старца, а дряхлого Сатурна с его сокрушительными ограничениями. Не сумев утолить свою горечь, он стал одержим порядком... Тот, кто проживает только одну сторону паттерна, полностью исключая другую, рискует целиком подпасть под власть противоположного полюса... Подобно дряхлому Сатурну, проглотившему своих детей, Сенекс пожирает все новое, а заодно съедает и собственного ребенка.

(Hillman, 1983, p. 117)

Сказочные сестры Питера Пена и психология Пуэллы

Сказочный мир населяет множество мальчиков и девочек, которые остаются вечными детьми. Давайте познакомимся с психологической динамикой Пуэллы на примере сказки «Белоснежка». Это история об одной из «сестер» Питера Пена из страны фантазий (Grimm, 1972). Сказка начинается со слов: «Однажды, глубокой зимой, когда хлопья снега, похожие на птичий пух, падали с неба...». Сцена описана поэтически: середина зимы, падает снег. Мы настроены услышать еще одну историю о губительной власти льда, столь же печальную, как сказка о Девочке со спичками. Но, судя по всему, о Белоснежке все же заботились и заботились достаточно, потому что эта сказочная героиня не замерзает во льду, а лишь заключена в стеклянную капсулу.

Белоснежка вынуждена слишком рано стать независимой, чтобы защитить себя, ведь новая жена отца прогоняет ее одну-одинешеньку в страшный лес. Ради собственной безопасности она пренебрегает собственными потребностями. Она становится воплощением чистоты, образцом бессмысленной независимости, что дает ей ощущение некоторого превосходства. Она селится в доме у гномов и заботится о них. Она – маленькая мама, которая все знает о потребностях других, то есть преуспевает в том, что не удалось ее матери. Такая «домашняя» адаптация помогает спрятать отчаяние, связанное с утратой матери, переживанием эдипального конфликта и поражением в нем, которое ей наносит женитьба отца на злой мачехе. Роль «маленькой мамы» позволяет скрыть стыд и унижение, которые она чувствует, потому что лишена любящей матери и отдана отцом на милость ведьме.

Человек с шизоидной структурой характера символически замерзает во льду, а нарцисс, находящийся на более продвинутом уровне развития, помещен в стеклянную гробницу. Если Девочку со спичками никто не замечал, то на Белоснежку устремлены взоры многих. Ее хотя бы видят. В ней есть какая-то жизнь, которую можно возродить, и есть те, кто тянется к ней и защищает ее, несмотря на то, что отец, по сути безучастный к судьбе дочери, и завистливая, самодовольная,

злая мачеха нанесли Белоснежке раны, оставляя ее аффекты не отзеркаленными, и обрекли на участь маленькой одинокой девочки.

Если вдуматься, то ведь в сказке о Белоснежке мы имеем дело с теми же, хотя и усложнившимися, архетипическими мотивами, которые образуют бесплодный ландшафт шизоидной реальности. Шизоидная структура характера формируется на примитивной стадии в рамках избегающего паттерна отношений. Пройдя примитивную стадию, ребенок вступает в нарциссическую стадию развития, на которой в рамках избегающего паттерна формируется контрзависимая нарциссическая структура характера.

По мере того как сюжет сказки разворачивается, образ снега переходит в образ стекла. Сирота становится жертвой происков темной мачехи-ведьмы, которая отравляет прелестную девушку. Белоснежка на много лет погружается в состояние «мертвого сна» – одна, изолированная от внешнего мира, она лежит в стеклянной капсуле, но многие по-прежнему любят и даже обожают ее. Опечаленные гномы выставляют ее напоказ в стеклянном гробу. Как и во многих других сказках о спящих красавицах, только смерть Пуэллы, которую прокляла темная мать, может освободить из бессознательного героический анимус. К сожалению, в современном мире живет много девушек, которыми восхищаются и восторгаются, несмотря на то, что они пребывают в пассивно-мертвенном состоянии, поскольку отравлены темной матерью. Существует много спящих красавиц, которые никак не могут дождаться появления принца.

Поля, на которых расцветают Пуэры и Пуэллы, возделываются архетипом, который воплощается в символах молодости и старости независимо от половой принадлежности. Существующие в обществе гендерные различия навязывают разные формы поведения для Пуэров и Пуэлл и таким образом маскируют универсальную природу этого «архетипического сплава». В юнгианской литературе главным образом освещаются проблемы Пуэра, и почти не формулируются схожие, но имеющие свои психологические отличия проблемы Пуэллы¹. Кроме того, следует учитывать, что архетип молодости и старости по-разному проявляется в разных культурах. У де-

вушки с контрзависимой нарциссической структурой характера сохраняется архетипическое восприятие феминности, поскольку при общении с собственной матерью ей не удалось наполнить это восприятие личными переживаниями, поэтому она считает себя папиной дочкой. И в этом случае она не в состоянии избавиться от идентификации с отцом и создать прочную связь с матерью и женщинами вообще, а в конечном счете и с собственной феминностью. В итоге ее личное ощущение своего Я по большей части, как и связь с архетипической Самостью, остается в бессознательном.

Если взросление человека проходит на фоне идентификации с Пуэром/Пуэлкой, то архетипическая реальность бессознательного расщепляется на Сенекса-Мудрого Старца или Мудрую Старицу-Ведьму. В любом случае, если Эго идентифицируется с образом юности, то противоположный ему образ старости уходит в бессознательное. Тогда женщина с идентичностью Пуэллы «разглагольствует», как умудренная опытом старица, но присутствующие все же воспринимают ее как девочку-подростка, напустившую на себя премудрый вид. К этой же категории можно отнести стареющего профессора-пуэра, который, читая лекцию в университете, ведет себя как самонадеянный юнец, или сотрудника министерства обороны, который, зачитывая доклад, держится высокомерно и вызывающе.

Итак, мы увидели, что некоторые классические сказки в символической форме описывают защиты контрзависимого нарциссизма. Белоснежка, лежащая в стеклянном гробу, и Питер Пен, улетающий на остров Потерянных Мальчиков, являются яркой иллюстрацией отчужденности, высокомерия, неприступности и инкапсуляции. Сильный, немногословный, дерзкий, уверенный в себе герой-одиночка, восседая на своем коне, скачет навстречу новому приключению – знакомый всем образ мужчины с чертами контрзависимого нарцисса. Нарциссическая инкапсуляция, подобно образу исчезающего в закате смелого и одинокого ковбоя, часто идеализируется и представляется в виде *ухода в прекрасное одиночество*.

Если внутриспсихические и межличностные факторы «сговариваются» создать нарциссическую инкапсуляцию, то для взаимодействия с миром подготавливается непроницае-

мая «юношеская» персона мужского или женского пола – неважно. Эта ограниченная персона служит наглядным подтверждением того, что произошла задержка внутреннего развития. Ранняя нарциссическая инкапсуляция не дает полноценно сформироваться оси Эго–Самость, которая обеспечила бы человека прочной связью с архетипической Самостью, то есть с тем источником, из которого каждый из нас может черпать смысл. Лишенная таким образом гибкости, структура характера блокирует ток психической энергии. Прерывается поступательное развитие внутренней структуры, обеспечивающее формирование реалистичных устремлений и идеалов, которые помогли бы взрослому человеку прожить «земную», наполненную близкими отношениями жизнь. Примитивное слияние с Самостью порождает во внешнем мире эксгибиционизм и грандиозность, в то время как внутренний мир остается аффективно пустым. Из-за этого слияния контрзависимый человек подвержен приступам самоуничтожения в те моменты, когда ощущает себя простым смертным.

Из-за слабой связности своего Я человек, идентифицирующий себя с Пуэром/Пуэлкой, всегда подвергается опасности: его адаптация, будучи хрупкой и поверхностной, может не сработать, и тогда он столкнется с пугающим переживанием угрозы. И все же не каждый ребенок обречен стать пищей для голодного дряхлого Сатурна. Нарциссическую инкапсуляцию можно «проработать»: человек должен освободиться от слияния с Самостью и направить энергетический поток в русло последующей интеграции и обретения целостности. Зная о существовании в психическом пространстве другой динамической противоположности и сознательно удерживая напряжение между полюсами «юность» и «старость», человек получает возможность творчески их синтезировать.

Клинический случай: романтическая и недолюбленная мать Эмили

Давайте отвлечемся от клинической теории и архетипического ландшафта Вечной Девочки и рассмотрим описываемую динамику на примере личной истории конкретного человека.

Итак, знакомьтесь: Эмили. Она пребывает в инфляции, обусловленной архетипом *Puella Aeterna*: всегда готова к новым приключениям, избегает любых реальных отношений и никак не может уgomониться. Эдакая вечная девочка: очаровательная, игривая и романтическая. Серьезно относится к своему внешнему виду, в котором тщательно продумана каждая деталь. Ее веселый нрав притягивает мужчин, как магнит. Она забавляется с ними снова и снова, пока ей не наскучит. Для окружающих она остается загадкой. Ее умение соблазнять легко сочетается с детским обаянием. В компаниях она развлекается, пуская в глаза присутствующим волшебную пыль, что делает ее душой общества. Такая яркая и радостная адаптация часто скрывает от стороннего наблюдателя до боли пустой внутренний мир контрзависимого человека.

При том что Эмили заполняет свою жизнь другими людьми, она старательно оберегает себя от вовлеченности в отношения. Что касается ее внутренней жизни, то ей снятся пророческие и синхронические сны. Ее фантазии необычайно романтичны, величественны и безличны. Легко вступая в контакт с миром образов, она использует плоды бессознательного в терапии, чтобы защитить себя. На сессиях относится ко мне с изрядной долей пренебрежения и презрения. Но Эмили приближается к среднему возрасту и на фоне увядающей красоты все острее чувствует, насколько скуден мир ее отношений. Она приступает к терапии с четкой целью стать юнгианским аналитиком. В ходе дальнейшей работы выяснилось, что она начала анализ по той причине, что мужчина, который проявлял к ней участие и с которым она стала понемногу сближаться, отверг ее. Поскольку боль отвержения не утихала, уверенность Эмили в своей привлекательности и обаянии пошатнулась и она решила сделать косметическую операцию. Почти сразу она смогла понять, что проблема как раз и состоит в том, что она мечтает об операции, которая, по сути, ничего не изменит в ее жизни.

Казалось, что лечение продвигается очень медленно, натываясь на преграду в виде некой непроницаемой оболочки. На сессиях Эмили часто говорила о своих успехах, триумфах и странных снах. Звучало много красивых слов, но они каза-

лись вычурными и вымученными. Совершенно неожиданно Эмили предложили престижную работу в другом городе. Она согласилась, была польщена, взволнована и готова к новому приключению. И, совсем как Питер Пен, «улетела одна в ночное небо», к новой жизни в квартире, расположенной в высотном доме. Мне подумалось, что уж слишком легко покидает она своих друзей и меня и радуется как-то преждевременно. Неожиданно для нее самой первые несколько месяцев на новом месте, где она никого не знала, оказались невероятно тяжелыми. Беспокойство по поводу стареющей внешности и болезненное ощущение одиночества усилились. Труднее становилось изображать счастье перед незнакомыми людьми. Несколько раз она плакала прямо на работе и боялась, что вот-вот «психанет». Больше всего она боялась, что коллеги пристыдят ее за слезы. Когда стало совсем плохо, она позвонила мне. Ее жилье в нашем городе еще не было продано, и, поскольку было куда возвращаться, она вернулась.

Но на этот раз, возобновив анализ, она больше молчала и плакала. Ей приснился сон:

Я вижу себя шестимесячным ребенком, голодным и зовущим мать. Появляется мать, но вместо того, чтобы накормить меня, берет на руки и разворачивает лицом к кинокамере. На мне жесткое белое платье.

Этот образ преследовал и тревожил пациентку. В ходе терапии стали вспоминаться другие случаи, когда мать, ранее идеализируемая, представляла холодной, красивой и безучастной. Осознав, чего же ей недоставало в раннем детстве, Эмили поначалу испытала печаль, которая затем сменилась неистовой яростью. Она поняла, что эта ярость была адресована матери, но проявлялась в ярости по отношению к женщинам, с которыми встречались *ее* мужчины, а также в презрении к женщинам вообще, включая меня. С моей стороны потребовалось немало времени и стойкости, чтобы вывести эту архетипическую проекцию «злой мачехи» на уровень сознания и «распутать» ее. В результате длительной работы одна архетипическая проекция уступила место другой и ярость Эмили трансформировалась в злость.

Очень медленно Эмили переходила к восприятию меня как носительницы образа Великой Матери. Она постепенно научалась делиться нуждами и не скрывать свою уязвимость. Она тихо плакала, когда чувствовала, что ее ценят, поддерживают и принимают. Был период, когда ей хотелось говорить только о своих вкусовых пристрастиях. Она понимала, что так ее внутренний голодный ребенок дает о себе знать и устанавливает с ней контакт. Мало-помалу она смогла высвободиться из своей «стеклянной капсулы». Идеализация – это то естественное русло, по которому течет энергия Самости; она прокладывает путь, следуя которым, человек становится ближе к самому себе. Очень важно чувствовать защиту и поддержку со стороны идеализированной *фигуры*, чтобы обрести опыт переживания радости и творческого подъема, комфорта и безопасности. Такой нуминозный опыт, приобретенный в детстве, закладывает прочный фундамент, способный выдержать напряжение последующих этапов развития, а также порождает и укрепляет отношения между Эго и Самостью.

Конечно, в процессе анализа может возникнуть идеализирующий перенос, который или поможет развитию, или заведет в тупик. Если аналитик осознанно поддерживает идеализированную проекцию, то пациент со временем сможет интегрировать ее содержание. Если же аналитик остается бессознательным по отношению к идеализации, принимая ее за «чистую монету», пациент «чахнет», попав в зависимое положение. Иногда идеализирующие проекции разрешаются крайне неудачно: быстро обесцениваются и внезапно прекращаются. Наилучший сценарий развития событий выглядел бы так: пациент постепенно интернализует идеализированный образ в личное ощущение Самости и одновременно в процессе деидеализации обретает реалистичное восприятие аналитика как обычного человека.

Несложно провести аналогию между сказкой о Белоснежке и историей Эмили. Подобно тому как Белоснежку, одинокую и окруженную завистью, прогоняют в глухой и пустой лес, зарождающееся Эго Эмили оказывается в пустынном пространстве инкапсуляции. Блуждая в дебрях бессознательно-го, регрессировавшее Эго страдает от изоляции, неизбежной

при шизоидной регрессии. Окрепшее сознание сможет высвободиться из заточения-инкапсуляции, только если разрушится защитная нарциссическая структура и пустоту заполнят слезы и эмпатия, несущие с собой тепло человеческого общения.

Фрейд и неофрейдисты о нарциссизме

Аутоэротическую стадию в развитии ребенка Фрейд определил как «первичный нарциссизм», то есть любовь к самому себе, которая предшествует способности любить другого. Позже он ввел понятие «вторичного нарциссизма» (Freud, 1914). Это состояние, когда либидо снова направляется на Я, если любовью человека пренебрегают или она утрачивается. К тому же именно Фрейд первым использовал древнегреческий миф о Нарциссе в описании нарциссических явлений (Freud, 1914). Нарцисс, красивый обворожительный юноша, был проклят богиней Немезидой, карающей бессердечных любовников. Кара ее заключалась в том, что Нарцисс влюбился в собственное отражение в воде, да так и не сумел понять, что пленился своим же образом. Он стал центром собственного мира, и другие его не интересовали. Собственное отражение пробудило в юноше страстное желание, которое не отпускало его, не приносило удовлетворения и сделало несчастным. Нарцисс влюбился в свой образ, а образ никогда не смог бы удовлетворить его страсть. Пойманный в капкан ложного и бессмысленного существования, он был обречен на жизнь и смерть в одиночестве. Темы красоты, бессердечия, пустоты и неосуществленного желания, представленные в этом трагическом мифе, точно раскрывают главные проблемы человека с контрзависимой нарциссической структурой характера².

Работы Д. В. Винникота (Winnicott, 1958, 1960, 1965, 1970) подготовили почву для многих последующих теоретических исследований нарциссизма. Дональдс Вудс Винникотт, британский педиатр и психоаналитик, в своих исследованиях целиком сосредоточился на отношениях мать–ребенок. Он наблюдал и описывал, каким образом динамика развития может нарушиться по причине *рассогласования* ребенка и родителя. Рассогласование энергий, проявляющееся либо в не-

оказании поддержки, либо в активном вмешательстве в игру ребенка, посредством которой он познает мир, нарушает его последовательное развитие. Винникотт утверждает, что только в «поддерживающей среде» ребенок обретает способность к спонтанной жестикуляции. В своих ранних исследованиях он пришел к выводу, что в присутствии «достаточно хорошей матери» ребенок, получая эмпатию и поддержку, научается проявлять свою уникальность и жить в естественном состоянии «постоянно развивающегося существа». Достаточно хорошая мать, по определению Винникотта, способна отзеркаливать широкий спектр детских аффектов, включая любовь и агрессию. Получая такую эмоциональную поддержку, ребенок обретает чувство уверенности в себе и в своей способности устанавливать отношения. На базе этих ранних взаимодействий развивается его способность вступать в аутентичные и творческие отношения «здесь и сейчас». При наличии живой связи между матерью и ребенком, мать способна пробудить, а затем «метаболизировать» присущее ребенку чувство всемогущества и грандиозности, вводя в переносимых «дозах» оптимальную фрустрацию. В результате такого взаимодействия у ребенка формируется способность принимать объективную реальность, в которой приходится поддерживать аутентичное самовосприятие в условиях реально существующих ограничений.

Если у ребенка отсутствует опыт переживания достаточно хороших отношений, перспективы проживания им аутентичных отношений выглядят довольно мрачно. По мнению Винникотта, при неоднократном переживании ребенком угрозы, направленной на его самовосприятие, уязвимое «истинное Я» регрессирует в бессознательное, а в целях его защиты создается маскировочное «ложное Я», которое, заняв место «истинного Я», взаимодействует с миром. Винникотт полагает, что «истинное Я» замораживается, когда возникают переживания, угрожающие его идентичности. Защитная адаптация в форме «ложного Я» является одним из способов зарождения ранней нарциссической инкапсуляции. Под термином «истинное Я» Винникотт понимал не некую полностью сформировавшуюся внутреннюю личность, отказывающуюся

юся проявить себя, а потенциал «непосредственного индивидуального проживания жизни, который остается неразвитым из-за отсутствия благоприятных, поддерживающих условий» (1965).

За последние 30 лет появилось большое количество психоаналитической литературы, в которой описываются нарциссические явления, что само по себе показательно. По мнению социологов, повышенный интерес к нарциссизму отражает тенденции, свойственные американскому обществу в целом. В Европе во времена Фрейда была широко распространена истерия, как реакция на викторианские модели поведения. Мифы же американского общества о безграничных перспективах и возможностях, огромных ресурсах и личной свободе породили в США пуэр-культуру, или культуру «вечных подростков», и содействовали распространению нарциссизма (Lash, 1978). Этот реальный феномен общественной жизни нашел свое отражение в работах Кернберга и Кохута – теоретиков, оказавших наиболее существенное влияние на формирование современной клинической концепции нарциссизма. Не отвергая фрейдовскую теорию влечений, Кернберг (Kernberg, 1970, 1975, 1984) предлагает структурную модель нарциссической патологии характера, которая, по его мнению, возникает вследствие многократного отвержения ребенка манипулятивными родителями, у которых слабо развита способность к эмпатии. Интернализация таких искаженных объектных отношений приводит к формированию защиты, цель которой – поддержать хрупкую связность нарциссической структуры. Признаками этой «патологической структуры Я» являются сильный страх критики и использование изоляции в качестве защиты от чувства неполноценности, которое могло бы разрушить хрупкую целостность структуры и выпустить мощный поток примитивных аффектов. Другими словами, защитная нарциссическая структура призвана сохранить целостность Я в условиях сильного внутреннего напряжения, которое грозит ее разрушить. Это внутреннее напряжение, как полагает Кернберг, похоже, нагнетается сильным агрессивным драйвом, который вообще присущ нарциссам (Kernberg, 1970).

Кохут предложил сместить парадигму, то есть рассматривать феномен нарциссизма, используя не фрейдовскую модель влечений, а модель дефицита (Kohut, 1971, 1977, 1984). Он сосредоточился на существенных дефектах, причиной возникновения которых являются неудачи в межличностных отношениях, а следствием – отсутствие прочного ощущения связности личного Я. Сместив фокус исследований с конфликтов влечений на центральные структуры личности, Кохут выбрал вместо биологически детерминированного межличностный подход и стал основоположником нового направления в психологии, получившего название «психология самости».

Отмечая свойственную нарциссически травмированным людям чрезмерную озабоченность самими собой, Кохут выделяет их главные проблемы: отсутствие самоуважения, руководящих идеалов и способности проявлять эмпатию к другим. Для Кохута жизненно важной является потребность ребенка в эмпатическом отклике родителя. Он убежден, что агрессия, по сути, является дезинтегративной реакцией на недостаточную заботу. По его мнению, нарциссические Я-структуры возникают вследствие двух специфических нарушений развития. Первое нарушение связано с неспособностью ребенка преобразовать архаическую грандиозность в здоровый эксгибиционизм и самоуважение, а второе – с невозможностью создать и переработать идеализированный образ родителя.

Для того чтобы в ходе развития архаическая грандиозность трансформировалась в самоуважение, ребенок обязательно должен быть эмпатически принят и отзеркален достаточно хорошим родителем. По завершении этого процесса интегрированное чувство самоуважения позволяет ребенку исследовать и демонстрировать свои уникальные способности и интересы, вызывая тем самым восхищение у родителя. В процессе эмпатического отзеркаливания ребенок получает поддержку, достаточную для того, чтобы выражать и интегрировать «грандиозную самость» присущим только ему уникальным способом. Только при наличии этого необходимого опыта переживаний эмпатического принятия и отзеркаливания со стороны матери у человека развивается способность относиться с эмпатией к окружающим, формируются

здоровые амбиции и чувство самоуважения. Второе нарушение в развитии, а именно невозможность констеллировать и интегрировать идеализированный образ родителя, приводит к возникновению нарциссического дефицита. При благоприятном развитии событий идеализированный образ родителя соединяется с Я ребенка. Затем формируется идеализация, которая при своем разрешении трансформирует естественное для ребенка архаическое чувство всемогущества в ощущение внутреннего руководящего начала, направляющего ориентира, идеалов. Интегрировавшись, эти качества позволяют ребенку чувствовать себя достаточно сильным и уверенным, чтобы уникальным образом реализовать свой творческий потенциал.

Восполнить исходный структурный дефицит можно в процессе постепенной интернализации. Именно посредством интернализации создается «первооснова Эго». В ходе психотерапии, как, собственно, и в ходе естественного развития ребенка, чтобы сформировать способность к эмпатии и трансформировать архаичный эксгибиционизм и грандиозность, требуется время и кропотливая работа. Развитие и исцеление происходят в процессе ассимиляции последствий эмпатических неудач терапевта, которые Кохут назвал «преобразующими интернализациями». Приходя к осознанию того, что «тот, кто питает ко мне уважение, не имел намерения ранить меня, а всего лишь допустил ошибку», ребенок или пациент интернализуют любовь и поддержку и постепенно обретают способность к эмпатии.

Кохут также признавал важность формирования здорового нарциссизма. Именно нарциссический компонент позволяет человеку продуктивно использовать эксгибиционизм, то есть умело проявлять свой творческий потенциал в жизни, ставить перед собой реалистичные цели и энергично их достигать, развивать способность к эмпатии. А живая связь со структурно устойчивым ощущением своего Я (Самости) помогает ему определять, что для него значимо и что согласуется с его идеалами.

Точки зрения Кернберга и Кохута расходятся и сходятся, складываясь в сложную мозаику из клинических наблю-

дений за проявлениями нарциссизма, который с присущими ему чрезмерным фокусированием на самом себе, ощущением внутренней пустоты и отсутствием самоуважения, связанным с переживанием чувства стыда, стремится ограничить межличностное взаимодействие человека посредством ригидного избегания им близкого личного контакта. Как точно подметила Маквильямс (McWilliams, 1994, p. 175), у нарциссов «глубока потребность в окружающих, но любовь к ним поверхностна».

В книге «Prisoners of Childhood: The Drama of the Gifted Child and the Search for the True Self» (1975) психоаналитик Алис Миллер, знакомя читателя с работами Винникотта и развивая собственные идеи, исследует, в первую очередь, дилемму, с которой сталкивается интуитивный ребенок, воспитываемый нарциссическими родителями. Она отмечает, что в отличие от многих других такие дети более чувствительны к невыраженным аффектам, отношению и ожиданиям окружающих. По ее наблюдениям, в такой семейной конstellляции ребенку, как правило, приписывают некий особый талант. Его назначают гением, исключительным ребенком, любимой дочерью или любимым сыном. И в этом случае он несет тяжелый груз родительской проекции, то есть представлений родителей об их собственной «особости», талантах или нереализованных возможностях. Несение этих проекций может поддерживать инфляцию ребенка, но при этом его собственные чувства не отзеркаливаются, уникальность остается без внимания и не пробуждается к жизни. В ответ у ребенка формируется нарциссическая структура характера или «ложное Я», которое удовлетворяет желание родителей иметь исключительно одаренное чадо. Если, несмотря на все старания удержать свой особый статус, ребенок все же не отзеркаливает или не может отзеркаливать родителей, испытываемое ими разочарование сильно ранит его. А поскольку его внутренняя жизнь не развита, отступить он может только в свою внутреннюю пустоту. Но даже оттуда нарциссический ребенок в отличие от многих других более чутко воспринимает невыраженные аффекты, отношение и ожидания окружающих.

Поскольку одобрение родителей является главным для ребенка, адаптировавшегося с помощью «ложного Я», он ответственно заботится о них. Манипулирующие родители эксплуатируют это отношение, тогда как ресурсы ребенка истощаются, будучи используемыми не по назначению. С клинической точки зрения, высокомерная самопрезентация и неспособность сопереживать другим объясняются наличием нарциссической структуры характера. Эта защитная структура является тем местом, в которое пациент часто и бессознательно возвращается, чтобы спастись от ощущения, что его не любят, он не нужен, его используют.

**Случай из практики:
Джоан – само совершенство, дочь – тень**

Легко вступая в контакт с миром интеллекта и воображения, человек с контрзависимой нарциссической структурой характера сначала сливается с образом, а потом идентифицирует *самого себя как этот образ*. При этом в качестве одной из главных динамических защит используется позитивная инфляция (Edinger, 1972). Когда позитивная инфляция сочетается с нарциссически обусловленным стремлением к совершенству, то образ Я, с которым человек себя идентифицирует, должен быть красивым и эстетичным. У женщины такого типа должен быть красивый дом, импозантный муж, замечательные дети. Ведь это не просто ее жизнь, это есть *она сама*. Ее единственная цель – выделяться на этом фоне. Если по отношению к самой себе и тем, кто является ее нарциссическим расширением, она применяет позитивную инфляцию, то все, что находится за пределами ее владений, наоборот, негласно обесценивается. Обесценивание, как защитный механизм, мы уже подробно описывали в этой главе. Оставаться безупречной и инкапсулированной, как Белоснежка – вот стиль жизни, при котором сохраняется ее психическая целостность. Любой дефект в созданной картине вызывает страх, поскольку угрожает дезинтеграцией и отступлением в «шизоидную» пустоту. Если образ испорчен, тогда потеряно все. Поэтому она будет отчаянно биться за сохранение имиджа: «Моя жизнь прекрас-

на – точка!». Совершенный образ и есть та стеклянная капсула, в которой живет нарцисс. Прочные и непроницаемые стенки капсулы помогают контрзависимому нарциссу сохранять его психическую целостность, но отгораживают от открытого и живого контакта с внутренним и внешним миром. Испытывая страх перед последствиями аффектов и поступков, а также перед угрозой регрессии в шизоидное состояние, он впадает в опасную зависимость от своих защитных структур. Но, как любое стекло, эти структуры могут быстро превратиться в груды осколков. Материал, из которых они сделаны, по природе своей ломкий, поэтому контрзависимый нарцисс оказывается чрезвычайно уязвимым. И он прекрасно знает, что рана может быть для него смертельной.

Давайте познакомимся с контрзависимой динамикой, неотъемлемыми элементами которой являются стремление к совершенству и идентификация Я с неким образом, на примере клинического случая женщины по имени Джоан.

Джоан была любимой дочерью своего отца, известного политика. Ее мать – красивая женщина, преданная жена, энергичный, предприимчивый специалист по связям с общественностью: похоже, именно ей отец был обязан своей карьерой. Со слов Джоан, ее жизнь была безупречной до тех пор, пока у дочери не начался переходный возраст и она не превратилась в мрачного, неорганизованного подростка. У Джоан был любящий муж, красивые, послушные дети, завидная карьера в юридической школе. Она была безупречна и уверена в себе. При всем ее обаянии и привлекательности в ней улавливалось едва заметное превосходство, что вызывало зависть у окружающих. Начать терапию Джоан заставило беспокойство за дочь, которая изменилась до неузнаваемости. Джессика потеряла интерес к учебе, и причиной тому, вероятнее всего, была плохая успеваемость. Несмотря на то, что Джоан и ее муж сделали все возможное, чтобы помочь девочке (приглашались репетиторы, проводились внеклассные занятия, приобретались компьютерные программы для неуспевающих), оба постепенно поняли, что Джессика никогда не сможет добиться тех высот, о которых они мечтали. Вскоре после этого дочь стала все больше отдаляться и злиться на них обоих.

Джессика начала одеваться, по выражению Джоан, с «мрачной эксцентричностью». Поначалу Джоан, как ей самой казалось, вполне деликатно пыталась повлиять на дочь: она предлагала купить ей новую одежду, более подходящую для девочки ее возраста, сделать прическу, чтобы почувствовать себя привлекательней, а для поднятия настроения перекрасить и привести в порядок комнату. В ответ на уговоры матери дочь подняла ставки: каждый день на обеденном столе начали появляться странные, пугающие предметы, а в двери дома стучались мрачные и угрюмые типы, якобы друзья, которые по виду были намного старше Джессики. Джоан отказывалась признавать всю серьезность происходящих с Джессикой изменений и просто отдалилась от дочери. А Джессика не останавливалась: одевалась во все черное, красила ногти черным лаком и даже перекрасила в черный цвет свои красивые светлые волосы. Джоан охватила паника. Она списывала готический имидж Джессики на трудный возраст, и все же ей было невероятно стыдно появляться с ней на людях. Она злилась, что вынуждена соприкасаться с этим мрачным, «неаккуратным» миром. Где она допустила ошибку? Это был первый изъян в ее правильно сконструированной жизни, первая трещина в ее броне. Именно в тот момент она и приняла решение начать терапию. Она любила своего ребенка, и тот невероятный стыд, который она испытывала за внешний вид Джессики, подействовал на нее шокирующе и отрезвляюще, как и неспособность конструктивно разрешить ситуацию, которая, по ее ощущению, становилась все опаснее. Все происходящее во многих отношениях задевало чувство гордости Джоан.

Прошло несколько лет непрерывной терапии, прежде чем Джоан смогла по-настоящему понять, что ее стремление к совершенству, которое, по сути своей, было защитным, хотя и позволило ей добиться большого успеха в жизни, никак не помогло преодолеть кризис в отношениях с дочерью; наоборот, именно оно и провоцировало Джессику на отыгрывание. Чувство глубокого стыда стало той почвой, на которой зародилась способность испытывать эмпатию. Она осознала, что была неприступна в своем великолепии, чем и вызывала завистливое отношение у окружающих. Со временем Джоан

научилась распознавать способы, с помощью которых обесценивала других людей, чтобы подкреплять чувство собственной значимости. Она также смогла понять, что ее совершенная адаптация к жизни была защитной компенсацией чувства стыда, испытанного в детстве, когда родная мать-ведьма использовала и отвергала ее, чтобы поддерживать собственный образ совершенства. Ей стало ясно, что подростком она отвергала свое женское начало.

К материнскому неприятию Джоан адаптировалась следующим образом: она решила, что если ее внешность, интеллект, дом, семья будут безукоризненны, то у других не будет оснований стыдить или отвергать ее. Фактически она избрала стратегию отвергать первой и избегать конфликтов. Она также смогла понять, что трудности, которые в тот период переживала ее дочь, были символическим воплощением ее собственной тени: темной, презираемой, отвергаемой. Джессика как бы выполняла бессознательное требование матери отыграть ее тень. Примерно в то же самое время Джессика уехала в колледж, мрачные проявления ее персоны, так же как и ее гнев, начали ослабевать. Воодушевленная этими переменами и инсайтами, Джоан ощутила, что ее тело ожило, отчего пришла в ужас, а это говорило о том, что она начала чувствовать. У нее появились желания. В конце концов она погрузилась в печаль. Очень-очень медленно, но она освободилась из стеклянной капсулы, другими словами, от инкапсуляции.

Как правило, в ходе терапии контрзависимых нарциссических пациентов возникает мало реакций переноса, дающих материал для анализа. Стеклянная капсула, которой можно уподобить эту структуру характера, удерживает внутриспсихические переживания и ограждает от близких межличностных отношений.

Юнг и юнгианцы о нарциссизме

Юнг и его последователи проложили путь к исследованию проблем, возникающих на доэдипальном этапе, который в те времена не выделялся в отдельную стадию. Ранние юнгианские теоретики, в первую очередь, сам Юнг, а также фон

Франц и Хиллман, использовали образ Пуэра для описания целого ряда психологических явлений, относящихся к начальным этапам развития. Можно сказать, что пуэр-психология – это первая попытка дифференцировать и объяснить эдипальные проблемы характера с юнгианской точки зрения.

Главное отличие работ Фрейда и Юнга состоит в том, что Фрейд больше внимания уделял вопросам эдипальной вины и роли отца, тогда как Юнг сосредоточился на вопросах доэдипального стыда и роли матери. Возможно, интерес Фрейда к эдипальным проблемам и развитию невротизма был во многом обусловлен обстоятельствами его жизни, учебой в викторианской Вене и особенностями структуры его личности. Юнг же не исследовал нарциссизм как таковой. Можно предположить, что опыт, приобретенный им в клинике Бурхольдци, а также его характер и личность в значительной степени предопределили его активный интерес к доэдипальным проблемам и более глубокому изучению роли матери.

Фрейд рассматривал регрессию как защиту, которая чаще всего обречена на неудачу. Как раз в тот период, когда произошел разрыв с Фрейдом, Юнг разработал концепцию креативной регрессии, которую изложил в своей книге «Метаморфозы и символы либидо» (Jung, 1956a). По описанию Юнга, при целенаправленном использовании регрессии в анализе энергия либидо через раны, полученные в раннем детстве, попадает в коллективное бессознательное³. Именно там происходит трансформация, то есть восстанавливается связь с Самостью и человек переживает обновление. Эдингер позже назвал эту последовательность, включающую целенаправленную регрессию, обновление и прогрессию, восстановлением разрыва на оси Эго–Самость (Edinger, 1972). Таким образом, в понимании Юнга регрессия является целенаправленным перемещением назад к более ранним переживаниям, связанным с матерью, а в конечном итоге – в коллективную душу, где происходит обновление.

Впервые представленные в работах фон Франц и Хиллмана, эти концепции получили более серьезное клиническое и аналитическое обоснование в работах последующих юнгианских теоретиков, самыми известными из которых яв-

ляются Калшед (Kalsched, 1980), Сатиновер (Satinover, 1980) и Шварц-Салант (Schwartz-Salant, 1982). Юнгианские авторы продолжают вносить свой вклад в психоаналитическое исследование нарциссизма. После написания своей первой работы, посвященной психологии Пуэра, Джеффри Сатиновер перешел к углубленному исследованию нарциссической динамики в личности Юнга и в созданной им психологии, а также к исследованию проблем истерии и истерического характера в представлении Фрейда. Натан Шварц-Салант посвятил себя исследованию взаимосвязей между нарциссизмом и процессом индивидуации, а также символических аспектов пограничной структуры характера. Дональд Калшед занимается глубоким изучением доэдипальных проблем, синтезируя юнгианский подход и современную теорию объектных отношений.

Нарциссическая стадия: контрзависимая, зависимая и альфа-нарциссическая структуры характера

Как уже говорилось выше, юнгианская литература, посвященная Пуэру, описывает явления, которые мы относим к трем различным формам нарциссизма; особенности каждой формы определяются архетипической основой, из которой она развивается. Нарциссическая динамика в избегающем паттерне, используя базовые шизоидные защиты, удерживает Пуэра, этого вечного ребенка, «в облаках» и заставляет его перелетать из одного приключения в другое, почти не вступая в аутентичный контакт с окружающими. Совершая свои пуэрильные полеты в мир образов и в голубую даль идей, контрзависимый Пуэр и Пуэлла часто не в состоянии «приземлиться», чтобы всерьез заняться карьерой или построить глубокие отношения. Их романы, как правило, дистанционные и идеальные либо пустые и заурядные. Выстраивание межличностных отношений, что само по себе тяжелый труд, предполагает близость и опасную открытость, которых контрзависимый нарцисс не может допустить. Благодаря когнитивным и имагинальным способностям, источник которых находится в бессознательном, такие люди многого добивают-

ся, и их достижения можно назвать выдающимися, поразительными и впечатляющими. Для личностей с более низким уровнем функционирования характерна стратегия поиска, то есть они пытаются обрести отсутствующее у них чувство самоуважения и привлекательности, занимаясь различными когнитивными действиями: учебные планы составляются в общих чертах, но не дорабатываются, формулы воображаются, но не записываются, великие романы задумываются, но не пишутся, картины рисуются в мыслях, но не воплощаются на холстах. Грандиозные устремления формируют нереалистичные цели и возбуждают мечты, которым не суждено сбыться. Она бы хотела стать рок-звездой, но даже не пробует научиться играть на инструменте или петь; его самая большая мечта – стать ученым и найти лекарство от рака, но он даже не посещает занятия по химии; а кто-то мечтает о богатстве и большой семье, но не может ни сохранить работу, ни удержать девушку.

Что касается людей с зависимой нарциссической структурой характера, речь о которых пойдет в главе 5, то они либо находятся в непрестанном поиске новых любовных или романтических впечатлений, либо ведут себя как патологические собственники. Зависимый Пуэр и Пуэлла иногда идентифицируют себя с архетипами «женщина-анима» и «мужчина-Дон Жуан». В случае зависимого нарциссизма человек защищается, «улетая» в общество других людей, а иногда в отношения с ними. В поисках уважения, привлекательности и идентичности эти *вечные дети* часто вступают в отношения, которые не приносят им никакого удовлетворения.

В главе 8 мы подробно рассматриваем нарциссическую динамику в антагонистическом паттерне. Человек с альфа-нарциссической структурой характера отыгрывает неумное стремление господствовать над другими. Он, как громила, которому без разницы, где и как использовать свою силу, сокрушает всех подряд: и друзей, и врагов. Эти самые «погромы» часто губят и его самого. В стремлении завоевать уважение благодаря триумфу, он использует крепкую конституцию и физические силы, чтобы добиться личного успеха, накапливая совершенно бессмысленные победы. Изнемогающий

в мире действий, альфа-нарцисс оторван от тех состояний бытия, ради которых, собственно, и стоит проживать индивидуальную жизнь.

На противоположном конце спектра во всех трех формах нарциссизма оказываются напыщенные, дотошные, высокомерные и назойливые люди, структура характера которых тоже сформировалась в нарциссической стадии. Но в такой манифестации нарциссическая личность идентифицирует себя с Сенексом. И чтобы обрести целостность, ей необходимо вступить в контакт со спонтанностью Пуэра.

Аманда: трудолюбивая компетентная Пуэлла

Внешне человек с контрзависимой нарциссической структурой характера может представлять в самых разных обликах, часто не имеющих ничего общего с Питером Пенем и его честолюбивыми подвигами. Например, Аманда совершает свой «высокий полет» в академических сферах. Закрепившись в ментальном слое психического бессознательного, она приобрела незаурядные способности к научной и организаторской деятельности. Она трудолюбива и решительна, играет в теннис и участвует в заседаниях дискуссионного клуба. В отличие от Питера Пена, который постоянно играет, она, судя по всему, постоянно занята «работой». Она интеллектуалка, одаренная и четко формулирующая свои мысли. Она очень собранный человек, даже консервативный. Харизматичная, но одинокая, общительная в компании, но недоверчивая в эмоциональных и чувственных отношениях. Ей могут нравиться герои и футболисты, но встречаться она предпочитает с мужчинами, которые не предъявляют требований к ее незрелой сексуальности. Тогда как личность Пуэра захвачена материнским комплексом, самоощущение Пуэллы поработщено отцом и отцовским миром.

Символически можно представить, что Аманда соединена с одним аспектом богини Афины в ее классическом древнегреческом представлении. Как и Афина, Аманда – «папина дочка», которая, вероятнее всего, добьется успеха в научной, корпоративной или политической сфере жизни. Девочка с идентичностью Пуэллы попадает в сильное психологичес-

кое поле, возникающее между отцом и дочерью, как правило, в тех случаях, когда мать походит на богиню Метиду, то есть когда мать воспринимается как отсутствующая, разочаровывающая или отвергающая. Много времени может уйти и много ран может быть получено, прежде чем Аманда сможет вступить в контакт со своей красотой, яростью, сексуальностью и мудростью. А все это время теньевые, более древние аспекты Афины будут накапливаться в бессознательном, ожидая своего часа. В случае Аманды архетипические энергии богини Метиды и горгоны Медузы не осознаются, но должны быть обнаружены и интегрированы в ее самоощущение. Как уже говорилось в главе 1, идентифицируя себя с архетипом, человек всегда оказывается в очень запутанной жизненной ситуации. Но сосредоточившись на ее распутывании, можно, как через лупу, увидеть архетипическую динамику, которая либо подчиняет человека, либо обогащает его жизнь⁴.

Афина – девственница Олимпа: победоносная и неуязвимая

Широкой поступью вошла она, 42 футов высотой, во внутреннее помещение храма, «покои Афины», и, как олимпийская богиня, воцарилась в Парфеноне, возвышающемся над городом, названным в ее честь. По легенде, ее единственным родителем был Зевс, из головы которого она, облаченная в доспехи, выпрыгнула, издав громкий боевой клич. Ослепительная, умная, храбрая, целомудренная, бесстрашная, искусная в вопросах военной стратегии, Афина была покровительницей воинов, заступницей героев, но, прежде всего, дочерью своего отца. Эта величественная и преисполненная достоинства богиня почитается с давних времен и обладает огромной силой. Афина одновременно была источником вдохновения и в своем классическом образе творением античной Греции. Во многих отношениях она символизирует апогей западной культуры, для которой служила еще и музой. Горе женщине, отождествляющей себя с этой силой, и горе тем, кто любит ее.

Нетрудно оценить по достоинству положительные качества прекрасной сероглазой Афины. Эта богиня ценит ор-

ганизованность, поддерживает государственность, правосудие и порядок. Инкапсуляция в девственности позволяет ей оставаться непоколебимой, целеустремленной и в высшей степени беспристрастной. Она – общественная фигура, всегда на виду, в ее истории нет ни одного упоминания о семейной жизни. По правде говоря, Афина – это богиня, которая ни за что и никому не покажет свою слабость. Она ослепляет Тиресия, увидевшего ее обнаженной, а следовательно незащищенной, но, оправдывая свое прозвище «справедливая», наделяет его мудростью и даром предвидения (Kerényi, 1978). Идентификация с этим классическим аспектом Афины как бы создает сверхчеловеческий каркас, на котором закрепляется защитная нарциссическая структура; за внешне победоносным и авторитетным архетипическим фасадом скрывается одинокая девочка, которая стыдится того, что чувствует себя нелюбимой.

Совершая путешествие в глубину таинственного мира души отдельно взятой женщины, мы неизбежно обнаружим все три аспекта этой великой богини: нам повстречается древняя Метида, сама Афина и вначале прекрасная, а затем ужасная Медуза. Кроме того, миф об Афине содержит одно любопытное замечание: в детстве за Афиной присматривала богиня стыда Айдос⁵.

Доклассические аспекты Афины: Метида и Медуза

Символически проходя сквозь слои коллективной истории, мы одновременно как бы прокладываем путь в личную историю человека с нарциссической защитной структурой. Знаменитая Афина античной Греции является воплощением сокрушительной воинской силы, однако существует множество легенд, согласно которым по своему архетипическому и географическому происхождению она родом из мест, еще более древних, чем Греция, а именно из темных чужеземных царств Африки и Востока. Обнаружение этих более ранних мифологических преданий помогает раскрыть и познать хтоническую природу Афины. Нам в первую очередь знаком образ Афины, пришедший из Греции V–IV вв. Более ранние версии мифа о богине

скрыты в полумраке истории и представляют теневую сторону своего классического прототипа (Pratt, 1994). С момента удивительного рождения из головы Зевса и на протяжении всего периода царствования Афины сопровождают символы двух других богинь: это сидящая у нее на плече мудрая сова, символ ее проглоченной матери Метиды, и щит с изображением отрубленной головы Медузы-Горгоны с волосами-змеями. Афина – не только облаченная в доспехи дочь величественного бога, оберегающая свой любимый город и поклоняющаяся отцу. В более глубоком и многослойном архетипе этой богини живет еще несколько божественных сущностей. Более полная версия мифа об Афине содержит упоминание о ее мудрой матери, богине Метиде, и о страстной и красивой царице Медузе⁶.

Классическая древнегреческая мифология изобилует преданиями, в которых проступает образ Афины. Они повествуют о том, как героическая сила одерживает верх над племенной примитивностью. Зевс побеждает Метиду, Афина побеждает Медузу. Этот сюжет встречается снова и снова в легендах о могущественных завоевателях, покоривших оседлые земледельческие племена, и в мифах об их богинях и богах: дракон или зверь должен быть убит; горгону нужно умертвить; чудовище, которое является воплощением зла, необходимо одолеть. Изучая символику мифов, можно понять, что внутри этих монстров таится земное божество – богиня подземного царства, одаривающая своими сокровищами, или бог животного мира. В душе женщины с контрзависимой нарциссической структурой характера эти монстры выступают символами ее «необитаемого» тела и связывают ее с потоками бессознательных аффектов. Когда этих «чудовищ» сознательно встречают и принимают, они открывают путь к индивидуации.

Метиды – древняя богиня, поверженная мать-земля, воплощающая мудрость. Зевс, ревнивый и жадный до власти муж, проглотил ее. Мифы о Метиде и ее образы всегда фрагментарны, поскольку времена, в которые она появилась и жила, весьма отдаленные. Сохранившиеся ранние изображения богини подтверждают ее тесную связь с архетипом Великой Матери и Матерью-Землей. В начале одного северо-

африканского мифа говорится о том, что Медуза не родилась горгоной или чудовищем, она была смертной ливийской царицей, которую пленили и наказали греческие боги и герои (Fontenrose, 1959, p. 285). По легенде, Афина превратила Медузу в отвратительное чудовище, поскольку позавидовала красоте царицы.

При более углубленном и всестороннем исследовании архетипического ландшафта богини Афины перед нами предстает человек с преимущественно шизоидной или базовой шизоидной структурой характера. Идентификация женщины хотя бы с одной гранью классической богини Афины может открыть путь к невероятно многообразному и богатому архетипическому наследию. С психологической точки зрения, если женщина идентифицировалась с Афиной, облаченной в доспехи дочерью своего отца, то она должна встретиться и с некогда прекрасной, а потом изгнанной и опозоренной Медузой и осознать свою связь с ней, чтобы заявить свои права на мудрость, которая является ее архетипическим наследством (McGrew, 1988). Женщина может овладеть умениями и находчивостью древнегреческой богини Афины, ощутить красоту и величественную грацию Царицы Медузы, а также пережить изгнание и позор Горгоны, что позволит ей обрести целостность. При этом она может познать и мудрость Метиды. Медуза, Метида и Афина – это неизменные аспекты одного и того же архетипа. Просто ограниченное человеческое сознание развело их в стороны.

Учитывая такой обширный исторический контекст, давайте посмотрим, каким образом эти архетипические мотивы живут и даже устанавливают свои порядки в душе контрзависимого человека. Когда маленькая девочка сталкивается с безучастной или вмешивающейся матерью, то перед ней распахиваются врата в царство олимпийской Афины, с которой девочка бессознательно отождествляется. Ощущение, что ее не любит, не замечает или отвергает собственная мать, порождает глубинные чувства несоответствия и стыда. Если на раннем этапе между матерью и дочерью не установилась близкая физическая и эмоциональная связь, то, повзрослев, девочка чувствует дискомфорт и отчужденность от собствен-

ного тела. При более благоприятных обстоятельствах, когда в семье есть отец, она пытается преодолеть эти мучительные чувства по отношению к себе и своему телу посредством идеализации отца и идентификации с ним. Психологически эта ситуация повторяет миф об Афине, дочери Зевса, лишенной матери. Контрзависимая установка защищает на ранней стадии от переживания нелюбви, несоответствия или повышенной уязвимости в присутствии матери. Подобно Питеру Пену, девочка может не признавать, насколько важно иметь мать или быть матерью. Подобно Афине, она может осознать, что принадлежит только своему отцу.

Отдаляясь от матери, девочка теряет бесценную связь с архетипической Самостью. Точно так же, как Метида утратила свою силу и видимость, женщина утрачивает способность ощущать собственную аутентичность. Как уже говорилось ранее, идентификация с Афиной используется для формирования структуры «ложного Я», которое взаимодействует с миром, инкапсулируя уязвимость и стыд. Образно говоря, идентификация с Афиной запечатывает реальность Метиды и Медузы, лежащую в основе этого архетипа. В итоге женщина вынуждена проживать свою жизнь в пустом бронированном панцире.

Посмотреть в глаза Горгоне: регрессия в анализе

Раскрыть примитивное царство стыда и ярости в душе человека с контрзависимой структурой характера – это часть работы терапевта, которую по ряду причин легко пропускают или избегают. Обаяние контрзависимой нарциссической личности, облегчение, которое ей приносит прогресс, достигнутый в других областях, и примитивность подавляемой агрессии – все это, как бы сговорившись, не дает терапевту «отправиться в это царство». Пробудить эти аффекты и встретиться с ними действительно страшно. Если терапевт не решается пойти по этому пути, то пациентка, которая выстраивала жизнь, ориентируясь на свой образ совершенства, может просто оцепенеть и не двинуться дальше. Встреча с Медузой перевернет ее представление о самой себе. «Медуза может познакомить с силами, ранее сокрытыми и опороченными, но с которыми

необходимо вступить в контакт, чтобы жить, не страшась своих жестоких, мстительных и завистливых чувств, вызванных травмой и стыдом» (Pratt, 1994, p. 118).

Именно встреча с глубинным стыдом и страхом может помочь сокрушить ригидную контрзависимую нарциссическую структуру характера и вступить в более близкие отношения с Самостью. Если человек окаменеет уже на самой ранней (примитивной) стадии развития, то он проживает свою жизнь, не соприкасаясь с паттернами, образующими целостность⁷. Афина, Медуза и Метида – не только три древние богини, но и составные части одной архетипической реальности, которая направляет процесс индивидуации. Точно так же, как в мифе о Деметре и Персефоне отражается динамика непрекращающихся процессов сепарации и воссоединения внутри психики, так и в мифе об Афине, Медузе и Метиде показана динамика обретения восприимчивого сознания, которое позволяет человеку проживать одновременно возвышенную и приземленную жизнь. В результате этого процесса происходит «не примитивное воссоединение с всеобъемлющим материнским началом, а активная творческая трансформация мощных бессознательных энергий, выполняемая автономным и величественным женским сознанием» (Elias-Burton, цит. по: Pratt, 1994, p. 123).

Глава 3

ОБСЕССИВНО-КОМПУЛЬСИВНАЯ СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА

ТОГО, КТО ОДЕРЖИМ ПОРЯДКОМ, У ДВЕРЕЙ КАРАУЛИТ ГОЛОДНЫЙ ВОЛК

Сказка «Три поросенка» начинается с того, что лишенная сил мать отправляет трех добродушных поросят в мир искать счастья. Поросята покидают отчий дом слишком рано – они по-мальчишески вежливы, мечтают стать хорошими, но почти не способны постоять за себя (Steel, 1994). С психологической точки зрения, эта сказка повествует скорее о возведении защитных структур, а не о поиске счастья. Обсессивно-компульсивная структура характера символически представлена в образе третьего поросенка по имени Наф-Наф, который усердно и очень аккуратно работает, так что в итоге надежно инкапсулируется в своем добротном кирпичном доме: дом защищает развивающееся Эго от волка, караулящего у дверей. Менее ригидные защиты – домики из соломы и хвороста, построенные его братьями – Ниф-Нифом и Нуф-Нуфом – не смогли защитить милых крошек от страшного зверя, то есть развивающееся Эго от жизни, в которой есть тело, аффект и, конечно, агрессия. О некоторых свойствах обсессивно-компульсивной структуры характера мы можем судить по тому, из чего и как построен дом Наф-Нафа. Сначала кирпичи формируют из глины и обжигают, то есть из жизни извлекают аффект. Затем полученный материал высушивают и укладывают – методично, кирпичик за кирпичиком, с математической точностью. Кирпичи прочно закрепляют на месте. Так образуется крепкая защита.

Уход в инкапсуляцию, преданность работе, соблюдение дисциплины, неготовность к открытому проявлению агрессии и зависимость от рационального склада ума – вот признаки обсессивно-компульсивной структуры, описываемые в учебниках¹. Глубокое чувство тревоги и уязвимости, которое испытывает обсессивно-компульсивный человек, заставляет его искать укрытие и безопасность, приспосабливаясь к ролям, формам поведения и ценностям, принятым в семье и обществе, прежде чем он сможет дифференцировать свои собственные. Защитный конформизм сталкивается с внутренней потребностью в автономии, которая проявляется в чувствах ярости и гнева по отношению к тем, от кого такой человек зависит или кого боится.

Поскольку перспектива выйти на более широкие просторы без достаточной интернализованной поддержки очень пугает, ригидные защиты нуждаются в постоянном укреплении. Неспособный перенять более гибкие способы совладания (coping), человек с обсессивно-компульсивной структурой характера, образно говоря, помещает себя за кирпичную стену. Спрятавшись за этим фортификационным сооружением, он упорно работает и старается быть безупречным. Но бессознательное напоминает о себе автономными обсессивными мыслями и тягой совершать компульсивные действия. Переживая сексуальные или агрессивные чувства, он ощущает, что свойственный ему вид инкапсуляции подвергается особой угрозе – регрессии в шизоидный ужас в моменты сильного напряжения и крайнего беспокойства. Преневротическая защитная инкапсуляция наглухо перекрывает поток энергии, текущей по оси Эго–Самость. Она блокирует доступ к неиссякающему, пульсирующему источнику живых образов и ярких мыслей, являющихся неотъемлемой частью архетипического наследия человека.

Защитная инкапсуляция и чрезмерная опора на разум и рассудок лишают человека возможности развивать аффективные и соматические реакции и ограничивают доступ к ресурсам воображения и творческому потенциалу.

Клинический случай: стремиться к верной цели и постоянно совершать ошибки

Позвонил мужчина. Он настаивал на том, чтобы начальный этап терапии проходил преимущественно по телефону и желал незамедлительно ознакомиться со всеми правилами. Новый пациент в прошлом был сотрудником ФБР, после отставки стал работать консультантом в службе безопасности. В тот период своей жизни он неожиданно обнаружил у себя непреодолимую тягу к порно-сайтам, на которых просиживал часами. Мучительное чувство вины, боязнь потерять уважаемую должность и жуткий страх перед нервным срывом в конце концов вынудили его обратиться за помощью. Его жизнь всегда была обнесена надежной стеной – дисциплина, упорная работа и консервативное отношение: он «жил, как по уставу». Те же принципы определяли уклад семейной жизни. Он сухо рассказывал о своей верной жене, благовоспитанных детях и о положении в обществе, но всякий раз не забывал упомянуть о страхе, что интернет-забавы *«разрушат до основания его дом»*. Он боялся потерять над собой контроль, боялся, что его разоблачат и уничтожат.

В ходе терапии нам пришлось выяснять, что же скрывается за этим влечением, и мы обнаружили, что отчасти оно представляет проекцию отрицаемой им агрессии. Он даже предположить не мог, что на самом деле хочет разрушить свой *безупречный* имидж до основания. Для него примитивная агрессия оказалась настолько чуждым аспектом его личности, что потребовалось несколько лет напряженной работы, прежде чем он смог отделиться от своего жесткого морального кодекса. За это время у него накопилось ощущение внутренней безопасности, достаточное для того, чтобы выдерживать аффективные бури, не впадая в сильное беспокойство и страх дезинтеграции. Приходилось осторожно контейнировать и интерпретировать не только его неослабевающее чувство вины, но и смертельный ужас. Прошло много времени, прежде чем он начал рефлексировать по поводу устойчивой потребности контролировать себя и других. Но в конце концов необожженная глина, сырая грязь человеческого тела

и аффекта, становится той средой, в которой начинается индивидуация пациента, увязшего в защитной одержимости порядком. В сказке Наф-Наф не только строит кирпичный дом, но и придумывает, как заманить волка в котел с кипящей водой. С психологической точки зрения эту ситуацию можно интерпретировать как потребность обсессивно-компульсивного человека выйти из образа добродетельного умника и стать по-настоящему агрессивным. Как только волк «сварится» и инстинкты приобретут удобоваримую форму, человек с обсессивно-компульсивной структурой характера сможет ослабить ригидные защиты и соединиться с обновляющим источником спонтанности и воображения.

Динамика развития

Вступление в преневротическую стадию: из диадных в триадные отношения

Не разрешив до конца проблемы более ранних этапов развития (примитивной и нарциссической стадий), человек с обсессивно-компульсивной, истерической или пассивно-агрессивной структурой характера вступает в преневротическую стадию, имея ряд структурных дефицитов. На первом году жизни Эго может лишь частично дифференцироваться от бессознательного. А. Хорнер (Horner, 1991) был введен термин «преневротический» для обозначения уровня отношений «Эго–объект», который является более высоким по сравнению с пограничной организацией, но более низким по сравнению с невротической. На этом уровне развития больше нет необходимости направлять психическую энергию индивида в первую очередь на дифференциацию и укрепление Эго. Эго уже получило достаточную внутреннюю и внешнюю поддержку, чтобы продолжить самостоятельно отделяться от бессознательного. Теперь, когда Эго относительно дифференцировано, следующей задачей развития становится расширение сферы взаимодействий с миром. Ребенок вступает в промежуточную стадию – он выходит из диадных отношений примитивной стадии, стремится к триадным отношениям и сталкива-

ется с их первыми трудностями. Он уже не на руках у матери, но еще не вовлечен полностью в классическую эдипальную борьбу. Таким образом, структуры характера, формирующиеся на преневротической стадии, отражают способ, каким ребенок в возрасте от двух до четырех лет отделяет себя от матери и начинает движение навстречу отцу и миру, решая проблемы сепарации, автономии, вины и желания.

Обсессивно-компульсивный человек решает эту сложную задачу ценой подчинения правилам и подавления желаний. Истерики добивается того же, постоянно соблазняя мир, поверхностно и бессознательно. Пассивно-агрессивный человек вроде бы молча уступает требованиям окружающих, но при этом тяготится чувством негодования. Так или иначе все три структуры препятствуют обмену свободно текущей энергией между Эго и Самостью.

Рана, полученная на преневротической стадии, приводит в итоге к постоянному переживанию стыда и вины; стыд порождается зависимостью, а вина – гневом и негодованием, которые испытывают к тем, от кого зависят. У истерика с ищущим паттерном «не переваренный» архетипический аффект выражается в соблазняющем поведении. Так, он отчаянно пытается быть и оставаться в соединении со значимым окружением. С другой стороны, подобное соблазняющее поведение часто диссоциируется или отрицается. Стремление к автономии в условиях удерживаемой либидной связи обостряет фантазию об отвержении матерью и предвещает погружение в аффективный хаос. Такие люди испытывают стыд за свою «плохость» и вину за свои желания. Пассивно-агрессивный человек, живущий в антагонистическом паттерне, также переживает стыд и вину; именно стыд за собственную слабость и «явное подчинение» толкает его на совершение бессознательных пассивно-агрессивных действий, вызывающих, в свою очередь, чувство вины. Его потребность в автономии выражается в пассивно-агрессивных маневрах, которые ему же и вредят.

Но вернемся к обсуждению избегающего паттерна. В главе 1 мы отметили, что шизоидная героиня из сказки «Девочка со спичками» не испытывает беспокойства по поводу стыда

и вины. Она лишь цепенеет от ужаса, чувствуя постоянную угрозу своему существованию. Она ушла глубоко в себя, парализована и не способна попросить о помощи. В свою очередь, обсессивно-компульсивный человек защищается от вызовов индивидуации и пробуждающихся желаний, стремясь к совершенству, которое внешне выглядит как конформизм. Желания подвергаются жесткой цензуре, поскольку являются еще и источником постоянного всепроникающего чувства вины. Наф-Наф знает, как выжить, но должен скрывать свою агрессию и потребность в чувственных отношениях.

Для обсессивно-компульсивного человека, как и в целом для избегающего паттерна, характерна скудность аффекта и телесной интеграции. Личное стремление к безупречности, верность долгу и работе, склонность к морализаторству и потребность в контроле приводят такого человека в инкапсуляцию. А она в решающие моменты развития отнимает возможность приобрести важные навыки взаимодействия с другими, что и в дальнейшем отрицательно сказывается на способности развивать партнерские взаимоотношения. Важно осознать защитную инкапсуляцию на ранних этапах терапии, так как сам аналитический процесс может невольно укрепить паттерн защитного ухода, поскольку ему позволено протекать исключительно в сфере размышлений, мечтаний и воображения.

Проблемы терминологии

Обсессивно-компульсивные личности не всегда страдают обсессиями и компульсиями

Неоднократно и совершенно обоснованно говорилось о том, что обсессивно-компульсивная структура личности получила неверное название. Обсессии – это навязчивые мысли, а компульсии – действия, совершаемые с целью снять напряжение, вызванное обсессиями². Сами по себе эти симптомы не являются признаками характерологического расстройства. Уже долгое время существует неразбериха относительно диагноза «обсессивно-компульсивное личностное расстройство

(ОКЛР)». Ситуация еще больше осложнилась по той причине, что в последние годы название обсессивно-компульсивного расстройства много раз менялось. Например:

- Психоаналитическая терминология: анальный характер;
- *DSM-I*: компульсивная личность;
- *DSM-II*: обсессивно-компульсивная личность;
- *DSM-III*: компульсивное расстройство личности;
- *DSM-III R*: обсессивно-компульсивное расстройство личности;
- *DSM-IV-TR*: обсессивно-компульсивное расстройство личности;
- *ICD-9*: ананкастическая личность.

Помимо терминологической путаницы, следует отметить тот факт, что обсессивные мысли и компульсивные действия как *симптомы* встречаются еще в нескольких характерологических расстройствах, чаще всего у шизоидных и параноидных личностей. Собственно для обсессивно-компульсивного расстройства типичны ригидное стремление к совершенству, чрезмерная дисциплинированность, заикленность на порядке, непреклонность, отсутствие великодушия, скрупулезность, гиперсосредоточенность на деталях и правилах, а также чрезмерное рвение в работе. Совсем небольшое количество людей с обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР) имеет укоренившиеся личностные черты, которые попадают под критерии обсессивно-компульсивного личностного расстройства. Несмотря на сходное название, обсессивно-компульсивное личностное расстройство не всегда предполагает наличие обсессий и компульсий в качестве симптомов. А как личностный паттерн ОКЛР со временем приобрело следующие характеристики: заикленность на правилах, планировании и составлении списков, перфекционизм и чрезмерная поглощенность работой³.

В *DSM-IV-TR* (American Psychiatric, 2000) четко разграничены «обсессивно-компульсивное *расстройство*» и «обсессивно-компульсивное личностное расстройство»: первое размещается на Оси I и является клиническим синдромом, а второе – на Оси II и представляет собой глубоко укоренив-

шуюся структуру характера, которой свойственно стремление к контролю, в том числе над гневом. Обсессивно-компульсивное расстройство, являясь высококоморбидным клиническим синдромом, может вызываться самыми разными причинами и сопровождать ряд личностных расстройств, размещенных на Оси II. Другими словами, имея обсессивно-компульсивное расстройство, человек может не иметь обсессивно-компульсивного личностного расстройства. Терапевт может лечить обсессивно-компульсивное расстройство, но при этом совершенно не затронуть личностное расстройство, даже если у пациента будет наблюдаться значительное ослабление симптоматики. Вот почему так важно умение терапевта отличить клинический симптом от личностного расстройства. В настоящее время ОКЛР не рассматривается как часть ОКР-континуума (McCullough, Maltzberger, 2001, p. 2341–2352). В действительности большинство людей, имеющих ОКР, не соответствуют критериям ОКЛР.

Многие клинические синдромы (например, тревожный, соматоформный и пр.), относящиеся к расстройствам Оси I, обусловлены глубоко укоренившимися личностными расстройствами и по-разному проявляются в разных паттернах. Маквилльямс приводит пример. Если у обсессивно-компульсивной личности стойкое стремление к совершенству нацелено на компенсацию негативного воздействия родительских комплексов, то у нарциссической личности тяга к совершенству является реакцией на сильную потребность поверить в собственное врожденное превосходство (McWilliams, 1994). Как мы уже показали в нашей Матрице (с. 18), контрзависимые нарциссические и обсессивно-компульсивные личности защищаются от регрессии в состояние шизоидной дезинтеграции, стремясь изо всех сил к независимости и контролю.

Важно отметить, что не все обсессии и компульсии являются патологическими. Некоторые диктуемые беспокойством, повторяющиеся компульсивные действия доставляют приятные ощущения и наполняют будничную жизнь комфортными моментами. Мы прибегаем к подобного рода действиям, чтобы успокоить себя в критические моменты жизни или когда чувствуем, что ситуация выходит из-под контроля. Например,

мы традиционно успокаиваем детей, читая им на ночь сказки, или надеваем «приносящие удачу» носки, отправляясь на экзамен. Обычные тревоги часто усиливаются во время стрессов. Особенности обсессивно-компульсивного характера, как, собственно, и любого другого, адаптивно вплетаются в общую ткань человеческой жизни. Обсессивно-компульсивные люди – добросовестны, «могут быть преданными, эмоционально устойчивыми и надежными» (Oldham, Morris, 1990, р. 66). Благодаря этой устойчивости и надежности обеспечивается преимущество и стабильность в обществе. Предусмотрительность и скрупулезное внимание помогают создавать крепкие и упорядоченные структуры – личные и общественные. Естественная способность подмечать и запоминать детали незаменима во многих областях науки и практической деятельности, как например: исследование, описание и картографирование новых территорий – географических и внутрипсихических, освоение космоса и пр. Именно интеллектуальная педантичность и смекаливость в итоге обеспечили развитие общественной инфраструктуры и инженерных технологий: сооружение акведуков и колодцев, прокладывание безопасных троп в лесу, проектирование и строительство федеральных автострад.

Клинический случай: дифференцируем
обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР)
и обсессивно-компульсивное личностное
расстройство (ОКЛР)

В терапии дифференциация ОКР и ОКЛР важна для определения долгосрочных целей. Ниже в качестве примера описывается случай, который наглядно демонстрирует отличие этих двух диагнозов.

Одинокая 38-летняя женщина, страдающая серьезной формой ОКР и пребывающая в состоянии тяжелой депрессии, начала терапию вскоре после смерти своей матери. Случившаяся трагедия усугубила уже имеющуюся симптоматику. Моторные функции пациентки оказались настолько нарушенными, что она даже не могла выйти из дома, за ней ухаживали

соседи. Ее специфической obsессией стала скрупулезность, которая чаще всего провоцировалась страхом согрешить и быть проклятой Богом за то, что она смотрит на мужчин и допускает мысли о сексе. Когда подобные мысли посещали ее, она воспринимала их как нечто автономное и поэтому считала своим долгом ходить на исповедь. Только «объяснившись с Богом», она могла позволить себе жить дальше, не бояться быть проклятой и в наказание разбитой параличом. После исповеди obsессия ослабевала. Некоторое время она чувствовала облегчение, но вскоре снова начинала сомневаться в себе. А полностью ли она исповедалась в грехе? Может что-то пропустила? По-настоящему ли раскаялась? Во всем ли призналась? Чтобы остановить поток мучительно-навязчивых вопросов, нужно было снова идти на исповедь – компульсия возвращалась. Часто переживание глубокого конфликта и депрессия затопляли ее настолько, что она вообще отказывалась от каких-либо действий и оставалась дома.

Казалось бы, нет ничего проще – проработать психодинамику, лежащую прямо на поверхности: материнский комплекс, проблемы сепарации, зависимость и страх сексуальности. Но дело в том, что при резком ухудшении состояния после стрессов ОКР-симптомы, как правило, сначала усиливались, а потом постепенно ослабевали. Иногда они как бы проходили фоном, иногда вызывали тяжелый дистресс. Когда пациентка впадала в тяжелую депрессию или состояние спутанного сознания, у меня возникали сомнения относительно ее способности обслуживать себя самостоятельно. Я рекомендовала наблюдение у психиатра и продолжала встречаться с ней два раза в неделю. Психиатр диагностировал у нее биполярное расстройство, тяжелую депрессию и obsессивно-компульсивное расстройство. От биполярного расстройства он прописал ей противосудорожный препарат, а от депрессии – антидепрессант, не содержащий SSRI. В течение следующих двух месяцев, когда стало проявляться действие лекарств, дозировка которых постоянно корректировалась и уточнялась, депрессия, а вместе с ней изнуряющие obsессии и компульсии медленно отступили. По мере продвижения терапии мне становилось все яснее, что у пациентки не было характерных

для ОКЛР стремления к совершенству и ригидного контроля. Но в действительности, и мои наблюдения это подтвердили, устоявшаяся манера поведения пациентки – отрешенность, отсутствие друзей, внутренняя отгороженность от мира, наличие яркого образного мышления – коренилась в *шизоидной природе* ее характера. И когда это выяснилось, мы смогли продвинуться в нашей работе дальше.

Внутренний конфликт, проявляющийся как замкнутый круг симптомов

Обсессии – это навязчивые автономные мысли неприятного и тревожного содержания. Люди, переживающие обсессии, очень часто сами признают нерациональность этих мыслей, но контролировать их появление они не способны. Обсессии сопровождаются неприятными чувствами, такими как страх, вина, отвращение, сомнение, и эти чувства возникают на фоне представления о том, что в жизни все должно быть совершенным. Следует поступать определенным образом, чтобы уберечь себя и других от опасности причинения вреда и возникновения аморальных желаний. Чтобы прогнать обессию, нужно совершить компульсивное действие – так создается замкнутый круг.

Компульсии – это повторяющиеся действия, цель которых – освободить человека из тисков обсессии. Но, как правило, на свободе он пребывает недолго. Компульсия как своеобразный нейтрализатор призвана снизить тревогу. Так, люди с обсессией в виде боязни заразиться какой-либо инфекцией беспрестанно моют руки до тех пор, пока кожа не начинает облазить и не появляется жжение. Обсессия в виде боязни навредить себе или другим проявляется в бесконечных проверках: выключены ли плита и утюг. Чрезмерная озабоченность соблюдением религиозных и моральных норм снимается компульсиями в форме подсчитывания и проговаривания молитв. От запретных мыслей избавляются, компульсивно наводя порядок или систематизируя предметы. Навязчивая потребность приобрести вещь, «идеально» удовлетворяющую запросам, вызывает компульсию в форме бережливости и на-

копительства. В отличие от пагубных пристрастий, компульсивные действия обычно не приносят человеку удовольствия. Они представляют собой ритуалы, которые исполняются для того, чтобы избавиться от дискомфорта, причиняемого обсессиями. Тревога отступает, когда человек обретает ощущение контроля над своим состоянием. Но круг компульсий ограничен – выполняются только те действия, которые разрешены контролирующим или отвергающим другим. С точки зрения внутриспсихической динамики, морализаторство и перфекционизм призваны держать под контролем нуждающиеся аспекты Я (Benjamin, 1996, p. 246–251).

Основной конфликт обсессивно-компульсивного человека – это конфликт между подчинением и протестом. Стиль межличностных взаимодействий и внутриспсихические структуры отражают психический раскол, который никак не удается избежать или разрешить. И чтобы скрыть этот сильнейший внутренний конфликт, используется уравновешенная и благоразумная персона. Эта структура, наверно, представляет собой самое противоречивое личностное расстройство. Обсессивно-компульсивный человек идет на компромисс: принимает ценности могущественного окружения и подавляет собственную индивидуальность. Чем больше он подстраивается под других, тем больше ярости и негодования испытывает подспудно⁴.

Теоретический экскурс

Об обсессивном неврозе и обсессивно-компульсивном личностном расстройстве написано много. Но именно работы Фрейда позволили психоанализу перейти от простого наблюдения за обсессивными и компульсивными симптомами к выявлению личностных структур, которые их порождают. Фрейд разработал модель психосексуального развития, в которой выделил анальную стадию, соответствующую периоду приучения к туалету. Введенный им термин «анальный характер» передает суть главного конфликта, переживаемого обсессивным человеком – конфликта вины и желания. На анальной стадии ребенок, с одной стороны, испытывает удовольствие

от процесса опорожнения, с другой – проводимый матерью «туалетный тренинг» заставляет его чувствовать стыд и вину за получаемое удовольствие. «Анальный характер» строится на принятии родительских ценностей «чистоты и порядка» за счет отказа от инфантильного удовольствия. Таким образом, сформировавшаяся у обсессивного человека компенсаторная структура характера позволяет ему принимать ценности могущественных других, оставаясь отрезанным от собственных нужд и желаний. Такая уступка дорого обходится. Сердцеви-на Я разгневана. Она знает, что ее принесли в жертву.

Основываясь на наблюдениях Фрейда о склонности обсессивного человека к бережливости, ригидности и праведности, Ференци в своей работе «Характер и анальный эротизм» (Ferenczi, 1925, p. 259–297) назвал «сфинктерной моралью» стремление такого человека к совершенству и готовность осуждать других за то, что их жизнь не соответствует его высоким стандартам. В 1933 году Райх точно подметил, что люди с обсессивно-компульсивной структурой, смещающие собственную агрессию, оказываются более волевыми, а те, кто подавляет интернализированный гнев, ведут себя самодовольно и лицемерно. Согласно Нэнси Маквильямс, базовый конфликт обсессивного характера – это конфликт между яростью и страхом; ярость из-за того, что его контролируют, и страх, что его накажут (McWilliams, 1994, p. 282). Обсессивный человек боится совершить ошибку и понести наказание за то, что он не совершенен. Похоже, обсессивно-компульсивные люди усвоили для себя, что существует некий одобряемый, но достаточно ограниченный набор допустимых форм поведения. Сперри охарактеризовал эмоциональный стиль обсессивно-компульсивной личности как непреклонный, сердитый, фрустрированный и раздражительный (Sperry, 1995, p. 138). Из-за внутреннего раскола такие люди очень часто испытывают беспокойство и вынуждены бороться за самообладание.

Приспособление к коллективным ожиданиям ценой вынашивания внутреннего конфликта – вот что западная культура поощряет и оплачивает наличными. По мнению Маквильямс, обсессивно-компульсивное расстройство личности является самой распространенной формой личностной орга-

низации в технологическом обществе, где ценности научного рационализма ставятся выше способности чувствовать, ощущать, слушать, играть и мечтать: «Западное технологическое общество изобилует людьми, сосредоточенными на *думании и делании*» (McWilliams, 1994, p. 280).

Необходимость приспособливаться к принятым в обществе нормам лишь укрепляет конфликтную идентификацию с миром отца и вынуждает пренебрегать потребностью в зависимости, которая, собственно, и лежит в основе обсессивно-компульсивной структуры. В современных исследованиях акцент смещается в сторону межличностной динамики и на первый план выходят проблемы низкой самооценки и неуверенности в себе, трудности в управлении гневом и зависимостью (Gabbard, Menninger, 1988; McCullough, Maltzberger, 2001; Gabbard, 2005). Человек, страдающий обсессивно-компульсивным расстройством, стремится подавлять любые проявления гнева, даже если для маскировки собственной враждебности ему приходится вести себя почтительно и доблестно.

В детстве обсессивно-структурированного человека награждали за неудачи и очень мало хвалили или вообще не поощряли за успехи. Ему давали мало душевного тепла и во всем контролировали. Главным для него было избежать критики и наказания. По мнению Бенджамина, в детстве и юношестве таких людей, вероятнее всего, постоянно запугивали и заставляли беспрекословно повиноваться правилам, «наступая на горло собственной песне» (Benjamin, 1996, p. 246–251).

Юнг об обсессивно-компульсивной личности

Об обсессиях, или обсессивном неврозе, Юнг писал только в контексте истерического невроза, который в его времена был широко распространенным психиатрическим диагнозом. Он отмечал, что обсессивные стремления усиливаются при стрессе, и соглашался с гипотезой Жане, что при истерии и обсессивном неврозе даже незначительного *понижения ментального уровня* (*abaissement de niveau mental*) достаточно, чтобы запустить игру противоположностей, прежде скрытых

в бессознательном (Jung, 1909, par. 29). Юнг также отмечал, что «если у истерика активизируется аффективный компонент, то обсессивная личность попадает в ловушку на когнитивном уровне» (Jung, 1909, par. 184). Таким образом, наши представления согласуются с мнением Юнга: в нашей Матрице мы размещаем обсессивно-компульсивную структуру характера в когнитивной области, а истерическую – в аффективной.

Юнг также часто упоминает обсессии и компульсии, когда рассматривает компенсаторную функцию психики (Jung, 1928, para. 702). Функция обсессий и компульсий в том и состоит, чтобы, оказывая давление и усиливая тревогу, протолкнуть в сознание темные инстинктивные желания, угрожающие самоопределению.

Известно, что компульсивные неврозы с характерной для них дотошностью и церемониальной педантичностью только внешне представляют собой моральную проблему. В действительности же они до краев наполнены нечеловеческой жестокостью и безжалостным злом, против интеграции которых ведет отчаянную борьбу человек с очень тонкой душевной организацией. По этой причине ему необходимо выверять каждый шаг, чтобы противодействовать злу, неотступно следующему по пятам.

(Jung, 1968b, par. 282)

Личностная и архетипическая динамика

**Формирование обсессивно-компульсивного характера:
приспособиться или проявить индивидуальность**

Чтобы освободиться из плена бессознательных родительских комплексов и обрести связанное ощущение идентичности, люди с обсессивно-компульсивной структурой характера сознательно стараются вести себя так, чтобы их не в чем было упрекнуть. В тайне негодуя против приспособления, они все же вынуждены прибегать к нему во избежание обвинений. Чтобы справиться с неразвитыми и взбудораженными чувствами, они сводят к минимуму переживание и значение аффекта,

собственного и чужого. В результате чувства замалчиваются и замещаются рационализацией. Поскольку обсессивно-компульсивные люди обладают активным умом и неразвитой эмоциональной сферой, им нужна конкретика: «Только факты, мама!». Подобная конкретизация препятствует открытому проявлению спонтанности и желаний и, как следствие, творческой активности.

Обсессивно-компульсивная структура характера перекрывает доступ к имажинативным ресурсам бессознательного и не дает сформироваться способности вступать в чувственные и близкие отношения с другими. Внутреннее стремление к безупречности и нетерпимость к свободному «времени, грязи и деньгам» позволяют таким людям добиваться определенного успеха в нашем мире, где правит конкуренция, но неизменно подогревают внутренний конфликт. Обычно он проявляется в форме морального превосходства или жесткой самокритики. Защиты мешают свободному диалогу между индивидуальным сознанием и Самостью. Сформировавшаяся ригидная структура характера *перекрывает* неиссякаемый источник, наполняющий жизнь смыслом. В результате сдерживаемое либидо питает «бесмысленные» обсессии и компульсии, посредством которых бессознательное проявляет себя.

Высокие моральные принципы, поборником которых часто выступает обсессивно-компульсивный человек, компенсируют чувственную скудность и снимают беспокойство. Руководствуясь в жизни устоявшимися нормами высокой морали, такие люди то и дело «критикуют других за то, что те слишком небрежны, избалованы и некомпетентны» (Beck et al., 2003). Разумеется, «они не осознают, что судят других по стандартам, которые сами же бессознательно ненавидят» (Millon, 1981, p. 226).

Чувственная сфера, позволяющая раскрасить личную жизнь яркими красками, отвергается обсессивно-компульсивным человеком и оказывается во власти грубых архетипических аффектов и образов, обладающих огромной силой, поэтому защиты вынуждены перекрывать доступ к бессознательному, чтобы сознание могло функционировать в рамках социальных ожиданий. Кажется, что человек не способен

дать волю творческой фантазии и запоминать сны. Образы и фантазии, которым все-таки удается прорваться, вызывают сильную тревогу, и, чтобы избавиться от нее, содержание бессознательного рассматривается как плохое, бесполезное и бессмысленное. Внутренний мир чужд для такого человека. Когда архетипический компонент сталкивается с Эго, обсессивно-компульсивный ребенок или взрослый прячется в защитную инкапсуляцию, закрываясь от других и самого себя в пустом, сухом и ярко освещенном месте. Не удивительно, что из-за внутренней сухости и чувства пустоты таких людей влечет к истерикам, которых отличает богатство аффектов и театральность. В мифологии великий Бог Разума – Золотой Аполлон – стоит на горе Олимп в архетипическом одиночестве. Как и Аполлон, человек с обсессивной структурой упорядочивает свою жизнь, но она может оказаться отчужденной и пустой.

Порядок в хаосе и хаос в порядке

К основным защитам, которые обсессивно-компульсивный человек использует для изоляции аффекта, относятся рационализация, интеллектуализация, морализация, смещение, а также аннулирование и реактивное образование. Благодаря им человек производит впечатление добросовестного и объективного. Но для создания такого имиджа он должен все время укрощать внутренний хаос, порожденный конфликтом «протеста-подчинения», чтобы удержать непозволительные импульсы внутри и не допустить внутреннего распада под их давлением.

Что касается межличностных отношений, то окружающих раздражает настойчивость, с которой обсессивно-компульсивные люди во всем и везде соблюдают логические и жесткие правила. Одни замечают такую реакцию окружающих, но не понимают ее причины. Других, кажется, совсем не волнуют негативные эмоции, которые они вызывают. В действительности же, сталкиваясь с проявлением гнева в свой адрес, обсессивно-компульсивные люди склонны полагать, что другие не имеют никакого права злиться на них.

Уход, инкапсуляция и страх дезинтеграции
при обсессивно-компульсивных расстройствах личности

У людей с обсессивно-компульсивной структурой характера имеются непроработанные шизоидные аспекты или *шизоидные анклавы*. Защиты создаются, чтобы больше не испытывать страх дезинтеграции, пережитый на примитивной стадии. Страх уйти в небытие, утратив ощущение самого себя, вынуждает человека отчаянно держаться за конкретную реальность. В аналитической работе шизоидные анклавы чаще всего обходят стороной. Ниже мы приводим цитату из книги Спенсли, в которой он, обсуждая работу Френсис Тастин, отмечает, что в анализе обсессивных пациентов паралич «черной дыры» является одной из причин «терапевтического тупика, негативной терапевтической реакции и бесконечного, стерильного, интеллектуального диалога. Дело в том, что терапевт, сосредотачиваясь на параноидных страхах, не может распознать и в должной мере оценить аутистическую „динамику черной дыры“» (Spensley, 1995, p. 67).

В главе, посвященной шизоидным пациентам, мы уже говорили, что внутриспсихическое назначение инкапсуляции состоит в том, чтобы создать иллюзию защитной оболочки, внутри которой воссоздается атмосфера пребывания в утробе, предшествующая болезненному переживанию уязвимости, которое сопровождает сепарацию. Инкапсуляция в этом воображаемом защитном пространстве выполняет три взаимосвязанные функции. Во-первых, она защищает от осознания травмирующего опыта первичной сепарации на ранней стадии. Во-вторых, оберегает сознание от затягивания в черную дыру, внутри которой человек будет отделен от всех внутренних и внешних связей. И наконец, позволяет отрицать зависимость от отношений, участие в которых оказалось невыносимым. Степень инкапсуляции в значительной мере определяет перспективы дальнейшего развития. Все люди с шизоидной, контрзависимой и обсессивно-компульсивной структурой характера подвержены риску инкапсуляции в стрессовой ситуации или в ходе аналитической регрессии.

Три типа инкапсуляции, свойственные избегающему паттерну, раскрываются в образах уже известных нам сказок: *лед* из сказки «Девочка со спичками», *стеклянный гроб* Белоснежки и *кирпичный дом* Наф-Нафа. Во всех трех образах отражается структура, назначение которой – защитить индивида от погружения в непереносимый ужас. Мы наблюдали, что только посредством регрессии к примитивной стадии обсессивно-компульсивный человек может получить доступ к Самости, дающей ощущение целостности. Вернувшись из регрессии, он чувствует себя более свободным и способен начать жить в согласии с самим собой.

«Красные башмачки»

Конфликт между желанием вступить в волнующую неизвестность и подчинением авторитету

Важные аспекты обсессивно-компульсивной динамики представлены в сказке Ганса Христиана Андерсена «Красные башмачки»⁵. Здесь мы сталкиваемся с замкнутым кругом обсессивно-компульсивной симптоматики. Пробуждающееся желание жестко подавляется суровым цензором, в ответ провоцируя обсецию и компульсию. Героиня сказки Карен не проверяет беспрестанно двери и не моет руки, она компульсивно танцует. Хотя она не страдает перфекционизмом, столь характерным для обсессивно-компульсивного типа, она все же борется со свойственным ему конфликтом между желанием вступить в волнующую неизвестность и подчинением авторитету. Давайте обратимся к самой сказке:

Жила-была прелестная маленькая девочка. Она была так бедна, что даже обуви у нее не было. Одна добродушная старушка, живущая по соседству, сшила для нее пару башмачков из лоскутов красной материи. В день похорон своей матери Карен надела красные башмачки, и ее заприметила Старая Дама. Девочка ей приглянулась, и она забрала ее к себе домой. Старая Дама выбросила любимые башмачки Карен и стала учить ее манерам, подобающим воспитанной, приличной девушке.

Готовя Карен к конфирмации, Старая Дама решила купить ей новые туфельки и повела в магазин. Карен выбрала понравившуюся пару. Башмачки пришлись впору. Но Старая Дама, которая тогда уже плохо видела, не разглядела, какого они цвета, и купила их. Карен надела новые красивые башмачки в церковь. Всю церемонию конфирмации она только о них и думала. Когда старый епископ говорил о заповедях Божьих, она не слышала его слов.

В следующее воскресенье, послушавшись Старой Дамы, Карен надела красные башмачки на мессу. По дороге в церковь ей повстречался старый калека-солдат. Он постучал по подошвам ее башмачков, приговаривая: «Крепко держись на ногах, когда будешь танцевать». Всю мессу Карен снова не могла думать ни о чем другом, кроме как о своих красных башмачках. Она видела их отражение даже в церковном кубке с вином. Когда она шла из церкви, старый солдат снова не преминул сказать: до чего ж хороши ее башмачки! И от этих слов ноги у девочки пустились в пляс, и она уже не могла остановиться. Башмачки несли ее, и ничего нельзя было с этим поделать. Только сбросив башмачки, Карен смогла остановиться. После этого опасного приключения башмачки убрали в кладовку, но девочка все равно украдкой бросала на них взгляд. Вскоре Старая Дама тяжело заболела и слегла. И вот однажды ночью Карен быстро надела красные башмачки и отправилась на большой бал. Как только начались танцы, башмачки тут же подхватили ее, и она сама не заметила, как, танцуя, вышла из большого зала, прошла через городские ворота и направилась напрямиком в темный лес. Она никак не могла остановиться. Попыталась она стянуть башмачки, но они словно приросли к ее ступням. Не зная ни сна, ни отдыха, танцевала она день и ночь, по лугам и полям, пока не очутилась в церковном дворе. Танцуя, направилась она к открытым дверям церкви, но грозный Ангел, облаченный в белые одежды, преградил ей путь. Сурово изрек он, что будет она танцевать до тех пор, пока не останутся от нее кожа да кости. Он велел ей танцевать без перерыва, чтобы всякий гордый и тщеславный ребенок мог увидеть ее и устраситься такой судьбы. И она

танцевала, и танцевала, и танцевала. С избитыми в кровь ногами очутилась она у стоявшего на отшибе дома Палача. В отчаянии девочка попросила его отрезать ей ступни, чтобы смогла она остановиться и покаяться. И Палач отрубил ступни. Обрубки ступней в красных башмачках, танцую, исчезли в темном лесу. Палач соорудил для Карен пару деревянных ступней и, хромая, отправилась она в деревню, преисполненная намерения покаяться и вернуться в церковь.

Но когда подошла она к церкви, перед ней откуда ни возьмись появились пританцовывающие красные башмачки! [Компульсии продолжают вопреки ее воле!] В ужасе убежала Карен. Устроившись служанкой в доме священника, стала она читать псалтырь и обратилась к Всевышнему с мольбой о помощи. Небеса раскрылись, сердце ее наполнилось солнечным светом, да так что разорвалось, и душа ее на солнечном луче вознеслась к Богу, где никто не спрашивал ее о красных башмачках.

Карен – брошенный ребенок. К ней предъявляется жесткое требование подчиниться. Она зависит от опекунов, которых больше заботит ее внешний вид, а не ее желания. Ее история неотделима от мстительной и примитивной морали, порождающей вину и страх. В условиях такой морали страшнее всего довериться своему телу и закружиться в вихре удовольствий. С психологической точки зрения, это означает разрушение эго-защит и *потерю контроля* над ситуацией. В сказке «Красные башмачки» символически показана прямая зависимость между вытеснением и компульсией в форме танца⁶.

«Красные башмачки» – это сказка не о спасении человека с обсессивно-компульсивной структурой характера. Карен не относится к тем людям, которые вступают на путь индивидуации благодаря структуре своего характера; совсем наоборот, структура наносит ей поражение. С психологической точки зрения, можно сказать, что у нее так и не сформировалось достаточно связанное ощущение своего Я, которое помогло бы ей справиться с внутренним конфликтом между необходимостью подчиняться и потребностью проявить индивидуальность.

По описанию, Карен хрупкая и очень несчастная, что указывает на слабое Эго. Карен похожа на девочку со спичками: ее мать умирает в самом начале сказки, и нет отца, который бы позаботился о ней. Девочка оказывается на попечении пожилых людей и отдана на милость архетипам.

Ноги Карен обуты в красные башмачки. Нога – символ фаллоса, а башмачок – символ вульвы. Ступня также символизирует душу. Исходя из символики, можно рассматривать эту сказку с трех точек зрения. Во-первых, это история о пробуждающейся сексуальности, которая в итоге затопляет героиню. Во-вторых, это история молодой девушки, которая без родительской заботы и наставлений взрослеет в репрессивной христианской культуре. В-третьих, можно сказать, что это история о судьбе молодой девушки, которая живет без родительского попечения, вследствие чего у нее не формируется достаточно сильное Эго, и она попадает под власть преследующей ее архетипической энергии, которая в сказке предстает в образах Палача и карающего Ангела⁷.

Карен испытывает возбуждение, находясь под воздействием неопосредованного архетипа, потому что рядом с ней нет надежного опекуна, который помог бы ей конструктивно интегрировать эту энергию. Возбуждение, которое могло бы распахнуть перед молодой девушкой двери в мир сексуальности, так и остается неуправляемой силой. Раннее пробуждение сексуальных инстинктов толкает Карен на путь хитрости и обмана. Ей удается заполучить пару красных башмачков, обведя Старую Даму вокруг пальца. Она успешно проворачивает это дельце, но на самом деле, с точки зрения динамики, сама остается в дураках. Все ее мысли о красных башмачках, она заморожена архетипической энергией. Все ее внимание сосредоточено на них, что вредит ее росту и развитию. И здесь чувствуется нехватка опосредующего материнского влияния. При интернализированном посредничестве такого рода у обсессивно-компульсивного человека могла бы появиться возможность усвоить или приспособить архетипическую энергию к своей повседневной жизни. Таким образом, он смог бы обрести душевное равновесие, что, в свою очередь, способствовало бы формированию достаточно сильного

Эго. Интегрировав чувство равновесия, человек мог бы справиться с сильнейшим возбуждением, не увлечься сверх меры и устоять на ногах.

Но в сказке подобного не происходит. Красные башмачки превращаются для Карен в Obsession, а танец становится compulsией. Obsession оказывается настолько сильной, что ни институт Церкви, ни Христово таинство не смогли совладать с ней. Может, у Карен и есть желание приобщиться к Богу, но пока ей все-таки хочется плясать под собственную дудку. И в следующее воскресенье под влиянием внутреннего протеста она вновь осмеливается надеть красные башмачки. Своим поступком Карен призывает архетипическую силу, которая предстает в образе старого солдата, воплощающего фигуру Анимуса. Он-то и приводит в действие энергию башмачков и вовлекает девочку в compulsивную пляску. В реальной жизни молодая девушка с такой внутренней историей оказывается в эпицентре борьбы между зарождающимися желаниями и существующими ограничениями. В сказке был момент, когда башмачки, превратившиеся впоследствии в Obsession, можно было убрать подальше. А теперь поздно – они «полностью завладели ее ногами». Именно тогда, когда башмачки «приклеиваются» и «стянуть» их невозможно, ригидная структура характера окончательно закрепляется и встает на место. А это значит, что с этого момента сексуальностью Карен окончательно завладел дьявол. Ангел в дверях церкви предстает как противовес ему. Он преграждает Карен доступ в область духа, в которой она могла бы обрести целостность. В итоге конфликт между желанием и виной качественно усиливается.

И вот в сказке наступает момент, когда доведенная до отчаяния Карен решает исповедаться, принести жертву и покаяться. Это – еще один важный аспект Obsessивно-compulsивной динамики. Чтобы покаяние и принесение жертвы могло стать действительно конструктивным, чрезвычайно важна поддержка значимого окружения, содействующая укреплению Эго. Сильное Эго в состоянии удержать напряженное противостояние между желанием и необходимостью подчинения. В итоге может пробудиться трансцендентная функция,

порождающая символы, которые создают, оживляют и усиливают ось Эго–Самость. В сказке лишенная поддержки Карен не может выдержать этого напряжения, и ее жертвоприношение превращается в акт самокастрации. Она просит Палача отрубить ей ступни. Таким образом, она отщепляет свой сексуальный инстинкт, но это не открывает ей путь к духу. При повторном визите в церковь она сталкивается с «отсеченным» содержанием – танцующими башмачками. Будучи отвергнутой, сексуальность вновь и вновь перекрывает ей путь к духу. Вместо прощения и искупления остаются страх и вина. Символически сексуальные и творческие инстинкты уничтожаются, их не приручают и не развивают. Компульсия в виде танца дорого обходится. Разорвав связь с собственной сексуальностью, Карен в конце концов разрывает связь с самой жизнью.

В финале, все еще стремясь к духовному искуплению, Карен получает его, но для этого ей приходится покинуть земной мир – невоплощенная, отрезанная от жизни, она умирает и возносится на небеса. Картина ее вознесения очень походит на картину смерти девочки со спичками. Ее трансформация также не состоялась. Человек, отрезанный от собственных желаний и души, мертвеет. Полюс духовного поглощает героиню сказки, обрывая связь с жизнью. То, что могло открыть доступ к неистощимому источнику архетипически одухотворенной красоты, оборачивается мучительной одержимостью, которая стремительно уносит ее *в вечное небытие*.

Клинический случай: не спящая, истощенная, измученная и виноватая

Подробно исследовав сказку «Красные башмачки», рассмотрим клинический случай. Он наглядно показывает, как непосредственные архетипические энергии доводят человека до изнеможения.

Привлекательная и добропорядочная 37-летняя женщина по имени Труды пришла в анализ с конкретными жалобами на значительное снижение веса и бессонницу. (Труды потеряла 19 фунтов и выглядела как изможденная 90-летняя старуха.) Но больше всего ее страшила мысль о том, что, если ее состо-

яние не изменится, в будущем она не сможет без посторонней помощи заботиться о двух маленьких детях – годовалом сыне и четырехлетней дочери, ей придется обращаться к родителям. Симптомы появились шесть месяцев назад. Как раз в то время у сына все заметнее стали проявляться различные нарушения в развитии. Несмотря на то, что муж был рядом и поддерживал ее, справиться с ситуацией пациентка не могла. Ее мучили чувства беспомощности и вины за то, что их сын – инвалид. Мальчик нуждался в особом уходе, а она никак не могла взять себя в руки; к тому же требовала внимания дочь, очень одаренная и общительная девочка. Несколько назойливое присутствие бабушки, судя по всему, только прибавляло проблем в отношениях с детьми: она сокрушалась по поводу инвалидности внука и была слишком озабочена интенсивным обучением талантливой внучки. Труди была благодарна матери за помощь. Но всякий раз, когда бабушка приходила к ним домой, а приходила она часто, тревога Труди неизменно возрастала, и справиться с ней она не могла.

Выяснилось, что причиной ее бессонницы были учащенные компульсии: она постоянно проверяла, надежно ли заперты все двери, чтобы семье не угрожало вторжение непрошенных гостей, и выключены ли в доме все приборы, чтобы ничего не заискрилось и не загорелось. Смущенно поведала она мне о своих компульсиях в надежде получить заверение в том, что она не сошла с ума. Она поражалась тому, что такие бессмысленные действия могли захватить ее, ведь она всегда считала себя разумным человеком. Хотя само по себе компульсивное поведение и защитные ритуалы не были для нее в новинку, пугала власть, которую компульсии возымели над ее жизнью, и частота, с которой они повторялись в последнее время.

До того как у Труди появились свои дети, она была директором детского сада. Проблемы развития детей она изучила всесторонне и теперь видела, что сын отстает в развитии: поздно начал гулить, узнавать ее лицо, переворачиваться и садиться. Это вселяло в нее чувство страха и вины. Кроме того, ребенок был очень крупным. Окружающие понимали, что с ним «что-то не так». Ей было стыдно и неловко выходить

с ним на люди. Мальчик совершенно не походил на сестру, которая всегда непринужденно общалась и неизменно вызывала симпатию.

Симптомы, наблюдавшиеся у Труди: депрессия, резкая потеря веса и бессонница – действительно вызывали серьезные опасения. Я направила ее на обследование к психиатру, который прописал ей антидепрессант, содержащий SSRI. Лекарство снизило повышенную тревожность, постепенно улучшился аппетит. По ночам компульсивные проверки стали реже, но днем они все так же часто мучили пациентку.

Труди была единственным ребенком. Она родилась в 1961 году в послевоенной Германии в довольно строгой лютеранской семье. Методы воспитания детей в том обществе и в то время были суровыми и требовали от ребенка полного подчинения. Отец был рабочим, имел властную натуру. Мать была женщиной-ребенком, ее регулярно одолевали сильные страхи и беспокойство. Труди считала своим долгом успокаивать мать всякий раз, когда та тревожилась, а тревог у нее было немало. Мать хотела прожить свою жизнь через Труди, но ее желанию не суждено было исполниться, поскольку по своей природе дочь была интровертным, интеллектуальным и серьезным ребенком. Казалось, что внучка, не по годам общительная и одаренная, откроет бабушке дверь в ту жизнь, о которой она так долго мечтала.

Семья иммигрировала в США, когда Труди было шесть лет. Она пошла в школу и целеустремленно приступила к изучению нового языка. Она вспоминала, что прилежная учеба в школе доставляла ей определенное удовольствие. Родители часто использовали ее в качестве переводчика, чтобы поговорить с продавцами, учителями и соседями, поскольку им было стыдно за свой ломанный английский. Прошло много времени, прежде чем Труди осознала и признала тот факт, что стыдилась самой себя и своей семьи. Ребенок-интроверт в чужой стране пытается выучить новый язык – социальная изоляция чувствовалась все острее и очень тяготила. Похоже, Труди до сих пор так и не избавилась от этого ощущения.

В анализе Труди старалась быть хорошей пациенткой и продуктивно использовала время, отведенное для тера-

пии. Она просила, чтобы я задавала ей домашние задания и как можно чаще сообщала о достигнутых результатах. Ее беспокоило, что она занимается собой как бы за счет семьи. С самого начала было видно, что она ждет моего одобрения и признания. Я сразу прониклась к ней симпатией, хотя нередко ее подробные описания событий и безжалостная самокритика раздражали меня. Она рассказывала о жестких и серьезных требованиях, которые предъявляла к себе. Иногда от напряжения, возникавшего в комнате, я чувствовала себя изможденной. Пациентка жаждала общения, однако ее удивляла моя способность сопереживать. Требования ее сурового и карающего Супер-Эго, похоже, вступали в полный диссонанс с моей готовностью узнавать ее мысли и чувства о детях, муже и матери.

Труди умела сопереживать и довольно подробно описывать чувства своих родителей, однако опыта в выражении собственных чувств у нее было очень мало. Нельзя сказать, что в терапии она их утаивала, скорее, просто не знала, как выразить. Со временем она стала запоминать сны. Их интерпретации во многом способствовали обогащению ее эмоциональной жизни. Сны были яркими и многослойными. Ее удивляла их глубина и выразительность. Именно сны помогли ей понять и признать ярость, которую назойливость и требования матери будили в ней.

Наша работа продолжалась. Труди вместе с бабушкой водила сына по многочисленным врачам, надеясь узнать диагноз, который объяснил бы его отставание в развитии. Прорабатывая эти болезненные переживания, мы обе поняли, что присутствие бабушки мешало и самой Труди, и ребенку, поскольку на приеме у врача главным было успокоить бабушку, которая то и дело вмешивалась и тревожилась. Как только я предложила Труди установить границы в отношениях с матерью, соответствующий бессознательный материал тут же проявился в снах и терапия получила новый импульс.

Сны и вернувшиеся воспоминания о детской сексуальной игре вызвали у пациентки чувства стыда и вины, с которыми она боролась. В наших отношениях сразу же появилась напряженность. Иногда Труди сомневалась, следует ли

рассказывать о том, какой ужасной она была, и нужно ли вообще продолжать терапию. В то же самое время участились ее ночные компульсивные проверки (плита, двери, тостер, утюг и т. д.), что в очередной раз привело к тяжелой бессоннице. Что же ей вспомнилось? Сексуальная игра. Соседская девочка, которая была года на три старше Труди, вовлекла ее в эту игру, представлявшую собой ярко выраженный садистический ритуал. Девочки играли в нее несколько лет – все началось, когда Труди было восемь, и закончилось, когда ей исполнилось двенадцать. По словам Труди, старшая девочка показала ей, что нужно делать. Несмотря на то, что ее мучили противоречивые чувства, она согласилась, а потом вроде бы и отступить было поздно. Девочка стащила у своей матери лифчик с конусообразными чашечками, и Труди надевала его. В их паре она была госпожой, а ее партнерше отводилась роль покорной и смиренной служанки.

Одновременно с появлением этих мучительных воспоминаний наружу стали прорываться гнев и желание установить границы во всем, везде и со всеми. Гнев пугал и тревожил. Казавшиеся иррациональными и необъяснимо мощными, эти переживания изводили женщину, гордившуюся своим весьма рациональным отношением к жизни. Она злилась на меня за то, что в анализе не было четких определений, и хотела знать, не пытаюсь ли я сделать ее зависимой, поскольку не даю конкретного ответа на вопрос о продолжительности лечения. Таким образом, обозначались проблемы зависимости и страха перед ней, который она вызывала. Мы проанализировали зависимость матери от Труди, а также страхи и гнев Труди по поводу того, что ей приходится воспитывать зависимого ребенка-инвалида.

В ее снах часто встречался образ ключа. Теперь пришло время соединить его с компульсивным поведением – проверить, заперт ли дом. Как-то днем, вернувшись из магазина, Труди обнаружила у себя в гостях родителей. Они смотрели телевизор и ели. Родители частенько без предупреждения заглядывали к ней. В отсутствие дочери они открывали дверь ключом, который она им дала, и дожидались ее возвращения. В тот самый день Труди чувствовала себя уставшей от бес-

сонной ночи, да и дети успели доставить немало хлопот. Увидев, что родители используют ее дом как место отдыха, она взорвалась от ярости. Отец тут же отчитал ее за непонятный ему выплеск эмоций и бросился вон. Мать разрыдалась и поспешила вслед за ним.

На нашей следующей сессии, все еще пребывая под впечатлением от своей несдержанности, Трудя тем не менее смогла сделать несколько конструктивных выводов. Образ ключа из снов, неспособность устанавливать границы в отношениях с родителями, неумение ограничивать чрезмерные требования к самой себе, страх перед собственным гневом – все начало сходиться. Две взаимосвязанные компульсии, мучившие ее, постепенно раскрывали свой символический смысл. Проверять, заперты ли двери, означало ее потребность жить самостоятельно, без контролирующих вторжений. А проверка электроприборов указывала на страх перед собственными сильными аффектами, которые могли взорвать ее мир. Со временем Трудя поняла, что сексуальная игра, в которой она участвовала в детстве, была ритуалом, отражающим ее борьбу с матерью, бессознательно испытываемый к ней гнев, стремление властвовать и контролировать и, наконец, неспособность изменить сценарий, в котором превосходство и зависимость разыгрывали свою вечную партию.

Размышления по поводу терапии

В ходе дальнейшей работы симптомы Трудя ослабевали. Она поняла, что ее obsессии и компульсии были связаны с переживанием стресса определенной интенсивности и чаще всего провоцировались отщепленным гневом. Постепенно она начала пересматривать навязанное самой себе требование избыточного перфекционизма. Если говорить о конечных результатах терапии, то она стала намного терпимее относиться к собственным чувствам в целом, а к себе как родителю предъявлять более реалистичные требования.

На ранних этапах терапии obsессивно-компульсивный пациент часто приходит на сессии с перечнем конкретных проблем. У терапевта сразу же возникает искушение заняться

проблемами, связанными с аффектом и отношениями. Однако такой поспешный нажим с целью добраться до аффекта может привести к результату, обратному желаемому, и вызвать отчуждение (Beck et al., 2003). Структура характера ограничивает способность обсессивного человека «использовать» символический материал. Поначалу аналитическая работа может продвигаться очень медленно. И это может в немалой степени фрустрировать пациента или терапевта, решивших, что им необходимо ставить реальные цели и оценивать полученные результаты. Неструктурированность действий или ситуаций вызывает у людей с обсессивной структурой беспокойство, и его причина отчасти кроется в отсутствии понимания того, как нужно себя вести и какие правила соблюдать, чтобы гарантировать себе безопасность. Анализ сам по себе вызывает у них огромный страх и тревогу. Некоторые обсессивно-компульсивные пациенты не в состоянии привыкнуть к аналитической ситуации, в которой они теряют контроль и «не знают, что сказать», и в итоге бросают терапию. Маквильямс (McWilliams, 1994) советует терапевтам уже на ранних этапах анализа осознать и попытаться принять бессознательный негативизм пациентов с обсессивно-компульсивными расстройствами. Она отмечает также целительный потенциал обычной доброты и нерепрессивных реакций на раздражающие качества характера этих людей.

Труди по-прежнему беспокоило отсутствие у нее друзей. Обсессивно-компульсивные люди раздражают окружающих и при этом совершенно не понимают причины этого. Только проработав вместе длительное время, мы с Труди стали доверять друг другу настолько, что у нас сложился альянс, в котором я смогла проработать ощущение дискомфорта и раздражительность, возникавшие как ответная реакция на создаваемую ею напряженность. Мы выяснили, что ее серьезная манера держаться и самокритика мешали поддерживать непринужденные дружеские отношения.

Благодаря своей способности запоминать и интерпретировать сны, Труди получила доступ к бессознательному материалу. Похоже, воспоминания о детской сексуальной игре открыли перед ней множество дорог. Она признала, что ей было

стыдно злиться на мать. Внутри нашего альянса мне удалось спровоцировать ее на открытый гнев и критику в мой адрес. Аккуратно проработанный нами, этот материал интегрировался и во многом способствовал укреплению чувства автономии пациентки. К моменту завершения терапии Труды смогла определить круг своих обязанностей по отношению к сыну. Несколько раз в неделю она на полдня оставляла его в детском саду и посвящала это время занятиям йогой. Постепенно Труды научилась использовать свойственное ей усердие в работе и чрезвычайную преданность делу во благо себе и собственной индивидуации.

От Питера Пена и нарциссизма к Сатурну и обсессивно-компульсивному расстройству

Архетипы Пуэра и Сенекса

Исследуя внутренний мир контрзависимого нарцисса, мы в итоге выяснили, что очень часто он воодушевляется, отождествляясь с Пуэром – вечным ребенком, вечным мальчиком. Пуэр и Сенекс неразрывно связаны друг с другом. Они представляют два противоположных полюса архетипа возраста. Если контрзависимого нарцисса чаще всего воодушевляет архетип Пуэра, то на обсессивно-компульсивную личность часто влияет архетип Сенекса. Рассматривая темную, пожирающую сторону динамики обсессивно-компульсивной структуры характера, мы сталкиваемся лицом к лицу с могущественным создателем и одновременно несущим смерть Кроносом или Сатурном. В его сосредоточенности на времени, смерти и контроле отражается темная сторона архетипа, который управляет человеком с обсессивно-компульсивной структурой характера. Когда Сатурн заталкивает своих детей, одного за другим, обратно в чрево их матери, очевидной становится параллель с обсессивно-компульсивным человеком. Когда он составляет списки и расписания, устанавливает правила, он заталкивает в бессознательное свободу и творческий потенциал. На более продвинутом этапе развития человеческого сознания вперед выдвинулся другой бог с совершенно иными

качествами. Аполлон, древнегреческий бог порядка и предсказаний, не имеет ничего общего с первобытным мстительным прародителем, пожирающим собственных детей. В душе обсессивно-компульсивного человека можно пробудить Аполлона, бога Солнца. Он по-иному освящает ценность порядка и рациональности. Архетип Аполлона вдохновляет человека на их творческую интеграцию.

Аполлон: в мире людей справедливость нуждается в милосердии, если сила не возьмет верх

В греческом пантеоне Аполлон был очень могущественным богом, покровителем ясновидения и предсказаний, искусств и музыки. Он насылал чуму и опекал врачей-врачевателей. Он был мстительным, карающим и соперничающим. Подобно Афине, Аполлон олицетворял культуру Древней Греции 400 г. до н. э. и одновременно влиял на нее. Это был период наивысшего расцвета греческой цивилизации, которая вела свое начало от более древних культур воинов и героев, набрала силу в эпоху подъема архитектуры, искусства и медицины и, наконец, достигла апогея в культуре гражданского и правового общества. Светом своим бог Солнца осветил людские деяния и одарил сознание мерилom золотой середины (Cahill, 2004). Обряды поклонения Аполлону служили освобождению верующих, запертых во мраке собственного существа. Эти ритуалы одаривали проникающим сиянием, несущим просветление и трансформацию (Kerényi, 1983).

Дух изречений Аполлона – «Все должно быть в меру» и «Познай себя» – пробудил и укрепил рефлексирующее сознание, диалог и демократию в Древней Греции. Именно Аполлон направил смертоносную стрелу в пятю величайшего греческого воина Ахиллеса. Тем самым золотой бог положил конец эпохе гнева и военной славы. Разум и приверженность законам общества требуют разрушения прославленной воинской ярости, гнева, жажды крови и дерзости. Однако без покрова ночи яркий дневной свет уничтожит то, что произрастает в сумерках или при лунном свете. Палящее солнце иссушит землю, лишив ее влаги, и повсюду будет пустыня.

Прежде всего, Аполлон – сын своего отца. Как и его отец – великий Зевс, – он справедлив. Но его не обуревают отцовские страсти; он не наделен той творческой силой, что проявляется во внезапных вспышках молнии. Восседая на Олимпе, он смотрит в будущее, устанавливает порядок, помогает в открытиях и исследованиях. Аполлон не управляет, а царствует, равно как и большинство людей, воодушевленных талантами бога Солнца (Volen, 1990). Творческий потенциал должен вызревать в темном влажном месте, в противном случае он не сможет принести любовь, потомство или плоды. Вот по этой причине ухаживания Аполлона часто отвергались, хотя он и не был чужд страстных увлечений. Его не любили. Он так и не женился.

Аполлон победил архетипического змея Пифона, ужасное чудовище, которое предсказывало будущее и служило самой богине Земли, Гее. Если рассматривать это действие как символическую победу разума над чувствами, мысли над инстинктом, дневного света над ночной тьмой, то становится понятно, почему именно этот могущественный бог покровительствует человеческому сознанию, борется за независимость от мощных примитивных сил. Может ли стремление к аполлоническому идеалу помочь ребенку, чьи потребности обесценены и загнаны в бессознательное, вырваться из терзающего его подземного мира?

Мы полагаем, что архетип Аполлона был бы чрезвычайно притягателен для тревожного ребенка с шатким Эго, который, попав в избегающий паттерн отношений и инкапсуляцию, оказывается уязвимым перед жутким страхом дезинтеграции. Утонченность и самообладание Аполлона обещают наделять силой человека, стоящего перед невыносимой внутренней дилеммой – подчиниться или быть автономным. Однако обсессивно-компульсивный человек также невольно может застыть в оцепенении за «кирпичной» стеной аполлонических идеалов, таких как совершенство, равная мера и золотая середина. Справедливые законы и мстительность Аполлона не дают человеку пить «сок» жизни и перекрывают поток творческой энергии.

Ослабить то, что слишком туго затянуто

Каким образом человек с обсессивно-компульсивным расстройством может испытать воодушевление и прилив новых сил? Обладая достаточно сильным Эго и способностью к рефлексии, можно справиться с конфликтом между подчинением и автономией, желанием и морализмом, осознать потребность в контроле и навязывании перфекционизма себе и другим. Если ослабить жесткие защиты, то постепенно душевная гармония восстановится. Золотой Аполлон правил в священном дельфийском храме большую часть года. Но наступало время, когда он сдавал свои полномочия и совершал путешествие в отдаленные уголки духовного мира, чтобы навестить таинственных гиперборейцев. В его отсутствие наступала энантиодромия. Дионис получал право устанавливать свои порядки в Дельфах. О Дионисе, боге страсти и необузданности, мы подробно расскажем в следующей главе. Вдохновляясь, но не отождествляясь ни с одним из богов, сохраняя в своей душе место для человеческих ценностей и вдохновения, человек с обсессивно-компульсивной структурой сможет получить доступ к неиссякаемому источнику собственной творческой активности, более гибко применять таланты Аполлона, не страшиться проявлений дионисийской страсти и приобщиться к богатому миру человеческой эмпатии и близких отношений (Downing, 1993, p. 69).

Избегающий паттерн отношений: выводы

Проклятие и благо инкапсуляции

Все три структуры характера в рамках избегающего паттерна отношений имеют определенное сходство друг с другом. Проанализировав в предшествующих трех главах символику мифов и сказок, мы распознаем в ней явные образы инкапсуляции. Девочка со спичками замерзает в снегу, Белоснежка лежит в стеклянном гробу в уединенном месте, три поросенка прячутся в кирпичном доме. Эти образы представляют структуры характера, которые отгораживают от жизни, воздвигают

гая межличностные и внутриспсихические барьеры. Человек не в состоянии прорваться через преграду ригидных защит, чтобы установить аутентичный контакт. Защитная инкапсуляция отличает избегающий паттерн от других паттернов отношений, которые мы рассмотрим в следующих главах: так, в ищущем паттерне главным является контакт, а в антагонистическом ключевая роль отводится агрессии.

Избегающие структуры характера, и созидая, и защищаясь, используют главным образом ум и воображение. Так, девочка со спичками уходит от боли в царство успокаивающих, но смертельных фантазий. Питер Пен благодаря своему волшебному дару пролетает над городскими крышами и устремляется на остров Потерянных Мальчиков. Наф-Наф, полагаясь на собственный ум и ригидные ментальные структуры, строит кирпичный дом, надеясь укрыться в нем от волка, воплощающего инстинкты.

Но если Эго развито и защиты применяются гибко, то психический потенциал бессознательного может вдохновить на выдающиеся свершения в мире интеллекта, воображения и поэзии. Всматриваясь в кристаллы льда, шизоидный человек может разгадать устройство вселенной. Глядя на мир сквозь стеклянную линзу, контрзависимый нарцисс словно приобретает орлиное зрение, которое позволяет видеть перспективы, открывающиеся за привычными границами, и это видение помогает уравнивать духовное и обыденное в человеческих отношениях. Принимая участие в строительстве кирпичного дома под названием «общество», обсессивно-компульсивный человек может придать его архитектурному облику необыкновенное изящество, тщательно продумать его внутреннюю планировку, основательно и надежно укрепить, сделав неуязвимым для опасностей внешнего мира.

ЧАСТЬ II
ИЩУЩИЙ ПАТТЕРН

Глава 4

ПОГРАНИЧНАЯ СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА: АГОНИЯ И ЭКСТАЗ

Введение

В музее Темпло Майор в Мехико-Сити находится внушительный – 11 футов длиной – каменный рельеф овальной формы. Вглядываясь в замысловатый орнамент, вырезанный на не совсем гладкой поверхности камня, вы постепенно различаете в нем разрезанное на части женское тело. И в конце концов понимаете, что перед вами тело богини, разорванное на куски. Отрубленные руки и ноги, которые вы видите как бы сбоку, аккуратно разложены на манер вертушки вокруг развернутого к вам обнаженного туловища, все вместе они образуют овал. Изувеченные части тела, кости, торчащие из безжалостно отрубленных конечностей, клыкастые маски, закрывающие колени и пятки, змеи, обвивающие руки и ноги, череп, прикрепленный к поясу, воссоздают картину ужасной смерти и расчленения, мрака и хаоса. Это изображение ацтекской богини Койольшауки. Ацтекский миф рассказывает о том, что Койольшауки пришла в ярость, узнав, что ее мать таинственным образом забеременела. Оскорбленная и взбешенная, она создала 400 братьев, и вместе они отправились к матери с намерением убить ее. В тот самый момент, когда они появились, Великая Богиня произвела на свет божественного сына Уицилопочтли. Молодой бог-спаситель, раскрашенный в синий цвет, покрытый перьями и вооруженный копьем и щитом, тут же обезглавил и расчленил свою единокровную сестру

Койольшауки. Разваливаясь на куски, тело ее скатилось вниз по склону великой Змеиной Горы. Внутренний каменный рельеф показывает во всех деталях разорванное и расчлененное тело Койольшауки, а, по сути, агонию ее жуткой смерти (Moctezuma, 1992, p. 14–18).

Мы в первую очередь обращаемся к этому мифологическому образу, потому что он пробуждает ощущение *mysterium tremendum*, образующее ядро пограничной динамики. Как правило, пограничной реальностью управляют хаотичные мощные аффекты, а также насыщенные, стремительные, перенаселенные и запутанные взаимодействия. В парадигме ищущего паттерна отношений пограничная структура характера занимает начальную ступень. На ее формирование влияют яркие и сильные, но невоплощенные и не сопровождающиеся образами аффекты. Мощные архетипические аффекты могут самым драматическим образом затоплять нарождающееся Эго. В пограничной реальности, возникающей на самой ранней стадии развития, мы обнаруживаем, что внутренний мир человека оказывается во власти тиранических сил, которые искажают или уничтожают рефлексию и тем самым ввергают его в необузданные аффективные состояния. В мифах и преданиях символическим изображением такой необузданности является расчленение героя, будь то человек или бог – он разорван, растерзан или разрублен на части. Нестовые состояния также могут воплощаться в разъяренном диком звере или в герое, который погребен под пеплом, испачкан сажей, захлебывается кровью, объят пламенем. Все эти образы свидетельствуют о невероятно сильном внутреннем переживании пограничного хаоса, наглядное представление о котором дает расчлененное тело Койольшауки на мексиканском каменном рельефе.

У любого клинициста есть опыт работы с людьми, живущими в такой реальности. В большинстве случаев взять в анализ пограничного пациента равносильно тому, чтобы взять в дом дикое испуганное животное – сомнений в этом не остается уже после первого телефонного звонка. Пациент входит в кабинет, падает на кушетку и периодически то затаивается, то изливает душу в своем рассказе. Как пойманный в кап-

кан зверь, борющийся за жизнь, он сначала может опустить глаза, а потом вцепиться вам в горло. Дикие, заряженные аффектами, противоречивые послания делают каждую минуту анализа напряженной и опасной. Ощущение, будто на карту поставлена жизнь, что вполне может соответствовать действительности. Тьма господствует.

Клиницисты-теоретики склонны объяснять структурные нарушения одной базовой причиной: например, желание пациента контактировать встречает препятствия (Kohut, 1977, p. 171), или пациентом движут агрессивные импульсы (Kernberg, 1975, p. 25). Однако человек с пограничной структурой характера живет в мире, где сильное желание контактировать с другими и с самим собой заставляет его одновременно сближаться и отталкивать, любить и ненавидеть. В эту минуту он объясняется в безграничной любви, в следующую – признается в столь же глубокой ненависти. Он совершенно необъяснимым образом удерживает другого в сетях своего хаоса. Все его существо отчаянно жаждет близости, но поведение отталкивает других. И тогда он по обыкновению безжалостно набрасывается на самого себя – он режет себя, разрывает связи, бросает работу или разрушает отношения, а все потому, что неистово ищет контакта.

Это сбивающее с толку противоречие может вызывать у терапевта недоумение и протест. Поскольку терапевт является принимающей стороной в этих непредсказуемых столкновениях, то от него требуется умение одновременно управлять несколькими уровнями реальности. Пациент быстро втягивает терапевта в свою архетипическую драму. В интерсубъективном поле эта драма чаще всего проживается в форме неосязаемых аффективных волн. Сейчас терапевт для пациента – добрая мать, в следующую минуту – вампир, чуть позже – темный ангел. Позитив и негатив сменяют друг друга так стремительно, что в какие-то моменты и терапевт, и пациент могут впасть в около-психотическое безумие. В этом состоянии хаоса границы между сознательным и бессознательным, так же как границы между терапевтом и пациентом, могут размываться. Но терапевт должен намеренно удерживать в своем сознании мысль о целебном эффекте, который дает прожива-

ние вместе с пациентом всех его многообразных ощущений, при условии, что терапевт аккуратно их разъясняет и тем самым содействует зарождению рефлексивного сознания у пациента. Терапевт должен настроить себя на то, чтобы выдержать все бури, получить желаемое и отбить атаки, не предпринимая в ответ никаких карательных мер. Пациенту очень важно видеть в терапевте человека, который сохраняет к нему доброе отношение, человека, которого невозможно уничтожить, прогнать или унижить. И все же вполне вероятно, что терапевт получит свою порцию страха и ярости, а также презрения, пренебрежения или превосходства, защитных по своей сути. Если терапевт умеет отслеживать собственные чувства и защиты, то он сможет сохранить с пациентом устойчивый, действенный и нерушимый контакт. Позднее терапевт сможет проработать аффекты пациента в рамках переноса, и эти необузданные силы в конце концов могут обратиться в способность символически воспринимать разнообразные аффекты и в умение налаживать межличностное общение.

Когда человек с пограничной структурой не отдается во власть аффективного бессознательного, а учится выстраивать с ним отношения, он получает доступ к его богатому созидательному потенциалу. Если архетипическую необузданность почитают, уважают и принимают, если она в значительной степени интегрирована, то человек может получать серьезную подпитку из этого животворного, вдохновляющего подземного источника. Благодаря такой подпитке человек впечатляющим образом наполняется жизненной энергией, обретая не только способность вступать в отношения, преисполненные глубины, страстности, нежности и преданности, но и возможность жить духовной жизнью, расцвеченной аффектами. Расплатой за неумение вести диалог с архетипической силой часто является нестерпимая боль, которую человек причиняет себе и окружающим, а наградой за ее принятие могут стать удивительные по своим ощущениям глубина и вибрация.

Термин «пограничный», как правило, используется в уничижительном значении в историях болезни пациентов, чья неистовая жизнь пугает тех, кто должен был бы им помогать.

При контрпереносе нам чрезвычайно трудно добраться до этой области в самих себе, принять и контейнировать ее содержание; действительно может оказаться, что эти переживания мы воспринимаем как нечто *иное* – совершенно чуждое нам. Тогда они попадают в отвергаемые, темные, недоступные уголки нашей души – в так называемую Тень. Кроме определения «иной», терапевты довольно часто не гнушаются определением «дурной», характеризуя пограничных пациентов. На самом деле, определение «дурной» употребляется не так уж редко – не в публикациях, конечно, а в разгар дискуссий о пограничных пациентах. Вероятнее всего, что терапевт, который сам боится этих темных территорий, будет либо чрезмерно, либо недостаточно вовлечен в глубокий кризис, переживаемый пациентом. Он может невольно поддаться искушению «зафиксировать» хаос в том состоянии, в каком он проявляется в жизни пациента. Однако этот хаос присутствует не только в пациенте, он присутствует и в терапевте, он же является частью самой вечности. Только осознав присутствие этой области в своей собственной душе и в своей личной жизни, терапевт готов вступить в контакт с реальностью пограничных пациентов.

Мы используем термин «пограничный» в очень узком значении, описывая структуру характера, сформировавшуюся в условиях доминирования архетипического аффекта. Давайте остановимся на нем подробнее. Изначально термин «пограничный» был введен для описания тех состояний, которые при диагностике занимали промежуточное положение между психотическим и невротическим состоянием (McWilliams, 1994, p. 42–44). Позже его стали использовать для обозначения широкого спектра состояний, обусловленных травмами, полученными на раннем этапе развития (см.: Kernberg, 1975; Searls, 1986). В результате многие авторы применяют термин «пограничный» при описании достаточно большой группы пациентов, которых мы относим к другим диагностическим категориям. Мы применяем этот термин исключительно для обозначения динамики и защит, которые формируются на самом раннем этапе развития, и тем самым отделяем их от нарциссических и преневротических структур

характера. На примитивной стадии мы рассматриваем как пограничную личность человека, который наполнен, а вернее, одержим архетипическими аффектами. Если же человек, получивший травмы на самом раннем этапе своей жизни, движим агрессией, то он обладает психопатической структурой характера. А человек с подобными же травмами, но в развитии которого важную роль играют интеллект и воображение, является обладателем шизоидной структуры характера. Такие разграничения, во многом сходные с тремя категориями нарциссического поля, помогают прояснить и разрешить ряд спорных вопросов, обсуждаемых в литературе о пограничных явлениях.

Клинический случай: из огня да в полымя

В течение нескольких лет ко мне на прием приходил мужчина по имени Деррик. Он был врачом. Некоторое время работал в большом городском госпитале в отделении скорой помощи. Затем решил перейти в небольшую местную больницу на менее напряженную работу, чтобы иметь возможность участвовать в театральной самодеятельности. Он был несколько раз женат, но на тот момент вел жизнь холостяка и занимался лишь тем, что ходил на свидания и веселился. Однако веселья в его рассказах не чувствовалось. Ему часто разбивали сердце. Сны его были наполнены преследованиями и убийствами. Свое тело он разрушал, то уходя в запои, то употребляя кокаин. В 45 лет молодцеватый вид и профессиональные успехи больше не могли скрывать внутреннюю неразбериху. Он не испытывал прежнего волнения от пребывания на сцене. Боялся разрушить все, чего достиг. Боялся разрушить самого себя. Если раньше он ссорился только со своими сексуальными партнершами, то сейчас стал конфликтовать с друзьями и коллегами. Он нуждался в помощи. Она была ему необходима.

Яркий и стремительный, он врвался в кабинет с бесчисленными рассказами о глубоких драмах, разворачивающихся на работе, на сцене и в постели. До определенного момента все это драматическое разнообразие позволяло эффективно и творчески выражать архетипические аффекты, прису-

щие пограничной структуре, образующей основу его характера. Однако хаотические и разрушительные аффекты, ранее успешно скрывавшиеся под маской ярких и необузданных театральных демонстраций, сейчас начали захватывать его Эго, мешать личным отношениям и разрушать профессиональную жизнь. На протяжении нескольких месяцев наши сессии были подчинены этой неразберихе. Постепенно его ярость начала проявляться во время сеансов; кроме стычек с окружающими, он, к собственному ужасу, начал нападать и на меня. Малейшее недопонимание или несогласие с моей стороны приводило его в ярость. Иногда он мог накричать на меня или уйти с сессии, хлопнув дверью, но потом возвращался, переживая, что я отомщу ему, прогоню его или просто уйду.

Изменчивость Деррика служит примером того, каким образом пограничный пациент переживает состояние, в котором сильное желание контактировать с другими и с самим собой заставляет его одновременно сближаться и отталкивать от себя людей. Человеку с пограничной структурой характера свойственно расщеплять на архетипически окрашенные хорошие и плохие аспекты самого себя и других, а затем быстро, непредсказуемо и потому хаотично метаться между этими противоположностями. Неистовые и стремительные метания, провоцируемые экстремально мощными аффектами, являются отличительным признаком пограничной реальности. Очень-очень медленно благодаря тому, что мы вместе проживали эти резкие и быстрые перепады, Деррик начал воспринимать меня как нечто постоянное, надежное, заботливое и неразрушимое. Со временем, поддерживаемый совсем недавно зародившимся рефлексивным Эго, он стал относиться к себе как к связанной и многосторонней личности, по человеческой своей природе простой и утонченной одновременно.

Лечение пациента с пограничным расстройством характера или же пациента с базовой пограничной структурой характера является делом сложным и даже опасным, поэтому терапевту, в первую очередь, рекомендуется установить границы. Мы считаем, что таким образом незащищенное Эго пациента получит необходимую поддержку. Но и в этом случае Эго совершенно не контролирует большую часть энергии, по-

этому в процессе формирования и поддержания сознательного рефлексивного Эго необходимо выстраивать диалог с архетипическими аффектами, которые тиранически вгоняют человека в необузданные аффективные состояния.

Ослиная шкура: сказка о солнце, испачканном сажей

Сказка братьев Гримм «Ослиная шкура»¹ приводит нас в самое сердце пограничной территории, поскольку представляет собой архетипическую историю о раненом и неистовом ребенке. Его голос слышится каждый раз, когда люди с пограничной структурой характера совершают свои отчаянные поступки.

Сказка начинается

Умирая, несравненной красоты королева велела своему мужу жениться на женщине столь же ослепительной, какой была она сама. Прошло время, и король заметил, что его дочь Ослиная Шкура стала совсем взрослой и такой же красивой, как его любимая жена. Он влюбился в нее без памяти. Принцесса была потрясена и попыталась отвлечь отца от его намерений. С этой целью она попросила достать ей три платья и меховую шкуру, которые были столь диковинны, что он ни за что на свете не смог бы их найти. Но король справился с заданием, и принцесса поняла, что ей не остается ничего другого, как бежать от его желаний. Она взяла с собой три маленьких золотых кольца и три великолепных платья. Измазавшись сажей, завернувшись в шкуру и убежала в дальний лес, где спряталась в дупле дерева.

Эту сказку можно интерпретировать, с точки зрения динамики семейных отношений и, следовательно, представить, что речь в ней идет о реальных и знакомых многим взаимодействиях в жизни молодой девушки. Углубившись в символику, можно исследовать, каким образом взаимодействия между королевой, королем и их дочерью соотносятся с внутриспсихическими паттернами в душе девушки, где одна часть становится инцестуозной (родительские комплексы) и совращает

другую часть (Эго). Многие теоретики полагают, что пограничная динамика возникает вследствие реального физического и сексуального насилия. Но в некоторых случаях такая структура характера формируется даже тогда, когда семейные отношения не являются травмирующими. Анализируя сказку «Ослиная шкура», мы будем сопоставлять жизненные и символические проекции.

Сказка начинается с того, что умирает мать, обладающая *совершенной* красотой. Символически смерть слишком хорошей матери предвещает приход в душу прямой противоположности того, что в ней обитало прежде, то есть знаменует приход тьмы и страданий. Смерть и совершенно странная воля умирающей ведут к тому, что, в конце концов, у короля возникает инцестуозное желание по отношению к дочери. Мать, которая кажется «очень хорошей», в действительности околдовывает собственного мужа и обрекает дочь на ужасные беды.

Молодая девушка, не получившая в достаточной мере материнской заботы, особенно уязвима перед агрессивным отцом. Аналогичная ситуация складывается внутриспсихически: отцовский комплекс, особенно если он пребывает в сговоре с материнским, поработачивает невинное Эго. В сказке Ослиная Шкура сначала пытается отвлечь отца, ставя перед ним невыполнимые задачи, с которыми тот все же справляется. А потом, так и не сумев обмануть непреодолимую и беспощадную силу, убегает в лесную чащу, измазав себя сажей и одев меховую шкуру. С точки зрения динамики, Эго прячет свою красоту, погружается в «очень плохое» и теряется в глубинах архетипической реальности. Благодаря изменению внешности и бегству достигается столь необходимая сепарация. Иначе установилось бы безраздельное обладание со стороны доминирующего отца-насильника – не важно, идет ли речь о настоящем отце или об отцовском комплексе. В результате такого обладания в лучшем случае могло бы развиться абсолютно ложное Я, в худшем – психоз. Бегство Ослиной Шкуры от отца и ее энантиодромическое погружение во тьму архетипического царства может оказаться деструктивным, но для человека с пограничной структурой характера это неизбежный этап зарождения индивидуального сознания.

Образ Ослиной Шкуры, которая одна прячется в страшном лесу, наглядно передает суть пограничной структуры характера. Пережив покинутость, страсть, насилие, ужас и бегство, она борется за выживание. В ходе развития, столкнувшись с естественной необходимостью дифференцировать хорошее и плохое, ребенок с ищущим паттерном в целях защиты расщепляет свою внутреннюю реальность. Он убегает в темноту, закутавшись в шкуру – яркая сторона его Я прячется. Взрослая женщина с такой структурой характера затопляется примитивным архетипическим аффектом. Она живет с ощущением, что ее постоянно раздирают изнутри и снаружи. Она нередко признается в том, что у нее есть внутренняя убежденность, что она на самом деле плоха для окружающих, она проклятое или даже испорченное существо. Сильные архетипические бури захватывают ее и ввергают в пучину запутанных отношений с самой собой и с другими. Прячущийся в лесу, укутавшийся в звериные шкуры человек остается пленником темноты.

Сказка продолжается

Охотничьи собаки, обладавшие острым нюхом, привели молодого короля – правителя этих далеких земель – прямо к Ослиной Шкуре, которая пряталась на дереве. Одетая в шкуру, она походила на диковинного зверя, и король решил взять ее с собой во дворец. Там ее держали в подвале, куда не проникал дневной свет. Так и жила она в убогости, помогала на кухне и выметала золу. Но вот однажды во дворце устроили пир, и Ослиная Шкура незаметно сняла свою накидку, смыла сажу, облачилась в платье, сиявшее, подобно солнцу, и пришла на праздник. Король был пленен ее красотой и пригласил на танец. После танца она исчезла так быстро, что никто не успел проследить за ней. Тихонько пробравшись в свою каморку, она снова закуталась в шкуру и превратилась в служанку-замарашку. Когда повар велел ей приготовить суп для короля, она сварила отменный бульон, в который подбросила золотое кольцо. Король ел да нахваливал суп, и вдруг ему попало кольцо. Он потребовал привести к нему нерадивую прислугу. Нашли и привели Осли-

ную Шкуру. На все вопросы она отвечала только одно: она бедная сирота. И твердила, что ни на что не годится, в нее разве что ботинки можно швырять, а о кольце она знать ничего не знает. Во второй раз, когда во дворце устроили пир, повторилось все то же самое. Ослиная Шкура появилась на балу, затем исчезла, подбросила золотое кольцо, а потом снова говорила, что ни на что не годна и ничего не знает. В третий раз она появилась на празднике в платье, которое светилось, как звезды. Но на сей раз король изловчился и надел золотое кольцо ей на палец, танцевал с ней очень долго, не отпуская от себя. Поэтому, вернувшись в свою каморку, она наспех надела шкуру поверх бального платья и не заметила, что один палец не испачкался сажей. Едва она успела подбросить золотое кольцо в суп, как ее позвали. Увидев чистый палец и кольцо, которое он надел на него во время танца, король схватил Ослиную Шкуру и не выпускал ее. Когда она попыталась вырваться и убежать, шкура распахнулась, и звездное платье ослепило всех. Тогда король сорвал накидку, и засверкали золотые волосы принцессы, и предстала она во всем своем великолепии, и ничего нельзя уже было скрыть. Смыва Ослиная Шкура сажу с лица, и открылась вся ее красота. Король сделал ей предложение. Они поженились и прожили счастливо до самой смерти.

В сказке охотничьи собаки в конце концов находят девушку, сбежавшую в лес. Окружающие воспринимают ее как дикое животное, ее дикость одновременно отталкивает и привлекает. Очевидно, что некий базовый инстинкт, символом которого являются собаки, пробуждает Эго и сближает его с королем, которого можно считать воплощением анимуса. Освободившись из ловушки бессознательного, Эго снова оказывается в положении, когда оно может искать контакта, и на этот раз, возможно, не подвергаясь агрессивному нападению. Ослиная Шкура вышла из укрытия. Появившись на балу в великолепном платье, она, хоть и мимолетно, но показала свою яркую сторону. И эту яркую сторону Я при повторной демонстрации не захватил комплекс хорошей матери и не поработил доминирующий отцовский комплекс, а встретила фигура анимуса, с которым недавно установилась связь. Благодаря этому Ос-

линая Шкура смогла неоднократно заявить о себе: несколько раз она подбрасывала кольца в суп, несколько раз появлялась на балах. С точки зрения внутриспсихических процессов, очевидно, что силы, загнавшие Ослиную Шкуру в темноту, отступили, и появилась возможность динамически исследовать баланс между противоположностями.

Эти неоднократные появления и отступления Ослиной Шкуры показывают, каким образом человек с пограничной структурой характера устанавливает контакт и затем нарушает его, меняет жизнь к лучшему и затем разрушает ее – и такие циклы могут повторяться до бесконечности. Но если поддерживать человека во время этих циклов, постепенно выясняется, что энергия нарастает и становятся возможны перемены. В сказке на третьем, последнем, балу Ослиная Шкура не замаскировалась полностью. И поскольку она не спряталась целиком, король сумел крепко схватить ее. В результате его ловкого маневра Ослиная Шкура предстает во всем своем великолепии, и дело заканчивается свадьбой, достигается долгожданный *coniunctio* (от латинского слова «соединение»), то есть брак дифференцированных противоположностей.

Возможно, в какой-то момент терапевту, точно так же как королю, вступившему в прямое противоборство с Ослиной Шкурой, понадобится проявить больше настойчивости и прямолинейности в предъявлении своих интерпретаций пациенту. Только если пациент чувствует себя в достаточной степени значимым и защищенным, активные интеракции терапевта помогают ему окончательно покинуть укрытие. Пережив вместе с терапевтом периоды страданий и хаоса и чувствуя его поддержку, пациент уже может пробовать присоединять ту яркую отщепленную часть своего Я, которую старательно прятал и оберегал из-за ранней брошенности и жестокого обращения с ней.

Переживания терапевта, взаимодействующего с пациентами подобного типа, можно сравнить с переживаниями короля из сказки «Ослиная Шкура». Безусловно, эти пациенты непосредственно и живо вносят в нашу жизнь богатство глубинного, насыщенного аффектами архетипического царства. Но это богатство может быть принято как с радушием, так и с враж-

дебностью. Если терапевт не сражается с собственными демонами, не осознает собственное отчаяние или собственную смертельную ярость, он может либо испытать отвращение, либо поддаться обаянию и угодить в ловушку, расставленную пациентом с пограничной структурой характера. Терапевт может почувствовать негодование по поводу того, что время и энергия, которую он отдает пациенту, тратятся впустую. Уже замечено, что именно пациенты с пограничной структурой становятся главной темой обсуждения на супервизиях и практических конференциях, и именно они чаще всего сняты терапевтам.

Возможности отвесть вкусный суп и выловить из него золотое колечко могут пробудить в терапевте, как это и произошло с королем в сказке, сильное желание разузнать, откуда взялось кольцо, и он будет вызывать пациента из темницы и постоянно задавать вопросы: «Кто вы?» и «Откуда вы?». Такие возможности удерживают терапевта в кресле, когда пациент твердит час за часом, что достоин «лишь получать сапогом по голове», и выходит на новый виток самоуничтожения. В конце концов, задаваясь вопросами, кем была та очаровательная незнакомка на балу, кто готовил тот превосходный суп и кто подбрасывал золотые кольца, король все же разгадал загадку Ослиной Шкуры, то есть нашел источник богатств и, что очень важно, женился на ней. Ведя пациента к его внутреннему браку, терапевт может привести самого себя к такой же развязке. Взаимодействуя с пациентом, он может глубже проникнуть в царство тьмы, хаоса и отчаяния, а также в ослепительно яркий мир золотого солнца. Совсем нелегко открыться царству хаоса, но нет никаких сомнений в том, что оно может обогатить нашу личную жизнь и сделать наши душевные переживания более глубокими.

Пограничная структура характера в специальной литературе

Представления о «пограничной личности» непоследовательны и противоречивы. Занятым было бы предположение, что публикуемые по данной теме труды, собственно, и воплощают «пограничную» динамику, которая, по сути своей,

непоследовательна, противоречива и хаотична. Давно замечено, что пограничные пациенты склонны сеять хаос, разлад и раздор среди окружающих их людей. Тогда не должен вызывать удивления и тот факт, что литература, описывающая эту динамику, производит такой же эффект, будучи фрагментарной и неинтегрированной.

Мы тоже оказались в сложном положении из-за всех существующих противоречий и расхождений. Мы относим «пограничное расстройство» к числу диагностируемых личностных расстройств на основании критериев, указанных в *DSM-III* и *DSM-IV* (American Psychiatric Association, 1980, 1984). И, соответственно, общаясь друг с другом и с коллегами, мы противопоставляем пограничную структуру другим структурам характера: нарциссической, шизоидной, обсессивно-компульсивной и пр., считая, что каждая из них представляет особый стиль характера. Нам также известно, что некоторые теоретики используют термин «пограничный» для описания уровня развития между психотическим и невротическим состоянием. С этой точки зрения, любая известная нам структура характера, например истерическая, может проявиться на пограничном или невротическом уровне развития. Прежде чем приступить непосредственно к анализу литературы с учетом этих двух подходов, мы сначала покажем, как эти вступающие в противоречие друг с другом точки зрения соотносятся в нашей Матрице (с. 18).

Как уже говорилось во «Введении», мы используем термин «пограничный» для описания конкретной структуры личности. Чтобы выполнить столь необходимую дифференциацию уровней развития, мы выделили несколько особых стадий, которые располагаются в «пограничном пространстве» между психозом и неврозом. В нашей Матрице самому раннему уровню развития соответствует примитивная стадия, за ней следуют более продвинутые стадии: нарциссическая и преневротическая. Дифференциация трех уровней-стадий развития позволяет подробно описать их сходства и различия. Кроме того, мы дифференцируем паттерны отношений, что позволяет нам различать стили взаимодействий. Таким образом, мы используем термин «пограничный» в достаточно узком значе-

нии – «возникающий на примитивной стадии развития и содержащий в своей основе наполненный аффектами ищущий паттерн отношений».

Есть несколько работ, в которых дается всестороннее описание пограничной структуры характера и из которых читатель может почерпнуть дополнительную информацию (четкий анализ и описание см.: McWilliams, 1994; Goldstein, 1996; Gunderson, 1984; Millon, Davis, 1996; Joseph, 1995; очень сжатая и неубедительная работа: Gabbard, Wilkinson, 1994).

Маквилльямс подробно описывает историю возникновения диагноза, подчеркивая при этом, что термин «пограничный» использовался для обозначения уровня развития. Она также упоминает, что еще в 1890 году Россе заметил, что некоторые пациенты «живут как будто в «пограничном пространстве» между здравомыслием и безумием» (McWilliams, 1994, р. 9). Но, несмотря на это, до самой середины XX века главной оставалась классическая для психоанализа и слабо дифференцированная модель «психоз–невроз». И только с середины XX века некоторые исследователи (прежде всего Gunderson, Kernberg и Masterson) начали писать о пограничном состоянии как о «разновидности личностной структуры, при которой возникают более тяжелые последствия, чем при неврозе, но которая не подвержена продолжительным психотическим декомпенсациям» (McWilliams, 1994, р. 50–51).

«Пограничный» как отдельный термин закрепился в 1960–1970-е годы в работах Кернберга, которые представляли собой синтез британской теории объектных отношений и американской эго-психологии. Согласно британской теории объектных отношений, представителями которой являются Мелани Кляйн, Рональд Фэрбэрн и Дональд Винникотт, структуры характера формируются через интернализированные отношения других, которые образуют Я-репрезентации. Предполагается, что ребенок приносит в мир некие уже запрограммированные формы организации межличностного взаимодействия, некие «универсальные сценарии отношений, к которым ассимилируется межличностное взаимодействие, происходящее в реальной жизни» (Joseph, 1995, р. 73). Такая ассимиляция предполагает участие воображения, которое «перерабатывает

фактический жизненный опыт», создавая внутреннюю реальность, которая является компромиссом между тем, как обстояли и обстоят дела в действительности, и тем, чего человек желает и боится.

Развивая собственные идеи о пограничной динамике на основании вышеизложенных концепций, Кернберг выделяет несколько симптомов и «особенностей», свойственных пограничной структуре. Он также приводит данные наблюдений, которые иллюстрируют специфику рассматриваемой нами динамики. По его мнению, у пограничного пациента могут встречаться следующие симптомы: хроническая беспредметная диффузная тревога, диссоциативные реакции, ограниченный контроль импульсов, признаки конверсии, ипохондрия, склонность к полиморфным сексуальным извращениям, пагубные пристрастия и ограниченное количество каналов сублимации. Кернберг отмечает, что одним из отличительных признаков пограничного состояния является диффузия идентичности, которая «проявляется в недостаточно интегрированном представлении о своем Я и значимых других». При этом поясняется, что в структуре пограничной личности «репрезентации Я в достаточной мере дифференцированы от объектных репрезентаций, что позволяет поддерживать границы Эго», а вот способность интегрировать «хорошие» и «плохие» аспекты своего Я и значимых других в целостные представления в общем-то неразвита. Поэтому у человека Я-репрезентации и объектные репрезентации остаются множественными и противоречивыми. Для такой организации личности, как правило, характерны крайне противоречивое поведение и резкие изменения эмоционального состояния. Отсутствие способности к интеграции мешает устойчивому и глубокому восприятию самого себя и других, и со временем это восприятие становится все более искаженными. Но важно отметить, что при наличии подобных искажений пограничные пациенты не устраниаются от тестирования реальности, как это свойственно психопатическим пациентам. Кернберг выдвигает теоретическое предположение о том, что «неспособность интегрировать „хорошие“ и „плохие“ аспекты реально-го Я и других может быть связана с ранним доминированием

жестокостью агрессивности, активизированной в этих пациентах». Диссоциация «хороших» и «плохих» Я-репрезентаций и объектных репрезентаций на самом деле защищает любовь и доброту от загрязнения преобладающей ненавистью и злобой (Kernberg, 1984, p. 10–18).

Кернберг также отмечает, что пограничный пациент в основном выполняет примитивные защитные операции. Чтобы защитить Эго от внутриспсихического конфликта, порожденного бессознательным импульсом, невротический пациент обычно применяет защиты высокого уровня, такие как репрессия, изоляция, аннулирование и интеллектуализация. А пограничный пациент, чтобы поддержать сепарацию противоречивых репрезентаций, чаще использует радикальные защиты, главным образом расщепление. Эти защиты приводят Эго в противоречащие друг другу состояния, которые активизируются попеременно, поэтому пограничный пациент не склонен воспринимать себя как «цельного» человека. Кернберг делает следующий вывод: «Эти защиты оберегают пограничного пациента от внутриспсихического конфликта, но за счет ослабления функций Эго, что снижает его адаптируемость и гибкость» (Kernberg, 1984, p. 15–18).

Мастерсон еще детальнее дифференцирует пограничную и нарциссическую динамику. Но и он придерживается общепринятой парадигмы: «пограничный» обозначает уровень развития между психотическим и невротическим состоянием. Повторяем, что речь идет о теории, в которой термин «пограничный» имеет более широкое значение, чем то, которое вкладываем в него мы, авторы книги. По мнению Мастерсона, пограничная динамика отражает фиксацию на подфазе сближения (*rapprochement*) в процессе «сепарации-индивидуации», когда ребенок достигает определенной степени автономии, но все еще нуждается в поддержке. Мастерсон предполагает, что на этой стадии мать ребенка, который предрасположен к формированию пограничной структуры характера, либо препятствует сепарации, либо отвергает ребенка, когда тот возвращается к ней за поддержкой. По сути, ребенок чувствует, что его поощряют за то, что он цепляется за мать, и наказывают за упорное отстаивание своих прав и за сепарацию.

Как следствие, уже во взрослом состоянии пограничному человеку свойственно то льнуть к другому как к потенциально поощряющему объекту, то отстраняться от него из-за боязни вновь столкнуться с невыносимым разочарованием в том, что его вновь отвергают. «Раздвоенное восприятие мира» у пограничного человека обусловлено расщеплением и предполагает наличие «хорошей Я-репрезентации, связанной с образом хорошей матери, и плохой, неадекватной или „сдутой“ Я-репрезентации, связанной с образом плохой матери». Ребенок «никогда не осознает в полной мере, что мать – это один целостный человек... Он так и будет воспринимать ее как две отдельные сущности, одна из которых – доброжелательная, а другая – злобная». Между тем хорошее Я «ведет себя незрело, прилипчиво, пассивно, скромно», и хорошая мать поощряет такую регрессивную форму поведения. Когда же плохое Я, желающее быть активным и независимым, отстаивает свои права, его встречает критикующая и раздраженная плохая мать. Склонность матери поощрять ребенка за то, что он цепляется за нее, и бросать его, когда он пытается отстоять свою независимость, интернализуется и «пронизывает всю личностную структуру взрослого человека» (Masterson, 1976, р. 78–80). Обобщая теорию Мастерсона, Маквилльямс объясняет, что «таким образом пограничные пациенты оказываются в безвыходном положении: чувствуя близость к другому человеку, они впадают в панику из-за страха поглощения и тотального контроля; обособляясь, они чувствуют себя до боли покинутыми... ни близость, ни дистанция не приносят комфорта» (McWilliams, 1994, р. 64).

Если все вышеназванные теоретики использовали термин «пограничный», характеризуя определенный уровень развития, то мы используем его для обозначения идентифицируемого стиля характера, точнее, самого раннего проявления ищущего паттерна. В своем выборе мы опираемся на мнение ряда теоретиков. Гандерсон в своей классической работе, посвященной пограничным пациентам, обосновывает использование термина «пограничный» в качестве диагностической категории. Он выделяет несколько критериев идентификации пограничных пациентов. В их число входят: напряженные

и нестабильные межличностные отношения, манипуляционные попытки самоубийства, неустойчивое ощущение своего Я, негативные аффекты, импульсивность и низкий уровень достижений. Далее он тщательно дифференцирует этот профиль от более широкой категории, введенной Кернбергом, а именно «пограничной организации личности», а также от других специфических патологий и характерологических расстройств. Гандерсон также обстоятельно анализирует и критически оценивает некоторые психодинамические определения пограничного синдрома. Уделяя особое внимание столь важным для пограничного человека межличностным отношениям, он приходит к заключению, что характерные особенности таких пациентов можно рассматривать как феноменологически обусловленные образцы или модели предсказуемых межличностных реакций. Он утверждает, что характерное для пограничных пациентов поведение отражает изменение уровней функционирования Эго и переключение с одного типа защиты на другой, а не просто использование примитивных защит в форме расщепления и проекции, которые выделял Кернберг (Gunderson, 1984). Особое значение Гандерсон придавал межличностной этиологии пограничной динамики, что соответствует мнению большинства современных специалистов по психодинамике. Некоторые авторы, сторонники психологии самости и интерсубъективной теории, считают, что пограничную динамику правильнее исследовать с позиции нарушения эмпатических отношений. Придерживаясь такого взгляда, эти теоретики утверждают, что терапия должна включать активную интерпретацию переноса.

Заявляя, что «пограничный» – это совершенно самостоятельная категория, юнгианский аналитик Шварц-Салант отмечает, что пограничный человек погружается в «душевные состояния, которые подступают вплотную и выходят за границу, разделяющую личное и архетипическое, вследствие чего аспекты того и другого переплетаются между собой зачастую самым необычным образом» (Schwartz-Salant, 1989, p. 9). Полагая, что пограничный человек пострадал от серьезной нехватки эмпатических откликов со стороны значимых других, Шварц-Салант высказывает предположение, что «у челове-

ка отсутствует внутренняя положительная репрезентация» Я и других внутренних фигур, при этом он мучается, переживая нуминозное/архетипическое в его негативной форме, и не имеет доступа к позитивному переживанию. Отчаянно стремясь преодолеть это тяжелое и дезориентирующее состояние, «пограничный человек оказывается вовлеченным в драматическую ситуацию, когда он вынужден беспрестанно, но совершенно бесплодно пытаться вступить в контакт с другими людьми» (Schwartz-Salant, 1989, p. 50–51). Затопляемая сильными неотступными аффектами, опустошительными для души, психика пограничного человека распадается на множество фрагментов, чтобы таким образом справиться с отчаянием и заглушить боль (Schwartz-Salant, 1989, p. 23–28). Переживая искаженный архетипический процесс *coniunctio* как внутри себя, так и в отношениях с другими, пограничный человек не в состоянии прийти к согласию с самим собой и с окружающими. Живя в такой реальности, он находится в тесной связи с главной проблемой нашего времени, которая состоит в неспособности современного общества достичь *coniunctio*. Таким образом: «Страдания пограничного человека не бесцельны. Его цель – обретение *coniunctio*. Одни достигают этой цели, а другие безвозвратно утрачивают, но стремятся к ней все» (Schwartz-Salant, 1989, p. 225).

В *DSM-IV* тоже нашла свое отражение точка зрения, что термин «пограничный» обозначает идентифицируемое расстройство характера, определяемое как «распространенный паттерн, которому свойственна нестабильность в межличностных отношениях, представлениях о себе и в способах проявления аффектов, а также выраженная импульсивность». К отличительным признакам относятся: аффективная нестабильность, внезапные вспышки сильного гнева, отчаянное стремление избежать реального или воображаемого ощущения покинутости; нестабильные и напряженные межличностные отношения; нарушение идентичности/неустойчивые Я-репрезентации; саморазрушающая импульсивность в таких сферах, как секс, еда, употребление наркотиков и алкоголя; членовредительство и/или периодические суицидальные попытки.

Многие теоретики замечают, что пограничные пациенты усваивают неподходящие способы борьбы с уязвимостью перед сильными и нестабильными эмоциями. Мы видим в этой уязвимости свидетельство того, что процессы научения и развития были в значительной степени нарушены бессознательными аффектами, которые не были в достаточной мере опосредованы. Внутренний и внешний ландшафт пограничной динамики, как правило, наполнен фигурами других, с которыми человек состоит в достаточно регулярном взаимодействии, пусть и хаотичном. Эти другие населяют его мир в огромном количестве, временами ведут себя по-хозяйски, навязчиво, неотвратно. Человек может чувствовать себя так, будто находится под постоянным артиллерийским обстрелом.

Клинический случай: Рейчел – на острие клинка

Несколько лет назад я очень плотно работала с женщиной, которая мужественно сражалась с демонической потребностью резать себя ножом. Однажды вечером я наткнулась на стихотворение Мардж Пирси², в котором очень ярко описывались страдания моей пациентки и путь возможного избавления от них. Образы этого стихотворения помогали мне контейнировать ощущение непредсказуемости и необузданности, которое присутствовало на каждой сессии в ходе терапии. Итак, давайте прочтем эти яркие и несущие избавление строки:

Сладкое предвкушение боли*

Ты бросаешься в объятия
боли, что клинку подобна,
отшлифованному светом,
что врезается в тебя.

Ты ныряешь в эту муку –
хлопнет дверь «железной девы»,
и шипы сквозь плоть рванутся,
словно челюсти акулы.

* Пер. О. Ю. Чемакиной, литературная обработка Р. А. Кононова.

Вот оно – теперь все правда! –
говоришь ты, истекая
жаркой кровью в темной пасти –
так оно должно и быть.

Вот к чему я был взлелеян!
Наконец-то все понятно:
сгинуть у кормушки щедрой
недалекой, жадной птицей.

Там зерно хозяин сыплет,
чтоб фазан пошел на пулю,
жутким голодом ведомый,
а охота – удалась!

О любовь моя, ты видишь,
в диких чащах нашей жизни
дивным пестрым одеялом
осыпаются цветы

дикой яблони. И филин
для своей подруги верной
тащит мертвую полевку
как залог своей любви.

Там к воде в смертельной страсти
рухнет гордый зимородок,
чтоб потом взметнуться с рыбой,
что сверкает, как Луна!

Этот мир – не злой, не добрый,
он, как яблоко, понятный –
он затем, чтобы бороться,
наслаждаться и страдать!

И творить, что справедливо;
строить, как бобер, плотину.
Быть сквозь беды и несчастья
неподкупным и живым!

О любовь моя, ты видишь,
в диких чащах нашей жизни

нам дана любовь и право
быть безропотно живым.

(Marge Piercy. Mars and Her Children, 1992)

Моей пациенткой была молодая женщина, назовем ее Рейчел. Ко мне она обратилась, когда ей было 26 лет. Она начала терапию, потому что периодически испытывала желание «броситься в объятия той самой боли» и, собственно, уже начала резать себя. У родителей Рейчел было пятеро детей. Она помнила, что всего лишь несколько раз душевно общалась и играла со своей пугливой и осмотрительной матерью, которая сверх меры беспокоилась о том, чтобы все выглядели и вели себя как подобает. Отец, по словам Рейчел, был «полным ничтожеством». В общем-то он был достаточно сентиментальным человеком, но мог совершенно неожиданно по пустяку выйти из себя и грозиться уйти из дома раз и навсегда. Заканчивались подобные сцены слезливо-пьяным раскаянием, которое сопровождалось неуместным проявлением нежности к Рейчел.

К тому моменту, как Рейчел исполнилось шесть, она уже давно мечтала о том дне, когда перестанет сидеть дома и пойдет в школу. Но когда этот день наступил, она отчаянно вцепилась в мать и пронзительно кричала, оказывая отчаянное сопротивление двум учителям и директору школы, когда те хотели увести ее в класс. Прошло некоторое время, и, казалось, что в школе она вполне освоилась. Она была очень милой и веселой девочкой, детей привлекали ее энтузиазм и бесшабашность. Но в 3-м классе у Рейчел стал сильно болеть желудок, и мучили головные боли. Ее направили к невропатологу, который в ее присутствии сообщил родителям, что у девочки очень сильный страх сепарации, и, чтобы его преодолеть, а также справиться с гневом, ей понадобится помощь. После этих разоблачающих комментариев Рейчел чувствовала себя так, будто ее предали, и отказалась еще раз встречаться с доктором. Учась в начальной школе, она то и дело заводила друзей, ссорилась с ними и бросала одного за другим. Казалось, что благодаря ее обаянию новые подружки у нее будут всегда, но она болезненно переживала каждый разрыв. Она

стала очень сильно грызть ногти и безжалостно срывала коросты с болячек. Она чувствовала себя несчастной.

Между тем старший брат Рейчел, превратившийся в дерзкого подростка, стал устраивать дома дикие вечеринки. Родители не могли повлиять на сына; отец махнул на все рукой, мать переживала. Рейчел тогда было 13 лет, и она с восторгом окунулась в самую гущу веселья; ее первой любовью стал друг брата, отпетый хам и негодяй. Он доводил ее до слез, что только еще больше разжигало ее и без того горячий интерес.

Перейдя в среднюю школу, Рейчел совсем неожиданно для себя увлеклась студийным искусством* и добилась превосходных результатов. Родители с подозрением отнеслись к увлечению дочери, но хорошо было то, что она хоть чем-то занялась и за нее можно было больше не тревожиться. Свойственный ей паттерн – постоянно менять друзей – распространился и на приятелей, которые быстро появлялись и также быстро исчезали. Она все больше и больше злоупотребляла выпивкой и наркотиками. Несмотря на это, школу она закончила, сдав выпускные экзамены и получив блестящую характеристику по предмету «искусство», за что ей полагалась стипендия в престижном колледже соответствующего профиля.

Рейчел помнила, что первое время в колледже она не выходила из наркотического и пьяного угара, но потом довольно быстро взяла себя в руки, поскольку учеба оказалась по-настоящему интересной и увлекательной. Окончив первый курс, она скоропалительно вышла замуж за своего парня. После череды ссор, которые с каждым разом становились все ожесточеннее, Рейчел поняла, что больше не в состоянии выносить постоянный контроль мужа. Она решила, что сыта по горло «всеми этими мужиками», собрала вещи и ушла. По окончании колледжа Рейчел уехала в город, где очень активно развивался художественный рынок. Там она познакомилась с интересными людьми и нашла первокласс-

* Студийное искусство включает следующие виды изобразительного искусства: рисунок, живопись, гравюра, литография, скульптура, фрески, фотография, видеофильмы, батик, ткани, ювелирное дело, керамика, графический дизайн, дизайн интерьера, иллюстрации.

ную галерею, через которую на удивление успешно продавала свои работы. Уже тогда на протяжении нескольких месяцев она испытывала сильную потребность резать себя и упорно истязала свое тело, используя для этого рабочий инструмент. Если ей удавалось преодолеть эту тягу, она тут же убегала из студии, бросив работу. Вскоре желание резать себя стало возникать и за пределами студии, фактически оно могло захватить ее в любую минуту, когда она оставалась одна. Вот тогда она и позвонила мне.

Первая стадия анализа

На первой сессии Рейчел пересказала мне сон, который принился ей под утро того дня:

Я за кулисами концертного зала, я знаю, что должна выступить – кажется, с какой-то фортепианной пьесой, но я никогда не училась игре на фортепиано. Моя мать должна была прийти, но ее нет в зале; я не знаю, к кому обратиться; я громко зову на помощь, но кто поможет? Никто даже не слышит меня. И тогда ко мне подходит очень красивый мужчина, он словно рыцарь: сияющие доспехи, меч и все такое! Но я чувствую, причем ясно чувствую, что он плохой, даже порочный. Я в панике, хочу убежать, но не могу пошевелиться. И тут я просыпаюсь.

В первую очередь – и сон, безусловно, наводит на эту мысль – мы приступили к исследованию пугающего образа отсутствующей матери. Этот образ как бы рассказал о каком-то недавнем взаимодействии Рейчел с матерью или воспоминании о ней. После того, как мы проанализировали ее сильные чувства, вызванные этим фрагментом сна, для нас стало возможным время от времени обсуждать то обстоятельство, что бессознательно она ожидает от меня точно такого же обращения. Рейчел была глубоко убеждена, что я непременно буду принижать значимость ее внутренней реальности, буду пренебрегать ее чувствами, игнорировать и обесценивать их. Она представить себе не могла, что я хочу и даже могу поддержать ее. Постепенно, по мере того как разворачивалась терапия, появились

неприятные, но четкие образы прожорливых волков, рвущих на части свою добычу, и птиц-падальщиков, растаскивающих трупы на куски. Эти образы напрямую говорили о неутолимом голоде моей пациентки, который заставлял ее грубо набрасываться на собственное тело. Эта пожирающая, разрушительная материнская фигура принимала бесчисленное множество самых разных обличей, и мы осторожно и внимательно наблюдали за ними, слушали, противостояли им. Я интерпретировала многообразные чувства, возникавшие в переносе, что побудило Рейчел откровенно делиться со мной своими переживаниями. Иногда я напоминала ей мать: рассеянную, неумелую, бесчувственную, поверхностную. А иногда, по ее признанию, она видела во мне богиню смерти – воплощение разрушительной силы, безликой и абсолютно жестокой.

В этот трудный период, длившийся несколько месяцев, Рейчел впадала то в дикое отчаяние, то в дикую ярость. Отчаяние становилось еще нестерпимее от ее убежденности в том, что она не в состоянии контролировать свое поведение и в конечном итоге тяга резать себя доведет ее до самоубийства. А ярость усиливалась от столь же глубокой уверенности, что она безнадежно плоха и поэтому должна наносить себе смертельно глубокие раны. Подогреваемая отчаянием и яростью, тяга резать себя периодически достигала своего пика, однако редко отыгрывалась. Если же Рейчел все-таки резала себя, то раны были неглубокими. Стало понятно, что она просто хотела прочувствовать и выразить свои эмоции с такой силой, чтобы ощутить, что они реальные, чтобы мы обе непременно убедились в их существовании. Дело, в первую очередь, касалось чувств, а не действий; ее намерение состояло в том, чтобы проявить аффект, поэтому я соответствующим образом направляла внимание на ее отчаяние и ярость.

В конце концов тяга нападать на себя и разрушать начала превращаться в аффекты, направленные на меня. Устойчивая потребность резать себя постепенно сменилась столь же сильным желанием наброситься на меня, расцарапать, исцарапать, разодрать мою кожу, а затем убить и сожрать меня. Эти образы и желания возникали медленно, по мере того как мы анализировали ее настойчивые попытки лишить меня значи-

мости и полезности в ее глазах, что проявлялось в демонстрации, причем неоднократно, едва заметного пренебрежения, например, в несоблюдении договоренностей, а также в более враждебных, но завуалированных выпадах или почти неприкрытых нападках на меня и наши отношения. Воображаемая сила собственной агрессивности поначалу приводила Рейчел в ужас, но все-таки она отважилась всмотреться в свои желания и образы и проговорить их; постепенно она разрешила мне принимать и хранить их.

Многие терапевты согласны с тем, что резание приносит мгновенное избавление от отчаяния, диссоциации или примитивных страхов. Так оно и было: когда Рейчел резала себя, то сразу выходила из оцепенения, вызванного ощущением, что ее непрерывно и устрашающе бомбардируют хаотичные мысли и чувства. В тот момент происходило окрыляющее воссоединение с собственными чувствами, но потом быстро возвращалось прежнее состояние хаоса, и она снова впадала в оцепенение. И тогда она стала все чаще прибегать к этому действенному «решению», которое на самом деле не было таковым. Научившись дифференцировать чувства и выражать их словами, Рейчел осознала, что когда резала себя, то выпускала наружу неистовую архетипическую ярость. Примитивный архетипический аффект действительно обладает огромной силой, и ее источник находится вовсе не в человеке, которого эта сила захватила, поэтому она и воспринимается как потусторонняя. Поскольку в нашем обществе принято загонять аффекты и тело в тень, подземный мир заявляет о себе вот таким жестоким способом – человек режет себя. Будучи не в состоянии трансформировать архетипическую ярость в воплощенный человеческий гнев, Рейчел не только обращала ее против себя, но и отыгрывала на других самыми разнообразными способами. Несмотря на то, что окружающие часто говорили ей о совершенно жутких эмоциональных всплесках, случавшихся с ней, себя она считала хрупкой и уязвимой, а также никчемной и слабой.

Следующие два года Рейчел продолжала бороться с мучительным хаосом – порождением материнского комплекса. Горюя об утраченной матери внутри себя, она была не в со-

стоянии встретиться с матерью реальной. Но в конце концов она решилась. Они встретились несколько раз. После каждой встречи Рейчел захлестывали волны эмоций – иногда она впадала в ярость, иногда ее охватывало душераздирающее отчаяние. Поскольку мы прорабатывали ее чувства, у нее постепенно формировался образ женщины, которая могла прийти на ее фортепианный концерт, то есть образ человека, который раскрыл бы ее способности и научил играть на фортепиано. Иногда в этом образе она видела знакомого человека, иногда воображаемого, иногда меня. И вот однажды она радостно и с удовольствием представила себя в моих объятиях. Постепенно (из снов, кинофильмов и книг) приходило все больше и больше образов нежной и любящей Хорошей Матери, а также предупредительных и по-настоящему верных сестер. Тогда Рейчел и осознала, что все это время ее тянула к матери несбыточная надежда во чтобы то ни стало получить от нее подтверждение своей самооценности. Освободившись от этих ожиданий, она научилась устанавливать границы в отношениях с матерью; а разобравшись в самой себе, смогла непринужденно общаться с ней во время их редких встреч.

Вторая стадия анализа

Интенсивно прорабатывая материнский комплекс Рейчел, я не забывала и о том, что значимым элементом ее первого сна было появление мужчины, что, судя по всему, должно было стать важной частью нашей работы. Вскоре после нескольких сессий, на которых она испытала нежную привязанность ко мне, направление ее внимания начало меняться и в итоге поменялось кардинально. Сначала она принялась без всякого стеснения флиртовать с одним из своих приятелей. После того как этому безумству был положен конец, она проанализировала чувства, которые у нее тогда возникли. Затем ей приснилось несколько снов о молчаливом жестоком насильнике. Смело вступив в контакт с этими шокирующими образами, она обнаружила, что они вызывают у нее ассоциации с ее первым бой-френдом – другом ее брата, грубым и жестоким типом. Неужели он изнасиловал ее? Сны становились все более убе-

дительными. Целыми часами, днями, неделями пыталась она разобраться в мучительных переживаниях, захвативших ее.

Как только переживания Рейчел удалось частично континировать, ее стал интересовать вопрос, совершил ли ее первый бойфренд сексуальное насилие над ней; ей хотелось знать *правду*. Она позвонила брату; он разволновался, услышав ее вопросы, и согласился, что парень был жутким подонком. Несколько раз Рейчел пыталась связаться напрямую со своим бывшим дружкой в надежде услышать правдивый рассказ. Но его телефон молчал. Не располагая никакими другими зацепками, Рейчел обратилась к воспоминаниям, снам и ассоциациям, имеющим отношение к тому времени. Она непременно хотела выяснить правду и найти виноватого, но в конечном итоге поняла и приняла тот факт, что изнасилованность являлась ее психической реальностью, и неважно, произошло ли с ней это на самом деле.

Научившись более или менее ужиться со своим смутным прошлым, Рейчел стала более восприимчива к своей психической реальности. В ответ психика обрушила на нее поток мужских образов: насильники, любовники, друзья, учителя. Поглощенная всеми этими фигурами, однажды она увидела сон, который напомнил ей о рыцаре в сияющих доспехах из ее первого сна. И если тогда рыцарь напугал ее, то на сей раз пробудил в ней любопытство и интерес. Работая с активным воображением на сессиях и ведя дневник, она смогла несколько раз вступить с ним в разговор.

Следствием этих разговоров стало несколько инсайтов, наполненных аффектами. Рейчел вдруг поняла, какое глубокое воздействие на нее оказывала агрессия отца. Его вспышки, необычайно яростные и сокрушительные для всех членов семьи, запечатлелись в ее бессознательном не только как неизбежные, но и как яркие и привлекательные. Вот так фигура насильника и архетип Гадеса обрели над ней власть. Именно поэтому ее притягивало подобное поведение мужчин, и поэтому ее внутренний мужчина приобрел такой же характер и относился к ней соответственно. Она поняла, что страх перед жестокостью и порочностью рыцаря, возникший первоначально, отражал ее уверенность в том, что любой сильный

мужчина, по определению, является агрессивным и жестоким негодяем. Также она осознала, что подчинилась командам архетипического негодяя, когда брала нож и резала себя.

Периодически Рейчел саботировала нашу нелегкую работу, бросаясь в буйные, хаотичные и разрушительные отношения. Но постепенно она пришла к осознанию того, что эти периоды хаоса были защитой от крепнущего между нами доверия и от инсайтов, возникавших в связи с образом отца. Она по-прежнему вела воображаемые диалоги с рыцарем и начала задавать ему личные вопросы. Вопрос о мече вовлек ее в смешной и неприличный разговор о фаллической силе. Получая от рыцаря шуточные наставления, она стала представлять, как сама умело обращается с этим сверкающим оружием. Смех смехом, но такая духовная подпитка содействовала тому, что у Рейчел начали формироваться психические мускулы. При поддержке рыцаря она научилась противостоять своему внутреннему негодяю. Теперь в ответ на сильное желание резать себя она мысленно входила в образ, в котором со сверкающим мечом в руках несла красоту и справедливость, а не жестокость и хаос. Когда желание резать себя исчезало, Рейчел, к собственному удивлению, обнаруживала, что испытывает радость и наслаждение. Таким образом, она поняла, что агрессия, если управлять ею разумно, может помочь ей обрести внутреннюю целостность, а также дать силы действовать в реальной жизни. Мужество, благодаря которому она поборола страх перед рыцарем и смогла вступить с ним в диалог, в конечном счете привело ее туда, где она почувствовала благодарность, теплоту и любовь к нему. А диалог с этой внутренней фигурой привел ее туда, где она почувствовала благодарность, теплоту и любовь к самой себе.

Этот конкретный период трансформации не стал завершающим этапом нашей работы, после которого «она жила счастливо до конца своих дней». Ведь психика живет по своим законам. Но работа, нацеленная на то, чтобы дифференцировать и сформировать положительную фигуру анимуса и развить рефлексирующее Эго, сделала Рейчел более сильной и гибкой, что сослужило ей добрую службу, когда в даль-

нейшем она отвечала на вызовы, бросааемые ее личным миром и царством архетипов. Конечно, она переживала периоды регрессии. Но в целом нам обоим было видно, что у нее постепенно и все заметнее проявлялась способность устанавливать связь с бессознательным, которое вносило свою энергию в ее жизнь, при этом не подчиняя своей власти. Эта способность развилась до такой степени, что в какой-то момент мы обе поняли, что Рейчел больше не нуждается в терапии. Время от времени она связывается со мной. У нее яркая и сложная жизнь, в которой, конечно, присутствует некоторая доля хаоса, но также есть место чувству глубокого личного и духовного удовлетворения. По окончании нашей совместной работы мне вспомнилось то самое стихотворение Мардж Пирси, что попало мне на глаза, когда все только начиналось, а точнее, шесть последних строк:

О любовь моя, ты видишь,
в диких чащах нашей жизни
дивным пестрым одеялом
осыпаются цветы

дикой яблони. И филин
для своей подруги верной
тащит мертвую полевку
как залог своей любви.

Там к воде в смертельной страсти
рухнет гордый зимородок,
чтоб потом взметнуться с рыбой,
что сверкает, как Луна!

Этот мир – не злой, не добрый,
он, как яблоко, понятный –
он затем, чтобы бороться,
наслаждаться и страдать!

И творить, что справедливо;
строить, как бобер, плотину.
Быть сквозь беды и несчастья
неподкупным и живым!

О любовь моя, ты видишь,
в диких чащах нашей жизни
нам дана любовь и право
быть безропотно живым*.

Перенос и контрперенос

Как мы уже отмечали ранее, пограничный пациент может легко втянуть окружающих в свою архетипическую драму. Я действительно была для Рейчел и плохой матерью, и хорошей матерью, и агрессивным отцом, и даже рыцарем в сияющих доспехах. Будучи осознанным, умение так разнопланово использовать других может стать козырем в руках пограничной личности. Такие отношения реально становятся очень эффективным контейнером для проработки ранних травм. Со многими пациентами трудно использовать негативный перенос, а с пограничными пациентами он в целом достаточно действенен при творческом подходе, если терапевт владеет этим приемом.

Что касается контрпереноса, то в тот период, когда Рейчел посещали свирепые образы, и даже тогда, когда эти образы сообщали о ее желании наброситься на меня, мне приходилось держаться спокойно и ровно, все время сохраняя доброжелательное отношение. Я уже знала, что Рейчел слушала намного внимательнее, когда не волновалась. В сказке мы видим, что Ослиная Шкура изо всех сил пытается не только спрятаться, но и открыться, потому и подбрасывает королю намеки – колечки, чтобы он разгадал, кто она на самом деле. То же самое делала Рейчел, когда я следом за ней осторожно спускалась в царство тьмы, в царство бессознательных аффектов. Интеракция за интеракцией – так прокладывалась тропинка, по которой она могла возвращаться назад. Иногда наши блуждания утомляли, иногда не давали никаких результатов, иногда фрустрировали, если не сказать, что доводили до бешенства, но ориентиром для меня всегда была красота моей пациентки.

* Пер. О. Ю. Чемакиной, литературная обработка Р. А. Кононова.

Мифологический ландшафт пограничного хаоса

Две темы: «страдание» и «красота», – которые мы теоретически рассмотрели и которые явно прослеживаются в жизни Рейчел, удивительным образом переплетаются в картинах известной мексиканской художницы Фриды Кало. При одном лишь взгляде на любой ее автопортрет, известный современному зрителю, неминуемо сталкиваешься с ощущением травмированности, о котором кричат эти полотна. Со всех картин она смотрит на нас пристальным взглядом; это взгляд, проникающий в темные глубины архетипического хаоса. Так, на одном портрете она намеренно оплетает шею веткой терновника. Шипы впиваются в плоть, кровь сочится; ее грудь ритуально окропляется каплями крови. Этот образ пришел к нам из древней мезо-американской мифологии, христианской иконографии и древнегреческой мифологемы о Дионисе. Он производит сильное впечатление не только потому, что передает глубину и мощь архетипических образов, но и потому, что заставляет нас посмотреть в глаза жестокой правде о человеческих страданиях. Кало также оставила нам картину, на которой изобразила проститутку, убитую в собственной кровати: ее тело изрезано ножом. Здесь господствует хаос: ярость, увечье, кровь, агония. Всю свою жизнь художница создавала картины, которые можно рассматривать как попытку тщательно и в деталях передать динамику, лежащую в основе пограничной реальности. Сосредоточившись, а точнее, столкнувшись лицом к лицу с жуткой, сокрушительной агонией пограничных переживаний, Кало обрела в ней источник творческих идей, которые повлияли на умы миллионов людей, ставших почитателями и ценителями ее таланта.

Именно вплетение мощной архетипической реальности в человеческую жизнь придает работам Кало особую харизматичность. Смело превращая невидимое в видимое, она подталкивает нас к тому, чтобы увидеть и принять жестокую реальность, в которой так внушительно и неотвратимо воплощена темная сторона божественного. Ужас охватывает при созерцании этого мира, но этот мир содержит богатый ресурс, с точки зрения трансформации. Одни из нас смело за-

глядывают в лицо этой реальности. Другие проявляют к ней особый интерес. Третьи просто живут в ней. Благодаря работе с людьми, у которых эта реальность воплощена в структуре характера, у каждого по-разному, мы чувствуем готовность познать это пространство в нас самих и вступить в него вместе с нашими пациентами.

Архетипический ландшафт пограничной динамики ярко отображен в картинах Кало, но это пространство также можно исследовать, обратившись к более знакомому западноевропейскому образу – расчлененному богу, коим является древнегреческий Дионис. Древнегреческая мифология изобилует историями о Дионисе; все они пространные, сложные и противоречивые, как и его натура. В них описывается совершенно невероятная способность к возрождению, которая залегает в архетипических глубинах, в самой основе пограничной динамики.

Поскольку Дионис ассоциируется с вином и хмельным весельем, то его чаще всего славят как великого освободителя. Как свидетельствуют мифы и древние культовые ритуалы, с появлением Диониса устоявшаяся, привычная жизнь нарушается. Когда он появляется: «Все, что томилось в неволе, выпускается на свободу... [В его присутствии] разрываются окопы, стены обращаются в руины, исчезают вековые преграды, скрывавшие от человеческого разума грядущее, далекое» (Otto, 1981, p. 97). Но всеохватывающая и воодушевляющая необузданность – только лишь начало. Как ни печально, но на смену архетипическому экстазу неизбежно приходит его архетипическая тень – агония ужасающей дикости. Дионис, бог освобождения, великий «избавитель», становится богом-разрушителем и расчленителем. В некоторых мифах рассказывается о том, как безудержное веселье постепенно перерастает в дикий и примитивный разгул, когда бог и его последователи рвут на части тела и пожирают плоть животных и людей. «Освобождение» превращается в яростное нападение на целое, на саму жизнь; устанавливается господство архетипического, абсолютного и полного хаоса. В мифах мы видим, что Дионис поощряет быструю и частую смену противоположных состояний: Дионис и его последователи снова и снова переходят

от веселья к хаосу, от экстаза к агонии. Дионис – бог сильных эмоций, аффективного разгула, страдания и безумия.

Все эти темы описываются в стихотворной форме, увлекательно и подробно, в пьесе Еврипида «Вакханки». Сюжет таков: своенравного царя Пентея заманивают посмотреть на экстатические ритуалы менад. Среди тех, кто придается шумному веселью, и мать Пентея, Агава. Она с диким восторгом участвует в разгуле. Не узнав собственного сына, она подбивает других вакханок напасть на него. Ликуя, возвращается она в город, держа в руке оторванную голову Пентея, но постепенно осознает весь ужас содеянного и в безмерном горе бежит от преследований.

Человек с пограничным паттерном старается что есть сил подавить в себе желание отдаться неистовому танцу. Он слышит зов Диониса; слияние, страсть, экстатическое освобождение и, возможно, расчленение – вот что ждет его. Эта динамика сильно или слабо может проявляться в вас самих и/или в некоторых ваших пациентах. Периодические эмоциональные взрывы, жажда острых ощущений, демонстрация враждебного отношения к тем, кого любишь, а иногда и «нападение» на них – в каждом из этих случаев человек переживает архетипическое вторжение Диониса. Именно при вторжении архетипа у него может возникнуть потребность резать себя. Если его сознанием завладел необузданный Дионис, человек может наброситься на собственное тело. Но процесс расчленения может происходить и во внутриспсихическом пространстве: человек периодически «набрасывается» на себя, терзая собственную душу.

Главный страх человека с ищущим паттерном – это страх агонизирующего распада на части. Рассматривая избегающий паттерн, мы говорили о сильнейшем страхе аннигиляции, который испытывает человек с шизоидной структурой характера. Человека с пограничной структурой мучает столь же сильный, но иной по своей природе страх. Пограничный человек живет в неотступном/постоянном страхе быть расчлененным и поглощенным. Большинство работ о первичных, ранних, с точки зрения развития, и тяжелых дисфункциональных состояниях основывается на предположении, что страх

аннигиляции первичен. В них отражается некое субъективное мнение о том, что ядро психики, ее основу образуют шизоидные состояния³. Слово «аннигиляция», произошедшее от латинского «*nihil*» (ничто), обозначает вакуум, небытие, пустоту – это характеристики именно шизоидных состояний. Между тем пограничные состояния, как видим их мы, не имеют ничего общего с переживанием «небытия». Они не лишены объектов, а наоборот, переполнены ими. Пограничное переживание, как правило, связано с ощущением хаоса, с избыточностью, переполненностью, беспрестанной бомбардировкой. Как раз бомбардировка и вызывает ощущение разорванности на куски. Эти темы мы видим на картинах Кало, они же часто встречаются и в мифах о Дионисе.

Расчлененность – это неизбежное состояние при пограничном переживании, подтверждением чему служит тот факт, что разделение на части встречается в дионисийских обрядах и ритуалах, а сам Дионис, как описывается в мифах, пережил его в детстве. По одной легенде, Дионис был сыном Зевса и смертной женщины по имени Семела, с которой бог вступил в связь, скрыв свой истинный облик. Гера, ревнивая жена Зевса, подговорила беременную Семелу на то, чтобы та упросила Зевса предстать перед ней во всем его великолепии. Когда великий Бог-Громовержец спустился, извергая молнии божественного света, он тут же испепелил свою возлюбленную, что было неизбежно. Зевс успел вырвать еще не родившегося младенца из чрева умирающей матери и зашил его себе в бедро, откуда позже Дионис родился уже бессмертным. Другой миф рассказывает о том, что Диониса еще младенцем разорвали на части и проглотили два завистливых Титана; но Афина спасла его сердце, и он был снова рожден Зевсом. И в том, и в другом мифе Дионис рождается дважды: он зачат в смертном и бессмертном мире и появляется на свет из смертного и бессмертного тела; пережив смерть при рождении и обретя жизнь в смерти, Дионис стал богом двойственности и парадокса. К тому же этот бог появляется и исчезает быстро и неожиданно.

С психологической точки зрения, архетип этого многогранного, необузданного бога оказывает сильное влияние

на сознание человека, вызывая хаос. Сильный аффект, порожденный этим архетипом, в сочетании с двойственностью, ему же присущей, динамически проявляется в склонности человека с пограничной структурой характера прибегать к эмоционально заряженному расщеплению. Как мы уже говорили, на примитивной стадии ребенок воспринимает мир преимущественно в архетипических образах. Если эти образы должным образом не опосредуются, то естественная способность ребенка дифференцированно воспринимать противоположности подменяется защитами, такими, как расщепление и проективная идентификация. Расщепление сильных эмоций и проективная идентификация, проявляющиеся в способности причинять другим душевные страдания, являются основными защитами пограничного человека. Двойственность и молниеносная изменчивость, присущие данному архетипу, могут заставить человека, не обладающего достаточно сильным и гибким Эго, бросаться из одной эмоциональной крайности в другую и вести себя необузданно. В этот момент он может признаться: «Я ненавижу тебя *всей душой*», а уже через несколько минут скажет: «Я так сильно люблю тебя!». Хлопнув дверью, он может вернуться спустя некоторое время и яростно постучать или просто ворваться в кабинет. Вот так в способности пограничного человека жить в хаосе и дистрессе, а также создавать их, проступают черты ожившего Диониса.

Дионис также известен как бог конфронтации. Он носит маску исключительной требовательности, и нигде не скрывается от его глаз, пристально смотрящих прямо на вас. Если он требует встречи, ее не избежать (Otto, 1923, p. 90). Терапевты, сталкивающиеся в своей клинической практике с пограничными пациентами, часто говорят о дискомфорте, который в них вызывает удивительная способность таких пациентов нащупывать у другого человека слабые места и, как правило, бесцеремонно сообщать ему о них. В любом случае становится страшно, когда чувствуешь на себе пристальный взгляд, от которого ничего не ускользает и в котором отражается безликая архетипическая сила Диониса. Именно так – напряженно, пронизательно и пристально – смотрит на нас со своих автопортретов неотразимая Фрида Кало. Одно дело просто

подмечать чужие слабости, а другое – сообщать о них человеку, проявляя уважение и такт. Вот таким умением сможет овладеть развитый пограничный человек, если научится подбирать нужные слова для передачи своих беспощадно откровенных инсайтов. Но, попав в большей или меньшей степени под влияние Диониса, человек прямо говорит о своих ощущениях, при этом другой чувствует себя так, будто его раздают, если не сказать «разрывают на части». Во «Введении» мы уже отмечали, что, оказавшись во власти архетипической силы, простой смертный превращается в одержимого. Только углубляя свои отношения с архетипом, он может вновь обрести свою человечность. Эти отношения могут развиваться шаг за шагом, как развивается ребенок, которого опекают достаточно хорошие родители, или как движется жизнь и/или аналитический процесс, в котором создается конструктивный межличностный контейнер. Прислушиваясь к диалогу, который Эго активно ведет с царством архетипов, человек может отслеживать архетипические аффекты и по своему желанию включать их в свою человеческую жизнь.

Именно такие изменения начинают происходить с Агавой из «Вакханок», о которой мы уже упоминали. Она совершенно теряет голову от буйного веселья; впад в исступление от дикого разгула, она разрывает тело собственного сына. С психологической точки зрения, она потеряла сознание, лишилась своих эго-глаз. Очевидно, что ее захватила мощная архетипическая сила, с которой Эго не может совладать. Вернувшись в свой обычный мир, Агава прозревает, то есть обретает сознание, ужасается содеянному и погружается в безмерную печаль. Этот миф показывает нам, как человек переживает распад и осознает его: переживание распада проталкивают в сознание и там стойко удерживают и оплакивают. Бог и те, кто им одержим, снова бросятся в водоворот безудержного веселья и хаоса, а герои мифа, пришедшие в сознание, должны взяться за решение самой что ни на есть человеческой задачи – ужиться с самими собой. Агава изгнана, затравлена, обуреваема чувствами, которые до боли знакомы человеку с пограничной структурой характера. Однако сейчас она способна вынести муку под названием «быть человеком» и уже может

понемногу сдерживать напряжение, возникающее между индивидуальным и архетипическим.

Эта история учит нас тому, что одержимость архетипической энергией губит человека. Если сознание не дифференцировано от бессознательного, индивидуальность не развивается. Но устоять перед силой Диониса – немалый подвиг. Со стороны, откуда ситуация видится объективно, такая одержимость может выглядеть непривлекательной, но участие в ритуалах, подобных дионисийским, для многих является захватывающим опытом, приводящим в транс и вызывающим зависимость. Когда человек смотрит на мир, надев маску этого великого бога, он обозревает происходящее как бы из потустороннего мира, из царства вечности. Хотя в присутствии архетипического Диониса возникает напряженность, страсть, эмоциональный накал и нуминозное слияние с ожившим духом, человек должен встретить эту грандиозную силу и заставить ее подчиниться реалиям человеческой жизни. Если этот динамичный архетип встречается с достаточно сильным индивидуальным сознанием, может начаться конструктивный диалог. Ведя такой диалог, человек может почувствовать, что абсолютно твердо стоит на ногах. Он сохраняет свое человеческое достоинство, при этом архетипические аффекты не управляют им, а наполняют и обогащают своим нуминозным духом.

Многие точно знают, когда Дионис входит в их жизнь. Это время, когда вы танцуете, поете в хоре, играете в жесткие игры, такие как футбол, или взбираетесь на самую высокую вершину и испытываете удивительное эмоциональное, духовное или сексуальное освобождение, отходите от привычного для себя образа жизни и мышления. Силу Диониса вы чувствуете, когда друг доводит вас до невероятного бешенства и вас трясет от ярости. Невозможно представить жизнь человека без таких моментов. Но, если человек не дает проявляться авантюрной – аффективной – необузданной стороне своей природы, он тем самым навлекает на себя недовольство бога. А нам уже известно, что Дионис впадает в ярость и стремится свести человека с ума, если тот не почитает его и обходит стороной его владения.

Заключительные размышления

В начале этой главы мы привели краткое, но яркое описание мексиканской богини Койольшауки, расчлененное тело которой высечено на огромном каменном рельефе, выставленном в Мехико-Сити. Далее мы показали, как темы этого захватывающего мифа проявляются в жизни людей с пограничной структурой характера. Напряженные, аффективные, запутанные отношения Койольшауки с матерью, которые завершаются кровавым убийством, перенаселенный ландшафт, когда она появляется в сопровождении 400 братьев, агония смерти, когда ее разрубает или разрывают на куски, – эти образы и темы встречались нам в том или ином виде на протяжении всей главы. Но в этой истории содержится еще один чрезвычайно важный образ: явление божественного сына. И этот образ говорит нам о том, что из страданий, из хаоса и из полного распада каким-то мистическим образом на свет появляется нечто совершенно бесценное – рождается божественный ребенок, истинное Я.

Будучи по сути своей всепоглощающей и разрушительной, пограничная динамика все-таки может стать источником сильных и искренних эмоций, трепетных и чутких взаимоотношений, а также может запустить процесс индивидуации души. В этой динамике проявляется все богатство и многообразие архетипического опыта, в котором сокрыт потенциал к возрождению в новом, духовном качестве.

Глава 5

ЗАВИСИМАЯ НАРЦИССИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА

ЗАВИСИМОСТЬ НА СЛУЖБЕ У ОТНОШЕНИЙ

Введение

В этой главе мы рассмотрим структуру характера, которую наша культура и превозносит, и порочит. Чуткий романтик, отдающий всего себя работе член совета директоров, вдохновенный учитель – эти культурные и личные типы знакомы большинству из нас. Порой мы воспринимаем их как чувствительных, великодушных, очаровательных и достойных доверия. А иногда они производят впечатление поверхностных, неискренних, эгоцентричных, контролирующих, вторгающихся и даже поглощающих.

Объединяет все эти типы распознаваемая структура характера – зависимый нарциссизм, в основе которого лежит ищущий паттерн отношений. Иногда человек с такой структурой может использовать этот паттерн созидательно: если он укоренен в собственном глубинном ощущении себя, он может испытывать по-настоящему глубокую привязанность к другому. Но возможен и иной вариант: человек использует свой опорный паттерн ригидно. В этом случае сформировавшаяся нарциссическая динамика, применяемая в защитных целях, приводит к тому, что человек постоянно оказывается в запутанных отношениях с другими. Ему отчаянно необходимо внимание другого, чтобы чувствовать себя целостным и не допустить регрессию в пограничный хаос первого года жизни. И тогда, если вернуться к приведенным выше приме-

рам, мы обнаружим, что романтический влюбленный внемлет каждому слову и ловит каждый взгляд своей возлюбленной, поскольку от этого зависит его ощущение целостности и безопасности; член совета директоров проводит несметное количество времени на работе лишь для того, чтобы добиться признания окружающих, чье мнение для него значимо; вдохновенный учитель вкладывает в преподавание всю свою душу, поскольку без любви и восхищения учеников может впасть в безмерное отчаяние.

Подпитываемый сильным аффектом, свойственным ищущему паттерну отношений, человек с зависимой нарциссической структурой характера склонен хвататься то за одного, то за другого человека в своем отчаянном поиске недостающего «другого». Этот поиск обычно направлен вовне и имеет своей целью некий конкретный объект, в то время как то, чего действительно не хватает, таинственным образом сокрыто внутри. Сильный аффект, а также в высшей степени драматические и запутанные отношения с окружающими используются в качестве защиты, чтобы не испытывать, не различать и не выражать подлинных чувств. Неспособный добраться до глубинных источников энергии, от которых он отчужден защитами, человек скитается по свету в вечном поиске, вовлекая в него разных людей – одного за другим. Такое нарциссическое использование окружающих явно не приносит удовлетворения ни ему самому, ни тем, кого он встречает на своем пути.

Многие известные литературные персонажи охвачены агонией этого паттерна. Например, Офелия, героиня трагедии Шекспира «Гамлет», является носителем зависимой нарциссической структуры характера. Мы видим очаровательную молодую девушку, которая страстно влюбляется в Гамлета. Он вернулся ко двору и преисполнен решимости во чтобы то ни стало выяснить причину гибели своего отца. Его состояние вызывает беспокойство у отца и брата Офелии. Они запрещают девушке встречаться с принцем. И она дает согласие не видеться с возлюбленным, поскольку воля обожаемого отца и любимого брата для нее превыше всего, а от собственных чувств она надежно отрезана. Однажды, охваченный мрачными подозрениями, Гамлет по ошибке убивает отца

Офелии. Смерть человека, который был смыслом ее существования, а также переживания за Гамлета оказываются невыносимыми и разрушают ее хрупкое сознание. Сойдя с ума, она бродит повсюду и в конце концов кончает жизнь самоубийством – тонет в ручье.

Перед нами история молодой женщины, которая так отчаянно нуждается в одобрении отца и так страстно жаждет любви принца, что, потеряв обоих, сходит с ума и погибает. Мэри Пайфер в своей книге «Воскрешая Офелию» исследует психологию молодых девушек на примере этой истории. Пайфер отмечает, что Офелия не ориентирована на внутреннее развитие, свою ценность она ощущает, только когда получает одобрение отца и Гамлета. Трагическим образом она разрывается на части в своем стремлении угодить всем. Пайфер аргументированно показывает, что наша культура потворствует тому, чтобы молодые девушки отставляли в сторону свое истинное Я и демонстрировали лишь маленькую толику своих талантов (Pipher, 1994, p. 20–22). Известное, если не сказать каноническое изображение Офелии, принадлежащее кисти Джона Эверетта Миллеса, передает романтически-трагическую сущность шекспировской героини. На этой картине – чувственной, написанной густым цветом в манере прерафаэлитов – изображена Офелия, лежащая в ручье в обрамлении цветов, – утонувшая, но таинственно прекрасная.

Мы все должны серьезно задуматься над тем, что в нашей культуре этот характерологический паттерн получает все большее распространение среди девочек-подростков. Однако его носителями являются люди самых разных возрастов, в том числе большое количество мужчин, которые изо всех сил стараются найти, но так и не находят подтверждение собственной ценности в любящем взгляде, одобрении или внимании других людей. И хотя Офелия, потеряв и отца, и возлюбленного, лишает себя жизни, человек с зависимой нарциссической структурой характера в действительности крайне редко совершает самоубийство. Он может неоднократно и в чрезвычайно эмоциональной форме заявлять о намерении покончить с собой, но все эти угрозы тем или иным образом направлены на сохранение отношений.

Архетипически заряженная история Офелии раскрывает структуру характера, которая в реальности предстает в самых разных обличьях и красках. Эта структура, приобретая свойства ригидной защиты, соединяющей в себе напряженный аффект и нарциссическую непроницаемость, создает внутриспсихический и межличностный хаос. Если же степень ригидности не столь выражена и ось Эго–Самость относительно свободна, то данная структура допускает переживание очень глубоких, даже экзотических состояний, которые поддерживаются в отношениях благодаря замечательной способности проявлять эмпатию, доброту и великодушие.

Теоретические соображения

Отличие зависимого нарциссизма от зависимого личностного расстройства

Тем читателям, которые пользуются диагностическим справочником DSM-IV, может показаться, что структура характера, описываемая нами как зависимый нарциссизм, не отличается от зависимого личностного расстройства. Некоторое сходство они все-таки имеют, но по сути своей различны. Согласно DSM-IV: «Основным признаком зависимого личностного расстройства является глубокая и чрезмерная потребность человека в том, чтобы о нем заботились, которая проявляется в покорно-прилипчивом поведении и страхе сепарации» (American Psychiatric Association, 1994, p. 665). Зависимое и покорное поведение обусловлено тем, что человек воспринимает себя как неспособного на самостоятельные действия, а цель такого поведения – добиться заботливого отношения.

Если у людей с зависимой нарциссической структурой характера и обнаруживаются некоторые из указанных признаков, то мотив, определяющий их поведение, коренится, прежде всего, в отчаянном стремлении добиться внимания другого, в идеале – его одобрения или признания в любви, а не в беспокойном желании «получить заботу». Зависимый нарцисс в целом понимает, что способен «функционировать адекватно». Он и в самом деле часто добивается больших успехов, потому что успех приносит уважение.

Его тревога глубже и уходит корнями во внутреннее ощущение того, что источник любви и смысла находится в другом человеке. Только внимание другого (предпочтительнее его признание в любви или хотя бы одобрение) приносит нарциссическое удовлетворение, которое поддерживает целостность личности и ее достаточную связность. В результате человеку необходимо постоянно чувствовать себя любимым, желанным и уважаемым. И он все время ищет другого, в котором, как ему кажется, находится источник этих чувств. При этом желание обрести необходимое может существенно влиять на поведение зависимого нарцисса, например, ему трудно высказывать несогласие, или он готов пойти на многое, чтобы заслужить одобрение. Но следует помнить, что он ищет восхищения, прежде всего, для того, чтобы почувствовать направленное на него внимание других, в отличие от человека, страдающего зависимым личностным расстройством, которому необходима «опека и поддержка», чтобы восполнить «недостаток уверенности в себе».

Нарциссическая природа этой структуры характера обнаруживается не только в чрезмерной озабоченности человека самим собой – любить и восхищаться должны именно им, но также в присутствии специфической нарциссической динамики и защит, которые позволяют утолить жажду внимания. В данной структуре стремление идеализировать и/или обесценивать других, а также наличие способности к самовозвеличиванию и/или самоуничтожению скрываются под маской сильной эмоциональности, которая вовлекает человека в запутанные отношения с другими. При этом Эго, как правило, подвергается инфляции мощными архетипическими аффектами. Решительные усилия, направленные на привлечение нежных взглядов окружающих, являются эксплуататорскими по своей сути, хотя этот аспект отношений, как правило, хорошо закамуфлирован и упорно отрицается. Но именно по этой причине человек испытывает сознательное или же бессознательное чувство стыда.

Часто зависимому нарциссу бывает довольно сложно осознать чрезмерную озабоченность самим собой, так как его жизненный сценарий обычно разворачивается вокруг друго-

го персонажа. В этом сценарии может присутствовать любовь, преданность и служение другому, а сам человек склонен воспринимать собственное великодушие и сердечность как особый дар, который окружающие очень высоко ценят. Если эта динамика используется в защитных целях, восприятие становится грандиозным и инфлированным – «раздутым». Однако, столкнувшись с влиятельным человеком, зависимый нарцисс может переключиться на переживание своей мнимой беспомощности или уязвимости. И тогда он будет воспринимать себя жертвой и даже мучеником или незначительным и ничтожным человечешкой. И это переживание, по сути своей, тоже является грандиозным, хотя и в негативном, дефлированном смысле. Нарциссически пренебрегая всякого рода ограничениями, он не в состоянии принять факт наличия внутреннего дефицита, из-за которого он находится в беспрестанном поиске внимания и любви окружающих. Неважно, «дает» он или «получает», он голоден всегда. Жажда контакта заставляет зависимого нарцисса снова и снова тянуться к окружающим, но защиты отрезают его от искреннего общения, оставляя ненасытным и делая психически непроницаемым. Защищаясь, он воспринимает свое разочарование и голод не как следствие собственной непроницаемости, а как нежелание другого дать ему то, в чем он нуждается.

Теоретические рассуждения о нарциссизме в целом

Во «Введении» мы уже упоминали о том, что используем термин «нарциссизм» для описания определенной динамики, совершенно естественной и, безусловно, важной для развития. Ребенок, вступающий в нарциссическую стадию, стоит перед необходимостью опосредовать переживания грандиозности, эксгибиционизма и всемогущества, чтобы продолжилось развитие отношений между Эго и Самостью. Если окружающая среда благоприятна, а энергии родителя и ребенка достаточно хорошо согласуются, то у ребенка постепенно формируется здоровый нарциссизм, манифестациями которого являются уверенность, связность и жизнестойкость, способствующие зарождению творческого диалога между Эго и Самос-

тью. Но если среда не благоприятна, а контакт рассогласован, то ребенок начинает использовать нарциссическую динамику в защитных целях, чтобы сохранить психическую целостность.

Эти две разновидности нарциссической динамики четко обрисованы в двух основополагающих работах по нарциссизму, изданных в начале 1980-х годов, авторами которых являются юнгианские психоналитики Шварц-Салант и Калшед. В главе 3 мы кратко пересказали историю о Нарциссе, красивом, обольстительном и надменном юноше, который отверг всех поклонников и поклонниц, а потом влюбился в собственное отражение, увидев его в чистой озерной воде. В своей работе «Нарциссизм и Трансформация личности» Шварц-Салант высказывает мнение о том, что миф о Нарциссе можно рассматривать как сложный портрет нарциссизма, в котором на первый план выходят отношения между Эго и Самостью.

По мнению Шварц-Саланта, отвергнув многочисленные приглашения вступить в отношения, Нарцисс в конце концов сталкивается с собственным отражением, в котором запечатлено не только Эго, но и Самость (Schwartz-Salant, 1982, p. 90). В том, что Нарцисс влюбляется в свое отражение, проявляется его потребность завладеть Самостью – ее архетипической красотой и мощью. А неспособность ощутить инаковость Самости свидетельствует о слиянии с ней, которое по сути представляет собой патогенный «сплав» того и другого. Трагическим образом Нарцисс застревает где-то между человеческим и божественным мирами (Schwartz-Salant, 1982, p. 102).

Шварц-Салант, сводя вместе несколько идей, приходит к выводу, что нарушения, вследствие которых формируются нарциссические защиты, имеют как архетипическое, так и личностное происхождение. Он подробно разъясняет, каким образом процессы отзеркаливания и идеализации, описанные Кохутом, приводят не только к формированию Я-структур, но и к зарождению отношений между Эго и Самостью. Он предполагает, что мать, отзеркаливая Самость ребенка, тем самым способствует внутреннему взаимному отзеркаливанию Эго и Самости. Такой взаимообмен обеспечивает Эго ребенка необходимой внутренней основой для развития, в отсутствие которой психика подменяет здоровый нарциссизм защит-

ным. Без отзеркаливания грандиозность вырождается в защитный маневр, который позволяет отщепить негативный аффект. «Вынужденный вернуться в Самость, он принимает форму сильной ненависти к самому себе» (Schwartz-Salant, 1982, p. 88). Динамика идеализации также содействует формированию отношений между Эго и Самостью, поскольку впервые ребенок переживает божественный аспект Самости, проецируя его на идеализированных родителей. Если ребенок лишен возможности переживать и ассимилировать эту проекцию, впоследствии он лишается и контакта с Самостью (Schwartz-Salant, 1982, p. 43–44).

Калшед подчеркивает существенную роль межличностной реальности в процессе «последовательного преобразующего становления внутреннего «личностного духа», неразрушимой бессмертной человеческой сущности, которую Юнг называл Самостью» (Kalsched, 1980, p. 67). Это становление происходит в процессе интернализации, которая как базовая способность также постепенно развивается в пространстве межличностных отношений. Именно таинство психической интернализации наделяет человека стойким ощущением личной цельности и отделенности, а это и есть то, чего жаждет нарциссически травмированный пациент.

По мнению Калшеда, интернализация начинается с одновременного включения ребенка и родителя, пациента и аналитика в своего рода переходную зону – биперсональное поле, в котором Я ребенка, еще не став полностью внутренней реальностью, находится частично внутри, а частично вовне, то есть в «другом». На этой стадии Самость как образ целостности существует только в промежуточном пространстве: «Ось Эго–Самость пока не является внутренней реальностью, а констеллирована между Я и Ты» (Kalsched, 1980, p. 51). При условии, что истинное Я ребенка адекватно отзеркаливается, а его идеализации чутко воспринимаются, энергии биперсонального поля преобразуются в индивидуальную психику, воплощаясь в человеке как связанное внутреннее Я и соответствующий Я-образ (Kalsched, 1980, p. 52). Межличностные переживания как бы мигрируют во внутренний мир и, образуя внутреннее зеркало, формируют внутреннюю энергетическую ось Эго–Са-

мость. Эта ось не является данностью. Существует лишь потенциальная возможность «проявить» ее благодаря отношениям с другим. Индивидуация зарождается в биперсональном поле и только со временем становится внутренним процессом. Этот процесс, в котором ребенок воспринимает себя и другого в парадоксальном союзе, важен для интернализации, структурирующей внутренний мир. Когда совершается «чудо интернализации, зеркало разбивается, и общее Мы разделяется на Я и Ты; вместе с „личностным духом“ рождается „другой“... Нарцисс прозревает – его иллюзии рассеиваются» (Kalsched, 1980, p. 73). Только покинув мир образов, с которым человек себя бессознательно отождествлял, он обретает способность «включаться в жизнь и отношения, руководствуясь своими внутренними ощущениями... в итоге внутренняя жизнь находит свое отражение в диалоге с инаковостью, в частности, в диалоге с реальностью других, которые воспринимаются как отдельные личности» (Kalsched, 1980, p. 48).

Если ребенок лишен достаточно хорошего отзеркаливания и не вовлечен в биперсональное поле, то в своем развитии он останавливается на том уровне, где образ и реальность еще не делимы. В этом случае ось Эго–Самость не формируется, а способность к интернализации нарушается. Место ослабленного «личностного духа» – истинного Я занимает в интересах адаптации псевдо-Я. «Нарцисс всматривается в отражение, но в зеркальной глади воды никак не может „разглядеть самого себя“, что не удивительно, ведь истинное Я не „вернется“ в свой дом, пока не воплотится в отношениях. Оно спрятано под многослойным покрывалом и не открывается взору Нарцисса, поскольку он живет исключительно во внешнем мире» (Kalsched, 1980, p. 65).

Динамика зависимой нарциссической структуры характера

Как уже говорилось ранее, защитный нарциссизм показывает степень слияния Эго и Самости. У зависимого нарцисса защиты держатся на очень мощных архетипических аффектах. Сформированные для того, чтобы предотвратить дальнейшее

отвержение в межличностных отношениях, а также внутрипсихическую боль и хаос, эти нагруженные аффектами защиты часто ввергают человека в напряженную жизненную драму, которая может проявляться в многочисленных любовных эскападах, метаниях, переживаниях экстаза и агонии, взлетов и падений. Или же такая драма может разворачиваться вокруг неких значимых событий и длиться годами; примером тому может служить нескончаемая семейная история, приобретающая со временем масштабы шекспировской трагедии. Захваченное архетипической инфляцией в отсутствие структурированного внутреннего мира, Эго остается неспособным развивать, дифференцировать и выражать индивидуальные чувства.

Человек с зависимой нарциссической структурой характера может отчаянно привязаться к недостижаемому другому – конкретному человеку, при этом свято веря, что только этот «другой» – его единственное спасение. Достаточно вспомнить Офелию. Однако, если «любимый», совершая ошибки, столь свойственные человеческой природе, не оправдывает ожиданий, зависимый нарцисс может легко сместить проекцию на следующего кандидата. Несколько лет назад я консультировала женщину по имени Вивиан, у которой зависимый нарциссизм проявлялся именно в паттерне «смещения». Как-то раз она гордо назвала его «серийной моногамией». По эмоциональному накалу каждый новый роман был для нее, как говорится, на всю оставшуюся жизнь, и она чувствовала, что наконец-то встретила настоящую любовь, свою родственную душу. Проходило время, «герой года» разочаровывал ее, идеализация сменялась обесцениванием, отношения сходили на нет. В ходе анализа она обнаружила, что умело исполняет роль женщины-анимы, той женщины, о которой мечтает любой мужчина¹. Владя искусством обольщения, она все равно считала, что силой обладает не она, а другие. Тот факт, что другие находили ее неотразимой, еще больше подталкивал ее к тому, чтобы использовать обольщение как защиту. Очевидно, о других она знала намного больше, чем о самой себе. Бесчисленные любовные эскапады лишь на время отвлекали ее от мыслей о том, как же сильно она ненавидит

свою жизнь и себя. Используя грандиозность столь негативным образом, она направляла свой мощный аффект против самой себя, мучаясь от нескончаемых и суровых приступов самобичевания и самоотвращения. В ходе терапии, несмотря на то, что ее мучил зверский голод, она отказалась от поисков нового мужчины, который мог бы его утолить, а начала разбираться в хаосе своего внутреннего мира. Когда рассказы пациентки увели нас далеко в ее детство, она стала постепенно осознавать, что на самом деле всегда ощущала себя обделенной вниманием и любовью и боялась нападок. Позволив себе испытать печаль, гнев и желание, она в итоге смогла направить свою мощную энергию в другое русло – решила не соблазнять и не запутывать других, а отстаивать собственную аутентичность.

Отличие зависимого нарциссизма от других структур характера

В основе зависимой нарциссической структуры характера лежат особенности пограничной динамики. Но в данной структуре нарциссические защиты покрывают более ранние защиты Самости, поэтому переживания и образы зависимого нарцисса менее фрагментированы и разорваны и не столь кровавы. Такой человек может легко довести себя до изнеможения и даже болезни, пытаясь «заполучить» другого, но в отличие от пограничной личности он вряд ли перережет себе вены. Жизнь зависимого нарцисса может вращаться вокруг напряженных, замешанных на комплексах и часто не приносящих удовлетворения отношений, но эти отношения, как правило, не столь конфликтные, взрывные и эмоционально накаленные, как у человека с пограничной структурой характера. И все же зависимый нарцисс является непосредственным порождением пограничной реальности, и в случае утраты значимой аффективной связи с отзеркаливающим и идеализируемым другим возникает опасность регрессии в примитивный пограничный хаос, где связность только что сформировавшихся Я-структур будет поставлена под угрозу. Именно поэтому нарциссическое слияние Эго и Самости оберегается изо всех сил. И тем не ме-

нее регрессия в грубый и хаотичный пограничный ландшафт может быть просто необходима, чтобы запустить созидательное взаимодействие между Эго и Самостью.

Напряженные, нагруженные аффектами, запутанные отношения отличают человека с зависимой нарциссической структурой характера от контрзависимого и альфа-нарцисса. Зависимый нарцисс, например, может пуститься в бурный любовный роман, тогда как контрзависимый нарцисс скорее увлечется новым интеллектуальным проектом, а альфа-нарцисс займется каким-нибудь видом спорта, требующим жесткости и большой выносливости. Конечно, зависимый нарцисс может получить удовольствие от восхождения на гору, если рядом с ним будет приятный инструктор, и даже от изнурительных спортивных занятий, если ему повезет с хорошим тренером или командой. Признание этих различий напоминает нам о том, что теневые элементы, несущие в себе зерно потенциальной целостности, содержатся в паттернах, отличных от нашего собственного. Следовательно, человеку с зависимой нарциссической структурой характера могло бы пойти на пользу развитие определенных качеств, таких как упорство, например, взяться в одиночку за непростое дело и довести его до успешного завершения.

Каждый из перечисленных видов нарциссизма находит свое выражение в динамике Пуэра или Пуэллы. Как мы уже отмечали в главе 3, классический вечный ребенок Питер Пен честолюбив – «летает высоко в облаках», у него почти отсутствует подлинный контакт с другими и с самим собой. Он не признает постоянства и привязанностей. Для него миг восхищения важнее эмоционального контакта. Контрзависимая Пуэлла хочет всегда оставаться молодой и совершенно независимой. Она заметно отличается от типичных зависимых Пуэра и Пуэллы, которые «ныряют» из одних отношений в другие, страстно желая встретить «родственную душу»; а чтобы добиться восхищения другого человека, пускают в ход все свое обаяние, подкупая юношеской непосредственностью. Между тем альфа-Пуэр/Пуэлла может проскитаться всю жизнь в поисках новых завоеваний, переходя с одной арены на другую, от одного дела к другому, от одной победы к другой, при этом

всегда производя впечатление личности сильной, дерзкой и влиятельной. Однако отщепленный Сенекс порождает хаос в жизни людей с нарциссическими структурами характера до тех пор, пока не наступит старость, и тогда неминуемо обрушивается на них в виде ограниченных возможностей, гнева, печали, депрессии или горечи поражения, заставляя почувствовать их в полной мере.

Клинический случай: Мэри – контролирующая и гневная мать

Динамика «старость–молодость» активно отыгрывалась в жизни женщины по имени Мэри, с которой я работала несколько лет. Она обратилась ко мне, когда ей исполнилось 40. Ее муж ушел из семьи десять лет назад, и она одна «успешно» воспитала двух старших детей. Однако младшая дочь Лиза, которой на тот момент было 13, становилась все более неуправляемой. Мэри очень надеялась, что Лиза с ее кипучей энергией будет помогать ей разбираться с завалами домашних дел, да и вообще облегчать жизнь. Мэри гордилась тем, что создала крепкую семью, но поведение младшей дочери озадачивало и тревожило ее.

С нескрываемой тоской делилась она воспоминаниями о том времени, когда Лиза была послушной, исполнительной, «готовой трудиться как пчелка». Она плакала навзрыд, думая о своем отбившемся от рук «чаде». Лиза начала вести себя грубо, вызывая, неуважительно. Всякий раз у нее находилась причина, чтобы уйти из дома. Мэри была уверена, что все эти причины были лишь отговорками или попросту враньем, поэтому она стала искать доказательства того, что девочка связалась с «дурной компанией». Она обыскивала комнату дочери сверху донизу, читала ее дневник, подслушивала телефонные разговоры, и все для того, чтобы разгадать «темные тайны», которые дочь скрывает от нее. Мэри установила для Лизы очень жесткий «комендантский час», требовала быть откровенной и настоятельно просила порвать с некоторыми друзьями. Лиза же становилась все более дерзкой и скрытной. Мэри была ужасно расстроена и чувствовала себя подавленной.

Без особого желания, но все же старательно Мэри переключала свое внимание с запутанных отношений с дочерью на события собственного детства. Ее отец умер, когда она была еще младенцем, и о ней заботилась мать. В этом они с Лизой были похожи. Мэри и три ее старшие сестры были для матери надежной опорой, помогали ей вести домашнее хозяйство и семейный бизнес. Мэри оставалась маминной «любимицей», пока не вышла замуж и не переехала в соседний город. Перебирая в памяти многочисленные воспоминания, она постепенно осознала, что, собственно, никогда и не покидала материнских объятий. Для нее всегда было важно видеть нежный взгляд сначала матери, потом мужа, а затем, как ни удивительно, Лизы. Она поняла, насколько сильно нуждалась в любви дочери, и именно поэтому командовала, контролировала и вмешивалась в ее жизнь. Когда Мэри осознала тот факт, что все время использовала Лизу для собственного самоутверждения, ей стало ясно, почему она так яростно отвергала попытки дочери жить своей жизнью.

Как раз в то время, когда Мэри стали посещать инсайты, ей приснилась серия снов, которые по-настоящему напугали ее. В этих сновидениях присутствовали сцены насилия, секса и драматических переживаний, о которых она не хотела вспоминать и еще меньше говорить. В одном сне огромная черная хищная птица выклевала глаза всем кошкам в округе. В другом Мэри тонула в бурлящих и грязно-мутных водах реки, вышедшей из берегов. В третьем наблюдала за тем, как красивый харизматичный мужчина совращал, насиловал и убивал нескольких девочек из школы, где училась Лиза. В некоторых снах Мэри впадала в неистовую ярость и иступленно кричала на мужа. Она терпеливо училась принимать эти образы: задавать им вопросы, выслушивать их ответы, вызывать их, разгадывать, позволять им становиться ее частью. Именно сны помогли Мэри обнаружить многие слои собственной души, которые раньше были скрыты от нее, и вступить с ними в контакт. Как только она отважилась вытащить на свет свои «темные секреты», она почувствовала, что разжимает тиски, в которых держит Лизу, а депрессия отступает. Вот тогда Мэри поняла, что проецировала на дочь не только собствен-

ное желание отделиться и стать независимой, но и свой тайный хтонический мир. Лиза отыгрывала то, что Мэри самой нужно было сделать много лет назад. Однажды утром она вошла в мой офис и объявила, что, судя по всему, излечилась, поскольку накануне вечером решила почитать свой дневник, а не дневник Лизы.

Сказка: учимся служить своему Я

Тема беспрекословного подчинения, когда человек совершенно забывает о самом себе, является основной в сказке Братьев Гримм «Госпожа Метелица»². В ней же мы находим и ключ к трансформации.

Прекрасная молодая девушка жила вместе со своей овдовевшей мачехой и страшной, ленивой сводной сестрой, которой все было позволено. Падчерица, которую заставляли выполнять в доме самую черную работу, должна была каждый день сидеть у колодца и прядь пряжу до тех пор, пока не сотрет пальцы до крови. Однажды, когда она опустила веретено в воду, чтобы смыть с него кровь, оно выскользнуло из рук и упало на дно. Мачеха набросилась на нее с бранью и велела достать веретено. Покорившись ее воле, со слезами на глазах, девушка прыгнула в колодец и тотчас же лишилась чувств. Очнувшись, она увидела вокруг цветущий луг и пошла по нему. По пути ее попросили вынуть из горячей печи готовый хлеб и отрясти с яблони спелые яблоки. К этим просьбам она отнеслась с участием. Затем девушка вышла к дому старухи, у которой были ужасно большие зубы. Испугавшись, она уже была готова убежать, но тут старая женщина, назвавшаяся Госпожой Метелицей, пригласила ее пожить в доме. Она показала девушке, как выбивать перину, «чтобы из нее летели перья – тогда на земле идет снег», и пообещала: «Будет тебе за это награда». Собрав все свое мужество, девушка приступила к своим обязанностям. Все шло очень хорошо до тех пор, пока она не загрузила по дому. Как ни странно, но Госпожа Метелица была довольна, что девушку снова потянуло домой, и согласилась

показать дорогу в награду за верную службу. Она провела девушку через огромные ворота, где ту осыпало золотом. Мачеха с дочерью увидели все это великолепии. Сводная сестрица тут же уколола палец до крови и, бросив веретено в колодец, тем же способом спустилась на дно. На лугу она не потрудились достать хлеб и собрать яблоки. А добравшись до хижины Госпожи Метелицы, совсем не испугалась. Она приступила к обязанностям, имея свой расчет, но вскоре просто обленилась. Госпожа Метелица быстро устала от этой непочтительной девчонки и отвела ее к большим воротам, где на нее вместо золота вылилась огромная бадья смолы, которую она так и не смогла отмыть до конца своей жизни.

В этой сказке дан яркий портрет человека с зависимой нарциссической структурой характера. Нелюбимая падчерица, чья красота принесена в жертву тяжкому труду, отчаянно нуждается в поддержке и любви своих опекунов. Работая не покладая рук, она в кровь стирает пальцы, пытается заслужить одобрение окружающих. Но в ответ сталкивается лишь с завистью и отвержением. Неспособная противостоять жестоким требованиям материнского комплекса, она в своей готовности сделать для других все, что угодно, может легко довести себя до полного изнеможения или даже болезни. Сколько она ни старается, требований к ней все больше и больше. И когда она случайно роняет веретено в колодец, ей приходится отправиться на его поиски.

С психологической точки зрения, оплошность девушки и нагоняй мачехи являются теми факторами, которые открывают путь к трансформации. Горестный спуск на дно колодца – это спуск через отчаяние и утрату к неистощимому источнику смысла. Здесь под землей, в архетипическом царстве, именно беспрекословное подчинение открывает источники трансформации. Откликаясь на просьбы вынуть хлеб и отрясти яблоки, что так естественно для нее, девушка вступает в контакт с этими источниками. И, разумеется, она испытывает страх и благоговение в присутствии нуминозной и ужасной Великой Матери, которая в сказке предстает в образе Госпожи Метелицы со страшными зубами.

Но почему же идет снег, когда девушка прислуживает Великой Матери? А дело в том, что зависимому нарциссу не помешает слегка остудить рвение. Его неистовый и неутомимый поиск любви и одобрения других людей не оставляет ему возможности уединиться и разобраться в самом себе. Снег накрывает, защищает и обособляет. В «Госпоже Метелице» снег ложится на землю мягко, как пух; здесь он воплощает не ригидную, умертвляющую защиту, как в сказке «Девочка со спичками». Прислуживая Великой Матери в лице Госпожи Метелицы, девушка учится жертвовать и быть частью великого природного круговорота. Она узнает, как перестать искать подтверждения собственной ценности в глазах других, а обрести смысл в покорном служении Самости; и тогда удается усмирить и ее завистливую сводную сестрицу, которая воплощает ее собственную завистливую тень. Рассказывая девушке об обязанностях, которые та должна выполнять, Госпожа Метелица сулит ей награду. Здесь имеется в виду тот момент, который многие из нас переживают, когда, освободившись от власти личного комплекса, познают некий высший смысл. В этот момент перед нами по-настоящему раскрывается духовная сторона служения.

Девушка служит Великой Матери до тех пор, пока не начинает скучать по дому. Удивительно, но Госпожа Метелица рада, что у ее служанки появилось сильное желание вернуться домой, к людям. Как бы то ни было, но всему свое время: время спускаться и время подниматься. Сами боги признают и понимают нашу потребность жить человеческой жизнью. Даже осыпанная золотом, падчерица остается простой смертной.

Клинический случай: Пол – обаятельный, но отчаявшийся «дамский угодник»

С драматической и напряженной динамикой зависимого нарциссизма я столкнулась, работая в течение нескольких лет с мужчиной по имени Пол. Он был обаятельным, непринужденным и утонченным. Обратиться ко мне за помощью его заставило ощущение душевного дискомфорта, причины которого он не знал. Пол был известным в нашем городе скульптором,

его динамичные мастер-классы неизменно пользовались успехом. Однако годы шли, возраст давал о себе знать, и внимание, которое раньше он завоевывал без проблем, сейчас было нелегко привлечь. Молодые женщины уже не так часто влюблялись в него. Многолетний брак не приносил былой радости. Взрослые дети редко приезжали домой. Начало вызывать беспокойство хроническое недоверие со стороны коллег. Он чувствовал, что как художник и педагог теряет прежнюю живость. Смутное ощущение подавленности и безысходности, от которого в молодые годы получалось отмахиваться, невозможно было больше игнорировать. Прежде Пол упрямо отрицал рефлексию и психоанализ, всем своим видом выказывая пренебрежение к психотерапии, не признавая ее ценность ни в плане личного общения, ни в плане психологической помощи. Он был твердо убежден, что исцелить может только любовь близких людей. Тем не менее ситуация сложилась так, что он, к своему огромному стыду, все же вынужден был обратиться за помощью. На тот момент он столкнулся с такими проблемами, как импотенция, депрессия и периодические, «нетипичные» для него, приступы ярости.

Краткое описание анализа

В самом начале анализа я узнала, что Пол был единственным и «горячо любимым» ребенком своей матери, которая, по его словам, была красивой, но болезненной и эмоционально холодной. Отец, человек по характеру гордый, любил свою жену так же сильно, как жена любила сына. Он успешно занимался фермерством. Мать считала себя художницей, хотя ее работы часто оставались незавершенными и никогда не выставлялись. Пол и его мать разделяли романтический взгляд на жизнь, свойственный тонко чувствующим художественным натурам. Втайне они оба с некоторым презрением относились к страстной привязанности отца к земле. Когда Полу исполнилось девять, мать заболела раком и умерла.

Пол был в достаточной мере наделен харизмой, к тому же у него сформировалась ярко выраженная, но крайне дисконформная зависимая нарциссическая структура характера, щед-

ро подпитываемая архетипом Пуэра³. На протяжении всей своей жизни Пол неизменно и с удивительной легкостью добивался расположения других людей, что и не давало ему почувствовать глубокую душевную боль, которая толкала его на неустанный поиск внимания. Насколько сильны его защиты, я ощутила в полной мере, когда мы приступили к анализу. Пол то и дело использовал свое остроумие и изысканные манеры, чтобы очаровать меня. Он пытался обаять меня точно так же, как и других женщин, которых встречал на своем жизненном пути. Таким способом он защищался от тех самых проблем, которые хотел разрешить на сознательном уровне. По мере того как мы последовательно анализировали его многочисленные обольстительные уловки, применяемые ко мне и к другим, он начал понимать, что же скрывается за его отчаянными маневрами.

Как только стали обнаруживаться долго и глубоко скрываемые чувства, Пола стала преследовать навязчивая мысль бросить терапию. Неудивительно, ведь вызов был брошен непосредственно его защитам, и они, естественно, пришли в движение. Они приводили множество убедительных доводов о том, что я совершенно не тот человек, который может ему помочь, что вся эта затея бесполезна и нужно немедленно прекращать эту «ерунду». На одной сессии я предложила посмотреть на ситуацию с другой стороны. А что если его защиты мобилизовались с одной единственной целью – оградить его от переживания глубокого аффекта, с которым он столкнется, если откажется от поисков другого? Той же ночью Полу приснился простой и ясный сон – мы стоим рядом друг с другом и смотрим в бездонное ночное небо. Об этом сне мы говорили мало, но настойчивое стремление Пола прекратить анализ ослабло, и он вновь обратился к исследованию своих чувств с явно возросшим ощущением внутренней силы, укрепленным в отношениях со мной и в Самости. Время от времени Пол сам возвращался к образам из этого сновидения в ходе нашей работы.

Погружения в богатый и пугающий подземный мир аффектов Пол совершал и охотно, и неохотно, но эти погружения всегда сменялись продолжительными периодами откровен-

ной пассивности, в которые он иногда обращался ко мне за советом – вежливо или грубо. Но постепенно он стал все реже и реже использовать аффект в качестве защиты для запутывания отношений с самим собой, с окружающими и со мной. Не было ничего удивительного и в том, что, развив способность вступать в контакт с собственными чувствами, Пол испытал глубокую печаль и сильную ярость, когда осознал, насколько одиноким было его детство. В конце концов он понял, что ребенком был пленен обаянием собственной матери и боялся навредить ей в порыве мальчишеского восторга. Ничего никому не сказав, он «решил», что его инстинктивная агрессивность и естественное чувство всемогущества потенциально деструктивны. Научившись служить своей хрупкой матери и искусно скрывая свое истинное Я, он оберегал ее от любых проявлений аффекта, которые могли бы разрушить ее. Тем самым он лишил себя возможности контактировать со своей естественной природой, включая свою агрессивность. Страх перед уязвимостью матери и уверенность в разрушительной силе своего всемогущества нашли «подтверждение» в том, что мать рано заболела и умерла.

Нелегким оказался путь познания скрытых источников аффекта, от которого Пол долгое время защищал себя и свою слабую мать. Каждый новый шаг на этом пути сопровождался обсуждением его фантазий о том, как я себя чувствую: могли ли я вынести его печаль? пережить его ярость? принять его таким, какой он есть? Потребовалось время, чтобы проработать бессознательную убежденность Пола в том, что такой, какой он есть на самом деле, он обязательно причинит вред женщине, находящейся рядом с ним. В конце концов он осознал еще и собственный страх перед тем, что женщина может отплатить ему «той же монетой»: если не умрет, то обрушит на него свою агрессию. Мы исследовали наши многочисленные взаимодействия в контексте этих страхов и сомнений. Он обнаружил, что невероятно зол на мать, которая запутывала и использовала его, обесценивая отца. Со временем Пол научился мастерски отличать нарциссическую ярость от своего подлинного гнева. Углубляя отношения с этим примитивным и диким аффектом, он сделал открытие: аффект является ис-

точником гнева, несущего в себе творческий потенциал. Благодаря аффекту он узнал свои истинные желания, а также сумел четко обозначить границы, что в дальнейшем позволило ему избегать запутанных отношений с окружающими.

Получив доступ к гневу, Пол почувствовал, как все заметнее ослабевала его компульсивная тяга завязывать романы со всеми, включая меня, только чтобы испытать иллюзорное удовлетворение, и в итоге ощутил себя удивительно «свободным». После того как он глубже проник в мир архетипической реальности, ранее скрытый нарциссическими защитами, ему приснилось несколько снов, в которых действовали мощные, величественные мужские фигуры. Сначала он подумал, что в этих снах пробудились образы маскулинности, которые компенсировали «слабости» его отца. Но, поразмыслив над ними, Пол постепенно восстановил в памяти образ отца. Он вспомнил, как маленьким мальчиком, а потом и подростком часто играл в поле, пока отец работал на земле. Понемногу представление об отце менялось: Пол увидел крепкого и сильного человека, упорного и любящего природу. Он не испытывал чрезмерной привязанности к сыну, но всегда был готов прийти к нему на помощь. Привыкая к новому образу отца, Полу пришлось принять тот факт, что они с матерью полностью обесценили отцовский мир. Он понял, как сильно, почти по-рабски он сам и его отец зависели от одобрения матери. Живительная энергия снов и вновь обретенные воспоминания тоже помогли Полу в избавлении от материнского комплекса. У него начало формироваться новое отношение к отцу, к маскулинности и к миру природы.

На протяжении всей нашей работы Пол оставался с женой. Были периоды, когда их жизнь представляла собой непрерывную череду неразберих и страданий, которым, казалось, не будет конца. Были периоды, когда создавалось впечатление, что между ними все умерло. Но в конечном итоге в их браке, ранее симбиотическом и запутанном, установились уважительные, зрелые и взаимодовлетворяющие отношения. И, к большому удовольствию Пола, их взрослые дети стали чаще приезжать к ним в гости. Благодаря многолетней терапии Пол получил доступ к бесценному внутреннему источнику

смысла, что помогло ему не только улучшить отношения в семье, но и постепенно избавиться от депрессии и проблем с потенцией. Завершая нашу работу, мы оба чувствовали, что он готов жить полноценной жизнью и как отдельная личность, и как партнер в близких отношениях.

Несколько слов о переносе и контрпереносе

В работе с Полом нельзя переоценить роль переноса и контрпереноса. Когда мы только начали терапию, он не раз чуть ли не на каждой сессии признавался в том, что считает меня мудрой, доброй, компетентной и благодарен за огромную помощь, которую я ему оказываю. В его потребности получать мою любовь и одобрение чувствовалось отчаяние. Это отчаяние вкупе с устойчивыми идеализациями свидетельствовало о глубокой неосознаваемой боли, от которой Пол на тот момент изо всех сил защищался. Динамика переноса у человека с зависимой нарциссической структурой характера дает особенно богатый рабочий материал, но при этом удивительно сложна для проработки. Такое явное противоречие обусловлено тем, что защиты данной структуры поглощают отношения. Другими словами, отношения и являются той бессознательной защитой, которая делает человека непроницаемым, несмотря на его внешнюю готовность вступать во взаимодействие. Зависимый нарцисс с трудом расстается с защитами, потому что, как и во всех остальных структурах характера, они оберегают от повторного погружения в травматический опыт и регрессию, в данном случае в пограничный хаос.

Со временем идеализации Пола сменились обесцениванием. Отдавшись целиком ранее незнакомому ему чувству ярости за все разочарования, перенесенные в жизни, он и меня не оставил в стороне. Он не преминул указать и нелестно отозваться о тех моментах, когда я, по его мнению, была некомпетентна, неадекватна и даже жестока. Часто эти чувства были искренними. Но иногда мы снова оказывались в его старом паттерне, и тогда нападки Пола очень напоминали его прежние попытки спровоцировать меня, опять втянуть в запутанные отношения. Было ясно, что на том этапе

любые интервенции с целью разрядить ситуацию привели бы лишь к дальнейшему укреплению защитного паттерна. Иногда открыто, но чаще все-таки не напрямую я старалась принимать и отзеркаливать его подлинные чувства, скрывающиеся за сложными маневрами.

Все те годы, когда мы работали с Полом, мне приходилось бороться с собственным возрастающим нетерпением и мстительными порывами. Мои интерпретации и личные ассоциации вызывали у Пола не только воодушевленно-лестный отклик или злобные нападки-манипуляции, иногда они отскакивали от него как от стены горох. Он не управлял нашими сессиями тем способом, каким это обычно делает контрзависимый нарцисс, требующий лишь одного – молчать и слушать. Напротив, Пол все время хотел что-нибудь от меня получить, а потом парадоксальным образом не мог это «что-нибудь» впустить в себя. Часто возникало ощущение, что мы как будто бы снова и снова выполняем одно и то же бесполезное упражнение. В такие моменты казалось, что он так и будет без конца тянуть и тянуть из меня. Я чувствовала себя так, будто меня «используют» и выбрасывают. Тогда мне представлялось, что он совершенно непроницаем и мы будем вечно топтаться месте. Но в конце концов это казавшееся нескончаемым хождение по кругу сменилось взаимодействиями, в которых появилось нечто совершенно иное, нашедшее отражение не только в жизни Пола и его снах. Мои телесные ощущения и сопряженные с ними фантазии давали понять, что зарождаются искренние чувства. И эти чувства были связаны уже не столько со мной, сколько с его собственной индивидуацией.

Деметра и Персефона

Темы, которые, на наш взгляд, чаще всего прослеживаются в жизни людей с зависимой нарциссической структурой характера, наверно, нигде не описываются так захватывающе и ярко, как в великом и священном греческом мифе о Деметре и Персефоне или в его римском аналоге о Церере и Прозерпине. В мифе рассказывается о слиянии и насильственном отделении, о мучительной разлуке и неистовых метаниях меж-

ду противоположностями, о беспрестанном поиске другого и о погружении в темные глубины, которые сопровождаются переживаниями сильного гнева, печали и отчаяния.

В начале мифа⁴ перед нами предстают внушающая благоговение богиня Деметра и ее дочь Персефона. Персефона тянется за прекрасным весенним цветком – нарциссом, и тут:

Гадес, бог подземного царства, поднялся наверх в своей золотой колеснице и похитил девушку. Мать услышала ее крик, но было уже слишком поздно. Гадес унес Персефону с собой, чтобы жениться на ней и сделать Царицей подземного мира. Деметра, утратив былую жизнерадостность и впав в глубокую печаль, бродила по земле, не оставляя надежды разыскать свою пропавшую дочь.

Поиск в конце концов приносит результат. И хотя Персефона не может вернуться навсегда, ей разрешено проводить с матерью определенную часть года. Можно сказать, что символически Деметра представляет сознательное Эго, ту часть личности, которая остается на поверхности земли, а Персефона воплощает истинное Я, скрытое в подземном мире. Поиск, предпринятый Деметрой, и ее аффективный порыв позволяют Персефоне выйти из мира теней и предстать в новом качестве. С этой точки зрения, ее погружение в Подземное царство и возвращение на поверхность символизируют зарождение диалога между Эго и Самостью. Это достижение, которое в перспективе сулит раскрытие психического потенциала.

Мы расширим эту интерпретацию, проанализировав фрагменты из истории Деметры, в которых, по нашему мнению, отражена работа архетипических паттернов, питающих инфляцию Эго и формирующих зависимые нарциссические защиты. Но мы считаем, что Персефона тоже воплощает архетипическую конфигурацию, «раздувающую» сознание. Таким образом, для нас и Деметра, и Персефона являются фигурами, символизирующими архетипические энергии, которые способны вдохновить человеческое сознание или привести его к разрушительной инфляции. Слившись с архетипическим миром, Эго не в состоянии вести диалог с Самостью, и тогда

человек проживает коллективный архетипический паттерн, а не свою индивидуальную жизнь.

Давайте посмотрим, что же олицетворяет каждая из богинь. Образ Персефоны символизирует архетип предвестника новой жизни. Она подобна свежему весеннему бутону – невинна, девственна, непорочна и, кажется, останется такой навсегда. Персефона воплощает главные характеристики Пуэллы – вечную молодость, неумность, цветение. Человек, проживающий этот конкретный аспект Персефоны, может походить на Вивиан, о которой мы упоминали ранее. Проживая архетипический паттерн Пуэллы, Вивиан то и дело вступала в новые любовные связи, поскольку собственный внутренний мир был ей почти не доступен. И, конечно, не является случайным то обстоятельство, что цветком, привлечшим внимание Персефоны, был нарцисс, поскольку на самом деле нас приглашают войти в мир нарциссизма.

В этом фрагменте мифа находится «вход» в нарциссический ландшафт. Персефона тянется к цветку, и это движение предшествует трансформации, поскольку в следующий момент Гадес похищает ее. Однако вместо погружения в подземное царство человеческое сознание может надолго застрять в данном фрагменте. В этом-то и кроется двусмысленность, важная для нашего исследования. Бессознательно отождествляясь с Персефой, женщина стремится вновь и вновь срывать цветок нарцисса, тем самым откладывая осознанное знакомство с собственными аффективными глубинами. И здесь мы видим явное сходство с Нарциссом, который раз за разом обращается к своему отражению, теряя в этих бесплодных попытках свою жизненную силу. Идентификация с Персефой в эпизоде с цветком описывает ситуацию захвата нарциссическими защитами, в результате которой женщина обречена воспроизводить в своей жизни архетипический паттерн зависимой Пуэллы. Ее собственные желания глубоко спрятаны, в частности, и от нее самой. Она готова покорно соответствовать ожиданиям окружающих и отказаться от самоопределения, поэтому ей приходится учиться быть загадочной, чтобы маскировать пустоту и добиваться внимания, которым она все равно не может насытиться.

По мере того как разворачивается история, мы яснее понимаем, что же олицетворяет Деметра. Давайте вернемся к мифу, где эмоциональная атмосфера накаляется все больше:

Не зная, где искать Персефону, Деметра в отчаянии обратилась к Гелиосу, великолепному богу солнца. От него она узнала, что с позволения Зевса ее дочь похитил Гадес. С укором велел Гелиос Деметре «прекратить лить беспрестанно слезы. Не подобает тебе выказывать гнев свой понапрасну и без меры». И тогда в великой печали покинула Деметра Олимп и, изменив свою внешность, пошла в услужение в дом одного горожанина.

И вот, движимая аффектами, Деметра отправляется на поиски. Если человека захватывает архетипический паттерн, описываемый в этой части мифа, то он оказывается подвержен непрекращающимся приступам бессильной и несостоятельной ярости, которые сопровождаются внутренним переживанием невыносимого стыда. Внешние голоса, требующие «держать себя в руках», звучат в унисон с внутренним голосом, который, обладая архетипической силой, велит прекратить гневаться «понапрасну и без меры». Тогда человек внутренне содрогается от стыда, поскольку чувствует, что не способен обуздать аффект, который неумолимо поднимается в нем и затапливает с головой. А между тем его внимание по-прежнему сосредоточено на внешнем объекте, который остается для него воплощением жизненной силы, и он снова и снова пытается дозваться или достучаться до него, чтобы изменить ситуацию.

Переодевшись и устроившись служанкой в дом, Деметра отступила, но не сдалась. Она отбушевалась и затаилась. Спустя некоторое время она стала подавать знаки, намекавшие на ее истинное происхождение и позволившие разоблачить ее – и вновь предстала в облике богини, полностью восстановив свои силы. Этот паттерн, включающий отступление, маскировку и разоблачение, встречается еще в двух сказках, которые мы разбирали ранее, исследуя ищущий паттерн отношений. В сказке «Ослиная Шкура», представленной в главе 4, девушка сбежала в лес, облачившись в шкуру дикого животного. Падчерица из сказки «Госпожа Метелица» замаскировалась

еще искуснее: она – загруженная работой служанка, похожая на известную всем Золушку. Каждая из этих юных героинь, борясь с утратой и маскируя свою истинную сущность, ищет контакта с другими; подавая знаки, они сообщают окружающим, что они не те, какими кажутся. Эти сказки в корне отличаются от сказок, в которых описываются инкапсулированные героини с избегающим паттерном, такие как Белоснежка, Рапунцель или Спящая красавица. В каждой из этих историй героиня так или иначе инкапсулирована, но не замаскирована; принц должен найти ее, разбудить и освободить. С ищущим паттерном по-другому. Хотя героини и замаскированы, им нужен контакт. Все их действия направлены на то, чтобы их «разоблачили». Добиваются ли они расположения Принца или спускаются в Подземное царство за веретеном, они всегда в поиске, поскольку такова их природа. В этих сказках поиск неизбежно завершается разоблачением: героиня вновь предстает во всем своем великолепии, обладая силой, прочно укоренной в Самости. И хотя «ищущее» состояние делает ее глубоко несчастной, оно является неотъемлемой частью индивидуации. Отступает она с одной целью – накопить силы, чтобы появиться вновь.

В человеческой жизни эта история воплощается в модели отступления и маскировки, которая, как правило, и образует устойчивую защиту. Собственно, на этом все и заканчивается. Перед нами предстает человек с зависимой нарциссической структурой характера, утративший контакт со своей душой, как следствие, пассивный, ожесточенный, осуждающий и подавленный, и по этой причине не реализующий свой потенциал. Подобно замаскированным героям из других архетипических историй, зависимый нарцисс часто скрывает свои способности и силу. Не заявляя прав на свою истинную сущность, такой «закамуфлированный» человек может навсегда остаться измазанным сажеей – страдать понапрасну и так и не воспользоваться шансом на избавление.

Тем временем пока Деметра отступает и маскируется, Персефона погружается в Подземный мир. В мифе не описывается, что происходит с ней под землей, но мы знаем, что оттуда она возвращается в ином качестве, уже как Царица.

Превращение невинной девушки во владычицу подземного мира показывает, что за время ее «погружения–отступления» с ней тоже произошли глубокие изменения. Подобно тому как под влиянием архетипического образа Деметры Эго воспроизводит модель отступления и маскировки, оно может оказаться и под действием силы, превратившей Персефону в Царицу Подземного мира. Поскольку действие мифа развивается вокруг сильного переживания, можно предположить, что, отождествляясь с этой силой, человек погружается в мир невоплощенного примитивного архетипического аффекта. Погружение в царство Персефоны ведет к формированию различных типов зависимого нарциссизма. Общим для них является явное или подспудное ощущение особой связи с тайнами Вселенной, наполненной невероятно сильными и глубокими чувствами.

Обусловленная идентификацией с Персефоновой причастность к Подземному миру может порождать два противоположных состояния Эго – дефляции и инфляции. В случае дефляции человек воспринимает свою жизнь как непрерывное жертвоприношение. Сознательно или неосознанно он чувствует себя избранником, которому волею богов, судьбы или случая уготованы неимоверно тяжелые страдания, доселе никому не ведомые. По сути, его не покидает ощущение, что Гадес, воплощающий «ад наяву», насильно удерживает его в состоянии постоянной агонии и таков его удел. Но человек может приспособиться к тискам этого архетипа и более изощренным способом – пребывать в смутном ощущении, что его преследует какая-то непонятная тоска и скорбь. И в том, и в другом случае человек проживает себя меланхолично, словно в тени, вне потока настоящей жизни.

В случае инфляции все обстоит иначе. Захваченный архетипической реальностью, человек пребывает в глубоком – сознательном или неосознаваемом – убеждении, что сами боги удивительным образом посвятили его в таинства глубинных эмоциональных сфер. Обладая определенной уверенностью в том, что перед ним открыты миры, в которые остальным хода нет, такой человек искусно передает другим благоговейное отношение к этим темным и бурным водам. Та-

инстинктивные силы и сокровенные знания – вот его конек. Нередко подобная инфляция свойственна терапевту, который начинает думать, что только он может мастерски провести других по лабиринтам подземного царства. В этом случае терапевт использует силу архетипа в защитных целях, что доставляет ему нарциссическое удовольствие. Пользуясь своими необыкновенными качествами, он проникает в жизни и души других, не принимая во внимание ограниченность человеческого существования.

Неважно, является ли это состояние дефлированным или инфлированным, идентификация с архетипическими силами препятствует подлинному диалогу между гибким, реалистичным Эго и Самостью, при этом душа человека в той или иной степени остается во власти коллективного бессознательного. Человек как бы состоит в тайных отношениях любви-ненависти с Гадесом и страдает от того, что не может выйти из подземелья.

А сейчас давайте снова вернемся к мифу:

Когда Деметру разоблачили, она тут же вновь приняла свой божественный облик и потребовала, чтобы в ее честь был сооружен храм. Восседающая в нем, преисполненная решимости, она объявила о том, что земля не будет давать урожая до тех пор, пока ей не вернут дочь. Деметра была непреклонна – богиня смерти дала волю своему устрашающему гневу: земля высохла, урожаем погиб, люди умирали от голода, нечего было приносить в жертву богам.

С такой же силой и так же неотвратимо, как в мифе, люди с зависимой нарциссической структурой характера выплескивают свою ярость на окружающих. Примером тому служит клинический случай Мэри. В начале анализа ее ярость отыгрывалась в решимости обыскивать, отслеживать дочь и вторгаться в ее жизнь. Подобные посягательства разрушали их теплые человеческие отношения, источники заботы иссякали, поля привязанности «приходили в запустение». Как будто над всем господствовала архетипическая ярость Деметры, которую Мэри изливала на Лизу, вынуждая ее отыгрывать и еще больше отстраняться. Но проблема здесь не в самой ярости, а в том,

что она маскирует печаль Мэри по поводу обособления дочери. Наша работа продолжалась. Пребывая в границах аналитического теменоса, Мэри, подобно Деметре, восседавшей в своем храме, училась принимать собственные глубоко скрытые чувства и в конце концов сумела восстановить живую связь с отщепленным щедрым Я. Опираясь на него, она смогла преобразовать ярость в полезную злость и использовать ее созидательно – устанавливая и удерживая реальные границы в отношениях с Лизой и другими людьми.

Переломный момент в жизни человека с зависимой нарциссической структурой характера наступает, когда он научается говорить «нет». Ведь он вступает в отношения с другим, чтобы прежде всего защититься от переживания внутренней сумятицы. Отождествляясь в инфлированной форме с животворным аспектом щедрой Великой Матери или великодушного Отца, он может дойти до самоотречения в своем желании поддерживать, заботиться и опекать. Наверно, поэтому самая трудная задача, с которой должен справиться зависимый нарцисс, состоит в том, чтобы выйти за рамки защитной инфляции, порождающей спутанность и хаос, искажающие любые отношения и вторгающиеся в личное пространство другого. Ресурс, необходимый для выполнения этой задачи, заложен в архетипических энергиях, воплощенных Деметрой. Архетипическая способность разрушать жизнь с целью запустить смену времен года проявляется в человеческой жизни опосредованно в виде способности говорить «нет» бессознательно вовлечению в отношения. А действия Деметры, безусловно, подтверждают тот факт, что ключевую роль в этом процессе играет обращение к энергиям разрушения. Будучи осознанной и принятой, архетипическая ярость Деметры превращается в гнев, который становится для зависимого нарцисса долгожданным инструментом психологической трансформации. Опираясь на гнев, он может встретить внутреннюю сумятицу и хаос, не цепляясь за внешние отношения и не превращая их в запутанный клубок противоречий.

Но нарциссические защиты также могут использовать в своем функционировании энергии разрушения, лишая их продуктивного потенциала. Тогда нарциссическая ярость,

питаемая архетипической мощью Богини, лишь раз за разом отыгрывается, прорываясь в отношениях с другими, или обрушивается на самого человека. В такой форме энергии разрушения не приносят ясности и четкости во внутреннюю спутанность, напротив, только усугубляют ее, служа не жизни, а смерти. Не это ли имеют в виду, когда говорят, что злость и ярость губительны для нашей иммунной системы, что они наносят урон развитию наших детей и мешают нашему духовному росту? Так оно и есть: защиты, узурпируя архетипические энергии, действительно подвергают опасности нашу жизнь и здоровье – умственное и духовное. И все же именно эти энергии, будучи ассимилированными в диалоге между Эго и Самостью, приносят нам ощущение целостности и наделяют способностью вступать в отношения, соблюдая границы и даря любовь.

Гнев Деметры, в конце концов, достиг цели. Боги отозвались и послали Гермеса в Подземное царство за Персефой. Увидев свою красавицу-дочь, Деметра тут же поняла, что Персефона съела несколько зерен злосчастного граната, который ей «подсунул» Гадес, и поэтому часть времени ей все же придется проводить в Подземном мире. Но, несмотря ни на что, радость преисполнила сердце Деметры, не оставив ни капли печали, и согласилась она научить людей искусству отправления своих ритуалов и прекрасных мистерий. Когда Персефона возвращается, наступает весна; когда спускается в царство мертвых, все увядает. Вот так жизнь и смерть сменяют друг друга в вечном природном круговороте.

В мифе присутствуют темы сепарации, ухода и воссоединения в новом качестве. Сепарация и повторное воссоединение имеют первостепенное значение для человека с зависимой нарциссической структурой характера, поскольку защиты постоянно удерживают его в запутанных отношениях. Зависимому нарциссу чрезвычайно важно овладеть искусством обособления-воссоединения как на межличностном, так и на внутриспсихическом уровне. И на примере нескольких клинических случаев мы увидели, как пациенты учились от-

деляться, а затем воссоединяться с другими людьми и с частями самих себя. В дальнейшем и сами пациенты, и их окружение уже легче проходили последующие этапы индивидуации. По мере того как Эго становится все более гибким, развивается способность строить конструктивные и приносящие удовлетворение отношения. Но, поскольку гибкое Эго стремится развивать более глубокие отношения с Самостью, зависимый нарцисс в какой-то момент опять будет вынужден погрузиться в Подземный мир. Но сейчас он уже знает, что эти циклические погружения в действительности обновляют и оживляют жизнь, хоть порой и переживаются как мучение и смерть. Зависимому нарциссу не выйти из этого круга. Такова суть его характера: то спускаться вслед за Персефоной в Подземное царство, то преодолевать эмоциональные испытания, выпавшие на долю Деметры.

Заключительные размышления

В этой главе мы пересказали и рассмотрели миф о Деметре и Персефоне, а также несколько историй и клинических случаев с целью амплифицировать и вдохнуть жизнь в термин «зависимый нарциссизм». В дальнейшем, встречаясь с ним, вы будете представлять сказочный луг на дне колодца, Офелию, тоскующую по Гамлету, похищение Персефоны и Деметру, впавшую в отчаяние и ярость. Также надеемся, что все вышеописанное наведет вас на размышления о самих себе и о тех, кто вас окружает. А, поразмыслив, вы сможете по достоинству оценить многие дары, которые скрываются за ранами, специфичными для данной структуры характера.

Когда человек с зависимой нарциссической структурой не отдается бессознательно во власть архетипических аффектов, а научается вести с ними осознанный диалог, он обретает незаурядную способность наполнять собственную жизнь и жизнь других людей радостью, теплом и эмпатией. Проживая аффект зрело и осознанно, человек позволяет архетипическим силам включиться в его обычную человеческую жизнь таким образом, что они становятся источником вдохновения, а не разрушения. Понимая, что именно энергия аффекта пи-

тает его истинную сущность, он то и дело обращается к этому источнику, почитая его глубину и красоту. Пребывая в диалоге с Самостью, что можно рассматривать как посвящение в таинство, зависимый нарцисс оказывается способным вплетать аффективную реальность глубоких и мрачных лабиринтов Подземного мира в ткань повседневной жизни, символически осыпая золотом самого себя и тех, кто его окружает.

Глава 6

ИСТЕРИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА

СУЛИМ ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ

Мир Алисы

«Ой-ой-ой, я опоздал!» – восклицает Белый Кролик, и Алиса спешит следом за ним в чудесную страну преувеличения, воодушевления, бурного веселья и бессильной ярости: мир, в котором ничего нельзя принимать на веру. Сильные, но поверхностные чувства, невероятно переменчивая и вместе с тем чарующая эмоциональная атмосфера, мерцание архетипического аффекта – все говорит о присутствии истерической личности.

В сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» в символической форме амплифицируется множество состояний, типичных для истерического характера. В этой всеми любимой истории добродетельная английская девочка, влекомая любопытством, бросается вдогонку за странным белым кроликом в жилетке. Покинув пределы добродетельного английского общества, она попадает в страну чудес, где все устроено шиворот-навыворот и вверх дном. В этом «не-совсем-правильном» мире события совершенно непредсказуемы, размеры меняются самым непостижимым образом: Алиса чуть было не тонет в собственных слезах, чаепитие оказывается нелепейшим действием, а животные разговаривают; то и дело мимо пронесется кролик со словами «О, Боже, о, Боже, я невозможно опаздываю!». Традиционно истерия характеризуется изменчивым и неустойчивым эмоциональным паттерном, отсутствием верности и преданности, потребностью в постоянном стимулиро-

вании и внимании, и в итоге разыгрывается захватывающая драма капризов и претензий. Театральная и капризная – пожалуй, лучших эпитетов для Страны Чудес, куда Белый Кролик уводит Алису, не найти!

В двух предыдущих главах мы пересказали истории о страдающих девушках, которых вынуждают или заставляют уйти в другой мир. Ослиная Шкура убегает в темный лес, чтобы спастись от домогательств инцестуозного отца, а падчерицу из сказки «Госпожа Метелица» принуждает спуститься в колодец мачеха. В сказке «Алиса в Стране Чудес» девочка заинтригована появлением кролика и сама решает последовать за ним в его нору. В каждой из этих историй героиня переступает некий порог, входит в мир бессознательного и открывает для себя архетипическое царство. Обнаружение этого царства, установление с ним контакта и погружение в него помогают оживить, разделить, а затем воссоединить душу. Ослиная Шкура заворачивается в шкуру животного и вымазывается сажей, чтобы замаскироваться и защититься, ожидая безопасного момента для разоблачения. Героиня сказки «Госпожа Метелица» встречает Великую Мать и с искренним уважением прислуживает ей. Подземный мир Алисы не похож на луг, который открывается перед взором падчерицы на дне колодца при знакомстве с Госпожой Метелицей. Все же Алиса не только более свободна в своем выборе отправиться в Страну Чудес, она также имеет и больше пространства для игры. Не случайно и то, что она сталкивается с большим количеством персонажей. Покинув безопасный дом, Алиса вынуждена ориентироваться в мире, который все больше и больше усложняется. И хотя в нем есть место для игры, здесь ее ждет серьезный и глубокий опыт.

В подземном царстве Алиса встречает одну истерическую фигуру за другой. С каждой встречей она узнает о самой себе все больше и больше. На дне кроличьей норы она попадает в длинный тоннель с множеством запертых дверей, приходит в замешательство и беспокойство от радикальных изменений, происходящих с ее телом, и в конце концов плавает в пруду из выплаканных ею же слез. Затем встречает гусеницу, курившую кальян, заводит с ней философскую беседу, в которой ей открывается некий смысл бытия. Участвует в чаепитии, кото-

рое не имеет временных рамок и представляет собой полнейший хаос, и там устанавливает границы. Встречает вздорную Королеву и, стоя рядом с этой плоской двухмерной ведьмой, ощущает полноту своей личности.

Страна Чудес является ярким воплощением истерических защит, таких, как диссоциация и аннулирование, которые позволяют отказываться от сказанного, «заметать следы» и избегать ответственности. Алиса должна познакомиться с этими защитами и отделиться от них, чтобы развить собственную индивидуальность. Ее путешествие как раз и отображает те этапы, через которые в ходе аналитического процесса, в его идеальном варианте, проходит пациент с истерической структурой характера. Спуск Алисы в подземную страну чудес символизирует регрессию в хаос пограничного состояния, в который человеку с истерической структурой характера необходимо погрузиться, чтобы восстановить контакт с Самостью. Страна Чудес олицетворяет богатство и бедность, красоту и коварные соблазны истерического ландшафта. Только при наличии диалога с сильным и гибким Эго Страна Чудес приносит в жизнь человека радость, восторг и трансформацию. Сознательно контейнированная, она дарит остроумие, живую игру, поэтическое воображение и спонтанность.

Общие сведения об истерической структуре характера

Истерическая пациентка в юбке выше колен сидит на кушетке, положив ногу на ногу, и искусно очаровывает вас. Она остроумна, соблазнительна и переменчива. Ее ранимость является частью обаяния, с помощью которого она привлекает ваше внимание. Она то страстно флиртует, то резко и пугливо отступает. О вас она знает больше, чем о самой себе. На прямой вопрос о своем внутреннем мире она отвечает рассуждениями на отвлеченные темы и игнорирует все ваши попытки отзеркалить ее присутствие. А между тем она добивается вашего восхищения.

Вступая в преневротическую стадию развития, девочка, у которой формируется истерическая структура характе-

ра, вполне готова выйти из первичных диадных отношений с матерью и включиться в триадные. Преодолев проблемы развития примитивной и нарциссической стадий, сейчас она может повернуться лицом к более просторному миру, чувствуя поддержку Эго, которое до некоторой степени дифференцировалось от бессознательного. Она отваживается войти в более широкий мир отца и, чтобы устроиться там, использует свое детское обаяние. Она ни в коем случае не соперничает с матерью, а лишь настойчиво стремится завоевать внимание отца. Она активно действует за пределами материнского мира, но пока еще не забирается на колени к отцу. Точно так же маленький мальчик начинает свою борьбу, цель которой – вырваться из объятий матери и войти в отцовский мир. Но, еще не высвободившись целиком из материнских объятий, он тоже пребывает в смутном промежуточном пространстве. Разрывающийся между желанием сохранить связь с матерью и стремлением обрести автономность от нее, истерик сталкивается с влечением, соперничеством, чувством вины и пробуждающейся, но пока незрелой сексуальностью, по мере того как продвигается вглубь триадных отношений.

На преневротической стадии человек пользуется вполне зрелыми эго-защитами, такими как отрицание, вытеснение, рационализация, аннулирование, поворот против себя, смещение и компартиментализация (раздельное мышление). Истерик под воздействием архетипического аффекта в целях защиты прибегает к невинному обольщению, преувеличенной эмоциональности и изменчивости, которые сам же отрицает или аннулирует. Любая конфронтация с этими защитами угрожает столкнуть истерическую личность в аффективный хаос, который лежит в основе этого паттерна отношений и потому вызывает решительное сопротивление.

Клинический случай:

Кайла – где искать ключ к разгадке?

Когда Кайла в первый раз позвонила, чтобы записаться на прием, она сообщила о своем желании обсудить неприятный сон. Она узнала, что я интерпретирую сны. Ей было 28 лет, она ра-

ботала учительницей младших классов, была замужем, но детей не имела. По ее словам, брак и работа приносили ей радость и удовлетворение. Она была элегантной и энергичной, однако на сессиях выглядела подавленной. С большим воодушевлением она пересказала свой сон, а потом отказалась анализировать его. Лишь спустя некоторое время она призналась, что на самом деле ее беспокоила ситуация на работе. Из обрывочных описаний стало понятно, что ее отношения с директором школы принимают все более опасный характер. То, что поначалу казалось обычным профессиональным сотрудничеством, стало обретать форму сексуально окрашенных встреч, и Кайла не могла понять, с чем это связано. Она чувствовала себя ужасно виноватой и очень боялась, что об этом станет известно мужу. Она также переживала, что директор обвинит и накажет ее за то, что их отношения развиваются в таком направлении. «Все страньше и страньше!». Кайла не могла разгадать, почему директор проявляет к ней именно такой интерес.

Однако было совершенно ясно, где лежит ключ к разгадке. Кайла вела себя намного кокетливее, чем ей самой представлялось. Она часто носила длинный красный шарф, который эффектно повязывала вокруг шеи, не говоря уже о коротких юбках и глубоких вырезах. Ее живой аффект резко взмывал вверх и так же резко устремлялся вниз, будто для него не существовало границ. На уроках, работая с детьми, она переживала такой душевный подъем, что могла забыть обо всем на свете. Она преувеличенно раздражалась на директора и его чересчур активные, недвусмысленные поползновения. Она считала себя последовательной феминисткой и утверждала, что ее сексуальность не выходит за рамки политкорректности. Но интерес директора был не единственным поводом для беспокойства. Расстраивало ее и то обстоятельство, что многие из коллег-женщин отмахивались от нее, как от наивной дурочки. Они либо обращались с ней, как с маленьким ребенком, либо бросали ей в лицо язвительно-колкие замечания и выпускали отвратительные сплетни за спиной. Пусть эти женщины враждебно относились лично к ней, к Кайле, ее больше всего возмущал тот факт, что они так неприкрыто осуждали

ее живой энтузиазм. Не было в школе места, где бы она чувствовала себя безопасно.

Редко переживая инсайты в отношении собственного поведения и его последствий, Кайла пребывала в растерянности по поводу реакций, которые вызывала у окружающих. Отсутствие осознания чрезмерно сексуализированной самопрезентации является отличительным признаком истерической структуры характера. Отрицая свою постоянную потребность в связи с матерью, истерическая женщина добивается близости с отцом, одновременно желанной и пугающей. Однако потом быстро аннулирует свое притязание. По этой причине она часто приступает к самым активным действиям, чтобы привлечь внимание, а потом быстро отступает. Имея слабое представление о самой себе, она ищет одобрения у окружающих. Пользуясь архетипическим аффектом как защитой, она переживает, как кажется на первый взгляд, сильные чувства, но эти чувства не задерживаются надолго, потому что не являются подлинным выражением ее истинного Я. В действительности ее преувеличенные эмоции часто служат для того, чтобы не допустить контакта, которого она одновременно желает и страшится, поэтому самой себе и окружающим она может казаться неуравновешенной и неискренней. Все эти поведенческие паттерны ярко проявлялись и в жизни Кайлы.

Как только мы стали в достаточной степени доверять друг другу, Кайла смогла приступить к исследованию того, как ее поступки и намерения входят в противоречие друг с другом. В итоге она поняла, насколько важно для нее было осознать те архетипические аффекты, которые наполняли ее. Если раньше в целях защиты осажденное Эго Кайлы использовало недифференцированные и неосознаваемые аффекты, то со временем оно достаточно окрепло, чтобы позволить ей осознанно найти им применение в жизни. Случай Кайлы иллюстрирует, как важно распознать и по достоинству оценить структуру своего характера, потому что индивидуация человека происходит не вопреки, а благодаря ей. По мере того как Кайла все больше обретала умение контактировать и сознательно отслеживать проявления архетипического царства Афродиты,

она избавлялась от проблем в общении с директором школы. Она научилась воспринимать себя серьезно, а вслед за этим и окружающие стали относиться к ней так же.

Теоретические соображения

Истерия, как и пограничное состояние, является столь же, если не более иллюзорной категорией; и точно так же вызывает и порождает массу споров. Углубленное исследование ищущего паттерна отношений выявляет непосредственную связь истерической структуры характера с зависимо-нарциссической и пограничной структурами. На преневротической стадии развития человек с истерической структурой сталкивается с трудностями и проблемами триадных отношений. Если эго-сознание более развито и применяются более зрелые защиты, то архетипическая реальность воспринимается менее затопляющей, нежели на ранних стадиях. Однако страх отделения от матери и страх наказания с ее стороны, усиливаемые возрастающей потребностью в автономии и чувством вины за появляющиеся желания, создают новые конфликты.

Историческая справка

На архетипическую природу истерии указывает тот факт, что ее описывали или диагностировали еще со времен Древнего Египта и Древней Греции в различных культурах и в разные исторические эпохи. Боросса (Borossa, 2001, p. 3–71), Миллон и Дейвис (Millon, Davis, 1996, p. 244–260), а также Шапира (Scharira, 1988, p. 37–58) представили расширенные исторические обзоры. В одни времена истерия считалась заболеванием, в другие – эмоциональным расстройством, но обычно с ней ассоциировались одержимость дьяволом, экстатические состояния, соблазнительность, чрезмерность в желаниях, склонность лгать и манипулировать. Этиологически истерию связывали с маткой, поскольку само слово «*hysteria*» происходит от словосочетания «блуждающая матка». Предполагалось, что матка, оторвавшись, «блуждала по телу», затем поселялась в мозгу и провоцировала необузданные эмоции

и чрезмерное вожделие, которые считались характерными проявлениями заболевания. Обладая такой коннотацией, истерия неразрывно увязывалась с женским телом и женской неудовлетворенностью. Чтобы контролировать архетипически обусловленные истерические припадки, различные культуры предписывали женщинам закрываться вуалью, стоять отдельно в церкви, хранить молчание. В западной культуре истерические симптомы служили свидетельством причастности к колдовству, и на смену допускаемым ранее медицинским вмешательствам пришли наказания, налагаемые церковью, вплоть до сожжения на костре. Затем, начиная с XVII века, благодаря прогрессу биологических знаний истерические формы поведения стали постепенно признавать медицинским заболеванием и все чаще диагностировать как нарушения деятельности мозга и нервной системы, а не матки. Позже диагноз «истерия» начали ставить мужчинам, хотя в действительности он никогда не утрачивал связи с женским, особенно «плохим» поведением. К середине XIX столетия истерия приобрела статус «болезни века», отличительными признаками которой являлись «кокетливость, лживость, преувеличенная жестикуляция, неподобающее проявление эмоций, чрезмерное желание и неприязнь, откровенное сексуальное поведение или нарочитый отказ от секса» (Vorossa, 2001, p. 12). Зарождающиеся представления о существовании некоего иррационального «другого внутри», «двойника» вкупе с наблюдениями о внушаемости истериков вдохновили Шарко и Жане использовать гипноз в качестве эффективного метода исследования истерии.

В поддержку этих усилий Фрейд высказал убежденность в том, что имеет смысл рассматривать истерические симптомы как проявление психической травмы, в основе которой лежит сдерживание либидинальных импульсов. Он сделал вывод, что обнаружить и проработать травму можно через вспоминание и катарсис. Предположив, что ключ к избавлению от симптомов находится в личной истории пациента, Фрейд научился не только побуждать пациента к связному изложению истории его травмы, но и слушать эти истории внимательно и с уважением. Впоследствии Фрейд изменил свою

точку зрения, придя к заключению, что истории о травме, как правило, связанной с пережитым в детстве сексуальным насилием, опирались не на реальные события, а на внутренние переживания пациенток, то есть на их желания и фантазии.

«Отказ» Фрейда от теории соблазнения, то есть от своей первоначальной идеи о том, что ребенок подвергался насилию, вызвал многочисленные обсуждения и споры. Позволим себе предположить, что символически все эти переформулировки дофрейдистских и фрейдистских теорий являются не чем иным, как проявлением истерической динамики, которая обнаруживается в резкой смене взглядов и сомнениях, воплощается в многочисленных вопросах, возникающих при обсуждении данного расстройства: в чем истина? кому верить? кто соблазняет? кто соблазнен? имеет ли поведение эротический оттенок? манипуляция ли это или проявление скрытого желания? кто на самом деле контролирует ситуацию? Как юнгианцы, мы предполагаем, что динамика, присутствующая во всех этих вопросах, порождается смесью человеческих отношений и архетипических паттернов. Она проблескивает в приключениях Алисы, находит свое воплощение в мифе о Кассандре, а также в образе великолепной и внушающей благоговейный страх Афродиты, речь о которой пойдет ниже.

Психоанализ не стоял на месте, и в то время как Фрейд сосредоточенно изучал сексуальные и агрессивные драйвы и их вытеснение, Юнг исследовал феномен психической фрагментарности и диссоциативные процессы. Он пришел к выводу, что детские травматические переживания приводят к формированию комплексов, которые являются автономными частями психики (Jung, 1960). В недавнем обзоре взглядов Юнга на диссоциацию Уилкинсон отметил, что так же, как и Фрейд, Юнг изменил свою точку зрения, согласно которой защитные маневры истериков возникают вследствие переживаний, испытываемых на определенном этапе развития, и предложил объяснительную гипотезу, в которой подчеркнул значение внутриспсихической динамики. Однако в последующие годы, особенно во второй половине XX века, возродился клинический интерес к первоначальной идее Юнга о том,

что реальные травматические события приводят к диссоциативным процессам в психике (Wilkinson, 2005).

Теория Юнга о диссоциации и формировании комплексов является общей теорией о психике и применима ко всем структурам характера, не только к истерической. Как известно, защитные процессы, используемые ригидно, препятствуют появлению диалогической оси Эго–Самость. И в этом случае живой аспект «истинного Я» человека (Winnicott, 1960) или его «личностный дух» (Kalsched, 1996) остается в бессознательном, спрятанный и защищенный, то есть центральная часть психики диссоциирована. Теория диссоциации, объясняющая формирование автономных частей психики и уделяющая особое внимание непредсказуемым прорывам сильно заряженного аффекта, более всего подходит для раскрытия сущности структур характера в рамках ищущего паттерна отношений. Диссоциативные процессы ясно просматриваются за сексуально провоцирующим, эгоцентричным, эмоционально неустойчивым и саморазрушительным поведением истерика. Однако действие диссоциации также обнаруживается и в инкапсуляции избегающего паттерна, и в безжалостном отыгрывании господства в антагонистическом паттерне.

С психодинамической точки зрения, главной причиной формирования истерических симптомов являются недостаточно удовлетворенные оральные потребности, однако было выдвинуто еще и предположение о том, что, кроме оральной фиксации, истерия может включать в свой спектр эдипальную фиксацию (Millon, Davis, 1996, p. 248–249). По мнению Болласа, истерия отражает разрыв фундаментальных отношений с матерью в ответ на отвержение ею сексуальности ребенка на ранней стадии. У девочки формируется ложное Я, которое она предлагает отцу, по-прежнему чувствуя глубинное желание вернуться в состояние доэдипальных отношений с матерью. В результате у нее появляется склонность не только демонстрировать одновременно влечение и антивлечение, но и сопротивляться взрослению (Bollas, 2000, p. 92, 103–104). Таким образом, Боллас привязывает истерию к эдипальному влечению и желанию вернуться в утробу, чем, по мнению Могенсона, лишает ее нуминозного. Могенсон предлагает рас-

смаatrивать истерию как разворачивающуюся манифестацию анимы (или души, как мы ее называем) и считает, что эта вне-временная фигура приводит нас в пространство между двумя мирами, реальным и фантазийным, то есть в подлинно психологическое пространство, где личностные тревоги не только имеют внешних референтов, но и обусловлены глубинным архетипическим процессом (Morgenson, 2003).

На протяжении всего своего существования истерия являлась воплощением гендерных предубеждений и страха перед женщиной. Бесспорным подтверждением тому является этиология *истерии*, само название которой, как уже говорилось, происходит от словосочетания «блуждающая матка». Миллон и Дейвис отмечают следующее: «Странно, но для объяснения антисоциального поведения мужчин у них никогда не находили какого-нибудь органа, который мог бы оторваться, поселиться в мозгу и исказить восприятие». Высказываясь по поводу замены «древнего суеверия под названием „одержимость“» на «современное суеверие под названием „истерия“», Хиллман делает вывод: «Сегодняшняя ведьма – это несчастная пациентка, не грешная, а больная... Женоненавистничество не исчезло; оно приняло новую форму. Женщина до сих пор виновна» (Hillman, 1972, p. 254). Пытаясь исправить столь вопиющую гендерную необъективность, вместо термина «истерический» ввели в использование термины «истрионический» и «театральный», чтобы подчеркнуть такие аспекты данной структуры характера, как жажда внимания и театральная наигранность. Однако это нововведение лишь немного охладило полемику вокруг термина. Хотя клиницистам время от времени напоминают о том, что данный клинический профиль встречается и у женщин, и у мужчин, все же в отношении мужчин-пациентов им либо пренебрегают, либо неверно диагностируют. Горовиц в попытке ликвидировать это «слепое пятно» акцентирует внимание на том, что «отсутствие устойчивой половой идентичности является неотъемлемой частью истерической структуры», а истерия, как мужская, так и женская, представляет собой «карикатуру» на сексуальную роль. Как правило, у женщин несформировавшаяся половая идентичность проявляется в форме гиперфеминности, но может

принимать и противоположную форму гипофеминности. У истерических мужчин несформировавшаяся идентичность принимает форму чрезмерной чувствительности, или гипомаскулинности, либо самоуверенности, или гипермаскулинности (Horowitz, 1991, p. 46–47).

В XX веке истерия как диагноз утратила свои лидирующие позиции, но проблемы, порождаемые этой динамикой, по-прежнему находятся в центре многих современных психоаналитических дебатов. По-прежнему пытаются разобраться с тем, насколько сопоставимы правда личной истории и правда нарратива с его символической природой и целебными ресурсами. (Примером этой дилеммы служит история пациентки по имени Рейчел, описанная в главе 4.) По-прежнему исследуется вопрос о том, каким образом и почему отдельные части психики обособляются в автономные реальности и уходят в скрытые места, но в этом направлении уже есть сдвиги: раскрыты механизмы горизонтального (репрессия) и вертикального расщепления (диссоциация). По-прежнему не ослабевают дебаты по поводу того, желательно ли в ходе терапии вызывать сильный аффект, в особенности сексуализированный, и как им управлять. Хотя тематика дискуссий остается прежней, «название» обсуждаемых явлений существенно изменилось. В настоящее время оживленные дискуссии вызывает само слово «травма», точнее говоря, вопрос о том, действительно ли она имела место в личной истории или все-таки порождена имагинально амплифицированными «воспоминаниями». Несколько лет тому назад в подобном ключе могла обсуждаться и сама «истерия». Кроме того, поведенческая и психологическая динамика, свойственная классической истерии, встречается в ряде других расстройств, которые в наши дни привлекают большое внимание клиницистов, среди них пищевые расстройства, множественное расстройство личности/диссоциативное расстройство идентичности и пограничное личностное расстройство – диагноз, которым часто злоупотребляют.

Боллас утверждает, что злоупотребление диагнозом «пограничное расстройство» вытеснило истерию со сцены на какое-то время, но сейчас «истерия в своих красочных одеяни-

ях» появляется вновь, заставляя нас «думать о ней снова и снова» (Bollas, 2000, р. 179). В защиту этой позиции приводится довод о том, что сегодня истерия проявляется в «эпидемиях», таких как хроническая усталость, покрывающие воспоминания, синдром «бури в пустыне», увлечение сатанизмом и похищение инопланетянами (Showalter, 1998). Боллас отмечает, что, как и классическая истерия, каждый из этих недугов переживается тяжело и болезненно и нуждается в харизматическом лечении, то есть лечении верой, несмотря на то, что их объективное существование вызывает в обществе сомнение и недоверие.

В заключение хотелось бы сказать о том, что архетипический ландшафт истерии тяготеет к избыточным, донкихотским, сексуализированным взаимодействиям, что приводит к множеству быстро сменяющих друг друга, аффективно заряженных, «ускользающих в последнюю секунду» контактов. И диагноз, и его носителя всегда непросто выявить и удержать; они остаются соблазнительными, но неуловимыми.

Динамика истерической структуры характера

Как уже говорилось, человек с истерической структурой характера в отличие от зависимого нарцисса использует более зрелые защиты. На преневротической стадии Эго уже достаточно дифференцировано от Самости и его защиты призваны сберечь совсем недавно обретенную им независимость. Эго-защиты стремятся закрепить дифференциацию Эго от Самости, а поскольку с этой целью архетипические аффекты, свойственные ищущему паттерну отношений, неоднократно подавляются, поток энергии вдоль оси Эго – Самость блокируется. В итоге истерик, уверенный в том, что сознает свое отношение, вступает в жизнь и любовные связи, будто бы зная, чего он хочет и что делает. Но отрицаемые аффекты грозят прорваться и часто прорываются наружу в виде крайне противоречивых посланий. Так, женщина соблазняет и потом отступает, притягивает и отталкивает, разочаровывая и себя, и других. Битва между Эго и бессознательным разворачива-

ется одновременно с тем, как у ребенка появляется влечение к родителю противоположного пола, а поскольку в ищущем паттерне «у штурвала стоит» аффект, то только-только начавшаяся битва часто ведется в очень эмоциональных и часто сексуализированных условиях.

Точно так же, как современное общество поддерживает великолепно адаптирующихся зависимых нарциссов, оно вознаграждает и поощряет молодых истеричных женщин, кокетливых и очаровательных. Но, когда в действие вступает жестокий закон энантиодромии, мы осуждаем великовозрастную женщину-истеричку, поскольку она вызывает у нас *неуместное* смущение и *непонятную* жалость. Ее «неуместность» может стать непосредственной причиной пагубного пристрастия, чаще всего алкоголизма. По всей вероятности, каждый из нас встречал людей, которые походили на миссис Робинсон из популярного в 1970-е годы фильма «Выпускница». Главная героиня отчаянно хочет оставаться привлекательной, чтобы поддерживать ощущение внутренней целостности. А индустрия пластической хирургии культивирует в ней чувство неуверенности. Между тем усиленно поощряется и мужская истерия, несмотря на то, что ни сами мужчины, ни общество в целом не признают ее существование. Взять хотя бы ковбоя Мальборо – красивый, крутой мачо, у которого нет отбоя от поклонниц. Он не стесняется, а держится уверенно, не бросает украдкой чувственные взгляды, а подмигивает, глядя прямо в глаза, но его заигрывания приправлены той самой чувственностью, в которой безошибочно угадывается смесь «поманить-и-оттолкнуть». Вряд ли его незрелое сексуальное обаяние сохранится надолго. К категории истерических натур также можно отнести мужчин-геев. Некоторые гомосексуальные субкультуры поощряют аффективно нагруженные, интенсивные заигрывания без намерения вступить в серьезные отношения. Независимо от гендерно-культурной принадлежности человека, истерический паттерн, с динамической точки зрения, неизменно воплощает собой драматическую попытку очаровать с целью заполучить внимание, но от этого ни сам истерик, ни окружающие его люди не получают удовлетворения.

Отличие истерической структуры характера от других характерологических структур

Человек с зависимой нарциссической или пограничной структурой характера выглядит и ведет себя иначе, чем истерик, хотя все три структуры наполняет архетипический аффект. Пограничная личность полностью попадает под власть архетипической динамики, тогда как зависимый нарцисс под ее воздействием оказывается в инфляции. В отличие от двух упомянутых конфигураций истерическая структура защищает человека от аффектов, несмотря на то, что каждое его действие, внутреннее и внешнее, обильно пропитано ими. Совершенно оторванный от Самости, такой человек лишен связи со своими подлинными желаниями. Многочисленные отношения, в которые вступает истерик, приводят его в возбуждение и одновременно в полную растерянность. Интриги, измены и драматические страдания, в которые он бросается с головой, являются манифестацией эго-защит и укрепляют эти самые эго-защиты, которые предохраняют от пугающей регрессии в ужасный хаос пограничной реальности. Возможно, жизненный кризис должен достичь той точки, когда регрессия в примитивно-хаотическую пограничную реальность станет просто необходима, чтобы человек мог возродиться, обретя достаточно гибкое эго, и начать жить жизнью, полной творчества и смысла¹.

Напряженные, аффективно нагруженные, запутанные отношения отличают человека с ищущим паттерном от представителей избегающего и антагонистического паттернов. Отличия проявляются как на преневротической стадии, так и на примитивной и нарциссической стадиях. Архетипический аффект, образующий саму основу истерической структуры характера, толкает истерика в объятия других, тогда как обсессивно-компульсивный человек старается держаться максимально отстраненно, демонстрируя чувство собственного достоинства, хотя бессознательно может жаждать контакта. Пассивно-агрессивный человек бессознательно нападает на того, с кем хочет быть вместе. Помня о том, что так называемые «иные» паттерны отношений содержат теневые элементы, которые запускают процесс обретения целостнос-

ти, можно предположить, что истерику пошло бы на пользу побыть некоторое время в инкапсуляции, чтобы найти успокоение. Он мог бы обнаружить, что занятия медитативной практикой, индивидуальным видом спорта (например, бег или просто длительные прогулки по лесу в одиночестве) дают ощущение контейнирования, в котором уравниваются импульсы, так легко захватывающие его. Ему бы однозначно не повредила разумная порция антагонизма, чтобы сбалансировать внутреннее ощущение того, что вся ценность сосредоточена в другом человеке.

Кассандра: одаренная и проклятая

В чем истина? кому верить? кто соблазняет? кто соблазнен? кто контролирует ситуацию? Все эти, уже упомянутые ранее вопросы драматически переплетаются в мифе о Кассандре. Аполлон наделил дочь правителей Трои, Кассандру, даром прорицания. Миф гласит, что однажды, когда Кассандра зашла в храм Аполлона, великий бог предстал перед ней и пообещал научить искусству прорицания, если она возлежит с ним. Кассандра согласилась, приняла дар, но потом «пошла на попятный», отвергнув его ухаживания. Аполлон умолял подарить ему хотя бы один поцелуй и, когда Кассандра поцеловала его, плюнул ей в рот, а это значило, что никто не поверит предсказаниям, которые она будет делать. Кассандра действительно предсказала много страшных событий Троянской войны, хотя все отмахивались от нее, как от сумасшедшей, и не верили. Когда Троя пала, царь Агамемнон забрал Кассандру в качестве военной добычи, отвез к себе домой в Грецию, где его мстительная жена Клитемнестра тут же убила обоих, как и предвидела Кассандра (Hamilton, 1940, p. 252–254; Graves, 1955, p. 263–264, 338).

Миф о Кассандре наглядно амплифицирует динамику истерической реальности. Истерик – игривый и кокетливый, восприимчивый и наивный, а также легко поддающийся беспокойству и обращающийся в бегство – обычно не вызывает доверия и не воспринимается всерьез. Благодаря исходящему от него таинственно-магнетическому обаянию он стано-

вится избранным и желанным, принимает внимание и подносимые дары, а потом непременно отказывается от своего участия в отношениях, отчего другой мстит и проклинает его.

Шапиро, представив расширенное изложение и анализ этого мифа, считает, что понять Кассандру можно, если предположить, что она не обладала достаточно сильным Эго, чтобы осознанно и открыто противостоять Аполлону. По его мнению, Кассандра как личность страдала мощным материнским комплексом, который не дал ей достаточно прочно закрепиться в матрице фемининности, вдобавок ее Эго было захвачено анимусом. Таким образом, дефект характера стал проклятием Кассандры и привел к трагедии (Scharira, 1988, p. 10–17).

Быть носительницей дара, являющегося одновременно проклятием, – вот часть судьбы Кассандры и истериков вообще. Исключительный дар переживать инсайт – ее благословение, ее проклятие – неспособность так описать открывающиеся ей «теневые истины», чтобы окружающие, да и она сама поверили в них. Как любая женщина-медиум, Кассандра имеет необыкновенную возможность получать доступ к коллективному бессознательному, но ей не достает способности передать то, что она видит (Scharira, 1988, p. 53). Живая и забавная, но при этом взбалмошная и «незаземленная», она, в восприятии других, поверхностная, поэтому ее быстро отвергают.

Миф о Кассандре ярко отображает рассмотренную выше архетипическую динамику. Кассандра, чье имя означает «та, которая запутывает мужчин» (Graves, 195, p. 385), является типичным представителем ищущего паттерна. Представители всех структур характера в рамках ищущего паттерна создают запутанные отношения, но истерики привносят в них еще и сексуальный оттенок. Подобно Кассандре, истерическая женщина притягательна для мужчин, изолирована от женщин и лишена подлинного контакта с самой собой.

Джейсон: обрести связь со своими чувствами

Я работала с Джейсоном дважды в разные периоды его жизни. Впервые он пришел в анализ, когда ему было 28 лет. Тогда он переживал кризис, связанный с бурным разрывом отноше-

ний. Мы едва проработали год, когда у него начались новые отношения, и он завершил терапию. Он связался со мной снова десять лет спустя, и во втором заходе наша работа продлилась несколько лет.

Первый год терапии

В 20 лет Джейсон бросил колледж, где в основном только пил и кутил. Учился он кое-как, поскольку занятия нагоняли на него скуку, но при этом ему становилось все тревожнее. Он решил пуститься в приключения в духе книжных романов. Получая щедрое содержание от отца, он бродил по миру, жил в ашраме, выступал с театральной труппой, работал шеф-поваром, учился в школе искусств в Риме. Во время учебы влюбился в свою преподавательницу-итальянку. Он любил пофлиртовать, она тоже. Их занятия в студии переросли в долгие вечера интимного общения. Через несколько месяцев он пережил тяжелейшее потрясение, узнав, что его возлюбленная замужем. После того как она разорвала отношения, он, к своему удивлению, часто фантазировал о том, как отбивает ее у мужа, одерживая над ним верх. Эти фантазии преследовали его на протяжении нескольких последующих романов, но в конце концов отступили, вытесненные новыми увлечениями.

По признанию самого Джейсона, наверно, неправильно было бы называть «любовными романами» бесчисленные связи, в которые он вступал в течение тех лет, поскольку он нырял и выныривал из одной связи в другую с непонятным чувством брошенности, которое парадоксальным образом мешало ему строить настоящие отношения. Шлифуя свой образ пылкого, чувственного и опытного молодого мужчины, он приобрел то, что сам называл «альтернативной мачо-харизмой», перед которой многие девушки просто не могли устоять.

В мой центр Джейсон пришел с намерением «навести в своей жизни порядок». Желая получить профессию, решил углубленно изучать физиотерапию, в частности, технику Ролфинга. В центре он познакомился с одной из студенток по имени Робин, которая «покорила его сердце». Уже следующим

вечером она переехала к нему. Как и он, она бродяжничала, когда ей было двадцать. Была жестче и более приспособлена к жизни, чем все его предыдущие подружки. Время шло, и аппетиты Робин в экстравагантной одежде и наркотиках росли. То, что поначалу казалось Джейсону возбуждающим, стало представляться опасным и затратным. Когда девушка поняла, что его финансов не хватает, чтобы удовлетворить ее растущие, но совершенно привычные запросы, она нашла себе мужчину побогаче и постарше. Джейсон сходил с ума и при этом все же чувствовал облегчение. Его уже пугало их сексуальное возбуждение, усиливавшееся под действием наркотиков. Он решил сосредоточиться на учебе и довольствоваться случайными связями.

По завершении обучения Джейсон уже прекрасно понимал, что телесная терапия – дело непростое. Он получил направление в интернатуру в лучшей местной больнице, однако приуныл, обнаружив, что работать придется много, а получать мало. Вскоре ему пришла идея открыть частную практику, но он испугался, когда узнал, сколько всего для этого нужно сделать. Оробел он не столько от самой премудрости ведения бизнеса, сколько при мысли о многослойных взаимоотношениях с клиентами. Он оказывался вовлеченным во взаимодействия, в которых ему постоянно приходилось иметь дело с сексуальностью других людей. К его удивлению, эти взаимодействия вызывали в нем сильное смущение и дистресс. Он думал, что отшлифовал свою сексуальность и держал ее под контролем. Однако некоторые клиенты давали ему понять, что он бывает неуместно кокетливым, а другие сами вели себя с ним неподобающим образом. Осознание того, что на выбранной им профессиональной стезе встречаются непреодолимые преграды, вызвало приступы тревоги, с которыми он не мог справиться самостоятельно. У него начались ужасные головные боли. Тогда он позвонил мне, чтобы договориться о встрече.

Итак, мы приступили к работе. На первых нескольких сессиях он рассказал всю свою жизнь. Его отец был очень успешным страховым маклером, который «сделал себя сам». Среди коллег он славился высокой профессиональной репутацией.

цией, великолепными менеджерскими способностями и успехами. Он был дисциплинированным, работоспособным, амбициозным и эмоционально отчужденным. Теплота и щедрость матери компенсировали холодную расчетливость отца; ее умение общаться в значительной степени способствовало его успеху. Старший сын походил на отца и был его любимчиком. Джейсон, которому от матери достались голубые глаза, родился через шесть лет и был незапланированным ребенком. Он с нежностью вспоминал, как мать убаюкивала его на руках, собирала вместе с ним красный фургончик, улыбалась.

Каждое лето Джейсона отправляли на ферму к бабушке и дедушке, родителям отца. Воспоминания о времени, проведенном там, были одними из самых ярких. Простота деревенской жизни, близость домашних животных, естественность сексуальности, рождения и смерти – все это оставило неизгладимый след в памяти. Уже став взрослым мужчиной, он часто с тревогой вспоминал работников фермы. Он признался, что ребенком пробовал подражать им: носил ковбойские сапоги и шляпу, расхаживал с важным видом и строил из себя крутого. Сейчас ему в деталях припоминались те моменты, когда эти неотесанные мужланы подшучивали над ним, что очень пугало его.

В первые месяцы терапии мы сосредоточились на переживаниях Джейсона, связанных с его работой. Он не хотел пускаться на поиски новой профессии. Но было очевидно, что деятельность, которой он занимался на тот момент, приносит ему дискомфорт. Стоило заговорить о его сексуально нагруженных отношениях с некоторыми клиентами, как он тут же заявлял, что просто запутался. Благодаря тому, что на сессиях я побуждала его прислушиваться к внутренним чувствам, он в конце концов обратил внимание на царящий внутри него беспорядок. Когда он отвлекался от драмы своей внешней жизни, пусть и на короткое время, напряжение отступало.

Раньше Джейсон говорил, что испытал облегчение, ставшись с Робин. Но сейчас признался, что в действительности все было намного сложнее. Он никак не мог перестать думать о ней, особенно по ночам, когда оставался один в своей

квартире. Поборов чувство вины, терзавшее его и заставлявшее молчать, он рассказал о том, что происходило на самом деле. Он часто подъезжал к дому, где жили Робин и ее новый друг, парковался и ждал, когда они появятся. Иногда ехал следом за ними до того места, куда они направлялись. Названивал по ночам, пытался разузнать все возможное о бизнесе ее ухажера.

Однажды вечером, когда мысли о Робин сильно его растревожили, он отправился в их любимый театр. В фойе столкнулся с ней и ее другом. После того как они обменялись холодными, но многозначными приветствиями, любовник Робин с победоносным видом прошествовал с ней к дверям ложи. Джейсон пришел в ярость, его захлестнули ревность и фантазии о мести. Поддавшись неконтролируемому порыву, он заказал им напитки в ложу и приложил записку, в которой говорилось: «Я знаю темную сторону вашей жизни. Придет день, когда я выведу вас на чистую воду». Вручив записку официанту, он тут же почувствовал вину, ужас, неловкость и быстро убежал.

Джейсону хотелось как можно быстрее выбраться из этого состояния, почувствовать облегчение. Головные боли, мучавшие его, все чаще переходили в сильные мигрени. Как раз в тот период, когда он начал осознавать беспокойство, вызываемое отыгрыванием, что позволило бы ему справиться с ним, и у нас стал складываться терапевтический альянс, он повстречал состоятельную, очаровательную, представительную деловую даму из местных по имени Джоан. Она не смогла устоять перед его живостью, молодостью и темпераментом. Джейсон тут же почувствовал, что жизнь налаживается. На следующий же день после того, как Джоан приняла его предложение руки и сердца, он сообщил мне, что терапия была успешной, и вышел из нее.

Первичные размышления

Капризная истерическая динамика то и дело бросала Джейсона из стороны в сторону и переворачивала его жизнь. Маленьким ребенком он примерил персону крутого ковбоя, чтобы

защитить свою ранимую, впечатлительную натуру. В колледже пристрастился к кутежам и попойкам, поскольку совершенно не принимал всерьез ни себя, ни свою жизнь. Именно из-за неспособности ставить долгосрочные цели и добиваться их Джейсон выбрал разгульный образ жизни как своеобразную возможность погрузиться в эмоционально заряженные, но только кажущиеся близкими отношения. И в этой среде, подходящей для проявления его крайне аффективной мачо-натуры, он увлекся будоражащими кровь приключениями. Свои сексуальные эскапады он воспринимал как нечто легкое и занимательное, однако не мог противостоять ни своей, ни чужой агрессии. Эти импульсы завораживали его, о чем свидетельствовал интерес к Робин, и одновременно угнетали. Вытесненная ярость и сексуализированная агрессия, встраиваясь в истерическую структуру характера, давят на Эго. Бросаясь пустыми угрозами, в свойственной истерикам резкой манере Джейсон пытался, хоть и тщетно, продемонстрировать свое превосходство. Его несдержанное регрессивное поведение в театре напугало его, и он поспешил восстановить свою персону посредством еще одного успешного обольщения. Он надеялся таким образом обрести равновесие. Его довольно поверхностный вывод о том, что наша работа была «успешной», служит демонстрацией обусловленного защитами, поверхностного поведения, свойственного истерическому человеку.

Десять лет спустя

Когда Джейсон позвонил во второй раз, он опять был в сильном смятении и периодически испытывал приступы панической атаки, с которыми не мог справиться. Он помнил, что наши сессии приносили ему успокоение, и надеялся в скорейшее время почувствовать облегчение. Когда мы проанализировали его тогдашние жизненные обстоятельства, причины тревоги прояснились. Хотя брак и оказал стабилизирующее влияние на его жизнь, эмоциональную и сексуальную, он глубоко разочаровался в нем. Ему становилось все труднее и труднее хранить верность своей жене Джоан. В клинике, куда он устроился, работала молодая женщина, которая не скрывала

своего интереса к нему, и он начал отвечать на ее заигрывания. К тому моменту у Джейсона сформировалась яркая персона. Длинные густые волосы, забранные в роскошный хвост, обычная, но подобранная с безупречным вкусом одежда, сидящая «с иголочки», торжественно дерзкая манера поведения довели почти до совершенства его «альтернативную мачо-харизму», как он до сих пор с гордостью называл ее.

По ходу терапии выяснилось, что Джейсон беспокоился из-за того, что секс больше не приносит ему удовольствия, в действительности же у него начались проблемы с потенцией. Если вначале он считал, что причиной его тревоги были разочарование в браке и флирт, то постепенно осознал, что в первую очередь боится, что надоел Джоан. Ему казалось, что жена проявляет интерес к нескольким мужчинам из теннисного клуба, который они посещают вместе. По вечерам его охватывали тревожные фантазии, как тогда по поводу Робин много лет назад. Джейсон представлял, что Джоан лежит в постели с одним из этих мужчин, а он, застав ее с любовником, робко отступает, виноватый и поверженный. Он помнил о том, как однажды отыграл подобную фантазию, и находил крайне нежелательным повторение ситуации. Кроме того, он не хотел потерять Джоан. По собственному признанию, он искренне любил ее и не мог представить своей жизни без нее.

Когда мы прорабатывали эти агрессивные и бесплодные фантазии, стал появляться образ отца. Джейсону пришлось посмотреть правде в глаза: отец мало что дал ему, да к тому же всегда отдавал предпочтение старшему сыну. Затем последовала серия снов, в которых рассказывалось о бессердечном равнодушии отца и разбитом сердце Джейсона. Переживание гнева, адресованное непосредственно отцу и брату, оживило и придало ему сил. Позже Джейсон осознал, что агрессивность работников фермы пугала его, потому что он сам испытывал, но подавлял невероятно сильный гнев к отцу. Он разволновался, когда понял, что идентифицировал себя с этими мужчинами, перенимая их самодовольную манеру держаться, не только, чтобы скрыть свою ранимость, но и сдержатъ собственную, «подпирающую изнутри» агрессию. Потом он постепенно свел воедино свой детский гнев, тот гнев, кото-

рый испытывал по отношению к другим мужчинам в жизни своих любовниц, и презрение, с которым в целом относился к типичной консервативной маскулинности. Его заинтересовало, каким же образом он перенял это мужское самодовольство и перекроил его под себя; он начал проявлять осторожное любопытство к своей чувствительной, эмоциональной натуре.

Обретя ясность и стойкость, Джейсон смог приступить к исследованию ранних воспоминаний о матери. Нежные воспоминания о добрых объятьях и играх постепенно сменились ощущением, что его поддразнивали и соблазняли. Сны помогли ему осознать сексуальные чувства к ней. Эти чувства привели его в крайнее замешательство, и он неоднократно уходил от обсуждения данной темы. Но, несмотря ни на что, воспоминания и чувства, связанные с матерью, упорно «пробирались» в аналитический кабинет. Иногда Джейсона тянуло в ее объятья, он снова испытывал глубокое волнение, вспоминая, как она собирала красный фургончик; а иногда он впадал в ярость, отталкивал ее, гнал прочь, просил отпустить его! Мать умерла несколько лет назад, но он все равно написал ей несколько писем. В конце концов он осознал, что мать была очень обольстительной и невыдержанной и пыталась за его счет удовлетворить свои эмоциональные потребности. Он разрывался между двумя чувствами – яростью, потому что его нарциссически использовали, и печалью, потому что потерял добрую мать.

Когда терапевтическая работа достигла пика своей интенсивности, стало видно, каким образом сексуальность и агрессия Джейсона отыгрываются в наших отношениях. Когда я предложила ему понаблюдать за этим процессом, он, по обыкновению, ретировался, ушел в отрицание. Но потом довольно быстро, как это часто бывало, вернулся к этой теме, переживая поначалу возбужденный аффект, который затем сменился чувством вины и тяжелыми угрызениями совести. Работая в таком режиме, мы выяснили, что его утонченное презрение и легкомысленно-дерзкий юмор являлись проявлениями отрицаемого гнева, а хвастливо-показное соблазнение использовалось, чтобы удержать мой интерес и присутствие. Исследование наших отношений в таком ключе помогло ему

постепенно осознать свой творческий потенциал и способность устанавливать границы, которые раскрываются благодаря проявлению гнева. Также он смог почувствовать, что я всегда присутствую, интересуюсь им, и ему не нужно добиваться моего внимания. Мало-помалу Джейсон стал все серьезнее относиться не только к своим чувствам, но и к самому себе. Разумеется, эта работа оказала глубокое влияние на его отношения с Джоан. Сомнения в ее любви и преданности отступили. К его большой радости, сексуальное влечение к жене вернулось, оно было качественно иное, заземленное и глубокое.

Джейсон завершал терапию с особой неохотой: на протяжении нескольких лет он то уходил, то снова возвращался, как бы противодействуя своему старому паттерну «сегодня здесь – завтра там». За эти годы он значительно повысил свою профессиональную квалификацию; он успешно занимался частной практикой и, кроме того, учился в вузе по своей специальности. Он радовался жизни, найдя баланс между чувствительностью и маскулинной силой, за что уважал самого себя и пользовался уважением окружающих.

Дополнительные размышления

В жизни Джейсона архетипический аффект служил надежной защитой от подлинных чувств. Откровенно демонстрируемое желание, провоцирующая и соблазняющая маскулинность, запутанные отношения – все это носило маску сильного чувства, за которой скрывались отрицаемые им глубинная сексуальность и бурлящий гнев. Идентифицировав себя с образом искусного мачо-соблазнителя, Джейсон принял эту архетипическую форму, чтобы защититься от связи с личными чувствами. В процессе кропотливой проработки его чувств к матери и отцу, к терапевту и окружающим Джейсон обрел свою индивидуальность.

Перенос и контрперенос

В переносе преневротические состояния истерика, как и любые доэдипальные состояния, не имеют ясно очерченных кон-

туров. Работая с невротическим пациентом, терапевт может рассчитывать на то, что в переносе появятся четкие фигуры из прошлого или цельные объекты. При этом пациент может воспринимать терапевта либо как покидающую и критикующую мать, либо как волнующего и соблазняющего отца. Однако в случае с пациентом, имеющим истерическую структуру характера, сформировавшуюся на преневротической стадии, даже если он воспринимает терапевта как критикующего или соблазняющего, потребуется проделать большую работу, чтобы выделить и соединить проецируемые аффективные состояния в отношении к одному цельному объекту. Отслеживание и развитие чувств приносит пользу, а состоит она в том, что этот процесс содействует возникновению подлинных отношений. Когда же он достигает своего пика, истерический пациент в рамках переноса обычно склонен отыгрывать свои амбивалентные желания – контактировать и быть автономным. Отрицание неудовлетворенных потребностей заставляет его быть отвергающим и прогоняющим, а сильное желание контакта, независимо от степени его сексуализированности, толкает на кокетливое обольщение.

Что касается контрпереноса, то на истерика сложно не реагировать. Его подкупающему очарованию, хотя оно и является защитным по своей сути, часто невозможно противостоять. «Пиротехнические» приемы, являющиеся неотъемлемой частью истерической защиты, представляют собой вызов, на который нужно ответить так, чтобы не оказаться втянутым в разыгрываемую драму. Страшась присутствующего в комнате сильного аффекта, терапевт может прибегнуть к дистанцированию. Возбужденный его присутствием, он может неосознанно включиться в игру и начать ублажать и потакать вместо того, чтобы анализировать. Также терапевт может не устоять перед искушением примерить на себя образ критикующего и даже снисходительного родителя. Научившись выдерживать меру между аффектом и структурой, игрой и рефлексией, истерический человек получает возможность контактировать со своим чувственным и творческим началом, не подвергаясь постоянной опасности впасть в зависимость от него.

Афродита: золотоволосая богиня

Афродита – «неотразимая богиня, укравшая разум даже у мудреца» (Hamilton, 1940, p. 32), так о ней говорят. Да и к кому же, если не к ней, должны мы обратиться, продолжая исследовать динамику истерической структуры характера! В мифах об Афродите встречаются темы соблазнения, одержимости, порабощения, измены и характерной переменчивости, которые присутствуют в жизни истерика. Она является ярким воплощением колоритного архетипического ландшафта, образующего основу истерической динамики. Давайте познакомимся с мифами об Афродите и увидим ее восхитительное мерцание.

Афродита, греческая богиня любви и красоты, также известная многим в своем более позднем воплощении в древнеримской мифологии под именем Венеры, на самом деле существовала с древнейших времен. Она ведет свою историю от месопотамской богини Инанна-Иштар (Baring, Cashford, 1991, p. 352–359), а ее очень древнее происхождение подтверждается мифом о рождении, согласно которому она появилась из морской пены. Как гласит миф, Уран/Небо не давал своей жене Гее/Земле и их детям видеть свет. Кронос, их сын, вооружившись серпом, который дала ему мать, оскотил отца и выбросил его гениталии в море, таким образом разделив небо и землю. По прошествии некоторого времени вокруг бессмертной плоти образовалась пена, и из этой морской пены появилась богиня, прекрасная и благоговейная. В этом мифе Афродита предстает как одна из первозданных сил, стоящих у самых истоков сотворения мира. Ее появление знаменует рождение света, то есть с символической точки зрения – рождение сознания.

Общепризнано, что Афродита пробуждает желание в сердцах богов и людей, но силу любви она использует не только для созидания, но и для разрушения. Подтверждением тому являются мифы о влиянии Афродиты на жизнь богов и смертных, а также мифы о ее собственных амурных делах. Если богине не оказывают должных почестей, она вовлекает жертву в любовные союзы, которые рушат границы и разбивают сердца. Примером тому служит миф об Ипполите, который глубо-

ко оскорбил Афродиту, отвергнув ее знаки внимания. Чтобы наказать юношу, Афродита затеяла сложную интригу, вселив в сердце мачехи Ипполита всепоглощающую любовь к пасынку, в результате чего оба оказались в объятиях смерти. В другом мифе, оскорбленная красотой смертной девушки по имени Мирра, Афродита толкает ее на инцестуозную связь с отцом, который потом набрасывается на дочь с намерением убить.

Архетипическая энергия Афродиты может активизировать сложную и крайне разрушительную динамику в жизни простых смертных. Если не относиться к этой архетипической энергии с уважением, если не вплетать ее сознательно в ткань человеческой жизни посредством естественных, искренних, нежных и радостных союзов, то нависает угроза быть втянутым в хаотичные и разрушительные связи. Мифы об Ипполите и Мирре показывают, как богиня, если к ней сознательно не проявляют уважения, собственноручно насаждает необузданный хаос истерического паттерна, которому свойственны чрезмерная сексуализированность, вечный поиск, никогда не приносящий удовлетворения, голод, переменчивость, а иногда даже инцестуозность. В действительности же, если Эго поддерживает отношения с этой архетипической силой, то жизнь человека наполняют любовь и красота. Если сознание не имеет к ней доступа, она приходит все равно, но приносит с собой хаос и разрушение.

Все мифы об Афродите опутаны паутиной чувственного безумия. Афродита часто изменяла своему хромому, уродливому супругу Гефесту. Она имела драматическую связь с Аресом, великим богом войны, и периодически вступала в отношения с нежным Адонисом, обожаемым ею сыном-любовником. Поразительно контрастный союз Афродиты и Гефеста воплощает в себе ускользящую природу любви Афродиты, любви, которая не терпит границ и всегда изменчива, эфемерна и ненадежна. Согласно мифу, Гефест выковал из цепей сеть, чтобы, поймав в нее Ареса и Афродиту, уличить их в измене. Когда изменники угодили в ловушку, многие из богов собрались посмотреть на них, и только шутивное замечание Гермеса разрядило напряженную ситуацию. После такого грубого разоблачения Афродита бежала в свое убежище, где восстановила

прежнее девственное состояние, но вскоре снова начала обманывать мужа, просто потому что верность не в ее природе.

Джинет Перис отмечает, что одна из тем мифа об Афродите – это тема любви, которая клянется в вечности и все же уходит. «Тот, кто хотя бы мельком видел Афродиту, знает, что она не держит клятву в вечной любви» (Paris, 1986, p. 65). Перис приходит к выводу, что Афродита просто не может прироваться к «правде», какой ее видят Аполлон и Зевс. Можно предположить, что Афродита воплощает свои собственные «благородные истины», которые другими не признаются ни с логической, ни с моральной точки зрения. Вот в этом и проявляется донкихотская реальность истерика: говорит ли он правду? чья это правда? Причины споров, неизбежно возникающих при обсуждении клинических случаев истерии, вне всякого сомнения, глубоко коренятся в описываемой архетипической реальности.

Страсть Афродиты к многочисленным любовникам проливает свет на истерическую динамику. Ее любовь к Аресу – это притяжение противоположностей: мир и война, желание и агрессия. Учитывая, что в союзе Афродиты, олицетворяющей гиперфеминность, и Ареса, воплощающего гипермаскулинность, рождается ребенок – Гармония, можно предположить, что, с психологической точки зрения, невозможна любовь (удовольствие, сексуальность, смех и радость) без ненависти (гнева и агрессии) (Paris, 1986, 80–81). В этом контексте гиперфеминность и гипермаскулинность можно рассматривать как примитивные в плане развития формы поведения, однако несущие особую архетипическую энергию и смысл. Именно архетипическая энергия «самоуверенно-хвастливого мачизма» (Volen, 1984, p. 249), воплощением которой, по мнению Болен, является Арес, наполняет истерический профиль гипермаскулинного пациента из вышеописанного случая. В периодическом воссоединении с Адонисом проявляется тяга Афродиты к изяществу, чувственности и молодости. Если с Аресом она «пребывает в состоянии боевой готовности», то с Адонисом вкушает романтическую сладость любви. Но эта любовь мучительно эфемерна. Ей не суждено длиться долго, потому что каждый год в конце лета молодой сын-любовник умирает,

спускаясь в Подземное Царство, где проводит часть времени. И когда растерзанный вепрем Адонис гибнет на охоте, Афродита погружается в печаль и безутешно плачет. Уязвимость Афродиты перед болью, неизбежной в любви, свидетельствует о ее личной способности мириться с эфемерностью этого чувства, которая заложена в самой его природе. Она влюбляется, зная, что возлюбленный покинет ее. Смиряться с конечностью любви, она принимает ее мимолетность и ее повторяющуюся смерть.

Афродита, как и Дионис, – «страстное» божество. Ей не хватает самоконтроля, присущего Аполлону и Афине (Paris, 1986, 82–83). Возбуждая желание и насылая безумие, и Афродита, и Дионис будоражат человеческую жизнь. В главе 4 уже описывалось, каким образом Дионис поддерживает хаос, лежащий в основе пограничной реальности. Афродита приносит такой же сильный аффект в истерическую структуру характера. Именно архетипический аффект, пробужденный Афродитой, несет воодушевление и строит козни в жизни истерического человека.

Известная шутница, Афродита, перед чарами которой никто не может устоять (Воег, 1970, р. 70–71), являет собой архетипическую силу, для ведения диалога с которой требуется сильное и гибкое Эго. В жизнь человека эта золотоволосая богиня может принести весеннюю свежесть и восхитительное мерцание романтики, но также по ее желанию он может пуститься в эскапады соблазнений, разрушающих границы и причиняющих ему самому и окружающим ужасную боль. Если позволить Афродите управлять душой, она непременно устроит все так, как ей угодно: втянет человека в круговорот случайных связей. Темная сторона богини связана с раздорами, недоверием и даже насилием в отношениях. Преступая границы, она сталкивает богов и богинь, а также простых смертных в неистовый, инцестуозный хаос, просто потому что ей так хочется. Словив Эго, эта архетипическая сила толкает человека на импульсивные поступки, совершив которые он терзается чувством вины.

Афродита, бесспорно, является богиней ищущего паттерна отношений в том смысле, что она требует от нас искать

любовь. По мнению Даунинга, для Афродиты «тянуться к другому и есть сущностное проявление Я... тебе [Афродите] необходимо устремиться к другим, чтобы стать самой собой... мы можем научиться твоему способу познавать себя и мир, который состоит в том, чтобы с любовью обратиться к другому» (Downing, 1987, p. 201–202). В царстве Афродиты человек открывает себя, только устремляясь к тем, кто его окружает.

Афродита преподносит нам свой дар – учит человека любить и строить отношения. Любовь открывает лирическое сознание: нежное, чуткое, глубокое, расцвеченное розовым отблеском утренней зари и сумерек; «быть сознательным в отношениях» отличается от аполлонического «сознавать отношения» (Downing, 1987, p. 206–207)². Быть сознательным в отношениях означает иметь далеко идущее намерение «искать других», именно это намерение пронизывает жизнь людей с истерической структурой характера. Человек, ведомый Афродитой, обретает смысл в жизни, только когда создает отношения. Способность устанавливать отношения распространяется одновременно и на внутриспсихическое, и на межличностное пространство. Впуская других в свою жизнь, человек открывает себя, и точно так же, с благоговением впуская Афродиту в свое сознание, он позволяет наполнить все свое существо любовью. И эта любовь чтит не только красоту и гармонию, но и конечность чувств, утрату и печаль. В действительности, если Эго ведет диалог с Афродитой, то человека по жизни сопровождают любовь, радость и умение жить в изменчивом мире отношений.

Выводы: ищущий паттерн отношений

Так же как в избегающем паттерне, все структуры характера в ищущем паттерне обладают внутренним сходством. Ослиная Шкура, измазавшись сажей и страшно мучаясь, все равно стремится к контакту. В сказке «Госпожа Метелица» нелюбимая и вызывающая зависть падчерица пытается сохранить связь с опекунами, проявляя трудолюбие. Алиса, путившись в свои по-детски захватывающие приключения в Стране Чудес, решительно идет на встречу со всеми героями. Поиск

и запутывание не прекращаются ни на минуту. В ищущем паттерне архетипический аффект используется для защиты от развития, дифференциации и выражения индивидуальных чувств. Для истерической личности источник выживания, удовлетворения, смысла и собственной целостности всегда находится в другом человеке, и этого другого постоянно ищут. При этом ищущий человек склонен отталкивать именно тех людей, с которыми надеется соединиться. Череда разочарований и разорванных отношений создает картину внешнего хаоса, который отражает хаос, переживаемый внутри. Находясь во власти архетипического аффекта, человек имеет ограниченный доступ к ясному и вдохновенному мышлению и воображению, а также не отличается выносливостью, которую обеспечивает свойственная антагонистическому паттерну физическая энергия.

Жестокие атаки аффективного бессознательного свергают человека в бесконечный хаос, но этот же самый аспект коллективного бессознательного может из источника запутанной жизни превратиться в источник жизни, наполненной страстью, уверенностью, чуткостью. Человек, который сознательно встречает аффективное бессознательное, но не подпадает под его власть, может получить доступ в аффективное царство, чтобы черпать из него силы для возрождения в новом качестве с исключительно эмпатической, щедрой, чуткой, доброй и нежной душой. Ищущий человек обладает замечательным талантом создавать экстатически-магическую атмосферу. Для его духовного опыта особое значение может иметь единение с Богом, которое иногда осуществляется через единение с другим человеком.

ЧАСТЬ III
АНТАГОНИСТИЧЕСКИЙ
ПАТТЕРН

Глава 7

ПСИХОПАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА

ВЫРЕЗАЕМ СТАДО: ВЛАСТЬ, КОНТРОЛЬ, ИСТРЕБЛЕНИЕ

Нельзя отрицать тот факт, что наше общество проявляет жадный интерес к психопатии. Книги и фильмы об убийцах, насильниках, пронизательных и безжалостных преступниках взмывают в верхние строчки хит-парадов; заголовки соответствующего содержания приковывают наше внимание. Не последнюю роль в этом играет колоссальной силы психическая энергия. Наш долг – попробовать разобраться в психологической динамике, которая обуславливает интерес общества к психопатическим личностям, а также в динамике, которая определяет влечение и/или отвращение каждого из нас к этим неординарным людям, обладающим невероятно сильной энергетикой.

Многие современные фильмы содержат откровенные сцены насилия, демонстрации силы и сексуальности. В них дается удручающий, но вполне реалистичный прогноз в отношении психопатов: мало надежды, что они избавятся от своей патологии. Наш явный интерес к подобного рода фильмам служит неоспоримым доказательством истинности вселяющей опасения гипотезы, что именно таким суррогатным способом мы испытываем острые ощущения, но еще хуже то, что на фоне общего снижения чувствительности насильственные модели поведения становятся для нас все более привлекательными. Кроме такого «чернушного» кино, есть фильмы, которые знакомят нас с историями и представлениями о том, как может произойти трансформация.

Именно такая история показана в фильме «Прерванная жизнь». В его основу легла автобиография Сузанн Кейсон. Кино сложное, задевающее за живое и отчасти дающее надежду на перерождение. Главную героиню Сузанну, которой в возрасте 17 лет поставили невразумительный диагноз «пограничное состояние», отправляют в психиатрическую лечебницу. Там она знакомится с одной из пациенток по имени Лайза. Лайза – психопатка, что видно сразу. Дерзкая, безрассудная, она умело манипулирует окружающими и кичится своими победами. Эта волнующе пленительная молодая женщина одержима поисками развлечений и опасностей. Лайза в исполнении Анджелины Джоли, удостоенной Оскара за эту роль, появляется на экране преисполненная самодовольства, одетая в обтягивающие джинсы и ковбойские сапоги, она тут же приковывает внимание зрителя своей манерой подавать себя. Мы видим, что коварство позволяет ей господствовать над разношерстной публикой, обитающей в лечебнице; несомненно, здесь правит бал она. А чтобы удержать свою власть, она очаровывает, соблазняет, изводит, отвергает, подставляет и лжет; причем делает это все необыкновенно обаятельно. Перед нами яркий портрет умной, молодой, энергичной психопатки.

И тут возникает вопрос: каким образом мы попадаем под ее чары? Почему мы восхищаемся ей? Согласно одной аналитической гипотезе, если какой-нибудь человек или история вызывают у нас восхищение, это означает, что они несут в себе или воплощают какую-то часть нас самих. Их магнетизм, светлый или темный, в зависимости от того, идеализируются они или презираются, является мерилем того, в какой степени мы отщепили тот или иной аспект в нас самих и спроецировали его на других.

Этот процесс мы непосредственно наблюдаем в «Прерванной жизни», следя за развитием отношений между Сузанной и Лайзой. Сузанна заинтригована Лайзой и вместе с ней пускается в череду умопомрачительных авантюр, на которые сама в силу собственных запретов ни за что бы не решилась. Видно, что Сузанну влекут и очаровывают те стороны характера Лайзы, которые ей самой малодоступны. Отщепленные желания Сузанн проецируются на Лайзу.

Спасительный мотив этой истории – обогащение и расширение горизонтов жизни Сузанны после того, как разжались тиски обаяния Лайзы. Переломный момент наступил, когда Сузанна столкнулась неотвратно и мучительно с порочной, хищнической стороной Лайзы. Когда тяга Лайзы к авантюрам приняла форму безжалостной и почти беспредельной агрессии, Сузанна смогла освободиться от ее чар и отделиться. Опыт общения с ней помог Сузанне преодолеть собственные страхи и защиты, сковывающие ее. Она смогла избавиться от своих проекций и таким образом вернуться в жизнь более целостной личностью. Поскольку Сузанна прочувствовала и интегрировала хищную энергию Лайзы, ей удалось найти свой путь индивидуации. Сузанна смогла творчески и конструктивно использовать опыт общения с этим необузданным существом.

А что же Лайза? Фильм оставляет у зрителя ощущение, что скорее произойдет чудо, нежели что-нибудь тронет Лайзу настолько глубоко, что ей удастся вырваться из плена патологии, определяющей ее характер. В финале ее снова ловят и помещают в лечебницу. Очень яркий образ, точный портрет психопата, который, даже одерживая триумф, остается во власти примитивной архетипической энергии, которая толкает его на совершение все новых и новых действий, заставляя таким образом искать новые ощущения. Ее сознания не хватает для того, чтобы опосредовать действие этих сил. Движимая стремлением господствовать, сама она тем не менее остается во власти структуры собственного характера, что иронично и трагично одновременно. И прогноз, увы, неутешителен. И медперсонал, и Сузанна не могут сказать, перестанет ли Лайза быть «мертвой внутри». Далее в этой главе мы рассмотрим, каким образом психопатический пациент переживает ощущение мертвенности. Мы также обсудим возможность излечения психопата.

Вернемся к фильму. В начале Сузанна не имела представления о собственных страстях и бунтарском духе. И, как следствие, Сузанну – жалкую, не имеющую доступа к воодушевляющей энергии, которую дает дух авантюризма и ощущение собственной силы, замкнутую и скрытную – увлекла энергия

Лайзы. Сузанна спроецировала на нее свою неосознаваемую тень. Зачарованная ею, она принялась исследовать в себе эту пугающую, но такую интригующую динамику. По ходу событий Сузанна смогла вернуть спроецированное на Лайзу содержание и наполнить свою жизнь новыми ощущениями.

Мы могли бы перенести эту аналитическую парадигму на нас самих – кинозрителей. С этой позиции при просмотре фильма мы можем попытаться интенсифицировать, дифференцировать и интегрировать потенциально созидательную энергию, неразрывно связанную с нашей собственной психопатической тенью. В конце главы мы вернемся к вопросу о том, каким образом можно использовать собственные психопатические комплексы во благо индивидуации¹.

Психопатическая структура характера, как, впрочем, любая из уже рассмотренных нами структур характера, может встретиться у кого угодно. Даже у человека с более развитым и гибким Эго в основе характера может лежать психопатия. Такой человек более адаптирован в личном и социальном плане. Однако в свои взаимодействия с другими он все же привносит элемент соблазнительности, провокации, обмана, пренебрежения, предвкушения необузданного секса и насилия. Он может привнести нечто волнующее и опасное в общение с другими, в основном играя по правилам и сохраняя отношения со всеми. При этом лежащая в основе его характера психопатическая структура может оставаться нераспознанной и неназванной. Клиницист, работающий с таким человеком, может не заметить этой базовой характерологической структуры, поскольку нам свойственно либо не воспринимать эту динамику вообще, либо воспринимать ее как явно патологическую и «иную».

Кино и средства массовой информации предлагают нам яркие психопатические образы наших современников, но психопатия сама по себе архетипична, вечна и проступает в характерах мифических и сказочных героев. Никто сразу и не разглядит в Лайзе из фильма «Прерванная жизнь» классическую сказочную принцессу, а ведь такой персонаж всем известен. Самая жестокая принцесса, какую можно было бы себе вообразить, – это принцесса, которая избегает своих поклонников

или подвергает их множеству тяжелых испытаний. Что же это за принцесса, которая велит отрубить головы своим 97 поклонникам и с восторгом наблюдает, как их насаживают на колья у стен ее замка? Братья Гримм рассказывают нам о такой принцессе, и мы познакомимся с ней поближе чуть позже. Принцесса из сказки «Морской Заяц» живет в мире насилия, власти и контроля (Grimm, 1972, p. 769). Она полна решимости единолично править своим королевством. Ей не нужна помощь. Она не ищет партнера. Она ничего не боится.

И может статься, что она сидит напротив вас в офисе. Некоторым из нас приходилось работать с психопатами по назначению суда, у многих, несомненно, были более утонченные и потому более замаскированные психопатические пациенты. Каждое взаимодействие – это, как правило, бой, вызов, жульничество. Пациент делится информацией, только если считает, что может использовать ее с выгодой для себя – не важно, в вашем кабинете или в суде. У вас может появиться всего лишь настороженность или же чувство полного поражения и даже какой-то страх, который вы на данный момент не осознаете. Вы можете почувствовать, что на вас посягают и испытать беспокойство, вызванное агрессивно-сексуальным интересом, который не проговаривается, но вполне ощутим в пространстве.

В этой главе мы рассмотрим, каким образом крайняя форма проблем с привязанностью у людей с психопатической структурой препятствует в дальнейшем формированию эмоциональных связей и приводит к тому, что их общение с другими ограничивается садомазохистскими взаимодействиями, в основе которых лежит жажда власти. Чрезмерная потребность испытывать возбуждение и поиск его источника влекут за собой злонамеренные действия, которые помогают избавиться от часто возникающей скуки (Widiger, Lynam, 1998). По причине того, что Эго в малой степени дифференцировано от бессознательного и находится во власти жестоких архетипических импульсов к агрессивным действиям, психопатическая демонстрация господства доставляет огромное удовольствие и становится все более частой, так как индивид испытывает садистическое по своей природе возбуждение от преследования и нападения.

Психопатия, социопатия, антисоциальное расстройство личности

Как и ряд других теоретиков, мы решили использовать в своей работе термин «психопат» и отказаться от терминов «социопат» и «антисоциальное личностное расстройство» (Cleckly, 1976; Meloy, 1988, 2001; Widiger, Lynam, 1998; Gabbard, 2005). Термин «психопат» обращает наше внимание на внутриспсихическую и межличностную динамику в аспекте развития, а не подчеркивает исключительно социальные и поведенческие факторы. Кроме того, мы хотим показать, как ранние неудачи в установлении привязанности вызывают нарушения в развитии нервной системы на первом году жизни людей с такой структурой характера (Reid et al., 1986; Hare, Hart, 1998; Schore, 2003b). К тому же антисоциальные формы поведения встречаются по всему спектру личностных расстройств, чаще всего они связаны с пограничными, истерическими и параноидными структурами (Millon, 2000; Gabbard, 2005). И наконец, наша Матрица позволяет четко разграничить психопатию и альфа-нарциссизм, который мы рассмотрим подробно в следующей главе.

В своем классическом и всестороннем исследовании психопатии Хербер Кекли представил комплексный диагностический и поведенческий критерий для состояния, которое чаще подвергается моральному осуждению, а не оценивается объективно с аналитической точки зрения (Herbert, Cleckly, 1976). Он отметил, что адаптация и поведение психопата маскируют скрытый психоз. Уже само название книги «Маска благоразумия» как бы говорит о сильной, но при этом равнодушной и агрессивной стороне личности психопата. Эта «маска» скрывает дезорганизованность внутреннего мира: этот мир хаотичен и плохо приспособлен к требованиям реальной жизни и общества. В связи с этим Кекли замечает, что психопат может устанавливать только поверхностный контакт с окружающими и не способен уважать чувства или личное пространство других, вследствие чего может быть крайне безответственным в отношениях. Карен Хорни (Horney, 1945) исследовала устойчивый психопатический паттерн межлич-

ностной эксплуатации. Отто Фенихель, изучая внутриспсихическую динамику в аспекте развития, в общих чертах описал свойственное психопатам неустойчивое восприятие объекта, что в результате делает невозможной интернализацию (Finichel, 1945).

Теодор Райх внес свой вклад в это обсуждение, включив психопатическую личность в свою концептуальную модель фаллического нарциссизма (Reich, 1949). Кернберг тоже называет психопатическое расстройство «жестокой» разновидностью нарциссического личностного расстройства (Kernberg, 1975). Поскольку тех пациентов, которых Райх описывал как фаллических нарциссов, а Кернберг называл злокачественными нарциссами, мы относим к категории антагонистического паттерна и антисоциального поведения, то мы разграничиваем нарциссические расстройства и психопатическую структуру характера, на формирование которой сильное влияние оказывает тяжелая травма, полученная на первом году жизни, то есть на примитивном этапе развития. Прецеденты, позволяющие отличить психопатию от антисоциальных форм нарциссизма, мы подробнее рассмотрим в главе 8 «Альфа-нарциссизм» (Gabbard, 2005).

Эволюция описательного определения

Составление Американской Психиатрической Ассоциацией «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам» (DSM) существенно повлияло на терминологию в этой области. И по сей день DSM оказывает влияние на определение термина «психопатия». Пытаясь в некоторой степени отойти от характерных для психологии XVIII–XIX вв. описаний, содержащих моральную оценку, составители DSM последовательно сместили акцент в диагностических описаниях в сторону поведенческих особенностей (см.: Gabbard, 2005, p. 514). Хотя внешне переход к использованию бихевиористской терминологии выполнен благих намерений, все же при этом теряется ценная информация о внутриспсихической и межличностной динамике в аспекте развития. Как уже отмечалось выше, формы антисоциаль-

ного поведения встречаются у широкого круга пациентов с другими структурами характера. Однако антисоциальное поведение людей, не являющихся психопатами, обусловливается совершенно иной динамикой, им свойственен иной стиль отношений, и прогноз на будущее для них тоже иной. Эти различия неизбежно определяют решения относительно перспектив исцеления, соответствующих методов и целей психотерапии. Но наибольшее значение эти различия имеют для установления эффективного контакта с пациентами.

В 1960-е годы, когда в DSM утвердился бихевиористский подход, а общество стало более информированным в области психопатологии, появилась тенденция более широко использовать термин «социопат» вместо «психопат» в силу ряда причин. Употребление термина «социопат» продемонстрировало еще одну попытку исключить моральный аспект, неразрывно связанный с термином «психопат», и сознательно указать на социальные корни проблем, с которыми имеют дело такие пациенты. В DSM-II, опубликованном в 1968 году, редакционная коллегия отдала свои предпочтения термину «антисоциальная личность». К 1980 году, когда в свет вышло DSM-III, первоначальное клиническое описание психологической динамики психопатии, данное Клекли, уступило место изменчивым, пространственным критериям диагностики антисоциального личностного расстройства, так что критерии в DSMIV-TR подходят больше для преступников, которые чаще всего происходят из неблагополучных или низших социально-экономических слоев (Halleck, 1981; Modlin, 1983).

В настоящее время термин «психопат» набирает популярность в клинических и научных кругах, поскольку сочетает внутриспихические и межличностные характеристики, а также биологические особенности, не нашедшие своего отражения в описании антисоциального личностного расстройства в DSM-IV-TR (2000). Под психопатией понимается не антисоциальное личностное расстройство, а более тяжелая разновидность патологии характера. Как мы уже отмечали, есть индивиды, которые совершают антисоциальные действия, но не являются психопатами, и есть психопаты, которые не соответствуют критериям антисоциального личностного рас-

стройства. Таким образом, человек с психопатической структурой характера – это человек, которому вообще не удалось испытать чувство привязанности, в результате чего он не смог инкорпорировать объекты в свой внутренний мир. Впоследствии такой человек добивается своих целей, полагаясь на всемогущий контроль над другими. Основное, чем озабочен психопатический пациент, – это доминирование, установление своего господства или осознанное манипулирование окружающими (Bursten, 1972). Что касается психической динамики, то общеизвестно, что психопат использует примитивные защиты, такие, как проективная идентификация и разные формы диссоциации.

Юнгианский подход

Нойманн с юнгианской точки зрения описывает, как несформировавшееся Эго может воспринимать бессознательное:

На примитивной стадии сознание и Эго еще не способны к полноценной дифференциации. Воображение наполнено нечеловеческими образами монстров и чудовищ – химерических существ, соединяющих в себе разных животных либо животного и человека (грифоны, сфинксы и гарпии), а также уродливых существ, таких как бородатые матери с фаллосами. Только когда сознание научается обособлять себя от бессознательного, оно обретает способность более дифференцированно воспринимать образное поле... и тогда прежде смешанные символы начинают разделяться на группы, характерные для одного конкретного архетипа или для нескольких связанных архетипов.

(Neumann, 1963, p. 12–13)

Противоположности, которые более развитое сознание четко воспринимает по отдельности, у человека с психопатической структурой характера остаются перемешанными во вневременной и вечной реальности бессознательного и недифференцированными переходят в его взрослое состояние. Например, относительно недифференцированными остаются противоположности «добро–зло», «правильно–неправильно».

но», «я–другие». Одно из представлений о том, каким образом психопат разбирается в этой хаотичной бессознательной смеси, состоит в том, что психопат не лишен морали, а руководствуется противоположной моралью. В межличностных отношениях он не является эксплуататором, он исполняет роль хищника в великом природном круговороте. Сложнее всего понять, откуда в психопате берется эта интригующая смесь сексуальности и агрессивности. Подобное примитивное слияние, подпитываемое свойственной для данного паттерна энергетикой и ориентированностью на действие, может пробудить садомазохистскую сексуальность и даже жестокость, проявляющуюся в актах изнасилования, пытках и садистском принуждении, на которые некоторые психопаты оказываются способны. Однако при сочетании высокоразвитого Эго с базовой психопатической структурой смешение сексуальности и агрессивности может встретиться в более знакомой нам форме: очаровательно-соблазнительный продавец, чувственная манипулирующая парикмахерша или очень честолюбивый и преуспевающий руководитель медицинской клиники.

Истоки психопатии в антагонистическом паттерне

При отсутствии среды, которая позволила бы сознанию ребенка развиваться в рамках ищущего или избегающего паттерна, любых отношений, как внутренних, так и внешних, как правило, избегают. У ребенка, попавшего в антагонистический паттерн, выживание, интеграция и обретение значимости достигается за счет актов доминирования, манипуляции и контроля. В своем стремлении добиться власти во чтобы то ни стало он в буквальном смысле один против всего мира. Антагонистический человек подпитывается агрессией, которую использует в целях защиты, ему мало знаком свободный и вдохновляющий полет воображения, для него ограничен доступ к эмоциональному богатству и аффективной силе бессознательного. Подобно Синей Бороде или принцессе из сказки «Морской Заяц», антагонистический человек изолирован в собственном мире импульсивных действий.

Как становится понятно из работы Нойманна, цитата из которой приведена выше, если сознание не может отделиться от бессознательного по причине враждебного или враждебно безразличного отношения опекуна к ребенку, то первоначальная ранняя погруженность сознания в бессознательное усугубляется. С точки зрения внутриспсихической динамики, в этом состоянии погруженности противоположности остаются недифференцированными и бессознательными. В результате ребенок, предрасположенный к психопатии, не способен отождествиться с дифференцированным хорошим или плохим объектом. В частности, сферы сексуальности и агрессии по-прежнему остаются смешанными, поэтому их сознательное, дифференцированное проявление невозможно. Драматическое столкновение энергичного от природы ребенка с враждебной окружающей средой влечет за собой внутриспсихическую спутанность и ведет к захвату внутреннего мира ребенка крайне злобной и примитивной архетипической фигурой. Ребенок идентифицирует себя и становится одержимым архетипом Чужого.

При нормальном последовательном развитии «боязнь Чужого» – это рожденная внутренним миром фантазия, которая появляется у ребенка примерно в возрасте девяти месяцев (Schore, 2003b, p. 159, 2003c). Считается, что эта фантазия подготавливает ребенка к присутствию хищника во внешнем мире. Приблизительно в этом возрасте ребенок начинает заметно нервничать в присутствии незнакомых людей. Лишенный опыта общения с надежными и знакомыми опекунами, ребенок с антагонистическим паттерном отождествляет себя с так называемым «чужим Я-объектом», который воспринимается как хищник (Grotstein, 1982). Гротштейн рассматривал этот Я-объект как априорное представление, которое структурирует образ врага, присутствующий и внутри нас, и во внешнем мире. «[У ребенка с формирующейся психопатической структурой] в качестве Я-объекта преимущественно интернализует архетип хищника» (Meloy, 1988, p. 46). Присутствие архетипической фигуры хищника позволяет ребенку сформировать защитную идентичность на основе нуминозного архетипического образа. Другими словами, люди, чья струк-

тура характера сформировалась в антагонистическом паттерне, живут с относительно неразвитым Эго, не способны испытывать привязанность к другим, а прочное отождествление с архетипом лишает их психику возможности развиваться или трансформироваться. Если такая архетипическая слитность сохраняется нетронутой, то нет смысла говорить об архетипической идентификации с хорошим или плохим объектом. Говоря метафорически: «Я не грешник и не добрый самаритянин; я карающий Господь-Бог!».

Отождествление на ранних этапах с архетипическим хищником есть главный фактор, обуславливающий существенную недоразвитость Супер-Эго, что приводит к проецированию вины, отсутствию моральных ограничений и адекватного контроля над импульсами. Отождествившись целиком с этим ужасным аспектом бессознательного, человек оказывается как бы окутанным его пеленой. Он наделяется мощной архетипической харизмой и часто вызывает в других жуткий страх. Человек, одержимый Хищником, остается в пределах архетипической вечности и более не принадлежит человеческому обществу. Мы исследуем динамику и влияние этой архетипической констелляции на все структуры характера в рамках антагонистического паттерна. В отдельных главах, посвященных антагонистическому паттерну, мы рассмотрим особое влияние, которое эта мощная бессознательная динамика оказывает на психопатическую, параноидную, альфа-нарциссическую и пассивно-агрессивную структуры характера.

Архетипическая динамика в аналитических отношениях: опасность неадекватной оценки

В самом начале практики одна из нас работала с женщиной по имени Сью, чья жизнь была крайне запутанной и безрассудной. Далее мы подробно рассмотрим этот клинический случай, а пока лишь кратко опишем его, чтобы проиллюстрировать исследуемую динамику. Наркозависимая, с арестованным имуществом, Сью демонстрировала стремление к индивидуации, но при этом всю свою творческую энергию направляла на очередную финансовую аферу, уверенная в том,

что на этот раз она обязательно сорвет джекпот. Временами казалось, что она старается найти собственный, осознанный подход к решению своих хаотичных проблем. Позже стало очевидно, что все ее тщательно продуманные планы были уловкой, типичной для людей с психопатической структурой характера. Поддерживая ее способы решения проблем, которые на самом деле были обманом, я фактически поддерживала ее защиты. Из-за своей приверженности эмпатии и готовности помочь я не разглядела, что меня очаровывают и постоянно обманывают.

Вследствие пережитых на первом году жизни неудач в обретении привязанностей у психопатического человека отсутствуют интернализированные объекты, которые можно было бы перенести на терапевта, то есть невозможно формирование личного переноса. С точки зрения архетипов, терапевт воспринимается либо как хищник-соперник, либо как добыча. Учитывая данные обстоятельства, шансы на какое-либо существенное изменение остаются очень незначительными, поскольку только через установление личного контакта с последующим формированием переноса появляется возможность разрушить патогенный архетипический паттерн. Все, что остается терапевту, – это подробно и основательно исследовать контрперенос. Он может разозлиться на то, что его провоцируют, им манипулируют, его соблазняют, на него давят, разозлиться на то, что он бессилен перед лицом укоровившейся патологии, что он является объектом жестокой агрессии. Терапевт действительно может чувствовать себя так, как чувствует себя жертва, которую выследили, перехитрили и атаковали. Такие запутанные отношения могут оставить у терапевта ощущение, что «к нему применили насилие и обесчестили» (Meloy, 1988, p. 72). Это наблюдение судебного психолога Мелой показывает, насколько недифференцированно сексуальность и агрессия проявляются при психопатии.

Неся проекцию уязвимости, упорно отрицаемую психопатом, терапевт попадает в непростую ситуацию. От этой проекции необходимо освободиться, но психопатический пациент не может себе этого позволить ни при каких обстоятельствах. Вся его личность опирается на ощущение собствен-

ной неуязвимости; любая трещина в броне такой адаптации может привести к психотической декомпенсации.

В царстве архетипов имеется несколько хищнических фигур, которые часто встречаются в психопатической динамике. Мимоходом мы упомянули Синюю Бороду и принцессу из сказки «Морской Заяц». Еще одна очень загадочная фигура – это вампир. Этот хищник, пришедший из потустороннего мира, живет как паразит, высасывая кровь, силы и энергию из других. Бессмертное существо, не живое, не мертвое. Он обитает в сумеречном царстве и обречен забирать чужие жизни. Если ребенок отождествляет себя с этой жуткой фигурой, он становится одним из живых мертвецов. Его жизнь пуста, поскольку ему не доступно проживание в полной мере многообразной и богатой по содержанию эмоциональной жизни. В действительности именно отсутствие активной эмоциональной жизни приводит к скуке, которая и провоцирует манипуляции другими ради забавы, а также садомазохистское отыгрывание.

Таким образом, психопатический человек сталкивается с тремя мощными процессами, которые активно препятствуют развитию сознания. Для людей с антагонистическим паттерном отношений типично состояние, при котором противоположности в бессознательном остаются недифференцированными. Зарождающееся индивидуальное сознание в критический период, когда нормальный 9-месячный ребенок испытывает страх перед незнакомыми людьми, идентифицируется с архетипом чужого (хищника), и развитие прекращается. Отождествление с нечеловеческой сущностью мешает нормальным взаимодействиям с другими людьми и накрывает сознание пеленой.

Отсутствие привязанностей и последующие неврологические проблемы

Как уже говорилось, развитию эмоций и нервной системы способствует ощущение человеческой привязанности. В идеале на первом году жизни отделы нервной системы, связанные с переживаниями, формируются благодаря последовательно-му, поступательному выстраиванию привязанности между ма-

терью и ребенком, что запускает или активирует образование нейронных связей между мозговым стволом и лимбическими структурами. Но если нарождающееся сознание ребенка, обладающего индивидуальным темпераментом и генетическим кодом, встречается с враждебной и опасной средой или опекунами, то закладывается склонность к насилию (Cleckly, 1976; Millon, 1981; Schore, 2003c). Враждебные или совершенно безразличные родители могут нанести травму, последствия которой будут испытывать на себе следующие поколения. После получения травмы у ребенка возникает потребность в уединении, которое соседствует с ненавистью, страхом, стыдом и отчаянием... которые должны остаться незаметными для окружающих, прежде всего, для него самого» (Grand, 2000, р. 4).

Если здоровый ребенок сталкивается с внушающими страх опекунами, то у него не складываются столь необходимые привязанности, которые содействуют эмоциональному развитию и формированию зрелой нервной системы. Ребенок упускает важный период развития. Поскольку нейронные сети недоиспользуются, происходит их усечение. Если бы они сформировались целиком, то смогли бы соединить отделы мозгового ствола с лимбической системой. Другими словами, множество аксональных нейронов, которыми располагает нервная система ребенка, не используются и атрофируются. В конечном итоге получается, что активированные отделы мозгового ствола включаются в систему, но при этом полностью не соединяются с лимбическими структурами мозга (Schore, 2003b; Siegel, 2003). Если эта важная связь не восполняется, то формируется антагонистический паттерн отношений.

Таким образом, в идеале при переживании опасных ситуаций ребенка могло бы затоплять чувство страха, ложь наполняла бы его беспокойством, а чувство стыда или вины, как полагается, не давало бы ему для собственной выгоды совершать обманные действия в отношении других. Однако эмоциональная недоразвитость людей с антагонистическим паттерном позволяет им совершать хищнические действия, не страдая от аффективного давления. У людей с психопатической и альфа-нарциссической структурой характера активность мозга держится на среднем уровне либо на уровне выше

среднего, а активность слабо развитых лимбических нейронных связей – на уровне ниже среднего. Неудачи в обретении привязанности влекут проблемы с интернализацией, которые, в свою очередь, приводят к тому, что не формируется Супер-Эго. При отсутствии функционирующего Супер-Эго, то есть в состоянии, которое Кернберг назвал «патологией Супер-Эго», человек способен манипулировать другими или эксплуатировать их, не испытывая чувства вины или угрызений совести (Kernberg, 1975).

Такое сложное взаимодействие биологических и воспитательных факторов в конце концов негативно сказывается на нейробиологическом развитии. Мы показали, что для людей с психопатическим расстройством характера свойственна усеченная связь нейронных сетей с лимбическими структурами. Но, пожалуй, самым поразительным является тот факт, что у них общая масса сформировавшегося мозга меньше в сравнении с общей нормой. Еще одно известное клиническое наблюдение касается эмоций, которые вызывает пристальный взгляд таких пациентов:

Рептильный, хищнический взгляд [психопата] в известном смысле является полной противоположностью нежному взгляду ребенка, смотрящего в глаза матери. Нарождающееся Я отражается как объект охоты, а не любви. Застывший взгляд психопата передает предвкушение инстинктивного удовольствия, а не эмпатическую заботу. В этом взаимодействии двух существ главным является власть, а не привязанность.

(Meloy, 1988, p. 71)

Различие аффективной и хищнической агрессивности

Люди с психопатическим расстройством в отличие от представителей других паттернов наиболее склонны к совершению агрессивных действий, «хладнокровных» и хищнических по своей сути, нежели «теплокровных» и аффективных (Meloy, 1988). Эти два противоположных вида агрессивности имеют разную нейроанатомическую основу. Хищническая агрессивность заключается в том, чтобы найти, выждать,

проследить, а затем напасть на жертву с намерением уничтожить ее. Затаенное дыхание и бесшумная поступь хищника свидетельствуют о низком уровне аффективного и физиологического возбуждения. Аффективная агрессивность возникает при переживании внутренней или внешней угрозы, в результате чего сильно активизируется деятельность автономной нервной системы и принимается поза нападения или обороны: учащается сердцебиение, дыхание становится прерывистым, возрастает тревога. «Хищническая агрессия – это отличительный признак психопатического человека, будь то примитивный акт насилия над посторонним или продуманно утонченный акт мести в отношении своего бизнес-партнера» (Meloy, 1988, p. 22).

Подобные межличностные взаимодействия и нейро-психо-биологические процессы проявляются в поведении в том, что антагонистическая личность применяет цикл манипулятивных защит, чтобы сохранить господство, необходимое с психологической и архетипической точки зрения. Берстен описывает этот цикл манипуляций как одну из форм межличностной эксплуатации, постоянную потребность «сделать» другого с сопутствующим переживанием высокомерного восторга, когда победа одержана (Bursten, 1972; цит. по: Meloy, 1988). Этот манипулятивный цикл показывает, каким образом в антагонистическом паттерне отыгрывается основная динамика власти и контроля, а не привязанности и сплочения. Здесь важно отметить, что в других паттернах отношений манипуляция используется иначе. В ищущем паттерне манипуляция нацелена на то, чтобы добиться эмоциональной близости, а в избегающем – сохранить дистанцию. В антагонистическом паттерне цель манипуляции – господствовать и хищнически истреблять.

Возможность исцеления и оценка

Диагностика и оценка психопатии – очень важные этапы терапии, но не менее важным является владение специальными практическими приемами, которые дают конкретный результат. Неспособность психопатических пациентов устанавливать личный контакт и использовать межличностные

взаимодействия для построения Я-структур чрезвычайно осложняет терапию. Некоторые считают психопатов неизлечимыми; и во многих случаях это именно так. Для работы с психопатами требуются специфические навыки, и не все клиницисты ими владеют. Если пациент оценивается как излечимый, то терапевт-аналитик по обыкновению настраивается на установление личного контакта с формированием переноса для опосредования архетипической энергии. Однако стремление к господству, присущее этому паттерну отношений, чрезвычайно затрудняет образование терапевтического альянса. Специалисты, успешно лечащие психопатов, рассказывают, казалось бы, о парадоксальной терапевтической методике. Суть ее заключается в том, что терапевту не нужно стремиться что-то изменить. Он должен отказаться от роли целителя и/или спасителя. Эмпатия не эффективна: истолковывается пациентом как проявление слабости и лишь усиливает презрение, которое он испытывает к окружающим. Для терапевта, пришедшего в профессию с намерением исцелять и заботиться о других, такая ситуация становится серьезным испытанием. Наибольшую заинтересованность пациент проявляет тогда, когда терапевт может показать, что ему известно, в чем состоит личный интерес пациента. Только видя твердость терапевта, его не вызывающую сомнений честность, способность постоянно и жестко держать границы, пациент со временем может понять, что терапевт, помимо того, что удовлетворяет его хищнические потребности, может предложить ему кое-что еще. Честное и уважительное отношение терапевта к пациенту может содействовать постепенному установлению личного контакта, что, в свою очередь, может способствовать появлению зачатков переноса. Любая перемена в пациенте с психопатическим личностным расстройством достигается с большим трудом и случается крайне редко. Более развитый пациент с базовой психопатической структурой характера может обладать некоторой способностью к установлению отношений и, следовательно, к развитию. Трансформация возможна, только если пациент, которого вынуждают на это жизненные обстоятельства, способен уступить и пережить тяжелую депрессию, вероятно, даже близкую к психозу,

чтобы осознать и принять свой паттерн хотя бы отчасти, в результате чего у него может появиться некоторая способность испытывать привязанность.

Человек с психопатической структурой изначально движим желанием действовать, чтобы выжить. Он захвачен энергиями, которые, если говорить об архетипах, воплощают известные богини-разрушительницы, боги войны, злодеи и хищные ведьмы. Сказочный злодей Синяя Борода являет собой образ неизлечимого психопата. И с ним обходятся соответственно, в конце сказки его убивают. Но он воскресает, потому что как архетип он вечен. Наше сознание может на время одержать верх, но эта внутренняя фигура то и дело возвращается, и с ней приходится считаться.

Каждому из нас для сохранения психического баланса и трансформации необходим «хищник внутри» (Estés, 1992, p. 39). Но если говорить о структуре человеческого характера, то серьезные неудачи в обретении привязанностей в раннем возрасте запечатлеваются, что в дальнейшем препятствует формированию нейронных сетей, отвечающих за развитие и регулирование эмоциональной жизни. Идентификация с архетипическим хищником настолько сильна, что реально изменить эту структуру характера почти не представляется возможным.

Клинический случай:

Сью – очаровательный волк в овечьей шкуре

Людей, имеющих высокоразвитое Эго и базовую психопатическую структуру характера, можно встретить не только в тюрьме или психиатрической лечебнице. Они живут по соседству с нами, работают вместе с нами, к их числу могут относиться наши родственники, пациенты, да и мы сами. Эти люди умеют очаровывать, манипулировать и обманом добиваться своих целей, часто подчиняя своему обаянию друзей, любовников и помощников, а также вступая в опасную игру с законом. Но, несмотря на весь аффективный хаос, который они порождают в других, сами они пребывают в состоянии аффективной мертвенности.

В частной практике любого терапевта наверняка встречались пациенты именно с таким профилем. В каждом из нас можно обнаружить подобную динамику, которая с диагностической точки зрения представлена в менее тяжелой форме; но даже не являясь базовой, она все равно играет важную роль в наших душевных процессах.

Пациентку, о которой сейчас пойдет речь, направила одна наша коллега, которая поняла, что ей необходимо вывести из своей частной практики эту чрезвычайно трудную особу. Пациентка по имени Сью посещала терапевтическую группу, которую вела наша знакомая, и при этом постоянно нарушала принятые в ней правила. Терапевт аргументировала свое решение тем, что Сью нужен специалист, который никоим образом не был бы связан с известным ей окружением, и добавила: «Сью – очень энергичная и привлекательная женщина». И действительно, Сью оказалась очень активной и необыкновенно очаровательной. Я очень хорошо помню нашу первую сессию. Она была чрезвычайно взволнована тем обстоятельством, что с ней наконец-то будет работать юнгианский аналитик, и совсем неважно, что я была всего лишь начинающим терапевтом. Когда я поинтересовалась, откуда ей столько обо мне известно, она ответила, поддразнивая меня и не скрывая своего торжества, что она – опытный сыщик. И тут же начала пересказывать очень яркий сон, который, по ее мнению, должен был стать отправной точкой нашего путешествия в царство духа и мир ее сложных жизненных обстоятельств. Вот с такой вводной фигуры мы начали наш многолетний, напряженный, мрачный, аналитический танец.

Как и следовало ожидать, именно деньги стали той областью, в которой проявилось отыгрывание. В начале терапии Сью была согласна платить за сессии полную стоимость. Потом появились убедительные истории о финансовых трудностях, и она в первый раз попросила временно снизить цену. Когда на имущество наложили арест и, в конце концов, она его потеряла, речь уже шла о небольших отсрочках по оплате, затем о своего рода бартерном обмене и т. д. Каждое последующее предложение с учетом обстоятельств выглядело убедительным, оправданным и благопристойным. Однако

в этих историях о финансовых бедах начал просматриваться устойчивый паттерн. Ее истории стали отличаться все большим разнообразием сюжетов, которые, как правило, разворачивались вокруг продажи вещей или заключения брокерских сделок; фигурировала не только недвижимость, но и картины, «антиквариат», ковры и т. п. Она рассчитывала на громадную, фантастическую прибыль и выказывала негодование и презрение, когда сделка срывалась. Хотя бизнес есть бизнес и бизнесом занимаются ради прибыли, меня все-таки должны были насторожить очень часто повторяемые Сью фразы типа «Выкрутимся» или «Провернем дельце», которые явно свидетельствовали о чувстве высокомерного восторга, испытываемого от победы над другими.

Динамика, свойственная психопатической базовой структуре характера, проявлялась в полную силу, но я не была готова ее воспринять. Совсем наоборот, мы изо всех сил работали над индивидуацией Сью и более всего над раскрытием ее творческого потенциала. Сью хотела чувствовать себя более уверенной в собственных силах, более решительной с мужчинами, более свободной в творчестве, которым очень любила заниматься (она увлекалась скульптурой). Сью была убеждена, что вся эта битва за деньги, которая, по сути, является изматывающей и пустой тратой времени, не позволяет ей заняться настоящими делами, а именно искусством и совершенствованием своей души. Больше всего на свете ей хотелось просто работать в студии. Она демонстративно выказывала стремление к индивидуации и при этом всю свою творческую энергию отдавала очередной финансовой афере, которая на этот раз несомненно должна была быть удачной.

О событиях своего детства она рассказывала изредка и то обрывками. Ее мать была весьма непоследовательна в своих чувствах и поведении. Судя по всему, она была алкоголичкой. С ней случались частые и внезапные приступы ярости, жертвой которых, как правило, становилась Сью; эти приступы сменялись периодами полного безучастия. Сью часто и надолго оставляли одну без всякого объяснения причин. Она помнила, что на нее кричали, а потом бросали. Отец редко бывал дома; в городе он занимался бизнесом «определенного

рода». Он был большим и грубым, но временами бывал веселым и «обаятельным». Его мало интересовало общение с «отродьем», так он называл свою дочь. Сью не раз становилась невольной свидетельницей родительских ссор, частенько ей приходилось слышать их яростные угрозы в адрес друг друга и словесные перепалки. Она помнила, что эти конфликты как-то необычно волновали ее, даже вызывали сексуальное возбуждение.

Как я уже сказала, детскими воспоминаниями она делилась редко. Я стала замечать, что, поговорив немного о родителях, Сью странным образом уходила в себя, а иногда выглядела немного расстроенной. Однажды я сообщила ей о своем наблюдении. И у нее возникла ассоциация, она вспомнила, что когда-то читала о том, как представители некоторых племен отказываются фотографироваться; они считают, что фотография забирает часть их души. На мой вопрос «Неужели каждый раз, рассказывая мне о детстве, она чувствовала, будто я забираю часть ее души?» она ответила с нескрываемым сарказмом: «Уж не думаете ли вы, что я верю в этот бред?... И даже если бы верила, то никогда и никому не позволила бы сфотографировать себя, пока не подготовилась бы как следует и не уложила бы волосы как надо!». Но когда я высказала предположением о том, что, делаясь со мной тяжелыми воспоминаниями о детстве, она как будто позволяла мне фотографировать ее без прически, она насмешливо парировала: «А с чего вы взяли, что они тяжелые?».

Не раз заходя в подобного рода тупики, у нас обеих все равно временами возникало ощущение, что наша работа успешно движется вперед. В нескольких проблемных сферах жизни у Сью произошли значительные изменения. Она уладила ряд трудностей, возникших в связи с ее недавним разводом. Она вырвалась из потенциально опасных, бурных и непродолжительных отношений. Но самым важным стало решение разобраться с кокаиновой зависимостью. Сью серьезно захотела избавиться от пагубного пристрастия и, приложив невероятные усилия, все же перестала употреблять наркотики и не срывалась. Мы праздновали победу. Но вместе с тем она упорно не хотела выносить в анализ свои полулегальные ком-

мерческие сделки, то есть для них – «Вход воспрещен!». Понятно, что они тешили ее Эго и являлись источником гордости.

Со временем жизненные обстоятельства Сью начали меняться в худшую сторону. Я все больше понимала, что терапия не затрагивает важнейшие проблемы в жизни пациентки. И тут я задумалась, а не поддерживаю ли я сама каким-то образом ее самоустранение и тем самым, возможно, даже содействую ее падению. Однако всякий раз, когда я высказывала озабоченность тем, что наша работа остановилась, в ответ звучали невразумительные, туманные объяснения про зависимость и идеализацию, а также вполне убедительные примеры того, как наша работа спасает ей жизнь. И эта позиция Сью не подлежала обсуждению; она придерживалась ее и ловко использовала. Любое предложение об изменении формата наших встреч, например подключение к программе АА*, обращение к другому терапевту и т. д., встречалось решительным заверением, что я прекрасный специалист, что ей повезло проходить терапию у меня и что сейчас она особенно нуждается во мне и только во мне. Вся эта динамика продолжала разворачиваться на фоне банкротства, выселений из домов, измен многочисленных партнеров и т. д.

А закончилось все тем, что накануне очередного судебного разбирательства Сью и ее тогдашний дружок вдруг купили кемпер и укатили в Мексику. На последней сессии Сью не могла скрыть волнения по поводу новых авантюрных планов. Когда же я заговорила о крупном долге, который накопился у нее к тому моменту, она довольно небрежно, но при этом абсолютно победоносно заявила: «Ну, может, однажды я сорву джекпот и тогда вышлю вам чек на кругленькую сумму!».

Сейчас, когда я оглядываюсь назад, мне становится до боли ясно, что терапия не вывела на уровень сознания базовую психопатическую структуру характера пациентки. Поддерживая ее способы решения проблем, которые на самом деле были уловками, я фактически поддерживала ее защиты. А эти защиты вынуждали ее существовать в мертвом мире, не давая установить подлинную связь с другими и с Самостью. Сейчас

* Программа «Анонимные Алкоголики».

я вижу и понимаю, что ее творческая и жизненная энергия попала в ловушку психопатической адаптации. Помимо того, что она обманывала напрапалую, с еще большим азартом она затевала одну интригу за другой, чтобы добиться своего в отношениях, в делах (сделки с недвижимостью), в пристрастиях (наркотики), в жизни. Сейчас очевидно, что эти интриги плелись не столько для того, чтобы добиться своих целей, сколько для того, чтобы господствовать. Любые новые отношения, в которые она вступала, не имели никаких перспектив, как и ее предыдущие легкомысленные любовные связи. Ее неистовое стремление к индивидуации и видимый перенос – идеализированный и зависимый – были всего лишь формой манипуляции, применяемой для маскировки базовой динамики. Ее намеренная лесть в действительности являлась завуалированным нападением. Я то полагала, что смогу стать надежным объектом в ее жизни – тем человеком, который поддержит ее. Представление, что я ее избавительница, ее Великая Мать, возникшее как контрперенос, заслонило от меня реальность происходящего – ведь это меня использовали! Ее манипулирование терапией, несомненно, позволяло ей регулярно испытывать катарсическое чувство господства и восстанавливать ложное чувство самоуважения.

Любому терапевту трудно рассказывать о случаях, в которых он показал свою некомпетентность или вступил в своего рода сговор с пациентом. У многих из нас такой опыт был. Из этого опыта мы извлекаем полезные уроки. В той ситуации я, конечно, была наивна. На тот момент я не была готова внимательно отслеживать базовую динамику и в итоге отдала нас обеих на милость коварной хищнической агрессии. Я подробно описала нападки пациентки на мою работу и на меня. Но здесь также важно отметить, что, по сути, она нападала на саму себя. Поскольку у Сью так и не сформировалось достаточно сильное Эго, которое позволило бы осознать безжалостную архетипическую сущность динамики «хищник–добыча», то она оставалась во власти этой энергии, которая терзала ее и лишала приносящих взаимное удовлетворение отношений с окружающими. По сути, ее сознанием по-прежнему всецело распоряжались агрессия и сексуаль-

ность, и казалось, что она прекрасно себя чувствует, ощущая их возбуждающую силу. Но при этом она билась за то, чтобы одержать верх и испытать привычный триумф. Каждый раз, нанося урон моей работе или мне, она на самом деле наносила урон своему Эго и своему дальнейшему развитию. Нам не удалось вырвать ее из цепких лап архетипической одержимости хотя бы отчасти, чтобы сформировать исцеляющую привязанность.

Терапевтические наблюдения: значение диагностики

Описанный случай демонстрирует важную роль диагностики, когда дело касается психопатии. Безусловно, диагностика важна в любой клинической работе, но она приобретает особое значение при работе с психопатией по двум причинам. Первая и главная – ставки могут быть высокими. Если терапевт недооценивает степень патологии, то он может оказаться в серьезной опасности и подвергнуть серьезной опасности пациента. Под серьезной опасностью в данном случае подразумевается угроза здоровью и жизни человека. Кроме того, перцептивная диагностика рассматриваемой динамики необходима для того, чтобы терапевт смог решить, стоит ли начинать терапию и как сделать ее эффективной. Мощные архетипические корни психопатической динамики делают ее очень устойчивой к трансформации. Есть мнение, поддерживаемое широким кругом специалистов, что амбулаторная форма лечения не совсем эффективна в случае психопатических пациентов. Единодушие, похоже, существует и в том, что для получения хотя бы минимального улучшения необходима госпитализация (Frosch, 1983; Gabbard, Coyne, 1987; Meloy, 1995). «Эти ориентированные на действие люди так и не войдут в контакт со своими аффективными состояниями, если не получат свободы действий, чтобы отпустить свои импульсы. Только в условиях стационара медперсонал сможет увидеть, как они проявляют эмоции, например, отыгрывают тревогу и обращаются с чувством пустоты» (Frosch, 1983, p. 534).

С другой стороны, многие придерживаются мнения, что помещение в психиатрическую лечебницу общего профи-

ля не принесет пользу такому пациенту, лишь предоставит ему еще одну возможность для эксплуатации и отыгрывания. Специальные терапевтические программы, в которых главный упор делается на конфронтацию равных, позволяют более успешно контейнировать отыгрывание. «Старого воробья на мякине не проведешь».

Некоторые клиницисты утверждают, что излечимого психопата можно распознать. В связи с этим мы настоятельно советуем проводить структурированное интервью, выявляющее наличие психопатии². Одним из ее признаков является асоциальное поведение в период до 15 лет. К такому типу поведения, в частности, относятся: жестокое обращение с людьми или животными, поджоги, правонарушения или прогуливание занятий в школе. Отсутствие эмпатии и беспокойства также входит в число основных симптомов, предупреждающих о диагнозе «психопатия». Наличие депрессии или беспокойства практически сразу исключает диагноз «психопатия». Депрессия, как правило, указывает на развитое Супер-Эго и способность к раскаянию, а беспокойство, в свою очередь, – на озабоченность собственным поведением и его последствиями. Еще один симптом, служащий противопоказанием к психотерапии, – садистическая жестокость. Важно принять как данность тот факт, что мы не можем помочь всем, и в ряде случаев уместно и совершенно этично рекомендовать отказ от психотерапии.

Анализ проблем контрпереноса

Терапевт, работающий с психопатическими пациентами, сталкивается с массой контрпереносных реакций и, несмотря на возникающие у него недоверие, осуждение/порицание и ощущение сговора, все же готов обманываться (Symington, 1980). Люди, занятые в помогающих профессиях, как правило, не верят, что другой человек может быть настолько «скверным». Терапевты склонны объяснять «дурное» поведение как следствие трудного начального этапа в жизни человека. Непроизвольная реакция в форме осуждения и чувство безысходности может трактоваться как результат пережитых

самим клиницистом в прошлом тяжелых ситуаций, связанных с психопатией. В других случаях мы попадаем под коварное действие проективной идентификации и оказываемся покоренными и очарованными настолько, что выписываем освобождение или подделываем отчеты, вовлекаемся в псевдоаффект наших пациентов и в итоге интерпретируем их проступки как нечто исключительное, подвергаемся такой инфляции, что воображаем, будто можем исцелить тех, кому другие не смогли помочь.

Соответственно только позиция наблюдателя, достаточно жесткого и требовательного по отношению к реальным конфронтациям, позволяет постоянно вносить новые ощущения в реальность пациента. Благодаря такой сознательной позиции терапевт получает возможность распознать, каким образом пациент использует манипулятивный цикл, и оказать ему помощь. Поскольку обман и притворство заложены в самой природе психопатического расстройства, терапевт должен быть особенно внимательным и стать искусным сыщиком, распознающим обман. Чтобы не оказаться наивной жертвой игры «победитель–проигравший», терапевту необходимо своевременно улавливать многочисленные провокации пациента. А его умение упорно и решительно противостоять этой динамике не даст отношениям «терапевт–пациент» развиваться по сценарию, ведущему к провалу терапии.

Работа с человеком, имеющим психопатическую структуру характера, отличается от основной массы терапевтической работы. Бесплезно отвечать эмпатией на периодически демонстрируемое пациентом раскаяние, манипулятивные циклы, артистические уловки и ложные жалобы. В данном случае эмпатия не способна вызвать перемену и истолковывается пациентом как проявление слабости на эмоциональном уровне. Недифференцированное эмпатическое отношение может привести к тому, что пациент еще больше будет обесценивать и презирать терапевта. Как уже говорилось ранее, классический перенос у пациентов с психопатическим расстройством характера или психопатической базовой структурой характера невозможен. С точки зрения межличностных

взаимодействий, психопатический человек имел опыт разрушения привязанности, в результате чего у него отсутствуют интернализированные объекты, которые он мог бы перенести на терапевта. По этой причине он остается во власти архетипов. Демонстрация переноса на этом уровне является простой имитацией. Было бы грубой ошибкой принимать идеализирующий перенос всерьез. В случае с психопатическим пациентом подлинный идеализирующий перенос невозможен, а обманчивая надежда сформировать его может вызвать у клинициста ложное чувство спокойствия и инфляцию. Только задействовав рефлексующее сознание, можно постепенно создать условия для развития межличностных отношений и облегчить формирование переноса. Это становится возможным при создании устойчивого и надежного контейнера. Но, решительно и честно предъявляя пациенту фактические последствия его поступков, терапевт обязан сохранять уважительное отношение к нему как к человеку.

Мы уже говорили о том, что чувства, возникающие в контрпереносе при работе с такими пациентами, могут оказаться просто нестерпимыми, поскольку терапевт должен удерживать все аффекты и образы пациента. Неся проекцию уязвимости, которую психопатический пациент упорно отрицает, терапевт оказывается в сложном положении. Он как бы ощущает себя добычей и невольно становится жертвой. Пациенту необходимо вернуть себе ощущение уязвимости, чтобы процесс двинулся дальше, хотя сделать это крайне трудно.

Встречается другая разновидность контрпереноса. Подобно жертве вампира, как это описывается в романах, терапевт может быть зачарован примитивной харизмой, исходящей от психопатического человека. Наблюдать за человеком, отождествляющим себя с архетипом, захватывающе и опасно – все равно, что увидеть Медузу Горгону или впасть в транс при виде Дракулы. Терапевта может восхитить дерзость пациента или взволновать умение «играть с огнем»³. Терапевта может возбудить агрессивная сексуальность пациента. Последствия этой контрпереносной ловушки могут быть совер-

шенно неожиданными. Для примера мы хотим привести один случай, когда психопатическую динамику не удалось обуздать. Один известный в Детройте ученый-психиатр вступил в любовную связь с психопатическим пациентом и его привлекательной любовницей. Нарушив все этические нормы, доктор стал писать игровые сценарии для их троицы. Закончилось все тем, что сначала его дисквалифицировали, а потом пациент отрубил ему голову.

Эта история наглядно и достоверно показывает возможные последствия контрпереноса, так похожего на «заколдованность». Последствия могут быть не столь ужасны, но не менее коварны. Во время написания книги мы познакомились с женщиной-терапевтом, работающей в тюрьме. У нее было бледное лицо, очень темные круги под глазами, и выглядела она обеспокоенной. Она рассказала нам, что пользовалась репутацией терапевта, который легко вызывает доверие у заключенных. По собственному признанию, она гордилась тем, что ей так явно доверяли и отдавали должное ее профессионализму. Но иногда она все же сомневалась в том, что выказываемое доверие и лестные отзывы были искренними. Она ощущала какое-то смутное беспокойство. Сложившаяся ситуация тревожила ее. Она с грустью отметила, что ей уже давно не снятся сны и это тоже ее тревожит. Хотя совсем недавно она видела два очень жестоких сна, которые она не поняла. Мы попросили ее рассказать нам эти сны. «Кажется, мужчина совершал насилие над маленькой девочкой, и как будто один мужчина застрелил другого». В продолжение разговора у нее ни возникло никаких чувств и инсайтов в отношении этих образов. Потом мы предположили, что, возможно, она отрицала агрессию в своих подопечных и в самой себе. Может быть, она идентифицировала себя со спасителем и тем самым отрицала собственную уязвимость. Она ощущала, но не осознавала, кроме как в своих «бессмысленных» снах, скрытое присутствие хищника. Неужели она не замечала эту пагубную динамику из-за своей наивности и неосознанности? Неужели отрицание психопатии в пациентах и уязвимости в самой себе вводило ее в состояние транса и, подобно вампиру, высасывало жизненные силы?

Безжалостная принцесса и ее находчивый жених

Удерживай связь с реальностью,
следуя этическим ориентирам, не поддавайся чарам

Подобно всем юнгианцам, мы воспринимаем сказки как символический источник знаний о паттернах отношений. Обращаясь к сказке «Морской Заяц», мы обнаруживаем в ней яркое и подробное описание психопатической динамики. Действия претендента на руку и сердце из этой сказки дают нам представление о специальных навыках, необходимых нам как терапевтам для того, чтобы продвинуться в нашей трудной и напряженной работе. На основе этого сказочного сюжета можно проанализировать полезную и живую энергию трикстера, которая помогла бы вывести пациента на столь нелегкий путь перемен. Давайте обратимся непосредственно к сказке и сосредоточимся на развитии отношений между терапевтом и психопатическим пациентом:

Жила-была принцесса. Высоко под стрельчатыми сводами замка находилась ее опочивальня с двенадцатью окнами, которые выходили на все стороны света. Когда принцесса поднималась в свои покои, то из окон опочивальни она могла окинуть взором все свое королевство... Была она надменна, неуступчива и желала править своими землями единолично. И потому объявила, что замуж выйдет только за того, кто сумеет спрятаться от нее так, что она не сможет его найти. Тому, кто не справится с этой задачей, отрубят голову и насадят ее на кол. У стен замка уже стояло 97 колов с насаженными на них головами казненных воздыхателей. И уже давно не находилось смельчаков. Принцесса торжествовала и сказала про себя: «Вот теперь я свободна до конца своих дней»⁴.

Мы предупреждали, что милой эту принцессу не назовешь. Просто закоренелая преступница! Перед нами убийца-садистка, безжалостная и жестокая, с пронизательным взглядом хищника, который наслаждается охотой. Психопатический человек приходит в состояние садистического возбуждения и волнения от «охоты» и «убийства». Чувство наслаждения

также играет важную роль, поскольку перед взором принцессы 97 голов, насаженных на колья. В этой сказке принцесса решительно настроена остаться «свободной», то есть нетронутой, девственной. Она живет в крепости, сооруженной из собственных характерологических защит, другими словами, в собственной тюрьме. В сказке отчетливо проступает архетипический фон; психопатия как клинический синдром сама по себе является воплощением архетипа:

Но вскоре явились к принцессе три брата, не побоявшиеся попытаться счастья. Старший забрался в известковую яму, но принцесса увидела его из первого окна и велела отрубить голову. Второй брат спрятался в погребке, и его принцесса тоже заметила из первого окна. Его голову насадили на 99-й кол. Младший брат обратился к принцессе и попросил о двух снисхождениях – дать ему один день на размышления и смилостивиться над ним, если она найдет его дважды, а казнить лишь на третий раз. Принцесса согласилась, поскольку была уверена, что у него ничего не получится.

На первой встрече терапевта и пациента необходимо обговорить условия, то есть, по сути, установить границы. Конкретное время, день и оплата: каждое из этих условий задает границы, другими словами, аналитическое пространство. Младший брат просит дать ему время – появляется возможность для рефлексии. Он также просит о трех попытках. Три попытки символизируют ожидание, условия для которого терапевту необходимо создать, чтобы пациент научился справляться с собственной импульсивностью и выдерживать отсрочку в получении наслаждения. В сказке юноша встречается трех зверей, которые воплощают архетип трикстера. Сначала ему встречается ворон, затем рыба и, наконец, хромой лис:

Лис взмолился: «Помоги, вытащи у меня из лапы шип». Выполнив просьбу лиса, юноша хотел убить его, но лис опять взмолился: «Не убивай, я тебе пригожусь». Юноша отпустил его и вернулся домой.

Сначала у терапевта может возникнуть желание применить свою фаллическую силу – вступить в королевство пациента

и освободить его от примитивных инстинктов, с которыми он конфронтирует. Однако он обнаруживает, что инстинктам есть что предложить – нечто до сих пор неизведанное. Животные учат его относиться к ним с уважением. Терапевт, находясь в этом чрезвычайно наэлектризованном поле, учится сохранять свое наблюдающее Эго и сдерживать собственную импульсивность, тем самым создавая условия для контейнирования, которое пациенту крайне необходимо открыть в себе и развить. Терапевт обучается сохранять самообладание в ответ на провокации пациента. Потом он снова сможет вернуть себе ощущение собственной ценности и способность испытывать уважение:

На следующий день молодой человек должен был спрятаться от принцессы, но не знал где. Он пошел в лес и попросил ворона, которому спас жизнь, подсказать ему, где спрятаться. Ворон долго думал, затем достал из гнезда яйцо, расколол его на две части и спрятал юношу внутри. Потом соединил две половины и сел сверху.

В этой части сказки мы попадаем в совершенно иную область. За пределами сферы обычного сознания простираются владения богов, ворона, трикстера. В мифологии ворон – это шаман, посланник, который проникает в царство мертвых и возвращается, неся с собой созидательную и исцеляющую энергию, а также знание о трансформации. Ворон-трикстер прячет юношу внутри яйца. Искусный оборотень, он вводит его в состояние «нерожденности», в бессознательное, может быть, во временной период, предшествующий рождению. Попав в царство мертвых, молодой человек на некоторое время защищен от взгляда хищника. Терапевт должен научиться получать доступ к энергии трикстера и, подобно ворону, проникать в царство мертвых:

Подойдя к первому окну, Королевна нигде не увидела своего воздыхателя; она забеспокоилась. Только глядя из одиннадцатого окна, заметила она, что юноша прячется в вороновом яйце. Она приказала застрелить ворона, разбить яйцо и вытащить оттуда молодого человека. «На первый раз ты прощен, но если еще раз попадешься, тебе несдобровать!»

Если психопатическому пациенту не удастся держать терапевта в поле зрения своего неусыпного хищного ока, он испытывает беспокойство. Терапевт словно бы пробрался в его бессознательное и расшевелил его, чем и вызвал чувство тревоги у пациента. А появление тревоги, как мы уже отмечали, является хорошим прогностическим знаком для людей психопатического типа. Причиной тревоги служит проникновение терапевта в область аффективной мертвенности, образующей ядро психопатической патологии и обусловленной примитивной одержимостью хищником, который удерживает неокрепшее Эго в своей власти. Опасность лишиться спасительной идентификации с архетипом, частью которой теперь является и терапевт, вызывает панику, поскольку ее потеря равнозначна погружению в психоз, потому что у пациента нет поддерживающих отношений ни внутри, ни снаружи.

Сопrotивляясь этой угрозе, пациент может пойти до «одинадцатого из двенадцати окон», почти до предела своих защит. Подобно гипербдительной принцессе, сумевшей разглядеть молодого человека внутри яйца, пациент, мобилизовавший все свои защиты, способен уничтожить любого, кто намерен войти в его крепость.

Сказочный жених, попадая в яйцо, возвращается в состояние нерожденности, оказывается в царстве мертвых. В терапии этот момент соответствует проникновению терапевта в «мертвое пространство» пациента, в ту часть его души, в которую никто никогда не получал доступа. С юнгианской точки зрения, царство мертвых – это еще и область бессознательного не только пациента, но и терапевта, в которой сокрыто зерно трансформации, ждущее своего часа:

На следующий день юноша отправился к озеру и попросил рыбу, которой он сохранил жизнь, спрятать его. Рыба долго думала, потом проглотила молодого человека и залегла на дно. Даже из одинадцатого окна не смогла встревоженная королева увидеть своего жениха. Но из двенадцатого окна ей все же удалось разглядеть его, и велела она убить рыбу. И сказала принцесса юноше: «Дважды ты был прощен, но не сомневайся, твоя голова окажется на сотом столбе».

Когда в сказке жениха проглатывает рыба и уносит на дно, для терапевта наступает время совершить свое путешествие по ночному морю, погрузившись в тело рыбы, что является важным этапом трансформации. Во время этого путешествия аналитик должен овладеть своим источником инстинктивной энергии, пока этого не сделал пациент. Находиться «в брюхе рыбы» означает, призвав на помощь свое наблюдающее Эго, научиться контейнировать импульсы, не допуская их отыгрывания вовне. Лишь справившись с этой задачей, терапевт может добиваться от пациента того же самого, предлагая ему в трудные минуты свое функционирующее Эго. Сознательно сохраняя связь с самыми отдаленными уголками своей души, терапевт ведет своего пациента к прежде неизведанному внутреннему опыту, а именно к сознательной рефлексии над отыгрываемыми импульсами.

Овладев собственным источником инстинктивной энергии, терапевт вызывает у психопатического пациента беспокойство, поскольку выскальзывает из-под контроля. В сказке принцесса, оказавшись в такой ситуации, вынуждена прибегнуть к самым сильным защитам, символом которых является двенадцатое окно – из этого окна ей удастся снова разглядеть молодого человека. Важно отметить, что хотя она и встревожена, но соглашение со своим женихом соблюдает. Она дала ему две попытки и предоставит еще один шанс. Соблюдение договоренностей с другим человеком – это огромное достижение для психопатического пациента. Принцесса должна придерживаться договора, чтобы не выпасть из процесса:

В последний день жених пошел в лес и попросил лиса, которому он сохранил жизнь, спрятать его. Надо признаться, что задача эта была не из легких. После долгих раздумий у лиса созрел план. Он окунулся в родник и превратился в торговца животными. Юноша окунулся следом и стал маленьким морским зайцем. Войдя в город, торговец выставил напоказ диковинную зверушку, и много народу собралось поглазеть на нее.

Лис, как и ворон, тоже является трикстером, оборотнем. К этому моменту ставки в нашей истории поднялись уже очень

высоко, и трикстер понимает, что он сам и жених принцессы должны принять новый, совершенно небывалый облик. Он превращается в повелителя животных, то есть становится архетипической фигурой, которая может приручить мощную энергию инстинктов. Благодаря помощи лиса, юноша превращается в морского зайца. Что же олицетворяет это необычное существо? Символически оно объединяет основные характеристики зайца и моря. Заяц, пугливый и незащищенный, часто символизирует добычу. Море, изменчивое и глубокое, является символом бессознательного. Превратившись в это существо, молодой человек становится воплощением энергий, имеющих колоссальную власть над принцессой, поскольку это те ее отщепенные аспекты, которые она не контролирует и перед которыми испытывает страх.

На данном этапе терапевт должен быть в состоянии осознанно выносить отвергаемые пациентом уязвимость и бессознательность, чтобы уберечь его от лобового столкновения с ними. Они должны удерживаться достаточно надежно. В действительности терапевт сохраняет их вне поля зрения хищника. Начиная с этого момента в сказке и, соответственно, в терапии начинается процесс трансформации, которая крайне редко случается с психопатическими пациентами и немногим более вероятно у злокачественных или альфа-нарциссов. Можно предположить, что психопатическому пациенту травмы были нанесены слишком рано и оказались слишком тяжелыми, поэтому неврологические, психологические и архетипические бреши, возникшие в тот период, не представляется возможным заделать. С философской точки зрения, не так важно, будут ли у психопатических пациентов какие-либо сдвиги в развитии Эго. Такова судьба или роль, которая отведена им в великом круговороте природы – оставаться во власти хищника:

Увидев из окна башни диковинного морского зайца, Принцесса отправилась на рынок и купила его, заплатив хорошие деньги. Но, прежде чем отдать зверушку принцессе, торговец шепнул ему: «Когда Королевна направится к окну, тут же заползай к ней под косы». Так он и сделал.

В последней части сказки показано, что представляет собой трансформация психопата, которая на самом деле случается очень редко. Мы встречаем принцессу на рынке; ее жизнь больше не ограничивается пространством крепости. Похоже, ее защиты немного ослабевают; она позволяет себе выйти на территорию обычных человеческих отношений. Морской заяц воплощает уязвимость и доступ к ее бессознательному. Может быть, ее тянет к нему, потому что она не может понять его парадоксальную сущность. Принцесса забирает его к себе домой. Оказавшись в башне, он тут же заползает под ее косы. И в этот момент становится абсолютно понятно, что, видя все вокруг себя, саму себя она не видит. Ее взгляд – пристальный и неусыпный взгляд хищника, следящий за всем, что происходит вокруг, – не способен заглянуть во внутреннее Я. Но что-то живое и неконтролируемое уже существует в ней, под ее волосами, в ее бессознательном. И связь с бессознательным теперь возможна.

Именно в такие моменты, когда Я находится без пристрастия, терапевт должен приступать к активным действиям. Опытный терапевт уже побывал в нерожденных, мертвых пространствах души и совершил путешествие в темные морские глубины. Сейчас он должен принять облик, в котором мог бы ускользнуть от хищнического взгляда и проникнуть сквозь защиты пациента в самые укромные уголки его души. В сказке эти сокровенные места находятся за крепостными стенами. Итак, жених-терапевт символически устраивается под косами на шее, именно здесь одним быстрым движением он может лишить принцессу жизни. Ее прежней жизни вот-вот придет конец:

Пришло время посмотреть, где же спрятался жених. Принцесса переходила от одного окна к другому, и все зря. Не увидев его из двенадцатого окна, «она очень сильно испугалась и разозлилась, и с такой силой захлопнула створки, что стекла во всех окнах разлетелись на тысячи мелких кусочков, и весь замок задрожал».

Исчерпав все свои защиты, она в конце концов утрачивает свое острое хищническое зрение. Ее охватывают страх и ярость –

аффекты, которые раньше она была неспособна чувствовать. Инстинктивно и неистово она захлопывает окно. Стекло делало ее недоступной, держало в изоляции, отражало и пропускало ее взгляд. Именно стекло отделяло ее от других и от самой себя. Символически стекло – это ее защита, основа структуры ее характера. В этой части истории оно разбивается вдребезги, и замок сотрясается. Очевидно, что принцесса находится в состоянии радикальной трансформации. Распад ее защит – это разбитое вдребезги стекло, это мощная пульсация в теле, от которой содрогается все ее существо. Ее адаптация, «маска благоразумия» сорвана, и ее внутренняя дезорганизация обнажена. Такая регрессия может быть необходима при терапии психопатического человека:

Принцесса почувствовала, что морской заяц сидит у нее под косами: она схватила его и бросила об пол с воплем: «Убирайся, вон отсюда! Чтобы глаза мои тебя не видели». Морской заяц бросился к торговцу. Оба они окунулись в родник и обрели свой прежний облик. Юноша поблагодарил лиса и обрадованно произнес: «А ты знаешь, как дело делать. Спору нет!».

Молодой человек вернулся во дворец, где его ждала принцесса, смирившаяся со своей судьбой. Они поженились. Он стал Королем и правил всем королевством. Он так и не признался принцессе, где прятался и кто ему помогал, поэтому она по сей день считает, что он сам со всем справился. Она очень уважает мужа: «Он способен на большее в отличие от меня».

Когда жених возвращается, он находит принцессу преисполненной уважения и расположения к нему, сейчас она способна испытывать взаимность, благодаря которой возможны отношения. Когда защитная структура пациента расшатывается, поднимается буря недифференцированного аффекта, которая еще больше продвигает трансформацию на этом этапе. Вырвавшись из своей неприступной крепости, пациент начинает чувствовать и видеть, что происходит внутри. Сейчас Эго пациента достаточно дифференцированно, чтобы начался процесс творческого соединения с Самостью и с другими.

Интеграция состоялась как на межличностном, так и на внутриспсихическом уровне. После разрушения или распада психопатической защиты человеку становится доступен более многообразный мир человеческих аффектов, пусть сначала и в хаотической форме. Человек, освободившийся таким образом от оков примитивной архетипической одержимости, приобретает более богатые аффективные связи и отношения с Самостью. Эго соединилось с Самостью. Эта связь несет с собой и ранее незнакомую способность быть смиренным. Человек становится просто человеком, а смиренность идет рука об руку с человечностью.

Можно предположить, что терапевт становится для пациента своего рода новым элементом – диковинкой, коей для принцессы стал морской заяц. Терапевт добивается такого эффекта, осознанно выбирая позицию вне триадного поля «жертва–хищник–спаситель». Удерживаемая в ходе терапии по отношению к пациенту позиция наблюдающего и связанного Эго помогает пробудить в душе пациента энантиодромию, когда чрезмерная идентификация с вечными и нечеловеческими аспектами хищника сменяется переживанием уязвимости, столь свойственной человеку.

Призыв к действию: трикстер внутри

Несмотря на то, что терапия психопатических расстройств характера на самом деле редко заканчивается успехом, присутствие психопатических комплексов в наших душах тем не менее – далеко не редкость. Внутренние фигуры грабителя-насилльника, сирены-разрушительницы или зловещего преступника часто появляются в снах и фантазиях. Если эти образы встречать, проживать и уметь надежно сдерживать, они могут подтолкнуть каждого из нас к индивидуации. Как уже говорилось, хищник внутри каждого из нас необходим для сохранения психического равновесия и трансформации.

Архетипический образ трикстера так или иначе присутствует в каждом из нас. Он является воплощением физической выносливости, злонамеренности, манипуляции и предстает в обличьях многочисленных трикстер-существ (койот,

ворон, кролик). Хитроумные маневры этих трикстеров проявляются в нашей жизни самым болезненным и шокирующим образом, что заставляет нас признать их божественную сущность и нашу человеческую слабость. Сознательные усилия найти с ними общий язык, когда они появляются в межличностных и внутриспсихических взаимодействиях, действительно могут вывести нас на путь индивидуации.

Как ни парадоксально, но именно манипуляции архетипических трикстер-фигур – иногда комичные, иногда страшные, но всегда сложные и запутанные – могут заставить нас признаться в «наших огромных и неуклюжих мечтах». И тогда «тропа в ночи», ведущая к индивидуации, вдруг озарится светом, и, преодолев собственное сопротивление, мы обретем целостность и естественность. Представьте, что ваш собственный трикстер или психопатический комплекс читает вам стихотворение Марджори Пауэрс⁵:

Вообрази, что М. С. стал вороном*

Дамы и господа! Я сумрак несусь и тени
Вам, чьи мечты наивны, огромны и неуклюжи.
Вот и тропа! Смотрите: вьется в ночи и манит.
Может, уже шагнете? – День в моих гаснет ладонях.

И пусть мы пока незнакомы! Я –
нежное прикосновение, сирени волшебный запах!
Вы чувствуете теплый ветер, что родом из ниоткуда?
Засовы вас не удержат – так сладко его дуновение.

Я положу конец вашим смешным протестам,
Когда проглочу вас разом, без выбора и отговорок.
Пусть каждый станет безумцем, танцующим в вихре бездны.
И время любви настанет – я тот, с кого вы начнете.

(Marjorie Power, 1999)

Внутренняя работа не безопасна, когда дело касается энергий трикстера. Эго-сознание не без оснований страшится появления этих внутриспсихических незваных гостей. Им-

* Пер. О. Ю. Чемакиной, литературная обработка Р. А. Кононова.

пульсивное отыгрывание сильных желаний, порождаемых этими фигурами, в действительности может быть разрушительным и опасным. И все же открыть доступ к этим уголкам своей души, мобилизовать способность к действию или ослабить свои сексуальные и агрессивные запреты – вот что необходимо нам в процессе индивидуации. Именно этот процесс показан в фильме «Прерванная жизнь», который мы обсуждали. Сузанна встретила самого дьявола в образе Лайзы. Она не стала одержима этой архетипической силой: устояла перед колдовскими чарами и тем самым помогла дифференциации и укреплению своего Эго. Заняв такую позицию, она смогла вступить в отношения и вести диалог с беспредельной архетипической энергией Лайзы, при этом не став ее добычей. Подобный вариант развития событий позволил Сузанне обнаружить в себе собственную подавленную сексуальность и агрессивность и установить с ними связь, пережить аффективный хаос и суметь выдержать его, поставить перед собой реалистичные цели и начать жить своей жизнью.

Антагонистический паттерн отношений проявляется в прямом или, как в случае с пассивно-агрессивным типом, в завуалированном действии. Динамика «господство–подчинение», несомненно, возникает из состояния недифференцированности. Всем типам характера в рамках антагонистического паттерна свойственны господство, жесткий контроль и скрытая агрессивность. Именно в таких формах притеснение и жестокость проявляют себя в полной мере, когда антагонистические защиты одерживают верх. Однако «зловещая симметрия» жизни предполагает присутствие хищника и смерть. Если умело обращаться с этой силой с позиции беспристрастного сознания, то она может стать решающей в процессе трансформации. Мобилизация заложенного в данной динамике потенциала к действию может воплотить в жизнь образ и аффект. Осознание присутствия хищника позволяет состояться их воплощению, которое без участия сознания, как правило, вырождается в дурное и отвратительное действие.

Ранее мы отмечали, что трансформация у психопатических личностей происходит удручающе редко. Тем не менее, рассматривая такой поистине исключительный случай,

можно было бы предположить, что регрессия, снимающая «маску благоразумия» и возвращающая пациента в самые примитивные состояния души в присутствии значимого другого, помогла бы восстановить Я-структуры в более свободной и созидательной форме. Дух оживает, когда человек соединен с Самостью, поэтому образумившийся наркоман мог бы стать консультантом по вопросам наркомании, искупивший свою вину правонарушитель – специалистом в области права, а вставшая на путь исправления мать, жестоко обращавшаяся со своими детьми, могла бы вести занятия по подготовке будущих родителей.

Дух, пробужденный трикстером, переживается в теле как готовность к действию. Тело трепещет от ощущения уверенности и могущества. В своей наиболее созидательной и преобразующей форме мы чувствуем его, когда занимаемся боевыми искусствами или другой физической деятельностью, требующей дисциплины и самоконтроля, будь то стрельба из лука, теннис или игра на барабанах. Такое проявление духа также можно почувствовать, соревнуясь и одерживая победы в спорте и борьбе, участвуя в общественных делах и активно работая. Вот тот самый источник, из которого дисциплинированный человек способен черпать решимость и готовность к действию.

Глава 8

АЛЬФА-НАРЦИССИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА НА ВЕРШИНЕ, НО ВСЕГДА В ОСАДЕ

В предыдущей главе мы описали динамическое и катализирующее воздействие хищника – той грубой архетипической энергии, которая питает антагонистический паттерн. В психопатической структуре мы исследовали эту динамику на примере сказки «Морской Заяц». Энергия альфа-структуры в нарциссическом характере ярко отображена в сказке «Король Дроздобород»¹. Сказки «Король Дроздобород» и «Морской Заяц» перекликаются между собой в некоторых элементах. Сходство и отличия этих сказок заметны уже с самых первых строк новой истории:

У короля была дочь красоты неопишуемой, но при этом была она так надменна и заносчива, что ни один претендент на ее руку и сердце не был достаточно хорош для нее. Она прогоняла их одного за другим, да к тому же насмехалась над ними... В каждом она находила недостатки.

Если Принцесса из сказки «Морской Заяц» убивает своих воздыхателей, то принцесса из сказки «Король Дроздобород» сохраняет свою защитную изоляцию, отвергая и высмеивая женихов. Принцесса ведет себя высокомерно и заносчиво, чтобы оградить себя от нестерпимой боли и хаоса, которых подспудно ожидает от отношений. Рассматривая альфа-структуру сквозь призму образов этой сказки, мы видим, что отказы поклонникам являются нарциссическим обесцениванием в достаточно колкой форме. Принцесса как будто пронзает своих

почитателей словами. Уже в начале сказки она предстает искусной насмешницей. Пользуясь своим превосходством, красотой и привилегиями, она выказывает презрение и нападает на другого, тем самым возвышая себя. Она накапливает силы, уходя в царственное уединение. Стараясь удержаться на вершине горы, она живет в пленительном, но опасном мире совершенства. Горе человеку, который признается ей в любви, и горе ей, если это признание нарушит ее хрупкое равновесие.

Итак, что же сказка «Король Дроздобород» сообщает нам об особенностях развития принцессы? Присутствие отца в этой истории дает понять, что хотя бы с одним родителем у принцессы сложился определенный контакт, который способствовал формированию защит, менее примитивных по сравнению с защитами психопата. Явное отсутствие матери крайне обеднило жизнь принцессы. Контакт с отцом содействовал ее развитию, а отсутствующая связь с матерью сделала ее отчужденной. Нарциссическая натура вынуждает ее устанавливать хоть какие-нибудь отношения с миром, но на вершине нет места для двоих, поэтому она должна оставаться одна. Нарциссическая структура принцессы удерживает психотическое содержание, которое каждую минуту угрожает нарушить целостность психопата. Принцессе не нужно убивать поклонников, ее вполне удовлетворяет жестокая проекция.

Если использовать клиническую терминологию, то перед нами портрет человека с альфа-нарциссической структурой характера. Структурную целостность такого человека в основном обеспечивают первичные защиты, такие как идеализация и обесценивание. В ходе развития внутриспсихическое и межличностное поле человека было искажено из-за дефицита любви вкупе с гремучей смесью сексуальности и агрессии. Но в прошлом должна была существовать и некоторая привязанность, дающая возможность для установления адекватных отношений хотя бы в минимальной объеме, чтобы в дальнейшем определенная дифференциация от бессознательного все же могла произойти. Генетическая предрасположенность, обделенность во внимании и любви, неудачи в обретении привязанности на ранних этапах и, как следствие, неспособность к эмоциональному развитию и перманентная бессознатель-

ная идентификация с хищником – вот факторы, обуславливающие антагонистическую форму нарциссизма.

Нарциссизм приобретается в ходе развития (Edinger, 1972, p. 5). Альфа-нарцисс уже не затопляется инстинктивной сексуальностью и агрессией, он не оказывается целиком во власти архетипической реальности антагонистического паттерна. Благодаря более высокому уровню сознания он уже может выбирать модель поведения, а не подчиняться импульсу; и все же его неотъемлемыми характеристиками остаются доминирование, непреклонность и агрессивность. Таких персонажей мы очень часто встречаем в мифах, сказках и в обычной жизни. Это стареющие ревнивые боги, карающие тех, кто сомневается в их могуществе; теряющая былую красоту, самовлюбленная дива, не терпящая конкуренток; главарь банды, требующий, чтобы окружающие возвеличили его и раболепствовали перед ним. Все они так или иначе воплощают антагонистическую форму нарциссизма: совершенство, ориентированное на триумф. Но речь не идет о триумфе чести, любви или мастерства. Это триумф господства.

Динамика зависти и разрушения того, что воспринимается как нечто хорошее

Хотя деструктивная зависть присуща не только этой структуре характера, именно она является движущей силой агрессивного соперничества, укрепляющей альфа-нарцисса в его решимости побеждать. Стоит подумать о зависти, как тут же вспоминается другой сказочный персонаж – злая мачеха из сказки «Белоснежка» (Grimm, 1972)². Темная королева неустанно задает свой провокационный вопрос: «Свет мой, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее?». Если зеркало отвечает, что прекраснее кто-то другой, королева впадает в ярость и готова уничтожить этого «другого». Объятая мучительным аффектом, как пламенем, она отыгрывает его. Узнав, что не она «прекраснее всех на свете», королева решает убить Белоснежку. Из-за своей ориентированности на действие, неспособности страдать и нарциссической тяги к совершенству альфа-нар-

цисс может довести себя и окружающих до крайне тяжелых состояний. Хотя зависть и является динамическим аспектом любого нарциссического паттерна, альфа-структура обнажает ее особо жесткий вариант.

Зависть стала своего рода камнем преткновения в работе Мелани Кляйн (Klein, 1972). По мнению Кляйн, зависть является первым проявлением агрессии в жизни ребенка. В частности, она определяет зависть как склонность вступать во враждебные отношения с хорошим объектом, а не с внушающим ужас плохим преследователем. Нападение на хороший объект и порча его содержания, только потому что он хорош, представляют собой совершенно иную динамику в отличие от агрессии, направленной на фрустрирующий объект, который мешает, или от проявления жестокости по отношению к сопернику, завладевшему хорошим объектом (Hinshelwood, 1991, p. 167). Кляйн подчеркивает, что первичной является завистливая фантазия об обладании хорошим объектом и порче его содержания, а не желание отомстить преследователю.

Одной из отличительных черт альфа-нарциссизма является структурно обусловленная поглощенность завистью. «Зависть – это нападение на объектные отношения с целью сохранить ощущение всемогущества и самоидеализацию» (Кернберг, 1984, p. 174). Нарциссическая зависть – это нападение на хороший объект для сохранения ощущения всемогущества и грандиозности, чрезвычайно важных для поддержания целостности структуры нарциссической личности. Одерживая победы в конкурентной борьбе, альфа-нарцисс как бы между прочим может с некоторым пренебрежением отнестись к собственной сестре, которой завидует, позлословить о друзьях, да и вообще сделать какую-нибудь гадость. Зависимый нарцисс, как правило, сильно мучается по поводу своих завистливых чувств, разражаясь то гневом, то плачем, либо бессознательно компенсирует их, заискивающе опекая того, кому завидует; контр-зависимый нарцисс отрицает свою зависть, которая проявляется в его отчужденной и высокомерной манере держаться. Альфа-нарцисс антагонистически отыгрывает это чувство.

Жизнь людей с альфа-нарциссической структурой характера подчинена потребности побеждать, которая давит на них изнутри. Ориентированные на соперничество, они полны решимости добиться успеха любой ценой. Они действительно наслаждаются и гордятся своим боевым духом. Но здесь важно помнить о том, что их хрупкий внутриспсихический баланс поддерживается за счет регулярной разрушительной порчи объекта. Таким образом альфа-нарцисс защищается от переживания неудачи и невыносимого стыда. В его жизни успех, по существу, является защитой от разочарования и ярости. Постоянно давящая потребность побеждать почти всегда сопровождается презрительным отношением к окружающим, что и препятствует формированию нормальных привязанностей и зависимости.

Альфа-нарцисс переживает нарциссическую травму как почти непереносимую. Опасный характер регрессии, спровоцированной травмой, мы более подробно рассмотрим ниже. Сейчас достаточно сказать, что если драйв к победе не удовлетворяется, то непреодолимым становится желание отыграть его в отместку. Агрессия, не реализованная в соперничестве и презрительном отношении, направляется на других или на самого себя. Направляя агрессию на других, человек с альфа-нарциссической структурой характера ведет себя вызывающе и жестоко. Обращая агрессию на себя, он склонен испытывать презрение к самому себе и с удвоенным упорством добиваться успеха. При этом вдали маячит угроза суицида.

Биографии людей с альфа-нарциссической структурой характера – бесспорные свидетельства упорной борьбы и многократного переживания успеха, но если присмотреться, то окажется, что в их повседневном бытии отсутствуют многие главные удовольствия и радости жизни. Неспособность вступать в близкие отношения делает их личную жизнь бессодержательной. Они могут быть сексуально активными, но при этом безличными, агрессивными и склонными к извращениям. Хотя их внутренняя жизнь тоже может быть активной и напряженной, личностного содержания в ней мало. Переживаемый время от времени успех все же не приносит полного удовлетворения.

Клинический случай: безработный директор

Чтобы поближе познакомиться с этой сложной динамикой, давайте рассмотрим случай из практики. Несколько месяцев я работала с клиентом, который раньше возглавлял инженеринговую компанию. Работу он потерял буквально в одночасье по той причине, что конкуренты довольно агрессивно купили контрольный пакет акций. Последний год семья жила на зарплату его жены, которая работала секретарем. Впервые в браке он утратил доминирование и превосходство. Впервые он переживал депрессию и пытался справиться с ней по антагонистическому сценарию. В терапию он пришел по настоянию жены. Она возмущалась, что он срывается на ней и на ее друзьях, и расстраивалась, что он не пытается найти работу. Она устала тащить его на себе и при этом выслушивать оскорбления. У нее складывалось впечатление, что все заботы о семье были полностью переложены на нее, и не обосновательно. Ведь муж целыми днями пропадал в спортзале, совершенствуя свое тело. Даже на сессии он приходил в спортивных шортах.

Сам процесс поиска работы и участие в собеседованиях вызывали у него высокомерный протест, поскольку, по его мнению, имевшиеся на рынке вакансии не соответствовали его безмерно высокой квалификации. Тем временем он задумал две аферы, на успех которых надеялся: первая – продать информацию, украденную с предыдущего места работы, вторая – достать деньги и вместе с новым партнером открыть фирму, которая составила бы конкуренцию его старой компании. По моим ощущениям, он пришел в терапию, чтобы просто задобрить жену и удерживать ее при себе, чтобы выиграть время.

На сессиях он постоянно пытался занять время пустой болтовней, например, в возвышенно-интеллектуальной манере обсуждал статьи и книги о браке и отношениях, которые читал в угоду жене. Используя эту пустую болтовню в качестве защиты, пациент преследовал несколько целей. Во-первых, он уводил нас от обсуждения бедственного положения, в котором пребывали его карьера и брак, поскольку делиться этими проблемами с другим человеком для него было очень тяжело и больно. Во-вторых, эти пустые разговоры скрывали не-

гативный перенос. Неослабевающие альфа-нарциссические защиты, внешне проявляющиеся как соперничество и презрение, нацелены на формирование негативного переноса, который необходимо пресекать по стратегическим соображениям. Негативный перенос пронизывает всю альфа-структуру, и его крайне трудно уловить, раскрыть и трансформировать. На сессиях нам так и не удалось его выявить, потому что у пациента появились деньги на реализацию его второй аферы. Как только ситуация изменилась к лучшему, он бросил терапию, оставив счет неоплаченным. Все последующие попытки связаться с ним для решения финансового вопроса умело им пресекались.

В этом клиническом случае проявились особенности, присущие человеку с альфа-нарциссической структурой характера. Мы увидели мужчину с «раздутым» чувством грандиозности, которое проявлялось в использовании всемогущего контроля в межличностных отношениях. Агрессия пропитывала его неумное стремление соперничать. У него не была развита способность проявлять эмпатию и испытывать привязанность, при этом он парадоксальным образом зависел от жены, но совершенно отрицал эту зависимость. Кроме того, диапазон его аффектов, что в целом свойственно данной структуре характера, был сильно заужен и в основном ограничивался переживанием ярости и высокомерного восторга.

История вопроса: теоретические рассуждения

В аналитической литературе можно найти несколько работ по данной теме, в которых описывается особая форма нарциссизма. Она характеризуется инстинктивной жизнестойкостью, окрашена смесью сексуальности и агрессии, ей свойственны трудности в обретении привязанности, недоразвитое Супер-Эго и манипулятивное поведение в межличностных отношениях³. Теодор Райх описал особую форму агрессивного нарциссизма в свете теории либидо, которая доминировала в тот период, когда он работал над книгой «Анализ характера» (Reich, 1949). Введя термин «фаллический нарциссизм», он указал, что в людях такого типа очень силен дух сопер-

ничества; и чаще всего к этому типу относятся спортсмены, летчики, военные и инженеры. В качестве примера Райх привел профессии, которые традиционно считались мужскими, а в его время особенно, но сейчас этот список можно пополнить «женскими» примерами: женщины-спортсменки, женщины – главы корпораций и государств, женщины-военные, манекенщицы и т. д. Все эти высокооплачиваемые профессии предполагают конкуренцию и высокую степень публичности. По описанию Райха, фаллический нарцисс – это физически крепкий, атлетический, эмоционально пустой, высокомерный и агрессивный человек. «В их отношении к объекту, в том числе к объекту любви, всегда присутствует более или менее скрытый оттенок садизма» (Райх, 1949, р. 218). Когда необходимо добиться внимания других, фаллический нарцисс может быть обаятельным и очень настойчивым. «Ярко выраженные представители этого типа стремятся достичь высокого социального статуса и не переносят подчиненного положения в иерархии». Безусловно, одной из сильных сторон их личности является агрессивная отвага. По мнению Райха, «их безмерная самоуверенность основывается на ощущении физической силы и красоты». Однако, сталкиваясь с неудачей или невостребованностью, они склонны либо принижать себя, либо вести себя вызывающе, провокационно и агрессивно. Райх подчеркивает, что для фаллического нарцисса фаллос является инструментом агрессии, а не любви; эрективная потенция для него важнее способности испытывать оргазм. Сексуальный контакт бессознательно воспринимается как проникновение в другого или его разрушение. А снижение эрективной потенции вызывает у людей этого типа внезапные и резкие перепады в настроении и самооценке.

Наша концепция альфа-нарциссизма включает основные характеристики, выделенные Райхом: холодная сдержанность, агрессивность, скрытый садизм, обесценивание других и себя, неспособность испытывать искренние чувства, демонстрация фаллической силы. Добавим, что эта динамика отчасти обусловлена смешением сексуальности и агрессивности, которое возникает из-за недифференцированности архетипов, а та, в свою очередь, является следствием недифференциро-

ванности Эго от бессознательного. Такое заключение отличается от выводов Райха, полагавшего, что описываемая динамика обусловлена самим процессом развития.

Отто Кернберг ввел понятие «злокачественный нарциссизм». Он выдвинул идею о том, что злокачественно-нарциссическая структура характера является патологической разновидностью нарциссизма (Kernberg, 1984). Эта разновидность, по мнению Кернберга, образуется в результате сгущения грандиозного Я и садистских наклонностей на раннем этапе, что в дальнейшем препятствует формированию нормального Эго и Супер-Эго. «В отличие от пациентов с обычной нарциссической структурой характера, такие пациенты повышают самооценку и подтверждают собственную грандиозность, направляя агрессию на других или на себя» (Kernberg, 1984, p. 257). Переживание чувства грандиозности – это нормальный элемент развития. Но если у ребенка на раннем этапе переживание грандиозности сливается с защитной идентификацией с внутренним агрессором, то запускается формирование грандиозного Я (Самости).

Термин: альфа-нарциссическая структура характера

Как уже говорилось, есть несколько аналитико-теоретических работ, в которых описывается особая форма нарциссизма. После долгих размышлений мы отдали предпочтение «альфа-нарциссизму», отказавшись от терминов «фаллический нарциссизм» Райха и «злокачественный нарциссизм» Кернберга. Во-первых, когда встречаешь термин «злокачественный» или «фаллический нарциссизм», то не сразу понимаешь, о чем идет речь. Во-вторых, эти термины не являются психологическими, и в них совершенно не отражается восприятие альфа-нарциссом собственного Я. По этим двум причинам мы в итоге отказались от вышеуказанных терминов. Мы задумывали эту книгу с целью помочь специалистам и простым читателям разобраться в самих себе и понять мотивы своих поступков, определить свою структуру характера и узнать об ее ограничениях и потенциале. Нам кажется, что называть индивидуальную структуру характера «злокачественной» все-таки

грубо и не совсем корректно. Кроме того, в нашем обществе термин «злокачественный» ассоциируется с неизлечимым заболеванием. Термин «фаллический нарциссизм» тяготеет в сторону гендерной сексуальности, теории инстинктивных влечений и сексуализированного восприятия энергии, что лично для нас очень затрудняет его использование. Нам кажется, что обозначение рассматриваемой структуры одним из указанных терминов не дает представления о той напряженной борьбе за сохранение шаткого внутриспсихического равновесия, которую ежедневно ведет альфа-нарцисс, а также о его реальном страхе перед угрозой регрессии. К тому же термины «злокачественный» или «фаллический» могут повлиять на проявление со стороны терапевта сострадания к пациенту. Один наш коллега, интуитивно почувствовав этот посыл, сказал: «Никто не хочет быть злокачественным нарциссом, но все не прочь быть альфой!».

Если описывать самовосприятие альфа-нарцисса, то оказывается, что оно мало чем отличается от повадок альфа-самца в стае. Альфа-нарцисс воспринимает себя как способного принимать решения и воплощать их в жизнь. Он чувствует, что в состоянии управлять ситуацией и «подмять» тех, кто, по его мнению, слабее; часто позиционирует себя как лидера. Он четко знает, с кем и какие отношения выстраивать в группе, и настроен двигаться на самый верх. Он часто не понимает, почему другие считают его агрессивным. Только обосновавшись на вершине иерархии, неважно, какой и где, он избавляется от тревоги и обретает внутреннее ощущение безопасности.

Как подтверждает наш опыт, из добрых побуждений клиницисты часто избегают ставить диагноз «альфа-нарциссизм» либо диагностируют его более легкую форму, чем та, что выявляется в действительности. И в итоге, как ни печально, из-за непризнания антагонистической основы исследуемого характерологического паттерна аналитическая работа осуществляется поверхностно. Подобный просчет может замедлить образование терапевтического альянса или вообще помешать ему, а между тем в нем мог бы сформироваться негативный перенос и произойти параноидная регрессия, необходимая для эффективной проработки этой сложной струк-

туры характера. Пациенты с зависимой или контрзависимой нарциссической структурой характера все же демонстрируют некоторую способность к идеализации, не связанной с самоидеализацией, и имеют более или менее адекватно функционирующее Супер-Эго; у альфа-нарцисса отсутствует и то, и другое. И если диагноз и лечение изначально неверны, то никакого прогресса в этих двух важных направлениях не будет достигнуто. Терапия не даст результатов до тех пор, пока не случится регрессия, в которой можно проработать негативный перенос.

Альфа-нарциссизм в антагонистическом паттерне отношений

В парадигме антагонистического паттерна отношений имеется два основных сходства, а именно: антагонистическая защита и сопротивление развитию индивидуального сознания. Когда человека с психопатической структурой характера изобличают в антисоциальных действиях, он не пытается найти моральное оправдание или рациональное объяснение своему поведению, выразить негодование или солгать во избежание ответственности за свои деяния (Meloy, 1988). Альфа-нарциссы, наоборот, прекрасно понимают, что необходимо соблюдать социальные приличия, даже более того, казаться милыми и очаровательными.

Если психопатическая личность более свободно отыгрывает гремучую смесь сексуальности и агрессивности, поскольку социальный статус для нее не имеет значения, то альфа-нарциссическая личность должна сохранить свое место в стае. Антагонистическое отрицание желаний и стремлений является защитой, цель которой – оградить альфа-нарцисса от вовлеченности в межличностные отношения, которые могут нанести смертельные раны. Обладая более развитым эго-сознанием, альфа-личность в отличие от психопатической лучше контролирует свои импульсы. Идентификация альфа-нарцисса с архетипом хищника проявляется в решимости побеждать, портить, унижать и обманывать. Он физически не может позволить себе откровенно антисоциального поведе-

ния, потому что тогда окружающие пристыдят его. На людях он все делает правильно, чтобы избежать нарциссических ран. В отличие от психопатической личности, для альфа-нарцисса, ориентированного на соперничество, положение в обществе имеет первостепенное значение, он оберегает его и гордится им. Например, если психопатическая личность, поддавшись импульсу, может совершить действия сексуально-извращенного характера, то альфа-нарцисс проявит свою агрессивную сексуальность «более мягко» – в форме манипулятивного заигрывания или изощренной мести. Сексуальность и агрессия будут постоянно смешиваться, но проявления альфа-структуры будут сдерживаться социальными нормами и отчасти включением эго-сознания.

Какими бы примитивными и в высшей степени заряженными ни были сексуальные импульсы, отыгрываются они механически и отрешенно. Несмотря на то, что чувственные ощущения тела важны, аффект в этом паттерне остается не проявленным и не дифференцированным⁴. Отсутствие живого эмоционального отклика и идентификация с агрессором свидетельствуют о проблемах в обретении привязанности в детстве на ранних этапах развития. Тогда как стремление альфа-нарцисса к всемогущему контролю, а в особенности использование им лжи и манипуляций с целью сохранить по отношению к другим свое положение «один на верху» говорят о не функционирующем в полной мере Супер-Эго. «Хронические» манипуляции, в свою очередь, свидетельствуют о несформировавшихся моральных установках, что типично для всех структур данного паттерна. Психопатические, альфа-нарциссические и пассивно-агрессивные личности – все без исключения систематически используют манипуляцию в качестве защиты, чтобы сохранить баланс во внутриспсихическом и межличностном пространстве.

Берстен в работе о манипулятивном цикле (Bursten, 1972) пишет о том, что циклическое повторение манипуляций играет решающую роль в поддержании психического равновесия представителей антагонистического паттерна. Он разбивает этот цикл на четыре компонента. Первый компонент – обязательное наличие исходного конфликта целей: манипуля-

тор должен хотеть получить от другого человека то, что этот другой не хочет ему дать. Второй – намеренное воздействие манипулятора на другого или манипулирование им. Случайное воздействие не считается манипуляцией. Третий компонент – обман или лицемерие. Только в этом случае совершается мошенническое действие, чаще всего реализуемое «хитрым, бесчестным и коварным способом». И последний, четвертый компонент – эмоциональная развязка (разрешение аффекта), если обман удался. Манипуляция завершается тем, что человек испытывает приятное чувство от того, что обманул другого. Ощувив, что победа над другим одержана, альфа-нарцисс испытывает высокомерный восторг. Одна из внутриспсихических функций манипулятивного цикла – избавление от зависти посредством обмана и перенаправления агрессии на другого, что приводит к освобождению от нестерпимого внутреннего напряжения и позволяет манипулятору испытать воодушевление и презрение. Вот в такой последовательности восстанавливается шаткий внутриспсихический баланс альфа-нарцисса. Получаемое в итоге удовольствие от эксплуатации другого подтверждает тот факт, что в основе межличностных взаимодействий альфа-нарцисса лежит динамика силы и контроля, а не чувство привязанности и близости. Манипулятивный цикл позволяет одновременно достичь двух целей: выплеснуть создающую психическое перенапряжение сексуальную и агрессивную энергию и сохранить позицию власти и превосходства над другим.

В разных структурах антагонистического паттерна манипулятивный цикл используется по-разному. Психопатическая личность реализует этот цикл с наименьшим конфликтом и не вступает в противоречие с архетипом, с которым идентифицируется. Обладая более развитым Эго, альфа-нарцисс более осознанно выбирает объект манипуляции и, руководствуясь стратегическими соображениями, лучше контролирует реализацию своих планов во времени, стараясь при этом соблюсти внешние приличия. Пассивно-агрессивная личность действует еще осознаннее, поскольку склонна принимать в расчет потребности объекта и использовать обходные маневры для получения желаемого.

Юнгианская теория: динамика развития

Как уже говорилось ранее, при рождении сознание ребенка погружено в архетипическую реальность. Поскольку сознание развивается в процессе взаимоотношений с достаточно хорошими родителями, то ребенок постепенно обретает способность дифференцировать себя от других и от бессознательного. Такая постепенная дифференциация становится возможной благодаря аффективным и имагинальным ресурсам. Однако ребенок с антагонистическим паттерном задействует меньший объем этих ресурсов. Противоположности, пришедшие недифференцированными из бессознательного, так и остаются в хаосе: все смешано – любовь и ненависть, зависимость и независимость, животное и человеческое и т.д. Кернберг описывает подобное состояние как свойственное злокачественному нарциссизму – оральные, анальные и генитальные фантазии сгущаются в недифференцированный либидинозный импульс, основанный на смеси сексуальности и агрессивности (Kernberg, 1993).

Динамика зависти и параноидная регрессия

Часто в ходе анализа необходимо погружаться в темные и примитивные области психики, чтобы установить подлинный контакт с Самостью. Прочувствовать реальность этих примитивных пространств можно в условиях хорошо контролируемой терапевтической регрессии. Регрессия в самые глубокие слои психики – это всегда риск и испытание.

В аналитической регрессии над альфа-нарциссом нависает опасность регрессировать в параноидное или психопатическое состояние⁵, в котором первичным является импульс к действию – импульсивная жестокость, направленная на себя или на других, может быть в любой момент пугающе отыгранна в реальной жизни. Чтобы снова не переживать непереносимую угрозу и стыд от чувства бессилия перед преследователями из детства или не отыгрывать убийственную агрессию архетипического хищника, альфа-нарцисс скорее выберет суицид. В состоянии регрессии обнаруживается скудность

внутренних объектов и отсутствие поддерживающих связей с окружающими, в чем, безусловно, нет ничего утешительного. А поскольку в антагонистическом паттерне всегда присутствует недифференцированная агрессия, то после получения тяжелой нарциссической травмы суицид становится вполне серьезной угрозой, которую необходимо нейтрализовать.

Терапевт должен найти способ ввести пациента в конфронтацию с его проецируемой, презираемой, беспомощной и обесцененной частью. Пациенту нужно встретиться с ней лицом к лицу, пережить унижение и в конце концов вступить с ней в отношения. Сложность ситуации состоит в том, что терапевту, вероятнее всего, придется принять на себя проецируемое обесценивание, но постараться не слиться с ним ни в собственном представлении, ни в представлении пациента. Что значит «принять на себя проекцию»? Терапевт может заметить: «Кажется, вы считаете меня как специалиста не вполне компетентным... Почему вы так думаете?». И здесь появляется еще одна сложность: идентифицировав проекцию, терапевт должен жестко удерживать свои границы и дифференцироваться от реальности пациента. Терапевту следует постоянно помнить об установлении и сохранении рамок терапевтического процесса.

Случай из практики. Элизабет: боль–превосходство–боль

Отвергать и страдать от невыносимого одиночества

Элизабет пришла в анализ после шести лет психотерапии. По ее ощущениям, тот поддерживающий курс исчерпал свой ресурс, и она искала юнгианского психоаналитика, надеясь, что аналитический подход поможет ей справиться с ситуацией, в которой она оказалась. В первую очередь она пожаловалась на чувство одиночества и изоляции, а также неспособность реализовать весь свой профессиональный потенциал. Элизабет была доктором медицинских наук, специализировалась в области патологии, а именно онкопатологии, работала в медицинском центре при университете. Она сделала блес-

тящую научную карьеру и как специалист снискала международную известность. Практикующим врачом она не была, поскольку знала, что ей сложно общаться с людьми. Временами она подумывала заняться клинической практикой, но не принимала саму мысль о том, что придется общаться с пациентами – это казалось ей скучным и тягостным. Элизабет была не только высококвалифицированным специалистом, но и талантливой художницей, ее работы часто выставлялись.

Элизабет выросла на Восточном побережье в семье известных ученых и была старшей из трех детей. Во всех троих неизменно поддерживали установку на успех и дух соперничества. По ее словам, отец жестко и даже жестоко отстаивал свое лидерство на работе и авторитет в семье. У него нередко случались вспышки ярости. Мать занималась научной деятельностью и часто из-за огромного количества рабочих и домашних обязанностей чувствовала себя подавленной. Чаще всего отец срывал ярость на младшем ребенке. Мать не могла оградить сына от нападков мужа, а дочерей – от его требования быть успешными. Все трое защитили докторские диссертации и сделали блестящую карьеру. Во взрослой жизни близких отношений они не поддерживали. Было ясно, что в семье существовала хроническая проблема с обретением привязанности. У самой Элизабет отсутствовала первичная взаимная привязанность к родителям, сестре и брату.

Держалась Элизабет уверенно и непреступно, ее красота была холодной. Одетая в черное – строго и изысканно, она воплощала элегантную сексуальность, которая скорее завораживала, нежели побуждала к контакту. Она на самом деле могла «отшить» любого, кто реагировал на ее провоцирующий облик и пытался оказывать ей знаки внимания. В ней чувствовалась властность. Начав терапию в 50 лет, она призналась, что всю себя посвятила работе. Прожив полжизни, она так и не обзавелась ни семьей, ни друзьями, и это тревожило ее все больше и больше. Она никогда не была замужем, и у нее не было длительных отношений. Она понимала, что ее личная жизнь пуста, и понятия не имела, что делать дальше. Она знала, что у нее отсутствуют навыки межличностного общения, что, помимо прочего, создавало проблемы и на работе.

Уже на первой сессии ее манера держаться подходила под классическое описание фаллического нарцисса, данное Теодором Райхом, – «атлетический тип, крепкий, самоуверенный, высокомерный, энергичный, внушительный, крайне сдержанный или презрительно агрессивный, ужасно кичится своим превосходством и силой» (Reich, 1949, p. 217). Отношение Элизабет к окружающим было в той или иной степени пропитано агрессией и скрытой сексуальностью. Любое ожидаемое нападение она упреждала собственной атакой. Особо могло не поздоровиться тем, кто позволял себе агрессивный выпад. Подчиняться было не в ее характере, и она легко подминала тех, кто был ниже ее по положению. Я понимала, что еще немного – и такая демонстрация силы полностью разрушит ее. Она была не молода, и красота увядала, что было серьезной нарциссической раной. Все чаще ее внутренними спутниками становились душевная боль и чувство ненужности, хотя раньше по жизни ее сопровождали чувства гордости и торжества. Тем не менее вела она себя так, чтобы никто вокруг не мог подумать, что она страдает. Хотя из ближайших родственников никто и никогда не пытался совершить самоубийство, в дальней родне и с той, и с другой стороны несколько таких случаев имело место. Брат отца и двоюродная тетка матери покончили с собой. Ригидные защиты были для меня предупреждением о вполне реальной возможности совершения пациенткой суицида в ходе терапии. В дальнейшем, принимая во внимание этот момент, я воздержалась от обсуждения с ней некоторой динамики, неожиданно возникшей в переносе.

В ходе терапии я видела, как Элизабет пресекает зарождающиеся любых взаимных отношений. Так она поступала не только со мной, но и с другими, о чем я могла судить по ее рассказам. И окружающие, и я воспринимали ее как отчужденную и безучастную. На малейшее пренебрежение или неуважение, которые она нередко ощущала даже при достаточно коротком контакте, ее реакция была крайне жесткой. Говоря научным языком, она переживала приступы ярости и депрессии, когда ее патологической грандиозности бросали вызов. Защищаясь от этих переживаний, она вновь устанавливала всемогу-

щий контроль над своим внутренним миром и ограничивала общение с человеком, нанесшим ей обиду. В такие моменты она испытывала болезненные чувства унижения и поражения, которые – если их невозможно было тут же мстительно отыграть – вызывали сильнейшую муку и ярость. Не меньшее унижение она испытывала от того, что не могла справиться с этими сильными чувствами, которые ассоциировались у нее со слабостью и уязвимостью. Такое отношение распространялось на любые эмоции, и потому ее аффективный диапазон был очень узким. Ей не было свойственно признавать и выражать эмоции. А это означало, что даже при благоприятном развитии терапии понадобилось бы довольно много времени, чтобы у пациентки сформировалась способность рефлексировать и допускать к переживанию глубокие чувства.

Размышления о терапии

Сильнейшую боль Элизабет испытывала именно в те периоды, когда по-настоящему открывалась в анализе. В ее защитах появлялась брешь, из-за которой внутренняя энергия приходила в движение. Но периоды эти были скоротечными и, казалось, быстро забывались, как только ей наносили новую обиду. Если у психопата перенос представляет собой проекцию внутреннего хищника или жертвы, то в переносе альфа-нарцисса со временем обнаруживается динамика зависти.

Когда Элизабет действительно шла на сближение со мной, в ней пробуждалась зависть, и, чувствуя свою уязвимость, она нападала. Чтобы сохранить дистанцию, она часто демонстрировала снисхождение, которое поначалу проявлялось в презрительных усмешках, а позже перешло в гневные обвинения. Начальный «медовый» период длился недолго, обстановка быстро накалилась. Через несколько месяцев у меня не осталось никаких сомнений в том, что она с подозрением и раздраженно воспринимала любой мой комментарий, который, по ее ощущениям, был доброжелательным. Примитивная зависть выражается в активном обесценивании и принижении чуткого отношения к окружающим. Судя по всему, у нее не было опыта переживания любви и эмпатии, «поэтому ан-

тисоциальный пациент не может понять заинтересованность терапевта и пытается разгадать, какие же цели тот преследует» (McWilliams, 1994, p. 159).

Вернемся к образу злой мачехи из сказки «Белоснежка», чтобы представить, насколько ужасной может быть регрессия альфа-нарцисса. Когда превосходству темной королевы брошен вызов, она буквально зеленеет от зависти и регрессирует в психопатически убийственную ярость. Точно так же человек с альфа-нарциссической структурой может переживать приступы примитивных эмоций и даже нападать на других в буквальном смысле⁶.

Мы с Элизабет – и в этом не было никаких сомнений – оказались в замкнутом круге, что, кажется, придавало ей сил, а меня, напротив, изводило. Происходило следующее: я сохраняла отношения, допускала ошибку, и она могла указать на мой промах; при этом она обвиняла меня либо в конкретной оплошности, как, например, в грубом пренебрежении, либо вообще в свойственной мне холодности. О моей ошибке или промахе и том, чего я, собственно, хотела этим добиться, она объявляла торжествующе, но все же с некоторой долей горького разочарования, а заканчивала свое выступление выражением высокомерного презрения. Я все время старалась сохранить отношения, отзеркаливать ее аффекты и прорабатывать реальную ситуацию, анализируя ее ощущения. В ответ она непременно сообщала о том, что мои попытки помочь ей тщетны и бесплодны, и она по-прежнему испытывает сильную боль и страдания. Она жаловалась, что превращается в трудоголика, работая допоздна, чтобы провести еще одно экспериментальное исследование или подготовить очередную публикацию. Она загоняла садистическую, грандиозную, мощную агрессию внутрь себя. И мазохистский трудоголизм был внешним проявлением этой внутренней атаки.

Элизабет нападала и на меня, но я, по терминологии Винникотта, старалась контейнировать ее нападки и сохранять с ней связь (Winnicott, 1971, p. 91). Однако эта поддерживающая среда не находила своего разрешения ни в желании Элизабет сблизиться, ни собственно в сближении. Вместо этого мы прочно застряли в ситуации, в которой Элизабет каза-

лось, что я ее мучаю, это приводило ее в ярость, и она уходила, испытывая ко мне презрение. При этом мы ни на шаг не продвинулись в решении ее проблем.

Со временем она все чаще стала обвинять меня в том, что я не проявляю к ней эмпатии, просто наблюдаю за тем, как она страдает, ничего не чувствую и не говорю, видя ее боль. По ее мнению, мои неадекватные реакции мешали ей разозлиться на меня, а ей бы пошло на пользу испытать гнев и выплеснуть его. Она считала мои вмешательства и интерпретации нападением, попыткой оскорбить и унижить ее. Причину всех моих неадекватных эмпатических откликов она видела в отсутствии у меня подлинного интереса к ней. И как бы акцентируя внимание на своей изолированности, она с презрением бросала фразы «Только здесь я могу выговориться» или «По крайней мере, приходя сюда, я могу сказать то, что думаю». Между тем ее симптомы обострились: повысились частота и интенсивность сексуального отыгрывания, трудоголизм набирал обороты.

Нередко я чувствовала себя измученной, фрустрированной и злой. При этом я иногда задавалась вопросом, не виновата ли я в той или иной мере в ужасных страданиях своей пациентки. По наблюдениям Нэнси Маквилльямс, переживание клиницистом подобного рода враждебности отражает «шок и сопротивление тому ощущению, что уничтожается присущая ему идентификация с целителем» (McWilliams, 1994, p. 159). Она также предупреждает о том, что терапевт не должен поддаваться искушению доказать, что его единственное намерение – помочь, поскольку тогда пациент получает еще больше поводов для нападков и обесценивания. Именно в эту ловушку я попала, и мы оказались в глухом терапевтическом тупике.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что боялась вступить с Элизабет в конфронтацию. Я боялась усилить у нее ощущение внутренней опустошенности, боялась ненависти, направленной на меня, боялась ее метких замечаний и отыгрывания. Меня наполнял страх. Я чувствовала, что мои руки связаны и что она не получает столь необходимой ей помощи. При этом мне становилось все хуже, а ей как будто бы лучше.

Она попыталась обзавестись новыми знакомыми и на сессиях делилась своими впечатлениями. Она даже несколько раз ходила на свидания. Но все эти контакты оказались непродолжительными. Она не скрывала боль и ярость от того, что все быстро сходило на нет. Но удивляться было нечему, ведь всякий раз, выказывая благодарность или удовольствие от общения с другим человеком, она тут же наводила на него критику. Она получала или давала что-нибудь хорошее, а потом разрушала его. Потребность во всемогущем контроле, кажется, уничтожала любые отношения.

На сессиях она стала вести себя более властно: не хотела обсуждать сны; не хотела обсуждать работу; не хотела молча сидеть в тишине. Она предпочитала обсуждать мои недостатки. Мне приснился сон о том, что мне необходима супервизия, и я получила консультацию.

Терапевтический подход, о котором я тогда узнала, очень четко описал Отто Кернберг в своей книге «Тяжелые личностные расстройства» (Kernberg, 1993, p. 244). В работе с пациентом, который страдает злокачественным нарциссизмом, хронический терапевтический тупик неизбежен и является первым трансферентным сопротивлением. Мне пришлось оставить надежду на то, что «поддерживающая среда» поможет пациентке, и попытаться разрешить тупиковую ситуацию. Сначала Элизабет равнодушно отнеслась к сообщению о том, что никаких перемен в ее состоянии нет. Когда же я обратила ее внимание на то, что она совершенно не проявляет беспокойства по поводу сложившейся тупиковой ситуации, она, как я и ожидала, яростно возразила. Как бы там ни было, но эти интервенции пробудили в ней интерес. Конфронтируя тупиковую ситуацию, мы осторожно вступили в долгую стадию, на которой выявляли действия Элизабет, нацеленные на то, чтобы нанести мне поражение. Эти действия совершались из-за завистливой нарциссической потребности разрушать то, что является ценным. «Лучше рискнуть и стать слонем в посудной лавке, чем пребывать в параличе... в дреме, заключив с пациентом безмолвное соглашение о том, что он будет попросту убивать время. Именно активный подход подтверждает заботу терапевта о пациенте, его решимость пре-

одолевать трудные ситуации и уверенность в том, что перемены возможны» (Kernberg, 1993, p. 235). Жесткие нападки пациента на любое конструктивное вмешательство загоняют терапевта в тупик, в котором терапевтические взаимодействия застревают навечно. Подобное безвременье уничтожает любую возможность перемен и оставляет у человека ощущение, что, разрушая, он одерживает победу. Тупик и трата времени впустую – вот характерные для альфа-нарцисса ощущения от любого рода взаимодействий.

Я все время удерживала тупиковую ситуацию в фокусе, в итоге начало проявляться ранее неосознаваемое содержание, которое касалось матери пациентки, – ее пассивность, депрессия и неспособность защитить детей от ярости отца. При этом я упорно выделяла те моменты, когда в нашем с Элизабет общении присутствовали забота и участие, которые она диссоциировала.

Для меня все более очевидным становилось ее агрессивное отстаивание собственных прав. У Элизабет имелась масса укоренившихся привычек, в которых это притязание проявлялось, не говоря уже о свойственной ей отчужденности. В середине сессии она могла как ни в чем не бывало начать протирать очки, выписывать чек, просматривать ежедневник, как будто вспомнив о каком-то деле. Иногда она звонила по мобильному телефону или подходила к окну и смотрела, что происходит на улице, комментировала погоду. Подобных случаев было множество, и я понимала, что должна бороться с ними, поскольку мои попытки отразить эти моменты очень больно ранили Элизабет. Ее реакцией становились праведный гнев и очень меткие возражения.

Поскольку действия, наносившие мне поражение, все больше осознавались пациенткой, у нее формировался параноидный перенос, а моя способность ранить ее возрастала. Она все подозрительнее относилась к мотивам моих действий. Обвиняла меня в том, что я получаю удовольствие всякий раз, причиняя ей боль. Не понимала, как я узнаю о ней те или иные сведения; откуда мне известно то, о чем она не рассказывала? Уж не спрашиваю ли я ее знакомых? Судя по всему, ее искаженный аффект претерпевал изменения: исполненный

презрения триумф сменялся страхом, а иногда просто ужасом. В тот самый период, после того как зарождающаяся дружба с коллегой развалилась, Элизабет впала в тяжелую реактивную депрессию, которой сопутствовали подавленное настроение, апатия, резкая прибавка в весе, бессонница, рассеянное внимание, что отрицательно сказывалось на ее работоспособности, а также реальные мысли о самоубийстве.

Спустя некоторое время я посоветовала ей дополнительно к проработке манифестируемого материала проконсультироваться у психиатра на предмет медикаментозного лечения антидепрессантами. Мое предложение спровоцировало сильнейший приступ паники. Но на прием она все-таки пошла и рецепт на лекарство получила. Потом она жаловалась, что даже половины дозы хватило, чтобы у нее началась жуткая реакция – дикая гиперактивность, панические атаки и тахикардия. На следующей сессии она произнесла гневную и обличительную речь. По ее мнению, мы с психиатром сговорились навредить ей. Да и вообще ее беспокоил тот факт, что система здравоохранения, похоже, хочет подсадить женщин на наркотики и успокоительные и подорвать их здоровье антидепрессантами с их ошеломляющими побочными эффектами сексуального характера. Она обвинила меня в том, что я не хочу проникнуть ее болью, а пытаюсь снять симптомы лекарствами, чтобы особо не утруждаться. От приема лекарств она отказалась сразу, а через несколько недель депрессия заметно усилилась. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что, выплескивая гнев на меня и психиатра, Элизабет восстанавливала собственное грандиозное Я и подавляла депрессию и чувство уязвимости.

По мере развития параноидного переноса действия Элизабет, наносившие мне поражение, стали проявляться в двух разных направлениях. Во-первых, она незамедлительно отвергала и разрушала все самое полезное, на ее взгляд, что я предлагала. Если мне удавалось точно отразить эту динамику власти, она вроде бы успокаивалась и погружалась в состояние глубокой задумчивости, которое иногда сменялось глубокой печалью из-за того, что она чувствовала себя «загнанной в угол». С осознанием этих свойственных ей саморазрушительных реакций в снах появился образ отца с его взрывным,

садистским характером. Бессознательная идентификация с агрессором стала доступна для проработки.

Во-вторых, при исследовании подробностей жизни Элизабет и наших с ней взаимодействий в переносе проявился паттерн хронического обмана, преимущественно в форме утаивания очень важной информации. По мере развития тяжелого негативного переноса Элизабет становилась разборчивой и манипулятивной в плане предоставления сведений – замалчивала факты или манипулировала ими, чтобы оставаться хозяйкой положения. Когда мы прорабатывали эти уловки, я снова замечала в ней заинтересованность, но иного рода. Она улыбалась, когда ее подлавливали, а потом смотрела так, будто на самом деле видела меня впервые. Я чувствовала, что во мне начинают признавать реального человека, тоже присутствующего в комнате. Все же ее грандиозное Я оказалось уязвимым и втягивалось в отношения.

Паттерн обмана и лжи, проявившийся в переносе, нашел свое разрешение в новом эпизоде, связанном с приемом антидепрессантов. Муж сестры Элизабет покончил с собой, и она поехала в Новую Англию на похороны. В день похорон и в последующие несколько недель она относилась к сестре, родителям и родственникам с большой заботой и вниманием. Контакты с родственниками вызвали много новых образов из бессознательного, а близкое общение с семьей пробудило мстительную агрессию, которую на тот момент она уже была в состоянии проанализировать в ходе терапии. Нам также удалось проработать печаль, вновь вызванную чувством изоляции, которое она испытала, вернувшись из Новой Англии в свою пустую квартиру. Но агрессия развивалась слишком быстро, Эго не смогло сдержать ее, и в итоге она была направлена внутрь, что спровоцировало еще один тяжелый приступ депрессии. Несколько недель спустя на одной из сессий Элизабет торжествующе объявила о том, что снова обратилась к психиатру, которого я рекомендовала, вместе они решили, что ей необходимо пропить курс антидепрессантов, и вот уже целую неделю она принимает лекарства. Я интерпретировала это автономное действие как сокрытие важной информации и как еще одну попытку одержать надо мной победу.

Постепенно она научалась принимать такие интерпретации, сдерживать мстительную реакцию и переживать инсайты. Благодаря ее растущей способности сдерживать сильнейший импульс к отыгрыванию, в университете, где она работала, у нее появился друг. С того момента атмосфера в кабинете изменилась. И казалось, что ее стремление к процессу личной индивидуации поддерживало нашу работу даже в те периоды, когда мы обе чувствовали неуверенность.

Вопросы терапии: перенос и контрперенос

Большую часть моего опыта с этой пациенткой можно кратко описать, ссылаясь на высказывание Кернберга:

Наиболее ярко активизация пропитанного агрессией грандиозного Я проявляется в потребности психологически разрушить аналитика, а именно: его интерпретации, его творческие способности, его ценности как автономный хороший объект... Бессознательным мотивом такого безжалостного разрушения является зависть к аналитику как к объекту, проявляющему заботу... а, кроме того, зависть к нему как человеку, который не является жертвой той же самой патологии, что и пациент. Острое осознание того факта, что аналитик, по всей вероятности, может наслаждаться собственной жизнью, становится невыносимым для пациента, заключенного в тюрьму своего садистского грандиозного Я.

(Kernberg, 1993, p. 303)

Во всех трех формах нарциссизма, описываемых нами, терапевт в переносе воспринимается не как опекун в его традиционном понимании, а скорее как неинтегрированные аспекты Я пациента. Хотя альфа-нарцисс может поверхностно идеализировать аналитика, он, учитывая его потребность в доминировании, с трудом сдается, чтобы спроецировать грандиозный идеализированный аспект своего Я, поскольку в целях защиты использует его как внутренний источник превосходства, и поэтому сначала довольно долго переносит на терапевта обесцененный и полностью отвергаемый аспект Я,

который затем и атакует. Он защищается от тех аффектов и образов, значение которых принижает. Теплота, свойственная аффективному отзеркаливанию, или ясность, которую могут внести образы и интерпретации, постоянно отвергаются и даже используются как доказательство некомпетентности терапевта.

Для самого пациента его агрессия может скрываться под маской вполне обоснованной защиты. Сознательно он считает себя жертвой, а преследователем становится бессознательно. Сознательная идентификация с жертвой позволяет ему без всякого стеснения вести себя подобно тирану. А бессознательная идентификация с агрессором позволяет утверждать, что поступает он так, чтобы обезопасить себя, поэтому в ходе терапии очень важно не уклоняться от проработки идентификации с агрессором и наблюдаемых манифестаций садистического поведения. Одна из целей долговременной терапии альфа-нарцисса состоит в том, чтобы развить в нем способность к переживанию глубоких аффектов через признание обычных эмоций и принятие слабости и уязвимости.

Сталкиваясь со скрытой идеализацией или повторяющимися нападениями в форме отвержения или насмешки, аналитику нелегко сохранять самообладание. Чувства, возникающие в контрпереносе, могут быть диаметрально противоположными. Идеализированный терапевт чувствует себя значимым, особенным, исключительным, авторитетным, посвященным в некое тайное общество. Обесцененный терапевт в полной мере испытывает уязвимость, отрицаемую пациентом. При этом он чувствует себя раздавленным, преследуемым и затравленным настолько, что готов нанести ответный удар, чтобы защититься. В контрпереносе терапевт может почувствовать соблазн выступить в роли тирана-садиста.

Таким образом, психологическая динамика и терапия альфа-нарциссизма являются невероятно сложными и тяжелыми, к тому же всегда существует реальная опасность суицида. Исследуя материал по альфа-нарциссизму, мы убедились в том, что и в учебной, и в клинической практике данная структура характера, как правило, не диагностируется. Диагностировав альфа-нарциссизм как «общий нарциссизм», те-

рапевты обычно применяют такие терапевтические приемы, как эмпатия, отзеркаливание, интерпретация идеализаций и т. п. Но все эти приемы не позволяют проработать импульс к деструктивному отыгрыванию зависти, постоянное обесценивание аналитика, нападки на хороший объект и идентификацию с архетипическим хищником, которая лежит в самой основе альфа-нарциссической динамики.

Представление в мифах: самая темная сторона человеческой души

Мифические истории, в которых присутствует динамика власти альфа-нарциссического характера, раскрывают самую темную сторону человеческой души. Этот теневой потенциал описывается в потрясающих разум архетипических историях о матерях, которые, мстя мужьям за измену, злонамеренно убивают собственных малолетних детей. Их архетипическая жажда завоевывать и побеждать неутолима, она доводит их до немислимых крайностей. Можно сказать, что психологически переживание потери без нанесения соответствующего контрудара разрушает хрупкую альфа-нарциссическую структуру. И тогда, как Медея, человек может впасть в кроваваое безумие. Греческая трагедия «Медея», написанная Еврипидом, знакомит нас с этой динамикой в мучительных подробностях (Euripides, 1998). Медея никогда не отступает. Чтобы помочь Ясону добыть Золотое Руно, она предает своего деда и убивает гигантского змея, охранявшего волшебную шкуру. Затем, чтобы сбежать с возлюбленным, она убивает младшего брата, расчленяет его тело и выбрасывает куски за борт «Арго», что позволяет им выиграть время, когда они отплывают в Грецию.

Влюбленные возвращаются в царство Ясона, где по-прежнему правит его дядя. Желая вернуть мужу трон, Медея прибегает к коварству: она уговаривает доверчивых царевен убить отца и разрезать его тело на куски, обещая, что с помощью волшебства воскресит его молодым, но в итоге обманывает их. Из-за этого чудовищного вероломства, так и не завладев тронном, Ясон, Медея и их дети вынуждены бежать. Находясь в из-

гнании, Ясон тайно женится на новой возлюбленной. Медея, узнав об измене, убивает его молодую жену и свекра, посылает им отравленные дары. А в довершение мести, чтобы причинить Ясону боль, она убивает собственных детей. Приготовившись к убийству, она ласково говорит с сыновьями – сцена одновременно волнующая и холодящая душу. На минуту ее охватывает сомнение, но она подавляет его. Здесь компротисс невозможен.

В конце пьесы Медея пролетает над дворцом в колеснице, запряженной драконами. Рядом с ней тела детей. Она безжалостно насмехается над Ясоном, предрекая ему позорную смерть. Человек с альфа-нарциссической структурой может чувствовать себя победителем, издевающимся и торжествующим, только когда разрушает все то, что ценно. Мчась в колеснице, которой управляет ее собственная примитивная сила, Медея драматично исчезает в ночном небе совершенно одинокая.

Альфа-нарциссическая динамика, кроме древнегреческой мифологии, где она воплощается в образе Медеи, встречается также и в народных сказках. Например, на юго-западе Америки очень популярна сказка о Ла-Йороне – плачущей женщине. Ее соблазнил красивый чужестранец, она родила ему двух прекрасных детей, а потом он предал ее. В приступе безумной ярости и стыда она бросила своих детей в бурную реку, и они утонули. Плач Ла-Йороны разносится над реками, как только вечер опускается на землю (Beatty and Kraul, 2004).

Эта архетипическая динамика столь же трагически отыгрывается и в наши дни. Несколько лет назад Северную Каролину потрясла история Сьюзан Смит. Она, загнав двух своих маленьких детей в озеро, безучастно наблюдала за тем, как они тонут. Вероятно, таким образом она пыталась привлечь внимание любовника, отвергнувшего ее. И Медея, и Ла-Йорона показывают нам, на какие крайности толкает людей динамика власти. В этих историях символически описывается напряжение, которое испытывает альфа-нарцисс, когда, получив нарциссическую травму, регрессирует в убийственное психотическое состояние. В таком состоянии он способен совершить самое жуткое преступление. Он набрасывается на то,

что считает хорошим. Так, женщина с альфа-нарциссической структурой может считать, что самый жестокий способ наказать мужчину – это убить его детей, а не его самого. Но поступая так, она убивает и собственных детей. Она как бы уничтожает себя: часть самой себя, свое творческое начало, свой потенциал. Но когда сознание пребывает в психопатическом состоянии, такие действия не воспринимаются как принесение в жертву самого себя, они приносят удовлетворение, ощущение садистического торжества.

Почему эти истории, символически описывающие альфа-нарциссическую динамику, заканчиваются трагически, без надежды на спасение? Мы считаем, что такой сценарий действительно может быть обусловлен «клинически». Ведь альфа-нарцисс взобрался на «скользкую» внутриспсихическую вершину. Нарциссическая травма может привести к усилению нарциссических защит или спровоцировать психопатический припадок. Поскольку в альфа-нарциссе доминирует импульс к действию, то ситуация хаоса толкает его на совершение необдуманных поступков. Причем поступки эти могут оказаться непоправимыми и необратимыми, учитывая свойственную антагонистическому паттерну в целом ориентированность на действие. Пересказанные выше истории наглядно учат и недвусмысленно предупреждают нас о том, что подобные варианты возможны.

На примере Элизабет мы уже показали, что для излечения альфа-нарцисса необходима параноидная регрессия в переносе и в анализе. В этой регрессии человек с альфа-нарциссической структурой характера получает возможность в полной мере пережить и интегрировать чувства уязвимости и тревоги. Только когда эти переживания интегрированы, становится возможным дальнейшее развитие и обретение целостности. Однако в архетипических историях Медеи и Плачущей женщины исцеление не наступает. В них так и не появляются фигуры Анимуса или Самости, которые трансформируют паттерн. Вполне вероятно, что в реальной жизни у подобных историй мог быть другой финал. Например, альфа-нарцисс выбирает достаточно сильного партнера, который может справиться с энергией трикстера, не отождествляясь с ним и не подпадая

под его влияние. Присутствие такого человека помогло бы ослабить хватку данной структуры характера. Но, возвращаясь в мифологическую реальность, мы вынуждены примириться с тем обстоятельством, что Медея и Ла-Йорона выбрали себе в партнеры героев-любовников, которые их предали. Говоря клиническим языком, они выбрали мужчин, подобных себе, которыми двигала та же самая сила. Такие мужчины всегда думают только о себе и о собственной выгоде. В них нет созидательной силы, которая способствовала бы трансформации героинь. А мы еще раз убеждаемся в том, что альфа-нарциссическая динамика крепко держит человека в своих тисках.

Трикстер в антагонистическом паттерне отношений

Архетипический трикстер запускает процесс трансформации, но его трансформирующая природа не является тем аспектом архетипа, с которым идентифицируется психопатическая или альфа-нарциссическая личность. Психопатический человек захвачен архетипическим хищником. Альфа-нарцисс крепко-накрепко привязан к трикстеру. Он как бы раскачивается из стороны в сторону, то обесценивая, то идеализируя. Он широко использует черную магию обесценивания, разрушая других и сея хаос в их жизни. Он также с удовольствием идеализирует окружающих, обезличивая их таким образом.

В альфа-нарциссической структуре диалог между Эго и Самостью невозможен из-за полученной на раннем этапе травмы, повлекшей в дальнейшем слияние Эго с архетипом. По причине архетипической идентификации с темным аспектом бессознательного, например ведьмой или черным магом, альфа-нарцисс использует любую магию, которая могла бы сослужить ему службу. Как и мачеха из «Белоснежки», он использует энергию трикстера, чтобы строить козни для достижения своих эгоистических целей. Если в психотерапии человек сможет достичь достаточной степени дезинтеграции, почти граничащей с хаосом, есть вероятность, что в его психике запустится процесс самоорганизации. В результате достигнутой подобным образом интеграции альфа-нарцисс научается использовать свои уловки во благо Самости.

Мы уже говорили о том, что альфа-нарциссическая личность может служить катализатором жизни других людей. Эти обаятельные ловкачи с их выходками и плутовством приводят в движение сюжеты многих мифов, сказок и реальных человеческих историй. Писатель П. Л. Траверс называет злобную ведьму из сказок «богиней в ступе» (Travers, 1989). Как правило, именно она запускает ход событий и заставляет героя или героиню шагнуть навстречу судьбе.

Архетипическая энергия трикстера,
воплощенная и интегрированная, творит чудеса
и приносит удивительные перемены

Особые дары, которые преподносит альфа-нарциссическая или психопатическая структура характера, – это дух авантюризма и агрессивная смелость. Ни страх, ни тревога не могут сдерживать эти проявления духа. Когда хватка альфа-нарциссической структуры ослабевает, благодаря чему открываются возможности для установления функционирующей оси Эго–Самость, личностные и надличностные слои психики вступают в диалог друг с другом. Вот тогда архетип трикстера во всей своей полноте способен функционировать в жизни альфа-нарцисса и творить чудеса, исцеляя/разрушая/возрождая. Больше не идентифицируя себя только с одним аспектом трикстера, человек свободно пользуется обаянием, силой и магией во благо Самости.

Альфа-нарцисс обладает огромными ресурсами и знаниями о том, как пользоваться силой в этом мире. Когда дух трикстера действует в согласии с Самостью, его энергия способна вдохновлять, а уловки помогают людям раскрепоститься и вступить в отношения с другими или с самим духом. Если альфа-структура находит свое «адекватное разрешение», то генеративные, преобразующие и созидательные аспекты архетипа трикстера констеллируются в более благоприятную комбинацию. При этом нужно помнить, что использование силы во благо несовместимо с получением личной выгоды. Однако, если целитель-гипнотизер идентифицирует себя с трикстером, он волей-неволей становится вором, манипулятором

или жуликом. А служба Самости, шаман пользуется магией, чтобы исцелять больных, наставник вдохновляет учеников на удивительные открытия, крупный бизнесмен использует наработанные связи для приумножения блага.

Запутанная энергия трикстера не всегда благотворна. В традиционных духовных практиках человечества сознательно используется священная сторона трикстера, она активизируется в магических обрядах исцеления и посвящения, проявляясь, например, в глубинной исцеляющей силе шамана. Магия трикстера – это дар, который альфа-нарцисс получает в награду. Этот воплощенный дух и есть та драгоценная жемчужина, которую альфа-нарцисс дарит миру.

Значение альфа-нарциссической динамики в нашей жизни

Альфа-нарциссическая динамика присутствует повсюду: в нашей жизни, психике, культуре. Как элемент антагонистического паттерна эта темная энергия выполняет свою роль в круговороте жизни. Естественно, возникает вопрос: «Каким образом в повседневной жизни закоснелый альфа-нарцисс может служить Самости?». А ведь если подумать, то во многих сказках персонаж, запускающий движение к целостности, воплощает в себе тот самый архетип, который питает альфа-нарциссическую структуру характера. При этом то, что выглядит как настоящая жестокость, оказывается значимой или необходимой травмой. Не будем же мы отрицать тот факт, что неожиданный удар по голове, как, например, в практике Дзен, или пресловутый пинок под зад бывают очень кстати. Трикстер, появившись в обличье лиминального существа, может сотворить чудо и вызвать трансформацию в тот момент, когда меньше всего этого ждешь. Он ускоряет процессы развития и индивидуации. Когда трикстер поблизости, «сюжет закручивается». Гадость, подлость или оскорбление, подстроенные или нанесенные альфа-нарциссом, могут стать той последней каплей, которая переполнит чашу, и человек наконец-то перестанет сдерживать сексуальность или агрессию, избавится от инфантильной пассивности или склонности всем и во всем

уступать. Встреча с трикстером может заставить человека отказаться от архаичных форм адаптации. Сознательно и умело обращаясь с энергией трикстера, альфа-нарцисс как бы выполняет работу этого архетипического ловкача: заманивает, без колебаний преступает границы и нарушает табу с одной лишь целью – помочь нам осознать, что мы закоsnели или остановились в развитии.

Конечно, столкнуться с энергией трикстера, которая воплощается в альфа-нарциссической динамике, можно и на внутриспсихическом уровне. Архетипический трикстер – существо смешанной природы: животное и божество и при этом не то, не другое. Он, несомненно, существо «третьего порядка», выполняющее трансцендентную функцию. Трикстер – бог юмора, обмана, беззакония и сексуальности. И он же бог границ, исцеляющей магии и божественных посланий. Его авантюры, которые, на первый взгляд, он затевает с целью удовлетворить свои желания, непостижимым образом даруют нам просветление. Прodelки трикстера в наших мечтах и фантазиях могут заставить трансцендентную функцию удивительным, а иногда и шокирующим образом проявиться в жизни.

Глава 9

ПАССИВНО-АГРЕССИВНАЯ СТРУКТУРА ХАРАКТЕРА

СМОЛЯНОЕ ЧУЧЕЛКО КРЕПКО ДЕРЖИТ

Липкий капкан

Любой родитель, чей ребенок по инерции откладывает уборку комнаты до утра субботы, а в назначенный час намеривается удрать в кино, испытал на себе фрустрирующее воздействие пассивно-агрессивного поведения. Такой родитель имеет дело с подростком, который, вероятнее всего, вообще не хочет убирать свою комнату, но напрямую никогда не отказывается от этого занятия. Он просто тянет время. А когда время проходит, он увлекается другим делом и «забывает» о договоре. Возможно, поначалу у него и было смутное намерение подчиниться, но, переключившись на что-то более увлекательное, он подумал и решил, что уборку можно сделать и попозже. А тут уже и в кино пора. И он как ни в чем не бывало уходит, не говоря ни слова. Ну, что в этом такого? В конце концов уборку можно сделать вечером. Он возвращается домой, и тут родители начинают свои разговоры о нарушенном договоре, пристают с вопросами, почему ничего не сделано, упрекают в безответственности и с рассерженным видом стоят над душой, проверяя, чтобы все было выполнено как следует. В тот самый момент, когда сопротивляющийся ребенок просто хочет лечь спать, яростный тиран силой заставляет его делать то, чему он противится, да еще в его собственной спальне! Он заползает в свою постель, обессиленный, поверженный и подавленный, а родители – в свою, чувствуя, что их обманули,

разозлили, а завтра утром эта сцена повторится вновь, как бы они ни старались изменить ситуацию.

Если подросток всего лишь экспериментирует с такой формой поведения, то человек, в характере которого этот паттерн глубоко укоренился, ведет себя подобным образом постоянно – сопротивляется, саботирует, вредит самому себе. Именно по причине такого поведения, свойственного определенному этапу развития, из которого большинство людей вырастает, «взрослых людей с таким характером считают эмоционально незрелыми» (Millon, 1981, p. 245).

Сначала мы вкратце, а затем подробно разберем известную сказку дядюшки Римуса «Смоляное Чучелко» (Lester, 1987; Harris, Chase, 2002). В этой сказке так лаконично и искусно описываются пассивно-агрессивные уловки, что она позволяет получить общее представление об этой динамике, сбивающей людей с толку. Итак, Братец Лис не признает силу и авторитет Братца Кролика, этакого «большого босса». Высказывает ли он свой протест открыто? Нет. Он устраивает ловушки. Сооружает Смоляное Чучелко, ставит его на дороге, а сам «сидит в кустах» и наблюдает за происходящим. Приманка – липкий капкан – оставлена посреди кроличьей тропы. Появляется Кролик, приветствует чучело, но не получает ответа. Разозлившись на «молчуна», он начинает засыпать его вопросами, а затем, потеряв терпение, бьет чучело и безнадежно увязает в липкой смоле.

Разве нам самим не случалось попадать в липкий капкан, расставленный на нашем пути? Как часто мы не замечали, что кто-то «сидит в кустах» и выжидает, когда мы попадемся на его крючок? Мы уже не во владениях хищника, подкарауливающего свою добычу, чтобы убить ее. Но и здесь нас все-таки хотят заманить в ловушку и поймать. Действуя изощреннее, чем психопат или альфа-нарцисс, пассивно-агрессивный человек расставляет сети липкие, неприятные и обидные, но однозначно не смертельные. Как и кролик, мы можем сначала просто удивиться. Настоящая борьба начнется, когда мы почувствуем, что нас провоцируют, и разозлимся.

На эту историю о Смоляном Чучелке не заканчивается; самым неожиданным образом герои меняются ролями. Лис

злорадствует и, потешаясь, прикидывает, как он приготовит и съест кролика на обед. Но хитроумный кролик убеждает Лиса в том, что нет страшнее наказания, чем бросить его в терновый куст. Поверив, Лис бросает Кролика в самую середину куста. Но ведь для Кролика терновый куст – дом родной. Вот так Кролик и удрал, обедев Лиса вокруг пальца. Однако в этой истории освобождение означает всего-навсего вхождение в новый виток провокаций. Хотя на этом сказка заканчивается, братец Лис и братец Кролик будут бесконечно дурачить друг друга, и настоящее освобождение или трансформация не наступят никогда.

Мы можем поддаться искушению и отреагировать на выходку пассивно-агрессивного человека так же, как это делал Кролик, то есть прибегнуть к ответной хитрости, но это принесет лишь кратковременное облегчение. Ну, удастся вам одурачить трикстера в очередном раунде или главе, но динамика вернется на круги своя. Сказка о Смоляном Чучелке показывает коварство и липучесть пассивно-агрессивного поведения и то, как трудно вырваться из него. Как нам реагировать на подобные провокации в личной жизни и в терапевтической практике? Ниже мы дадим ответ на этот вопрос, исследовав пассивно-агрессивную динамику с разных точек зрения.

Клинический профиль

Пациент с пассивно-агрессивной структурой характера достаточно развит, чтобы хотеть отношений и стремиться к ним. Однако его способность к близкому контакту ограничена несколькими факторами. Клинический опыт показывает, что пассивно-агрессивный ребенок воспринимает своих опекунов как подавляющих и несговорчивых, а самого себя как поверженного и незамеченного. Это приводит к возникновению смутного страха, что он неадекватен и неполноценен. Из двух предыдущих глав мы уже узнали, что в антагонистическом паттерне формирующееся Эго ребенка опутал сетями архетип трикстера, который как бы накрыл нарождающееся сознание пеленой бессознательного. Во взрослом состоянии у пассивно-агрессивного человека на сознательном

уровне присутствует лишь неясное ощущение того, что он повержен. По большей части это ощущение бессознательное. Позже этот бессознательный страх неадекватности и поверженности лишает человека способности реализовывать врожденное стремление к власти и превосходству, которое, как уже отмечалось, присуще архетипической конфигурации данного паттерна. При взаимодействии этого страха и стремления к власти внутри завязывается двойной узел. Пассивно-агрессивный человек, признавая чужое могущество и свою слабость, одновременно всем своим существом отвергает сильного другого и завидует ему.

Еще раз следует подчеркнуть, что эти переживания запрятаны глубоко в бессознательное. Не имеющий доступа к болезненным воспоминаниям о ранних поражениях и смущенный непрекращающейся борьбой за власть, он воспроизводит один и тот же паттерн поведения, который фрустрирует и отчуждает окружающих. Бессознательно защищаясь, он мобилизует скрытые уловки – саботирует, раздражается и обвиняет. Свою агрессию он проявляет столь извортливо, что его практически невозможно изобличить. При этом проявление агрессии по отношению к себе и к другим полностью отрицается. Удовольствие, доставляемое пассивно-агрессивным маневром, хотя, без сомнения, и является ключевым элементом динамики, как правило, тоже остается в бессознательном и, следовательно, для самого человека неуловимо. Агрессия, скрываемая и отрицаемая подобным образом, кроме того, что вызывает ощущение неудовлетворенности, еще оказывается настолько коварной, что другому человеку не под силу вывести ее на чистую воду.

Из-за того, что человек с пассивно-агрессивной структурой характера существует в этой зыбкой смеси сознания и бессознательного, ему особенно трудно ощутить свое Я. Из-за отсутствия сильного Эго такого человека легко выбивает из колеи любая критика, обоснованная и даже высказываемая в самой мягкой форме. Любое замечание извне воспринимается так, словно это реальное обвинение в личный адрес. Например, жена говорит мужу: «Ты обидел меня, потому что забыл о моем дне рождения». Что же слышит он? «Ты –

никудашный муж». Он злится, замыкается и отступает. Внутренне он может продолжать подогревать свой праведный гнев примерами, подтверждающими, что, несмотря ни на что, он хороший муж. Но может перейти и в контрнаступление, заявив, что всему виной его слишком тяжелая работа и т. д. Или же он будет погружаться все глубже и глубже в переживание фатального поражения. А о чувствах жены уже никто и не вспоминает. Дни рождения проходят незамеченными, отношения оказываются на грани развала, а пассивно-агрессивный супруг лишь дуется, пытаясь таким образом манипулировать, и беспокоится исключительно о собственных интересах, при этом не понимает, что прочно застрял в этом замкнутом круге. Если человек с психопатической или альфа-нарциссической структурой характера отыгрывает свою фрустрацию на своем непосредственном окружении, то пассивно-агрессивный человек чаще всего делает выбор в пользу сидячей забастовки и бездействия: отложить, забыть или устроить обструкцию.

Три взгляда на одну историю

Коварные бессознательные уловки пассивно-агрессивного человека лишают его возможности самому отслеживать свое поведение и стирают следы, которые могли бы помочь другим «вывести его на чистую воду». И все же нужно разобраться в том, как эта динамика проживается внутренне, чтобы узнать, лежит ли данный конкретный паттерн в основе структуры вашего характера, а также для того, чтобы понять человека с таким характером и проявить к нему сочувствие. Терапевт, если у него хорошо развита эмпатия, сможет получить доступ к любой структуре характера, и тогда динамика конкретного ландшафта не будет восприниматься как чужеродная. Каким бы сильным ни было искушение сосредоточиться только на коварных и липких пассивно-агрессивных уловках, важно все-таки прочувствовать внутриспсихическое состояние человека. Давайте посмотрим, как последовательность пассивно-агрессивных поступков выглядит, если ее представить с разных точек зрения.

Что происходит днем на работе и вечером дома

На работе Джон отвечает за проект, который он давно отложил в сторону, но по плану должен завершить сегодня. Кроме того, он еще согласился помочь своему восьмилетнему сыну с домашним заданием. На работе он созванивается с поставщиками и запрашивает у них самую последнюю информацию, которую ему необходимо включить в отчет. Когда он обнаруживает, что один из факсов отсутствует, то, разозлившись, обвиняет во всем секретаря и делает ей строгий выговор. Вернувшись домой, он хочет забыть об этой стрессовой ситуации и расслабиться. Но жена напоминает ему о просьбе сына. Он рассказывает ей, какой ужасный день был на работе, да и сын не напомнил о сроке. В итоге он решает пойти в спортзал.

Взгляд Джона на случившееся

Когда Джон приходит на работу, секретарь напоминает ему, что сегодня срок сдачи важного отчета, от которого зависит финансирование отдела. Причем в ее голосе ему слышится требовательная и критическая интонация. Отчет посвящен изменению, внесенному в технологический процесс месяц назад по распоряжению нового начальника, которого Джон считает властным и очень неприятным. Он чувствует, что его окончательно загнали в угол. У него ощущение, что начальник воспользуется этой ситуацией как поводом для того, чтобы раскритиковать и унижить его. Все утро он висит на телефоне, созванивается с поставщиками, чтобы получить информацию, необходимую для завершения отчета. Вторую половину дня мучительно собирает все данные вместе и в конце концов обнаруживает, что самого важного факса нет. Он чувствует безысходность и ярость и делает вывод, что неумеха-секретарь снова перепутала папки. Тут он решает, что на сей раз она ответит за то, что выставила его дураком перед новым начальством. Он третий раз выносит ей выговор с занесением в личное дело. Незаконченный отчет остается лежать на столе. В машине по дороге домой он беспрестанно прокручивает в голове мысль о том, какая некомпетентная

у него секретарша, и при этом смутно ощущает, что потерпел неудачу.

Придя домой, Джон надеется отстраниться и отключиться. Но не тут-то было. Здесь его встречает жена, которая, как ему кажется, тоже предъявляет требование – помочь сыну. Не долго думая, он цепляется за то обстоятельство, что сын не напомнил ему о домашнем задании. Он считает, что сегодня на него и так уже свалилось немало. Найдя себе такое, пусть и слабое, но все же оправдание, он отправляется в спортзал выпустить пар. Вернувшись, он не хочет ни во что вмешиваться. Просто смотрит фильм, а с женой и сыном даже не заговаривает об уроках. Уже засыпая, он приходит к выводу, что это был один из тех дней, когда люди спрашивали с него слишком много, но по достоинству не оценили.

Размышления по поводу такого поведения

Мы можем предположить, что в детстве Джон воспринимал себя поверженным в присутствии чрезмерно опекающей матери, при этом отец особо не заботился о том, чтобы помочь сыну выстроить отношения с навязчивой матерью или отделиться от нее. В ответ на подобное обращение у Джона возникло чувство, что он не достоин любви, и, защищаясь, он отождествился с трикстером. Отрицать и не осознавать – вот что помогало ему защищаться, поскольку мысль о том, что родители отвергают и не воспринимают его, равно как и ощущение собственного поражения, были для него просто невыносимы. Со временем эти защиты развились в пассивно-агрессивный паттерн. Сейчас, став взрослым человеком, но имея незначительный опыт переживания успеха и силы, Джон проецирует интегрированное могущество и авторитет на других. И когда люди, которых он воспринимает как могущественных, предъявляют требования, он чувствует себя поверженным и парализованным. Такое восприятие объясняется особенностями характера: соглашаясь, он как бы подчиняется, а принимая обязательства, обрекает себя на еще большую неудачу. Джон пытается скрыть внутреннее ощущение паралича, прибегая к разнообразным защитным уловкам, которые позволяют ему

обойти предъявляемое требование и избежать пугающего провала: он забывает о своих обещаниях, тянет время, откачивается от своих слов. Он может сделать вид, что соглашается, хотя на самом деле «против», обнадежит, но то, о чем просили, сделает плохо или не сделает совсем. И что самое главное: он не признается ни себе, ни другим в том, что пользуется всем этим арсеналом средств.

Итак, мы представили вам три разные точки зрения на поведение пассивно-агрессивного человека. Сначала мы показали, как такое поведение видится стороннему наблюдателю, затем то, что чувствует сам Джон, и в конце познакомились с психологическим заключением о причинах и динамике этого поведенческого паттерна. Все три точки зрения наглядно демонстрируют сложность и запутанность этой динамики. За всеми вызывающими ярость двойными захватами и неприятно-липкими столкновениями, которые приводят в бешенство, легко не заметить главное: толчком к формированию пассивно-агрессивного характера является чувство изоляции, отвержения и острая неудовлетворенная потребность в контакте и поддержке. Спровоцирована эта борьба глубоким разочарованием ребенка в любви. При комплексном рассмотрении проблемы выясняется, как это ни парадоксально, что в основе пассивно-агрессивного поведения лежит намерение вызвать других людей на контакт. Но поскольку это намерение реализуется отчужденно, бессознательно и со скрытой агрессией, то пассивно-агрессивная защита, направленная против других, наносит поражение своему носителю. Из-за нее не получается добиться устойчивого контакта и поддержки; она в конечном счете очень часто приводит к тому, что отношения не складываются и возникает отчуждение. А такое взаимодействие лишь подкрепляет неверие пассивно-агрессивного человека в то, что он достоин любви, его недовольство самим собой и убежденность в том, что другие его не понимают и недооценивают.

Так же, как в случае с психопатом и альфа-нарциссом, развитию пассивно-агрессивного человека мешает то обстоятельство, что с раннего детства он захвачен архетипом трикстера. Поскольку Эго постоянно погружено в бессознательное, человек не может в полной мере почувствовать собствен-

ное Я и становится безынициативным. Действовать открыто он не способен, его оружием становятся забывчивость и раздражительность. Испытав поражение в детстве, сейчас он настойчиво проецирует вину и желание отомстить на других, выплескивая подобным образом бессознательную агрессию. На преневротической стадии, как правило, происходит интернализация норм нравственного поведения, что в дальнейшем ведет к переживанию чувства вины. Но, несмотря на то, что глубокое чувство вины свидетельствует о формировании Супер-Эго, у пассивно-агрессивного человека оно подавляется и отрицается. Например, нарушение договоренностей с другими, кажется, не вызывает никаких переживаний. Человек прибегает к отрицанию, которое проявляется в форме отговорок, резком упадке сил или жалости к самому себе, и при этом проецирует вину, чтобы устраниться от выполнения обязательств. Можно сказать, что, подобно трикстеру, который вольготно чувствует себя на территории этого паттерна, пассивно-агрессивный человек «из одной неприятной истории попадает в другую. Хотя сам по себе он и не скверный человек, но совершает невероятно гнусные поступки, потому что сам этого совершенно не осознает и чувствует себя отчужденно» (Jung, 1956b, pag. 473). Точно так же, как трикстер, то и дело провоцирующий одно несчастье за другим, человек с пассивно-агрессивной структурой характера доводит мастерство самовредительства до абсолютного совершенства. Он считает, что надует своего врага – того, кто олицетворяет власть, а все кончается тем, что он сам оказывается в проигрыше. Жизнь пассивно-агрессивного человека – череда вялых попыток применить силу, которые оборачиваются против него самого.

Характеристика пассивно-агрессивной структуры характера

Теоретические основы

Диагностический термин «пассивно-агрессивное личностное расстройство» стал использоваться в специальной литературе относительно недавно. Термин «пассивно-агрессив-

ный» появился в среде американских военных в годы Второй Мировой войны. Дело в том, что офицеры заметили, что некоторые солдаты уклонялись от исполнения обязанностей, демонстрируя пассивно-агрессивную манеру поведения. Впоследствии термин включили в первую версию DSM 1952 года (Millon, 1981, p. 247). Однако паттерны, свойственные этому личностному расстройству, изучались с разных точек зрения на протяжении многих лет. В психоаналитической традиции детской сексуальности отводится основная роль в процессе развития, которое включает три стадии: оральную, анальную и фаллическую. Динамика, свойственная орально-садистической и анальной стадиям, непосредственно связана с пассивно-агрессивными формами поведения. Ее проявлениями являются враждебность, зависть, двойственное отношение к другим, склонность обвинять весь мир в своих несчастях, постоянные придирки, склоки, недовольство, стремление помешать другим добиться цели, а заканчивается все затоплением бессознательной виной (Millon, Radovanov, 1995, p. 313).

По мнению Вильгельма Райха, стремление устраивать обструкции другим, используя пассивно-провокационную манеру поведения, объясняется глубоким разочарованием в любви. Человек, отыгрывающий детскую злобу с целью отомстить и помучить отвергающих родителей, в действительности «раздражаясь и злясь, требует любви» (Reich, 1949, p. 224–226). Позиция «Ты обращаешься со мной отвратительно, поэтому я имею полное право тебя ненавидеть» выражает антагонизм, присущий этому паттерну в целом и лежащий в основе данной структуры характера.

Когда чувство вины оказывается сильнее потребностями в зависимости, то компромиссным решением становится пассивно-агрессивное поведение. Уитман, Тросман и Кёних раскрывают психодинамику пассивно-агрессивных форм поведения следующим образом. Когда агрессия подавляется внутренней виной или страхом перед внешним наказанием, то происходит регрессия в зависимое состояние. Стыд, вызванный принятием пассивной роли, неприемлемой в обществе, ведет к внутренней враждебности, которая в поведении пас-

сивно-агрессивного человека проявляется в виде опосредованной агрессии (см.: Millon, 1981, p. 251).

Наиболее полно пассивно-агрессивная личность в современном ее понимании описывается в DSM-III-R в категории «личностное расстройство по Оси II», «для которого характерно пассивное противодействие нормам адекватного поведения в сфере профессиональных и общественных отношений». В DSM-IV эту диагностическую категорию переместили в Приложение В («Наборы критериев и оси, подлежащие дальнейшему изучению»). Диагноз в том виде, в каком он был представлен в DSM-III-R, вызывал некоторые разногласия. В DSM-III-R определение пассивно-агрессивной личности сводилось главным образом к одной характеристике, а именно к противодействию внешним требованиям. Спорным также оставался вопрос диагностики. Если сравнивать с другими личностными расстройствами, то при психометрическом тестировании этот диагноз дал наихудшие результаты в плане совпадения с диагностическими критериями (Fossati et al., 2000, p. 72–83).

Миллон кратко описывает поведение пассивно-агрессивного человека: «Пассивно-агрессивной личности свойственны негативизм, раздражительность и непредсказуемость, умение быть обаятельным и чутким и одновременно требовательным и выказывающим недовольство. Такая манера поведения безотказно действует не только с запуганным или уступчивым партнером, но и вообще с любым человеком». Благодаря смене ролей: измученный, виноватый, перетрудившийся и т. д., пассивно-агрессивный человек получает внимание и обретает уверенность, в которых так остро нуждается, и в то же время дает выход своей злости и враждебности (Millon, 1981, p. 258).

По собственному опыту мы знаем, что отрицание является основной защитой этой структуры характера. Упорно неосознаваемая агрессия, проявляющаяся завуалированно в форме отговорок, резком упадке сил, жалости к самому себе или в проецировании вины, становится устойчивым качеством. Создается впечатление, будто пассивно-агрессивный человек упражняется в бессознательности, ему мастерски удаётся намеренно выставлять себя неумехой и трусливо уваливать. Однако сам он полагает, что плохо обходятся с ним. Отчасти

так и есть в том смысле, что Эго по-прежнему остается во власти трикстера. И страдания ему причиняет не другой человек, а архетип, которым он захвачен.

Виктория: отрицая поражение и зависимость

На сессии Виктория только и делала, что жаловалась на мужа, детей и общество. Она была превосходным художником-графиком, но недавно потеряла работу. О муже она отзывалась враждебно и с презрением, преуменьшая свою материальную и эмоциональную зависимость от него. Она часто задумывалась о разводе, но сама мысль жить одной страшила ее, в особенности потому что она понимала, что не сможет обеспечить себе тот уровень жизни, к которому уже привыкла. Не прошло и нескольких сессий, как жалобы стали поступать в мой адрес. Как оказалось, я просто не понимаю, с чем ей приходится сталкиваться. Не говоря о том, что в моем офисе слишком жарко, слишком светло, и до него слишком трудно добираться. А между тем на каждую сессию она опаздывала на несколько минут: то забыла чековую книжку, то банк не оплатил чек. Начало было многообещающим. Анализ продолжался, и большую часть времени Виктория демонстрировала свой негативизм, упрямо не впуская меня в мир своих внутренних переживаний. Если свою обиду на мужа она осознавала, то агрессию в форме обвиняющего негативизма, в которой эта обида проявлялась, упорно не замечала. Виктория выражала свою агрессию пассивно и всякий раз, когда это происходило, яростно отрицала данный факт.

Проблемы, возникающие у пассивно-агрессивных людей с другими, которых они так или иначе воспринимают как сильных, влиятельных или важных, связаны непосредственно с их сложным и противоречивым отношением к зависимости. Как ни парадоксально, но пассивно-агрессивные поступки часто являются попыткой обрести независимость через сепарацию. Но поскольку совершаются они в недифференцированном состоянии, то приводят к навязчивому повторению устоявшейся модели поведения, что препятствует дальнейшему ходу отделения. Было очевидно, что пассивно-агрессивные

действия удерживали Викторию в ловушке зависимости, которую она отрицала, в то время как враждебные притязания сеяли хаос в ее жизни. Так как сама она не могла исследовать свои ранние переживания утраты, то опыт перенесенных поражений и заставлял ее наносить поражение другим.

Чтобы разобраться во всей этой путанице с зависимостью, пассивно-агрессивные люди используют в качестве одного из доступных способов цикл манипуляций, что очень распространено в антагонистическом паттерне. Они запускают серию манипулятивных взаимодействий и с их помощью пытаются «переложить что-нибудь на кого-нибудь». Мотивы их поступков сформировались на преневротической стадии, поэтому они имеют более изощренную форму, нежели свойственные хищнику агрессия, мошенничество или демонстрация превосходства. Действия пассивно-агрессивных людей преследуют одну цель – исподтишка нанести удар тому, кого они считают сильным.

Пассивно-агрессивная структура характера

Хотя в клинической литературе ведутся дебаты по поводу сохранения диагностической категории «пассивно-агрессивное расстройство», мы на основании архетипических образов, наполняющих эту динамику, уверенно относим эту структуру характера к антагонистическому паттерну отношений преневротического уровня. В пассивно-агрессивной динамике ясно прослеживаются все уловки трикстера. В двух предыдущих главах мы описали, как трикстер влияет на формирование структур характера в рамках данного паттерна отношений, начиная с самой ранней – примитивной стадии. Если в психопатической динамике он предстает в образе хищника, а в альфа-нарциссической – как могущественный колдун, то в пассивно-агрессивной динамике он часто воплощается в виде комичного персонажа, который устраивает обструкцию, переворачивает все с ног на голову, разрушает, «забавляется» с реальностью, вредя при этом самому себе. Не готовый к неизбежному перераспределению ролей в эдипальном треугольнике, пассивно-агрессивный ребенок нападет – ковар-

но, терпя поражение, с обидой – на тех, кто, по его ощущению, представляет угрозу.

Эрих Нойманн в своей работе «Великая Мать» высказывает точку зрения, которая помогает понять, каким образом архетип трикстера влияет на развитие в данном паттерне отношений. По его мнению, «процесс дифференциации архетипических явлений [с участием Эго]... ведет к тому, что из огромной и сложной массы выделяются отдельные архетипы и формируются связанные архетипические группы» (Newmann, 1954, p. 7). Как правило, сначала Эго само отделяется от Великой Матери, а затем перед ним проходит вереница архетипов. Именно Великая Мать открывает врата и выпускает из бессознательного его бесчисленные образы. Как и Юнг, Нойманн черпал вдохновение в героическом мифе и считал, что сознание изначально содержится в бессознательном, которое воплощается в архетипе Великой Матери. Затем индивидуальное сознание героически освобождается из бессознательного. Символически этот процесс представляется так: герой отправляется в путь, чтобы избавить селение от угрожающего ему дракона/матери и найти аниму. Тема героического поиска точно отражает развитие людей, чьи структуры характера формируются в рамках ищущего и избегающего паттернов. Но для антагонистического паттерна, который, если рассматривать его с точки зрения архетипов, по сути своей напоминает цикл мифов и легенд о трикстере, больше подходит определение «сосуществование сознания и бессознательного», чем «высвобождение из бессознательного». Динамику антагонистического типа лучше обрисовывают авантюры и уловки антигероя, а не завоевания и победы героя.

Этот совершенно иной архетипический ландшафт, где господствует трикстер, появляется, когда ребенок пытается свести к минимуму власть собственной и архетипической матери, отождествляясь с «тем, что матерью не является», то есть с самим трикстером¹. Стремясь избавиться от влияния матери, ребенок закрепляется на той территории ландшафта, где у нее нет власти. В итоге трикстер, а не мать закладывает основы его бытия. И, следовательно, трикстер не выпустит его душу из своих крепких тисков, ограничивая контакт с Вели-

кой Матерью и мешая дальнейшей дифференциации архетипов. При отождествлении с трикстером у ребенка, не способного отделиться от матери, которая представляется грозной и опасной, создается иллюзия независимости, что позволяет ему отгородиться от реальности, в которой он полностью от нее зависит. Но в действительности отрицаемая им зависимость принимает все более угрожающий характер, из-за чего постоянно и возникают конфликты.

Непреодолимая одержимость трикстером загоняет сознание в ловушку бессознательного. Трикстер как бы окутывает Эго пеленой, чтобы навсегда лишить его возможности раскрыться в полной мере. Вырваться из такого плена – дело нелегкое, потребуется целиком перестроить структуру Эго. В этом случае не избежать регрессии в архетипические владения Великой Матери для того, чтобы снова пережить момент, когда, избегая столкновения с ней, Эго обратилось к трикстеру. Встретившись с Великой Матерью в состоянии регрессии, пациент должен затем вступить в героический бой и отстоять в нем свою свободу, только тогда запустится процесс дифференциации несметного количества архетипов. Совершение этих напряженных действий в указанной последовательности помогло бы освободиться от недюжинной хватки трикстера.

Клинический случай: Дэн

Описанный выше клинический ландшафт явно распознавался при лечении мужчины по имени Дэн. Профессор местного университета начал терапию по той причине, что его огорчали угрозы жены уйти от него. Он считал, что она всегда от него много требовала и постоянно «пилила», хотя он человек щедрый, надежный, работающий и безотказный. На работе он сторонился административных обязанностей, посвящая всего себя почетному делу преподавания. Он блистал в просторных лекционных залах, где позволял себе сдержанные, но язвительные шутки отвлеченного характера.

По мере того как на сессиях открывались истории его семейной и профессиональной жизни, мне становилось ясно, что он боится настоящего контакта. Его жена, испытывавшая

потребность в более близких отношениях, постоянно стучалась в его дверь, трясла его клетку. В жизни Дэна – и в моем кабинете – явно ощущалась возня Братца Лиса и Братца Кролика. Но прошло немало времени, прежде чем он начал понимать, какую неразбериху то и дело создавал. На каждой сессии мы разбирали эти запутанные ситуации. Казалось, что именно в те моменты, когда он чувствовал, что от жены или от меня исходит угроза, он коварно нападал. Поначалу, когда я просила его поразмышлять над этими нападками, он погружался в угрюмое молчание, которое как будто вибрировало от возмущения. Это мрачное негодование было той самой наживкой, на которую я в буквальном смысле не могла не клюнуть. Точно так же его пассивное угрюмое молчание создавало невидимое препятствие, которое парализовывало нашу работу, но одновременно являлось хитрой приманкой, провоцировавшей мое вмешательство, которое он мог бы отвергнуть. Цель пассивно-агрессивных маневров состоит в том, чтобы посредством проективной идентификации поместить очаг агрессии в другого, и тогда тот другой начинает придирается, злиться и в действительности проявляет агрессию, отторгаемую пассивно-агрессивной личностью.

Когда работаешь с пассивно-агрессивной личностью, перед глазами часто встают образы Братца Лиса и Братца Кролика. Вот они устроили возню прямо в комнате, поэтому нам пора вернуться к сказке.

Братец Лис и Братец Кролик: бесконечная череда провокаций

Одна из вариаций на тему Смоляного Чучелка появилась на Американском Юге еще во времена рабовладения. И в этой сказке причудливым образом переплелись истории разных народов. Афро-американцы принесли с собой сказки о паукетриксере Анасази из мифов Ашанти. Уже в Америке эти сказки превратились в истории о Братце Лисе и Братце Кролике. В этой очень популярной сказке обыгрываются важные для нашей культуры темы вызова и поражения. Умело брошенный вызов в ситуации неминуемого поражения помогает снять

напряжение от выносимого социального гнета. Такой вызов, помимо прочего, является основным элементом защиты пассивно-агрессивного характера. Давайте обратимся к сказке и посмотрим, как в истории о трикстере и Смоляном Чучелке раскрывается пассивно-агрессивная динамика.

«Удивительная история о Смоляном Чучелке»²

Однажды, после того как Братец Кролик в очередной раз ловко одурачил Братца Лиса, хвастался этим направо и налево и вел себя нагло, будто он большой босс, Братец Лис придумал, как заманить этого нахала в ловушку.

Еще в начале этой главы мы выяснили, что сила кролика, его авторитет и испытываемое им нарциссическое наслаждение от того, что он большой босс, вызывают у лиса негодование. Но вместо того, чтобы открыто выразить свое возмущение, он устраивает западню:

Пошел Братец Лис по делам, набрал смолы, смешал ее со скипидаром и слепил человечка, которого назвал Смоляным Чучелком. Обрядил его в нелепую соломенную шляпу и посадил прямо посреди большой дороги. А сам спрятался в кустах – посмотреть, что же будет.

А вскоре:

На дороге появился Братец Кролик. Идет, весь из себя важный, припрыгивает, эдакий франт. А Братец Лис лежит тихо. Братец Кролик важно вышагивает. И вдруг он увидел чучелко. От удивления аж на задние лапы встал. А чучелко сидит себе и не шевелится. А Братец Лис лежит тихо.

Пассивно-агрессивная ловушка – липкая и очень неприятная. И проблема в том, что мы обычно в нее попадаем:

«Доброго утра! – говорит Братец Кролик. – Сегодня чудесная погодка». Чучелко молчит, а Братец Лис лежит тихо.

Кролик вот-вот угодит в капкан; он вступает в разговор, не получает ответа. Идет ли он дальше своей дорогой? Нет, его зацепило. Это может показаться странным. Но всем нам знакома

ситуация, когда мы заговариваем первыми, встречаем сопротивление, но какая-то внутренняя сила не дает нам остановиться. Слепить неподвижное, темное, безмолвное Смоляное Чучелко и затаиться в кустах, как Братец Лис, – вот что нужно пассивно-агрессивному человеку, чтобы, спровоцировав интерес, заманить вас в сети:

«Как дела?» – спрашивает Братец Кролик Смоляное Чучелко.

Сколько раз мы задаем пассивно-агрессивному человеку, хранящему молчание, вопрос: как у него дела? Опасный шаг, потому что мы направились напрямик в ловушку. Почему же мы так поступаем? Должно быть, причина в нашей собственной динамике. Наверно, из-за собственных ранних травм для нас невыносимо молчание, отсутствие реакции на нашу инициативу. Может быть, это наша собственная потребность быть замеченными или влиять на ситуацию, наше высокомерное желание помогать или спасать. В сказке Братец Кролик изо всех сил добивается, чтобы на него обратили внимание, отзеркалили, и в результате намертво прилипает:

Братец Лис только глазом моргнул. А чучелко по-прежнему молчало.

Это моргание сообщает нам о том, что Братец Лис испытывает тайный восторг и удовольствие от бессилия Братца Кролика, угодившего в его капкан. Это удовольствие такое потаенное, что оно может и не осознаваться. Смоляное Чучелко ничего не говорило, ему и не нужно этого делать. Пассивно-агрессивные уловки поддразнить и остаться в стороне доводят Братца Кролика до состояния крайнего бешенства:

«Да что с тобой такое? Ты оглох, что ли? – кричит Братец Кролик. – А то если ты оглох, я могу и громче кричать», – не унимается он. Смоляное Чучелко молчит, а Братец Лис лежит тихо. «Да что ты о себе возомнил! Экая важная персона, – не успокаивается Братец Кролик. – Дай-ка, я тебя научу хорошим манерам».

Бешенство Кролика достигает предела и в конце концов обобщивается инфлированной решимостью поставить диагноз

Смолянному Чучелку и вылечить его. Угодив в ловушку, расставленную пассивно-агрессивным человеком, тот другой, кто заинтересован в отношениях, например, тот же самый терапевт, принимает решение: «Я тебя вылечу! Я тебя научу хорошим манерам». С этим грандиозным намерением мы и увязаем в смоле, и оказываемся во власти трикстера.

Братец Лис лишь посмеивается про себя, а чучелко как молчало, так и молчит.

Именно в этот момент пассивно-агрессивный человек испытывает наиболее сильное удовлетворение от своей агрессии, хотя ничто в его облике не выдает этого чувства. Он усмехается так глубоко «внутри себя», что совершенно не осознает этого. Гнев пассивно-агрессивного человека бессознательный, и его будут упорно отвергать даже тогда, когда он непосредственно проявляется. В действительности агрессия для такого человека является эго-дистонной, и на уровне сознания он отрицает свою внутреннюю усмешку:

Братец Кролик никак не успокоится. Ну, почему же Смоляное Чучелко не разговаривает с ним? А чучелко молчит и молчит. И тут Братец Кролик замахивается и бьет чучелко кулаком прямо по голове. Кулак накрепко прилипает к вязкой смоле. Так прилипает, что не оторвешь. Чучелку хоть бы что, а Братец Лис лежит тихо.

Бешенство Братца Кролика достигает такого предела, что переходит в физическую агрессию. Он бьет еще раз другой рукой, затем обеими ногами, а потом головой и увязает крепко-прекрепко.

Как нам известно, даже попав в ловушку, Братец Кролик все-таки обводит коварного лиса вокруг пальца, и тот бросает его в терновые заросли. Вот так ловко кролик удрал, а Братец Лис опять остался ни с чем. Перед нами пример того, как пассивно-агрессивного человека захватывает его собственная деструктивная динамика. Он считает, что надувает других, но его слабые попытки обрести власть оборачиваются против него, и все кончается тем, что он оказывается в униженном положении.

Трикстер и его проявления в пассивно-агрессивной структуре характера

Символически, как и в сказке, которую мы только что пересказали, трикстер обычно предстает в облике койота, кролика или ворона. Койот рыщет в прериях; Большой Заяц скачет по лесам; Ворон летает над северо-западным побережьем Тихого океана. Эти колоритные существа знакомы нам как персонажи комиксов: Гадкий Койот, Багс Бани, Хекл и Джекл*. И если уж они захватят душу человека, то мало не покажется. Трикстер в своих темных проявлениях может подличать, унижать и манипулировать. Его коварные выходки принимают форму преследования, а добыча в этой охоте – человеческие страхи, наивность и невежество. Но койот, кролик и ворон воплощают также и уникальную связь с божественным. Внезапно они оборачиваются юродивыми или посланниками небес. Если Эго поддерживает диалог с этой архетипической энергией, то она становится неистощимым источником духовных сил, которым пользуются целители, шаманы и просветленные наставники. Юмор, свойственный проделкам койота, может спасти даже в безвыходной ситуации, облегчить то, что кажется непосильной ношей, и восстановить душевное равновесие. Изворотливость и находчивость кролика веселит, забавляет и даже вызывает восторг. Он может самым волшебным образом открыть для нас мир наших собственных инстинктов. Ворон приносит послания из иного мира, воплощает магию и является самым настоящим оборотнем. Трикстер дает нам возможность вырваться из ограничивающих паттернов, неважно, кто их навязал – мы сами, наша семья или наша культура. Как и природа божественного, природа трикстера созидательная и преобразующая³. «Пробираясь навстречу праведной жизни в образе животном, а не божественном, трикстер заполняет двусмысленностью, иронией, изменчивостью

* Хекл и Джекл – герои американского мультсериала 1950-х годов, братья-сороки. В мультфильме пернатые пакостники всячески вредят героям, но в результате, как правило, оказываются наказаны.

и юмором ту самую пустоту, что появилась в результате отказа от бессмертия» (Sullivan, 1987, p. 46).

Это невероятно могущественное архетипическое существо, обожающее всякого рода проделки, управляет жизнью людей с пассивно-агрессивной структурой характера. Мы видим, как они хитрят, манипулируя другими людьми, или избегают смотреть правде в глаза, постоянно увертываясь. Но в их физической выносливости, в силе, которая, кажется, дарована богами, часто ощущается нуминозность. Если повезет, то можно увидеть, как магически действует их юмор, превращая богохульство в священную драму. На протяжении всей их жизни на радость или на горе трикстер то и дело выкидывает свои кульбиты.

Терапия пациентов с пассивно-агрессивной структурой характера

В терапии с пассивно-агрессивным пациентом в тот период, когда начинается процесс индивидуации, особенно трудно сохранять заинтересованное отношение, не выходя за установленные границы. Случаи, описанные ниже, представляют два совершенно разных сценария, разворачивающихся во владениях трикстера.

Пол: упрямый обструкционист

Полу было немногим за пятьдесят, когда он начал терапию. Он владел компанией по управлению недвижимым имуществом, клиентами которой были состоятельные люди города. Его вторая жена пребывала в состоянии глубокой фрустрации по поводу их взаимоотношений и настояла на том, чтобы он начал анализ. Он признался, что, когда его отношения с первой женой достигли такой же стадии, он впал в оцепенение и ничего не сделал. Тот брак закончился разводом. Но из-за своего темперамента долго оставаться один Пол не мог, поэтому, познакомившись со своей будущей женой, быстро ею увлекся. Она – серьезная, уверенная и откровенная, он – обаятельный, веселый, беспечный и, на первый взгляд, эмоционально открытый.

Пол был высоким привлекательным мужчиной. Немного сутулился, словно бремя жизни легло на его плечи. Слегка наклонял голову вперед, и от этого взгляд его делался неотразимым. Благодаря густой темной шевелюре выглядел он намного моложе своих лет. Он не относился к числу тех, кто проявляет интерес к личным делам или свободно обсуждает их. В моем кабинете он вел себя робко и даже скованно. Молчание тяготило его, но заполнить паузы он не пытался. Я не поддавалась на его провокацию самой вести беседу.

По его словам, даже после того, как жена выдвинула ультиматум по поводу терапии, он откладывал звонок в мой офис до тех пор, пока не увидел сон, который и стал предметом обсуждения на первой сессии. Он заговорил о нем сразу, как только переступил порог. Сон был следующего содержания:

Маленький мальчик один в пустой комнате, он хочет есть. В соседней комнате накрыт великолепный стол для гостей. Во главе стола сидит мать мальчика в окружении нескольких мужчин. Они очарованы ею, но она не подпускает их к себе. Отца нет. Кажется, что эта сцена будет длиться вечно. Вдруг из соседней двери появляется маленькая девочка. Мальчик дразнит ее, и они начинают бороться; они дерутся, потом он с силой бьет ее, и у нее течет кровь.

Поутру Пол пребывал в некоторой растерянности. У него жутко болела голова, он чувствовал себя подавленным. Однако все списал на бутылку вина, которую накануне вечером выпил за ужином. Он закончил свой рассказ, и мы сидели молча. Первой заговорила я: «А вы не считаете, что головная боль каким-то образом связана с этим сном?». Он ответил: «Нет. Просто я подумал, что сон покажется вам интересным».

Его ответ не оставил ни тени сомнения: мы начинаем очень долгую партию. Мать Пола манипулировала людьми и была особой эксцентричной. Она то требовала, то хвалила, то обольщала. Но сам Пол ее не интересовал, она не давала проявиться его индивидуальности. Отец был юристом, постоянно заключал какие-то сделки и большую часть времени проводил на работе. Дома же он во всем уступал своей

властной и придирчивой жене. Он, бывало, стыдил Пола за то, что тот позволяет помыкать собой, но в его отношения с матерью не вмешивался.

На первых сессиях он всячески старался переложить всю работу на меня. Он не только надеялся, что я интерпретирую содержание сна, но и ждал, что я подскажу ему, чего хочет его жена и как выстроить с ней отношения. Он жестко ограничил доступ к своей душе, чем быстро дал понять, что не позволит мне с моими просьбами поразмышлять смутить или разоблачить его. Показное обаяние, которое расточалось первое время, быстро уступило место затаенному ощущению поражения и муки. Он не представлял, чего хочет от него жена, и не понимал, что в том сне содержалось послание для него. Я оказалась в позиции «двойного захвата» и часами наблюдала его вялый саботаж. Судя по всему, именно так он вел себя и с первой, и со второй женой. Наши взаимодействия становились все более фрустрирующими, поскольку он понятия не имел, что устраивает обструкцию. Действие переноса было очевидным.

Время от времени он вспоминал свой первый сон. При этом говорил что-то в таком роде: «Знаете, а я думаю о том первом сне...», потом мы обычно молчали. Если я все-таки спрашивала, что он думает и есть ли у него какие-то ассоциации, то в ответ слышала: «Нет, ничего особенного». И все же, когда мы надолго погружались в молчание и казалось, что деваться ему больше некуда, он снова и снова возвращался к тому сну. Но вот в один прекрасный день он произнес: «Знаете, сейчас, когда я думаю о том сне, то отчетливо ощущаю свое присутствие в той комнате с тем маленьким мальчиком». После того как мы подробно разобрали его переживание, я поинтересовалась: «А вы не допускаете мысли, что вы и есть этот голодный мальчик?». Ответ последовал незамедлительно: «Боже упаси, нет! Я просто представляю, что стою в той комнате». Через несколько сессий он спросил, почему я предположила, что он был тем голодным мальчиком, и добавил: «Это бы означало, что я обидел ту маленькую девочку». Яотреагировала фразой: «Давайте рассмотрим такой вариант». Он тут же заявил, что никогда не испытывал подобных агрессивных

чувств, и сразу сделал вывод, что не мог быть тем маленьким голодным мальчиком.

На следующем этапе терапии Полу приснилось два сна со схожим мотивом. В одном из них он не подготовился к экзамену. В другом он кутит с приятелями в городе. Друзья еле держатся на ногах, говорят невпопад, да и вообще за что ни возьмутся, ничего не получается. Они заходят в магазин 7-11. Пока один заигрывает с продавщицей, остальные выносят упаковку пива. Затем по дороге встречают девушек, но все, на что эти парни способны, просто свистнуть им вслед и тут же смыться. Каждый из этих снов Пол пересказывал на сессиях с таким интригующим и одновременно вызывающим видом, будто хотел сказать: «Вот еще один бессмысленный сон. Что скажете на это?».

Когда он рассказывал сон, в котором не подготовился к экзаменам, я подумала, что, может быть, в нем он узнает самого себя, поэтому сказала: «Послушайте, Пол, есть одна методика, с помощью которой аналитики интерпретируют сны. Согласно этой методике каждый персонаж сна воплощает какую-то часть вашей личности. Может, поработаем с этим сном в таком ключе?». Он ответил: «Ну, конечно, вы уверены, что я не подготовился к тем экзаменам в бизнес-школе! Да ни один из моих друзей не был готов. Те экзамены просто невозможно было сдать. Хорошо еще, что у них сохранилась „Папка с прошлогодними тестами“. Эти ответы не раз меня спасали».

И вот с этого места мы начали анализировать, как он чувствует себя в такой ситуации, что у него может быть общего с приятелями из тех двух снов; что он чувствует, когда не готов или не способен что-то сделать, когда ловчит или ворует. В конце концов Пол признал, что сны до мельчайших подробностей воссоздали его тогдашнее поведение. Постепенно он осознал, что «свистнуть и смыться» было самым обычным действием для него. Конечно, идеальный образ, созданный Эго, пошатнулся, однако подтвердились его собственные глубоко запрятанные, смутные представления о самом себе.

Затем пришло время, когда Пол начал делиться проблемами, возникающими на работе. Мы обсуждали его труд-

ности, и я все яснее видела, как он, применяя «двойные захваты», выбивает из колеи подчиненных и пытается обмануть клиентов. В его восприятии клиенты всегда были слишком требовательными, что и вызывало столь сильное сопротивление с его стороны. Ну, что такого, если он немного зависит расценки? Ведь его клиенты не бедные люди. Чувство обиды руководило им в такие моменты. Прошло несколько месяцев, прежде чем он понял, что во многом он сам нагнетает обстановку на работе. Пол осознал, что его поведение ему же и вредит. А осознав, стал контролировать свои действия и отвечать за них. Научившись контролировать свое поведение, он ощутил себя более уверенным.

Как только Пол начал признавать свою ответственность за конфликты с другими, я подумала, что, наверно, он уже готов обратиться к детским воспоминаниям и в них найти объяснение своему поведению. Интуиция подсказывала, что чувство поражения, которое он испытывал, было хроническим. Можно было предположить, что всю свою жизнь он как бы находился во власти всемогущего хулигана-садиста. Проецируя агрессию, силу и авторитет на других, он защищался от всех требований, предъявляемых к нему лично. В таком состоянии соглашаться значило подчиняться, брать обязательства – подставлять самого себя. Внутреннее доминирующее чувство поражения и бессилия вызывало страх и злость, которые пассивно отыгрывались каждый день во взаимодействиях с другими. Например, он часто уклонялся от выполнения обязательств, произнося свою любимую мантру: «Я стараюсь», – и таким образом напускал туману, только чтобы ни за что не отвечать. Я вплетала многочисленные инсайты, посещавшие меня, в пестрое полотно своих откликов и интервенций, но все мои интуитивные предположения Пол не оценил и не принял. В конце концов я убедилась в том, что интервенции, основанные на этих интуитивных догадках, ничего нам не дали и инсайты относительно событий прошлого и внутриспсихических переживаний не стали для Пола источником трансформации.

Эту неудачу я пережила со спокойной сдержанностью, хотя она была необъяснима с позиции моего собственного

опыта тренингового анализа. Со временем, почувствовав растущую уверенность Пола, я поняла, что его потребности в терапии отличались от моих потребностей и потребностей тех, с кем меня готовили работать. Но все же на сессиях я иногда расстраивалась, когда не обнаруживала у него способности осознанно исследовать свои внутренние переживания и конфронтировать с ними. Мне стало ясно, что этого так и не случится. Мы не достигнем конечной цели аналитического процесса – дифференцировать сознание от бессознательного и инициировать диалог между ними. В итоге я решила принять эту грусть и позволить Полу развиваться соответственно его индивидуальным особенностям.

Работая с человеком, структура характера которого относится к антагонистическому паттерну, иногда приходится отказываться от достижения конечной цели в знак признания и уважения его индивидуальности и связи с архетипической реальностью. Наивное упорство терапевта в этом случае приведет лишь к тому, что он увязнет в сопротивлении и индивидуация пациента застынет. Не следует опираться на предположение, что такой человек должен пережить сознательный инсайт и эффективно интегрировать аффект. В этой ситуации подобные аналитические ожидания лучше оставить. Может оказаться, что наиболее жизнеспособной и эффективной для пассивно-агрессивного человека будет терапия, ориентированная на контейнирование и творческое выражение агрессии, независимо от того, имел место сознательный инсайт или нет.

И действительно в дальнейшей работе с Полом сознательного инсайта так и не произошло. Но у него сформировалась способность брать на себя ответственность за пассивно провоцируемые конфликты и укреплялась способность контролировать свои действия. Обнаружилось и кое-что еще. В молодости Пол увлекался рафтингом, но, женившись, забросил его. На данном этапе терапии он снова вернулся к этому занятию и зарекомендовал себя как квалифицированный инструктор. Как он признался, ему нравилось, что в команде его ценят и уважают. Под эгидой ассоциации «Большие Братья» он стал проводить речные экскурсии для подростков и легко нашел

с ними общий язык. Оказалось, что детям нравятся глупые шутки и игровые уловки, свойственные его манере обучения.

Занятия спортом и общественной деятельностью изменили представление Пола о благополучии. Он также научился ценить серьезную уверенность своей жены, а она – принимать его юмор, который становился все менее агрессивным. Их отношения налаживались. Не безынтересен тот факт, что по завершении анализа Пол сутулился намного меньше, чем в его начале; удалось облегчить бремя его настойчивой потребности устраивать обструкции. Важно отметить, что развитие Пола состоялось без инсайта. Не стоит забывать, что это один из возможных путей индивидуации человека с такой структурой характера.

Шейла: сбросить одежды мученицы

В случае с Полом терапия помогла укрепить и сделать более гибким Эго, захваченное трикстером, однако трансформация человека с подобной структурой характера может идти по другому пути. Другой путь предполагает погружение в состояние регрессии, где, как уже описывалось ранее, и происходит встреча с теми переживаниями, которые на ранней стадии привели к одержимости трикстером. Человек регрессирует к тому моменту, когда, уклонившись от конфронтации с Великой Матерью, его душа обратилась к трикстеру. Переживая тот самый момент вновь, пациент может высвободиться из его ловушки и встретиться с архетипом Великой Матери. Если он выстоит в этой конфронтации, тогда бессознательное развернет перед ним свои бесчисленные архетипы. Следует отметить, что не у всех пассивно-агрессивных пациентов можно вызвать регрессию и не все оказываются готовыми к такому погружению, где неизбежны дезинтеграция Эго и трудная, напряженная конфронтация в царстве архетипов. Если Пол двигался в сторону укрепления Эго, то женщина, чей клинический случай кратко описывается ниже, совершила погружение.

У Шейлы был буйный и дерзкий нрав. В начале терапии она считала, что все и вся вокруг виноваты в ее страданиях, но в конце концов у нее сформировалась способность чест-

но разбираться в своих эмоциях. Она встречалась со мной, как минимум, два раза в неделю на протяжении более пяти лет. В первой половине аналитического процесса один ее кризис сменялся другим. Она упрямо не желала выяснять, что все эти кризисы могут значить, без конца повторяя, что мир настроен к ней враждебно. Она агрессивно, изо всех сил, цеплялась за одеяние мученицы, объявляя во всеуслышание о своих поражениях, которые терпела вновь и вновь. Любая попытка «докопаться» до переживаний или смысла ее кризисов решительно пресекалась. Но постепенно благодаря аналитическому контейнированию она начала регрессировать. Мы стали замечать, что временами она дезорганизована, дезориентирована и встревожена. В течение следующих двух лет мы пребывали в самом эпицентре ее ужасающей дезинтеграции, даже когда ее тревога возрастала настолько, что становилась почти невыносимой. Она осознала, насколько велика отрицаемая ею уязвимость, и тогда смогла воспринять опыт, приобретенный ее внутренним, потерпевшим поражение ребенком. Очень медленно, но у нее сформировалась способность впускать свою боль и страдание и размышлять над ними.

В то бурное время любопытство Шейлы начало пробиваться сквозь защиты. Ей захотелось узнать, а можно ли освободить ее жизнь от тяжелого бремени преследующих ее конфликтов. Совершенствовалось ее умение впускать свои чувства, и одновременно с этим она начала принимать жизненно важные решения, о которых раньше даже и подумать не могла. Перестав отгораживаться и обижаться на других, она сосредоточилась на собственном развитии. Она работала дизайнером интерьеров в одной известной элитной фирме, где было в порядке вещей переманивать друг у друга заказчиков, обходить коллег и жестко биться за власть. Благодаря подсказкам, содержащимся в ее снах, она поняла, что ее работа воплощала архетип трикстера, служить которому она больше не желала. Когда она начала бороться с этой безликой силой, стали появляться удивительные образы, которые вселяли веру в ее собственный творческий потенциал. В итоге она решила уйти с работы, вернуться в аспирантуру и получить степень магистра изящных искусств.

Дисциплинированность и исполнительность, необходимые аспиранту, стали испытанием для высокомерной Шейлы и создали контейнер, внутри которого она смогла постепенно отставить в сторону свои защиты и ощутить себя в новом качестве. Она начала исследовать собственную автономность, инициативность и желание тесно взаимодействовать с другими. Посмотрев в глаза своему страху быть поверженной и сокрушенной, она смогла сознательно войти в контакт со своей агрессией и научилась использовать ее для самоутверждения. В последние годы терапии она наряду с индивидуальными сессиями стала посещать еще и групповые занятия. В группу ее привело намерение «вывести свои переживания на чистую воду». На этих сессиях я наблюдала, как она, выражая свои искренние чувства, пытается соприкоснуться с наиболее уязвимой частью себя. В той обстановке ей удалось понять, насколько упрямо она использовала бунтарство, защищаясь от любого намека на зависимость. В разгар групповой терапии она занялась интересным творческим делом, которое оказалось очень прибыльным.

Проблемы переноса и контрпереноса

Пациент с пассивно-агрессивной структурой характера, вооруженный крайне амбивалентным отношением к окружающим, может воспринимать терапевта как опасно могущественную силу, которую необходимо держать на расстоянии и под контролем. Вы можете подвергаться критике и нападкам, вас могут обвинять, обесценивать или просто принижать как вероятный источник отвержения и поражения. Помимо того, что вас наделяют невероятной силой, в вас также могут видеть непереносимый авторитет либо хищника/агрессора. Трикстер, захвативший Эго, обнаруживает себя в бесконечных хитрых маневрах пациента, цель которых – нанести вам поражение. Поскольку пациент отрицает любое ощущение зависимости от вас, то он может вести себя требовательно и воинственно либо враждебно, отчужденно и тихо.

Контрпереносные реакции при работе с пассивно-агрессивным пациентом бывают чрезвычайно тяжелыми. Как

и в случае с альфа-нарциссом, терапевт должен нести на себе большую часть нагрузки по символизации и эмоциональному контейнированию в отношениях с пациентом, оставаясь при этом очень отзывчивым, но не вовлекаясь сверх меры. Между тем угрюмость, обидчивость и претенциозность в поведении пациента являются мощными эмоциональными приманками, перед которыми весьма трудно устоять, не говоря о том, что они оказывают еще и крайне деморализующее воздействие. Мы увидели, что прилипнуть к Смолянскому Чучелку – дело пустяковое. И когда такое происходит, важно спросить самих себя, не кроется ли причина в наших собственных переживаниях. Возможно, терапевту придется старательно проработать собственные ранние травмы, чтобы не угодить в расставленную пациентом ловушку из обструкций, нападок, молчания и т. п. Умело принять и «метаболизировать» полностью отрицаемую агрессию – несомненно, сложное искусство.

Заключительные размышления

Когда у людей с пассивно-агрессивной структурой характера наконец-то формируется достаточно сильное Эго, высвободившееся из плена архетипического трикстера и способное выстраивать с ним отношения, у них появляется возможность вызывать этот динамичный, потенциально творческий дух и в обычной жизни, как в своей, так и в чужой. Избавившись от пассивности и уклончивости, такие люди обретают уверенность в своих творческих силах и совершают обдуманые, ответственные поступки. Их ум, используемый творчески, а не агрессивно, делает их жизнь более яркой и интересной. Вырвавшись из непрерывного круговорота схваток и уловок, в который их толкнуло чувство поражения, они начинают использовать свою силу во благо самим себе, а также помогают другим обрести уверенность. Сознательно удерживаемые блеск и харизма трикстера преобразуют реальность: картинка меняется, как в калейдоскопе, мир встает с ног на голову, правда без прикрас выставлена на всеобщее обозрение. Наполняя свою деятельность и отношения жи-

вой, вибрирующей энергией, люди с пассивно-агрессивной структурой характера саму жизнь наполняют силой и волшебством.

Выводы: антагонистический паттерн отношений

Все структуры характера в рамках антагонистического паттерна имеют нечто общее между собой, точно так же как и структуры характера, образующие два других паттерна отношений. Хищная принцесса из сказки о Морском Зайце пойдет на что угодно, чтобы сохранить свое господство. Надменная и бессердечная Медея будет безжалостно убивать, чтобы добиться своих целей и торжествовать возмездие. Подлый Братец Лис демонстрирует беспредельное терпение, заманивая кролика в липкую ловушку. В антагонистическом паттерне отношений источник выживания, целостности и смысла поддерживается за счет актов насилия, обольщения, доминирования, манипуляции, контроля и обмана; на объект постоянно совершаются агрессивные нападения. Подначиваемый трикстером человек добивается победы любой ценой, используя при этом его архетипическую силу в защитных целях. Хищник никогда ни на минуту не поставит себя на место добычи. В межличностных отношениях человек, защищаясь от «прикосновений» окружающих, становится неприкосновенным. Безжалостно доминируя над другими, он оказывается в ловушке собственных манипулятивных действий. Часто наделенный недюжинной физической выносливостью, распалеймой сексуальностью и агрессией, имеющий ограниченный доступ к ясному и вдохновенному мышлению и воображению, а также ограниченный эмоциональный мир, накрепко приклеенный к архетипическим аффектам, антагонистический человек пребывает в изолированном мире собственных действий.

Чрезвычайно редко человеку с данным паттерном удается проработать все вышеперечисленные особенности структуры своего характера и разорвать связь с архетипом трикстера. Но если такое случается, он возрождается со способностью сознательно использовать энергию архетипа. Захватывая человека, архетип как будто превращается в классического ска-

зочного злодея, который помогает запустить трансформацию главного героя, но сам при этом не меняется. В данном случае архетип трикстера безжалостно загоняет его в рамки действительно ужасной судьбы. Но если человеку удастся проработать свою защитную одержимость архетипом и наладить с ним сознательный и активный диалог, то он сможет осознанно подводить других к трансформации, равно как и себя самого. Мы видели, каким образом представители этого паттерна высекают искру трансформации, создают проблемную ситуацию и сдвигают жизнь с мертвой точки. Освободившись из-под власти трикстера, человек может начать жить полноценной и активной жизнью, максимально используя свою физическую выносливость и обретая способность нести ответственность за свои поступки. Если говорить о «законах природы», то рассматриваемый архетипический ландшафт является владениями трикстера и человек, укоренившийся на этой территории, принимает участие в великом круговороте жизни и смерти бессознательно или осознанно. Динамику антагонистического паттерна отношений можно рассматривать как проявление архетипического аспекта Самости, открывающего явления вне пределов человеческого пространства, в том числе светлую и темную стороны божественного.

Дух, пробужденный трикстером, переживается в теле как готовность к действию. Тело трепещет от ощущения уверенности и могущества. В своей наиболее созидательной и преобразующей форме мы чувствуем его, когда занимаемся боевыми искусствами или другой физической деятельностью, требующей дисциплины и самоконтроля, будь то стрельба из лука, теннис или игра на барабанах. Такое проявление духа также можно почувствовать, соревнуясь и одерживая победы в спорте и борьбе, участвуя в общественных делах и активно работая. Вот тот самый источник, из которого дисциплинированный человек способен черпать решимость и готовность к действию.

Заключение

Структуры характера, сознание и духовное начало

Наш сосуд должен быть таким, чтобы в нем материя могла испытывать воздействие небесных тел. Для проведения опыта необходимы невидимые божественные силы и огни звезд.

(Dorn, цит. по: Jung, 1968b, par. 338n)

В своих странствиях мы не можем покинуть пределы духа. Наш сосуд «должен быть таким», чтобы мы, подвергаясь очень сильным воздействиям, могли выдерживать их. На земле душа находит обиталище в наших телах, аффектах и воображении, а также в человеческой мудрости и логике¹. Именно о качестве сосуда и шла речь в главах этой книги, в которой мы исследовали структуры характера, служащие обиталищем души, с той целью, чтобы архетипическое царство могло лишь «влиять» на нас, а не подавлять.

Формируясь в первые годы жизни, структуры характера задают паттерн, отражающий взаимодействие переживаний, которые можно назвать архетипическими, и переживаний, которые явно носят более личный оттенок. Структуры характера, наполняемые неиссякаемыми архетипическими источниками, представляют собой защитное образование и определяют адаптивно-перспективный профиль. Мы рассмотрели состояния, выявление которых позволяет отнести различные

структуры характера к совершенно разным архетипическим ландшафтам. Определив и дифференцировав эти состояния, мы показали, что именно духовное начало порождает динамику, наделенную рядом отличительных черт, которые ложатся в основу той или иной структуры характера.

Непохожие архетипические ландшафты, образующие основу разных структур характера, могут вовлечь в духовный диалог, а могут просто затвердеть в защитных целях. Например, шизоидная структура характера может привести человека к переживанию вдохновляющего образа упорядоченной вселенной, а может в целях защиты застыть, давая неотступное ощущение ледяных объятий Снежной Королевы. Пограничная структура может привести человека к переживанию экстатического единения с божественным, а затвердев в защитных целях, превратить его жизнь в череду бомбардировок архетипическим аффектом. Психопатическая структура характера может помочь человеку осознать его собственное значимое место в великом круговороте жизни и смерти или, став ригидной защитой, заставить его бессознательно использовать других, прибегая к оболщению и манипуляции, чтобы удовлетворить жестокие требования архетипического хищника.

Демоны, которые кажутся исключительно патологическими и преследующими, могут стать могущественными проводниками, помогающими нам соединиться с духовным миром. Личное приобретает вселенскую глубину, и тогда индивидуальная патология уже не противопоставляется божественной драме; проявляясь в структурах характера через архетипы, образующие их основу, она предстает как манифестация божественной драмы и взаимодействие с этой драмой. В обществе и клинической практике есть тенденция не замечать божественную искру в душевном расстройстве и духовное измерение в страдании. Преодолевая «патологическое», воплотившееся в ригидной и негибкой структуре характера, человек содействует возникновению беспрепятственного, свободного диалога между Эго и Самостью. Он просит свое брэнное человеческое тело, подобно сосуду, вместить Самость.

Мы говорили о Самости как о святая святых, как о безымянном творце и психическом ядре, отмечая при этом, что она не поддается ни определению, ни именованию и, конечно же, не является «чем-то вещественным». Уловив поэтическую сущность Самости, Шенк описывает ее как «обнажение и сокрытие воображаемого присутствия, дающего пространству свою видимость, а времени свой голос. Самость – это момент встречи, самосознание мира, раскрывающегося как событие, одновременно воплощающее нас и отступающее от нас» (Schenk, 2001, p. 146). Самость как «момент встречи» пробивается в жизнь человека через структуру его характера в виде искр безумия.

Рассматривая каждую структуру характера в отдельности, мы преследовали цель «выкрикнуть имена», чтобы помочь всем нам укрепить свою способность вести диалог между Эго и Самостью, а также диалог друг с другом индивидуально или сообща. Исполняя роль «выкрикивающих имена», мы вспомнили *Техану* из одноименной повести Урсулы Ле Гуинн. Эта метафоричная повесть посвящена теме искупления и рассказывает о дарах из «Иного Мира» (Le Guinn, 1990). В ней мы узнаем о важности мистического или пророческого потенциала для эволюции общества.

Техану – сирота, слепая калека, одни издеваются над ней, другие сторонятся. Она покинутый, раненый и ушедший в себя ребенок. Но в итоге эта девочка благодаря старанию и мужеству сблизается с женщиной-шаманом, которая исцеляет ее. Страна в опасном положении – вот-вот нарушится равновесие между силами жизни и смерти; ничего не растет, не зарождаются новые жизни. Нет ни государственного, ни религиозного лидера, нет никого, кто мог бы соединиться с великим источником мудрости. Кажется, что уже не осталось надежды на спасение; кажется, что никакие силы, никакие идеи, никакое вдохновение, никакие изобретения, никакие молитвы или просьбы не помогут предотвратить кризис. Нужно что-то другое. Нужен кто-то Другой.

Техану прошла через страдания и одиночество и совершила путешествие в собственные глубины. За время пребывания в этом таинственном месте она научилась вызывать

«Старейших», «Великих Крылатых» – драконов. Когда кажется, что в этом мире нет больше ни надежды, ни будущего, Техану выходит на край высокой скалы, нависающей над глубокой пропастью. Научившись вступать в контакт с глубинными источниками в своей душе, она взывает к ветрам и пробуждает дух древнейшего из драконов. На драконьем языке выкрикивает она его имя: «Калессин!», и Старейший предстает перед ней: «Вырываются языки пламени, гремит броня, сковавшая тело, свистит ветер в огромных расправленных крыльях, скрежещут о камни острые, как клинок, когти». Обладая мистической властью Перворожденного и Старейшего, Калессин передает Техану восстанавливающий жизненное равновесие бальзам, то есть новую информацию и вдохновение. Как и когда использовать этот бальзам, решает сам человек.

Обретая способность сознательно вступать в отношения и вести диалог с беспредельной пустотой и хаосом архетипического царства, мы извлекаем из глубин бесценную жемчужину. Освободившись от власти бессознательного, мы вступаем в диалог с Самостью и приносим сокровища архетипического царства в земную жизнь. Подобно Техану, мы учим новый язык, открываем новую парадигму, становимся источником вдохновения или развития, что бесценно для общества в целом. Истинные дары бессознательного нелегко заполучить; разгадать *mysterium tremendum* не каждому по плечу. Но человеку, который обрел единство разума, тела и души, ниспослано вдохновение, наполняющее его творческую деятельность тайной энергией и дарующее необходимое видение мира.

Мы бы хотели завершить нашу книгу стихотворением «Нортумберлендский цикл», написанным британской поэтессой-мистиком Кэтлин Рейн в начале 1950-х годов. По мнению многих, стихотворное творчество Рейн по стилю напоминает раннее творчество Уильяма Блейка. Глубокое влияние на нее оказали Йетс и Юнг. Творившая в одно время с Т. С. Элиотом, она говорила от лица Пустоши, приглашая нас вступить в нее. Рейн рассматривала горестные ландшафты психической боли как трамплин в мировое пространство.

Нортумберлендский цикл, 4*

Буря сегодня бьется в *твое* окно,
и ночь замерла в изножье *твоей* постели.
Слышишь, стонут деревья под северным ветром?
Время настало –пусти этот ветер к себе!

Дверь отвори для слепой и бесформенной силы.
Пусть же войдет вестник Смерти с ужасною свитой –
в мантии снежной и льдом в неподвижных глазах.
Время настало – ты дверь отвори им пошире!

Мертвыхпусти, давно уже сгнивших в трясине,
и привидение, хрипящее в сточной канаве,
что не сбылось и что жило, толпящихся предков,
графа покойного призрак, детей нерожденных!

И одиночество, и небеса в запустении
пусть этой ночью приходят –пусти их! Впусти!

Как я смогу? Мое сердце исполнено страхом!
Мне не соткать одеяние для пустоты...
Мне не согреть ее холод, не высушить сырость
и никогда не вместить! О мой маленький дом!

Снег накрывает могилу –пусти этот снег!
Пусть дуб прорастает и плещется горькое море!
Впусти темноту и ручей, что струится в корнях!
Впусти этой ночью любовь! Впусти же! Впусти!

Как я смогу? Мое сердце исполнено страхом!
Что перед бурей бушующей тельце мое?
Как я должна сострадать этой силе ужасной,
что сотрясает наш мир от начала времен?

Щедро рассыпаны в небе холодные звезды.
Нужен огонь – такпусти всеохватную мощь!
От сотворения мира она ожидала
дверь открытой. Впусти! Ты ей можешь помочь!

* Пер. О. Ю. Чемакиной, литературная обработка Р. А. Кононова.

Нежными пальцы должны быть, а сердце живым,
Чтобы смогла я связать в человеческом теле
силу живую – неистовый яркий порыв,
что бесится в доме моем, желая мне мира...

Сжалится сердце мое над ревущей водой
и над кричащей в тоске одинокою птицей,
и над ветрами, что дуют холодной зимой.
И звезды на небе смогут спокойно светиться.

Впусти свою рану, и пусть будет боль!
И пусть твой ребенок войдет...

(Kathleen Raine)

Мы надеемся, что, разобравшись, благодаря этой книге, в особенностях разных структур характера, каждый из нас сможет лучше и глубже понять самого себя, выкрикнуть имена – и затем вступить в безымянное пространство.

Примечания

Введение

- ¹ Здесь приводится адаптированный вариант мифа из сборника «Тексты древнеегипетских пирамид» в переводе Фолкнера (Faulkner, 1969).
- ² Есть ряд часто упоминаемых *расстройств*, которые не включены в нашу Матрицу. Некоторые из них, такие как паническое расстройство, диссоциативное расстройство и посттравматическое стрессовое расстройство, представляют собой клинические синдромы, причиной возникновения которых являются серьезные биологические или социальные травмы (Van der Kolk et al., 1996). Травматический стресс на ранних стадиях развития может весьма негативно сказаться на способности психики к дифференциации и разрушить саму основу формирующегося характера. Всестороннее исследование клинических синдромов, то есть диагнозов, расположенных по Оси I, не входит в круг тем, рассматриваемых в данной главе. Кроме того, по нашему мнению, некоторые *динамические процессы*, например диссоциация, садизм/мазохизм и паранойя, могут обнаружить себя в рамках тех девяти характерологических расстройств, которые мы описываем в этой книге.
- ³ Исследования детского поведения все чаще подтверждают тот факт, что с момента рождения ребенок уже обладает возможностью выбора и некоторой степенью автономии. В связи с этим, когда речь идет о формировании структуры характе-

ра, мы обращаем особое внимание на динамические процессы, связанные с образованием внутриспсихических и межличностных защит.

- ⁴ Существование гендерной реальности в психике и в жизни – это вызов аутентичности, на который постоянно приходится отвечать, поэтому мы решили попеременно использовать в тексте местоимения «он» и «она». В ответ некоторые наши коллеги заявили, что чередование гендерных местоимений вносит путаницу и сбивает с толку, а в ряде случаев описывает патологию как исключительно женскую. Другие же с одобрением восприняли такое уравнивание полов, которое «пробудило в них» дополнительный интерес к теме. Мы сожалеем, если принятое нами решение об использовании гендерных местоимений вызовет путаницу или причинит неудобство читателям.
- ⁵ Маквильямс отмечает, что, хотя в целом расщепление и считается защитой Эго, в некоторых случаях оно явно отражает «состояние, предшествующее стадии целостного восприятия объекта и интеграции Эго» (McWilliams, 1994, p. 112). Мы используем термин «расщепление» именно в значении «самое раннее состояние, предшествующее формированию Эго».
- ⁶ Стадию развития, на которой ребенок часто применяет расщепление и проективную идентификацию в качестве защит, Мелани Клайн назвала параноидно-шизоидной позицией (Klein, 1946, p. 2). Пользуясь собственной терминологией, она подробно описывает, каким образом проецирование нежеланных отщепленных частей Я или Эго на других приводит к возникновению параноидного состояния и к шизоидному истощению (Hinshelwood, 1989, p. 156).
- ⁷ Британский аналитический терапевт Френсис Тастин, наблюдая за детьми, страдавшими аутизмом и психозами, ввела понятия «инкапсуляция» и «спутанность (слияние)», чтобы описать и дифференцировать свойственные им типы поведения. Некоторые аналитические теоретики интегрировали и расширили ее концепцию в своих исследованиях различных характерологических расстройств, встречающихся у взрослых пациентов (Bion, Grotstein, Ogden). Другие авторы предложили аналогичные классификации. Миллон (Millon, 1981), к приме-

ру, выделяет два базовых континуума – истерический и шизоидный, в которых располагаются существующие личностные «стили». Истерический континуум образуют люди, которым свойственна чрезмерная привязанность и, как следствие, чрезмерная зависимость от других в том, что касается одобрения и поддержки, а в шизоидный континуум входят люди, которые, вследствие недостаточной привязанности к другим, склонны полагаться исключительно на самих себя, когда дело касается одобрения и поддержки.

- ⁸ Характеристики и внутриспсихическая динамика альфа-нарциссизма, по сути, сходны со злокачественным, или патологическим, нарциссизмом, описанным Отто Кернбергом (Kernberg, 1975). Мы решили использовать описательный термин «альфа», чтобы подчеркнуть социальный аспект этого характерологического расстройства и «хищническую» динамику, которую альфа-нарцисс воплощает и отыгрывает на окружающих.
- ⁹ При объяснении психодинамических процессов не следует руководствоваться только лишь данными биологических и нейробиологических исследований. Если некое исследование выявляет биологический субстрат или основу конкретной структуры характера, это не значит, что он является «причиной» формирования этой структуры. «Причина» есть результат взаимодействия в течение определенного промежутка времени целого комплекса переменных, среди них – генетические, нейробиологические, анатомические, межличностные, психологические, эволюционные и архетипические. Вопрос причинно-следственных связей, с точки зрения взаимодействия духовного и телесного, мы так или иначе будем исследовать на протяжении всей нашей книги.

Глава 1

- ¹ Алан Шор и Даниель Зигель обобщили данные многолетней исследовательской программы «Десятилетие мозга», теории привязанности, нейронауки, психологии развития, психоанализа и прочих отраслей знаний в дисциплину, ставшую известной как нейробиология развития (Schore, 1997, 2003a, b; Siegel, 1999, 2003).

- ² Одним из глубинных расстройств развития, заслуживающих теоретического рассмотрения при описании шизоидных явлений, является детский аутизм. Сходства с динамикой шизоидной личности проявляются в явном уходе ребенка из внешнего мира, в отсутствии реакций на людей и речевом дефиците. В DSM-II (American Psychiatric Association, 2000) отмечается, что детский аутизм (299.0) может предшествовать развитию шизоидных расстройств. В психоаналитической литературе разграничивают патологический детский аутизм и естественную аутистическую стадию развития, через которую, по мнению некоторых ученых, в первые два месяца жизни проходят все дети.

Маргарет Малер считала, что в течение первых двух месяцев все дети оказываются сосредоточенными на внутреннем мире и закрытыми для активного взаимодействия. Эту раннюю стадию развития она назвала «нормальным аутизмом», чтобы отделить ее от патологического аутизма. Однако существует оправданное беспокойство по поводу использования слова «аутистический» с его патологической коннотацией для описания обычной стадии развития (Даниель Штерн ставит под вопрос это понятие по нескольким причинам; см.: *Stern D. Interpersonal World of the Infant*. 1985. P. 232–235). Штерн ссылается на личное общение (1983) с Маргарет Малер, когда она, принимая во внимание данные более поздних исследований, согласилась с его возражениями и предположила, что более точным определением для этого явления будет слово «пробуждение» (*awakening*). Вслед за Малер Штерн ввел термин «появление» (*emergence*) для описания психического вступления ребенка в жизнь в течение первых двух месяцев. Успешный анализ шизоидного пациента тоже можно уподобить такому робкому появлению или пробуждению из «нерожденного», или инкапсулированного, состояния.

- ³ Нет точного диагностического критерия, позволяющего разграничивать переживания страха дезинтеграции и страха фрагментации. Под страхом дезинтеграции мы понимаем переживания шизоидной личности, а под страхом фрагментации – дезинтеграцию, переживаемую пограничной личностью, как описано в главе 4. Но если говорить кратко, то страх

дизинтеграции является *безобъектным* и проявляется в образах пустоты и изоляции. Страх фрагментации переживается как *объектно-наполненный* и проявляется в разорванных или расчлененных образах (Dougherty, West, 2005).

- ⁴ Чтобы получить представление о том, какую роль мистический ребенок или пророк играет в жизни нашего общества, мы рекомендуем познакомиться с книгой «Жизнь в пограничном пространстве: Эволюция сознания и проблема излечения травмы» (Bernstein, 2005). В своем творческом и одновременно четко структурированном исследовании юнгианский психоаналитик Джером Бернштейн, опираясь на собственные наблюдения, описывает эволюцию нового сознания. Он показывает, что западному обществу свойственно рассматривать мистическую одаренность как нерациональное восприятие реальности, что отражает характерную для запада тенденцию разделять дух и природу, разум и тело. Аналитический опыт и 20-летнее изучение целительных практик индейского племени навахо позволили Бернштейну описать реальность наблюдаемых им пограничных пациентов, синтезировав западные представления о развитии сознания и теорию сложных систем. Под *пограничной реальностью* он понимает спектр реальности, который раскрывается и оказывается доступным только тем, кто чувствителен к его трансрациональной сущности. Как и сами духовные способности, люди, наделенные ими, борются за признание, поддержку и понимание в обществе. Бернштейн говорит о том, что западное сознание нуждается в этих духовных способностях для собственного обновления, поскольку мы неумолимо приближаемся к границе с хаосом, который сами же и создали.

Глава 2

- ¹ Зрелый проницательный взгляд с позиции юнгианства на этапы женского развития представлен в работе Полли Янг-Айзендрат и Флоренс Вайдеман «Женская власть. Обретение возможностей через психотерапию» (Young-Eisendrath, Weideman, 1987).
- ² В мифе о Нарциссе, который используется для амплификации контрзависимой нарциссической динамики, не отражаются

мифические темы, присутствующие в жизни людей с зависимой и альфа-нарциссической структурой характера. В главах 5 и 8 углубленно исследуется проявление и присутствие архетипов Диониса и Хищника в этих формах нарциссизма.

- ³ Чтобы дать богатую архетипическую амплификацию феномена упадка творческих сил, юнгианский аналитик Стантон Марлан исследует парадоксальный образ *Черного Солнца* (Marlan, 2005) и образ темноты в его различных значениях. Черное солнце символизирует самые тяжелые внутриспсихические переживания, но при этом является источником *lumen naturæ* – света самой природы.
- ⁴ Очень яркое, поэтическое и выразительное толкование образа Афины и его воздействия на женскую душу дается в книге Анис Пратт «Танцы с богинями: архетипы, поэзия и обретение силы» (Pratt, 1994).
- ⁵ В своей книге «Превращаясь в Горгону. Медитация на стыде» Сандра Эдельман соединила в единое целое удивительно богатую мифическую реальность и личную историю (Edelman, 1998). Она ведет нас за собой в мир ее собственных снов и размышлений, чтобы показать сокровища, которые она добыла из недр древнегреческой мифологии. Ее познания в области доисторической мифологии также впечатляют.
- ⁶ В своей блистательной книге «Греческое наследие» специалист по античной филологии и великолепный рассказчик Томас Кахилл, ирландец по происхождению, признавая истинность мифологической символики, говорит: «Можно легко вымотать читателя, упоминая слишком большое количество научных расхождений. Но всё же не могу не сказать о том, что многие уважаемые ученые – и среди них Питер Эко, Рут Грингхем, Мэри Левтковиц и Колин Рефру – подвергают сомнению (и даже решительно оспаривают) значимость культа богини земли в доисторической Греции» (Cahill, 2004, p. 276). Мы бы добавили, что правдивость мифов подтверждается реалиями развития человеческой души. В душе каждого из нас первичной является материнская реальность.
- ⁷ Ясное представление о контурах и динамике внутреннего мира дается в книге Мюррей Стайн «Юнговская карта души:

Введение в аналитическую психологию» (1998; рус. пер.: 2010) (В этой работе гармонично сплетаются духовное и психологическое.)

Глава 3

- ¹ Если исходить исключительно из причинно-следственных связей, то происхождение обсессивно-компульсивного расстройства можно было бы рассматривать, как минимум, с точки зрения четырех биологических наук: нейроанатомии, нейрогенетики, нейрохимии, нейроэтологии (эволюционная нейрология). Однако можно было бы получить более полное представление о реальных сложностях человеческого развития, если рассматривать его с точки зрения комплексных адаптивных систем, в которых учитываются взаимодействия ребенка с опекунами в ходе развития, социальная система, индивидуальная психология и пр. А если еще принять в расчет воздействие физической среды на тело ребенка, скорость метаболических реакций его организма, последствия физических и эмоциональных травм, индивидуальный генетический код, географические особенности места, где он проживает, опыт его предков и свойственные им формы эволюционной адаптации, то становится понятно, что модель «природа против природы» является ограниченной и устаревшей для того, чтобы опираться на нее в исследованиях.
- ² Самые распространенные обсессии связаны с боязнью заражения, патологическим сомнением, соматическими реакциями, симметрией, агрессивностью, сексуальностью, скупулезностью, накопительством и недопустимыми желаниями. Самыми распространенными компульсиями являются: проверка, уборка, подсчитывание, исповедь или поиск безопасности, симметрия, наведение порядка, повторение и прочие ментальные ритуалы (Kotog, 2000).
- ³ Обсессивно-компульсивное расстройство личности является наиболее распространенным личностным расстройством – 7,88% от общей численности населения (Grant et al., 2004). Это одно из трех самых распространенных расстройств, приводящих к недееспособности. Оно встречается в два раза чаще, чем

шизофрения и биполярное расстройство. 75% людей, у которых диагностировано обсессивно-компульсивное расстройство, страдают также тяжелой формой депрессии (Gabbard, 2005, p. 573–579).

- 4 *Сумбурная (messy) компульсивная личность* настолько амбивалентна и противоречива в своем желании обладать, выбирать и сортировать по количеству и качеству, что превращается в скопидома, в жизни которого царят загроможденность и хаос, производящие на окружающих тягостное впечатление.
- 5 Здесь приводится адаптированный вариант сказки Андерсена (Andersen, 1976, 289–294).
- 6 Как и мифы, сказки преподают нам много полезных уроков, рассказывая яркие и запутанные истории о паттернах индивидуации. В своей известной книге «Бегущая с волками» Кларисса Пинкола Эстес интерпретирует сказку «Красные башмачки». Она акцентирует внимание на том, что важно ценить таланты, которые являются неотъемлемой частью нашей *доморощенной* креативности, и не разменивать их на *купленный в магазине* товар. Под «доморощенной» креативностью понимается дар, полученный из неиссякаемого источника под названием Самость (Estes, 1992).
- 7 Юнгианский аналитик Дональд Калшед подробно описывает эту динамику в своей самобытной и значимой работе «Внутренний мир травмы: Архетипические защиты личностного духа». Психическая динамика, цель которой – обезопасить «личный дух», порождает систему самосохранения. Однако, когда эта защитная система сформирована, контроль над ней берет на себя Внутренний Преследователь, который в дальнейшем может создавать препятствия на пути индивидуации (Kalsched, 1996).

Глава 4

- 1 Здесь приводится адаптированный вариант сказки «Ослиная Шкура», включенный под номером 52 в сборник сказок Братьев Гримм (The Complete Grimm's Fairytales, 1972, p. 326–331).
- 2 Стихотворение «Сладкое предвкушение боли» из сборника «Марс и ее дети» Мардж Пирси издано в: The seduction of an-

anticipated pain, Mars and Her Children. Middlemarsh Inc., Alfred A. Knopf, Random House Inc., 1992.

- ³ Примеры можно найти в работе: *Ogden T. The Primitive Edge of Experience*. Современный психоаналитик-кляйнианец Томас Огден в своем исследовании выдвигает предположение о том, что параноидально-шизоидной стадии предшествует «аутистически-прилегающая». Согласно его концепции, существует стадия, на которой для обретения чувства безопасности используется защитный уход и взаимодействие с надежными материальными объектами. В нашей Матрице «аутистически-прилегающей» стадии соответствует шизоидная структура. Однако «аутистически-прилегающая» стадия не дает точного описания хаотичных аффективных переживаний пограничного человека.

Глава 5

- ¹ Мы выражаем благодарность Дин Ньюман за беседы, состоявшиеся несколько лет назад, в ходе которых обсуждались процесс трансформации и сопровождающие его образы.
- ² Здесь приводится адаптированный вариант сказки «Госпожа Метелица», включенный под номером 24 в сборник сказок Братьев Гримм (*The Complete Grimm's Fairytales*, 1972, p. 133–136).
- ³ В то время когда я работала с Полом, в основе зависимой нарциссической динамики которого лежал архетип Пуэра, я консультировала еще одного пациента по имени Роберт. Ему было за 60. В его динамике явно прослеживался архетип Сенекса. Имея одну и ту же базовую структуру характера, эти двое мужчин представляли противоположные полюса архетипа Пуэр–Сенекс. Роберт, почитаемый «патрон» в большом семействе близких и дальних родственников, был известен своим великодушием и доброжелательностью. Он не мог понять, почему его жена, дети, друзья и коллеги вдруг перестали относиться к нему с должным уважением и послушанием. В ходе нашей работы Роберт постепенно осознал, что его потребность контактировать с другими выражалась в стремлении постоянно их контролировать. Он был эмоциональным тираном: уста-

навливал правила и в случае их несоблюдения тут же приходил в ярость. Он организовал жизнь своих близких так, чтобы чувствовать себя окруженным любовью, вниманием и заботой. Но поскольку его контролирующие действия по природе своей были агрессивными, то все, с кем ему было приятно общаться, попросту разбежались. Здесь перед нами пример того, как потребность во внимании другого проявляется в форме сатурнианского контроля. Но мы также видим, что подобный контроль, выражающийся в стремлении находить подтверждение собственной значимости в любящем взгляде другого, не приносит ожидаемых результатов.

- ⁴ Пересказ этой истории частично основан на гомеровском мифе «Гимн Деметре» в переводе Бера (The Hymn to Demeter (I) // Boer. The Homeric Hymns, 1970, p. 89–135).

Глава 6

- ¹ Иногда клиницисты приписывают одной структуре характера отличительные свойства другой структуры, например: «истерик с пограничным радикалом». В данном случае речь идет о процессе, который мы называем «динамической регрессией», неизбежно переживаемой истериком в ситуации стресса или на одном из этапов развития.
- ² По мнению Даунинга, *способность переживать любовь осознанно* коренится в самой природе Афродиты, но также считается, что она возникла вследствие смелого отпора, который Психея, любившая Эроса, дала Афродите, «своей свекрови», предъявлявшей к ней жесткие требования.

Глава 7

- ¹ Мы бы хотели напомнить читателю о том, что в этой главе мы попеременно используем местоимения «он» и «она». Несмотря на то, что антисоциальным расстройством характера чаще всего страдают мужчины, этот вид расстройства также встречается у некоторого числа женщин.
- ² Примером тому являются DSM-IV «Структурированное клиническое собеседование для DSM-4, Ось 2. Руководство поль-

- зователя» и SCID-II «Структурированное клиническое собеседование с антисоциальной личностью» (1997, с. 28), подготовленные Американской Медицинской Ассоциацией.
- ³ Яркий пример взаимного обольщения представлен в фильме «Дом игр» (1987) Дэвида Мамета, кинокомпания «Метро-Голдвин-Майер».
 - ⁴ Здесь приводится адаптированный вариант сказки «Морской Заяц», включенной под номером 191 в сборник сказок Братьев Гримм (The Complete Grimm's Fairytales, 1972, p. 769–773).
 - ⁵ Стихотворение «Вообрази, что М. С. стал вороном» Марджори Пауэрс: *Power M. Dreaming that the M. C. is a Raven // The Atlanta Review. 1999. V. 11. № 2.*

Глава 8

- ¹ Здесь приводится адаптированный вариант сказки «Король Дроздобород», включенный под номером 52 в сборник сказок Братьев Гримм (The Complete Grimm's Fairytales, 1972, p. 244–248).
- ² Здесь приводится адаптированный вариант сказки «Белоснежка», включенный под номером 53 в сборник сказок Братьев Гримм (The Complete Grimm's Fairytales, 1972, p. 249–259).
- ³ В своей работе «Манипулятивная личность» (1972) и в книге «Манипулятор» (1973) Берстен выделяет несколько различных типов нарциссической личности, а именно: страстно-требовательный, параноидный, манипулятивный и фаллический. Различия, подробно описываемые Берстеном, не имеют прямого отношения к рассматриваемой нами теме. Однако его попытка разграничить типы нарциссизма представляет несомненный интерес.
- ⁴ Динамику садизма можно нейтрализовать, если дифференцировать ее от динамики идеализации и с ее помощью проработать. Когда ребенок идентифицирует себя с Чужим, то уравновешивающее действие идеализации ослабевает, и в психике устанавливается господство садистической динамики, которая останавливает развитие Супер-Эго (Kernberg, 1984, p. 300).
- ⁵ Учитывая тот факт, что альфа-нарциссическая и пассивно-агрессивная личности могут регрессировать в параноидное

состояние, мы считаем необходимым вкратце описать эту динамику, хотя и решили не рассматривать параноидную структуру характера в качестве отдельной категории. «В основе параноидного характера лежит склонность преодолевать собственные негативно воспринимаемые качества путем проецирования их на окружающих. Тогда отвергаемые свойства воспринимаются как внешние угрозы» (McWilliams, 1994, p. 205). Параноидный стиль характера, несомненно, соответствует антагонистическому паттерну отношений. У человека с параноидной структурой агрессия, которая должна направляться «против» других, трансформируется в защиту себя от недоброжелательности окружающих. Тот факт, что развитие человек с параноидной структурой характера находится на примитивной стадии, подтверждается следующими характеристиками: а) озабоченность вопросами силы и склонность к отыгрыванию; б) широкое использование примитивных форм отрицания и проекции; в) неспособность испытывать стыд внутри своего Я. В детстве такой человек мог часто подвергаться притеснениям и унижениям.

- 6 Чтобы понять страх альфа-нарцисса перед регрессией, необходимо сравнить его переживания с переживаниями зависимого и контрзависимого нарциссов. В своей внутриспсихической реальности зависимый нарцисс регрессирует к пограничному состоянию. В пограничной реальности господствует мощный архетипический аффект. Человек с пограничной структурой почти не способен мыслить или действовать. Он борется с аффектами в примитивной плоскости – «убить или быть убитым», поэтому чаще всего захвачен переживанием страха и ярости. Поскольку пограничная реальность по сути своей аффективна, то способность человека совершать действия, физически защищаться или нападать ограничена. Соответственно снижается угроза отыгрывания в форме причинения смертельного вреда.

Точно так же контрзависимый нарцисс боится регрессировать к шизоидному состоянию, в котором переживает распад, погружение в небытие, причиняющее сильную душевную боль, растворение в пустоте, деперсонализацию. Способность мыслить и пользоваться воображением усиливает страхи. Пере-

живать, пребывая в сознании, жуткое состояние небытия – все равно что переживать физическую смерть. Например, человек чувствует себя так, будто вышел в открытый космос, распадается на миллион частиц, подвергается опасности, но не может ничего сделать, чтобы защититься. Контрзависимый нарцисс страшится этих переживаний, но над ним, как правило, не нависает реальная угроза смерти. Борьба в шизоидной реальности – это психическая борьба. Доступ к аффекту и импульс к действию ограничены.

Глава 9

- ¹ В психике ребенка защитное действие Самости проявляется в том, что нарождающееся Эго идентифицируется с трикстером, помогающим отгородиться от подавляющей материнской воли. Можно предположить, что психика, являясь самоорганизующейся субстанцией, ищет состояние, в котором она гарантированно выживет. Если говорить о намерениях Самости с точки зрения теологии, то можно заключить, что одержимость трикстером необходима для поддержания великого круговорота, или вселенской целостности. Мы показали, как под воздействием данного архетипа запускается радикальная трансформация. Однако тайна антагонистического паттерна состоит в том, что он обрекает людей, воплощающих его, на невыносимо тяжелые страдания. Эти страдания при их кажущейся несправедливости напоминают страдания Иова. Иов жаловался Богу на страдания и несправедливость его божественной воли. Он не понимал намерений Бога до тех пор, пока не получил возможность посмотреть на мир его глазами, после чего стал прозревшим и смиренным.
- ² Здесь приводится вариант сказки в обработке Харриса и Чейза (Harris and Chase, 2002), а также в обработке Лестера (Lester, 1987).
- ³ Фигура трикстера в мифах североамериканских индейцев предстает в двух основных вариантах. В первом варианте подчеркивается его причудливо-чудовищная животная природа. С телом трикстера часто происходят чудеса и метаморфозы; части и отверстия его тела имеют гигантские размеры, аппе-

тит и сексуальная активность гипертрофированы. Он воплощает непомерное инстинктивное желание. Трикстер часто является героем юмористических рассказов, в которых раскрывается человеческая природа и ее ограничения.

Трикстер часто предстает в мужском облике, но может появляться и в женском облике в зависимости от ситуации. Во втором варианте он демонстрирует свою божественную природу, выступая в роли создателя, и придает мифической реальности осязаемую форму. Свободно перемещаясь из земного мира в потусторонний, он облегчает человеческую жизнь, давая им то, в чем они нуждаются: землю, животных, огонь. Нередко эти акты созидания совершаются путем обворовывания богов. Они также могут представлять собой сюрпризы или внезапные повороты, которые приводят к совершенно неожиданным результатам. Ловко обманывая нас, богов и самого себя, трикстер все же остается божественным творцом.

Заключение

- ¹ Душа может быть образом, но она *не только* образ. Кроме того, что она находит пристанище в наших телах, аффектах и воображении, она присутствует в разуме и логике. Юнгианский аналитик Вольфганг Гигерих говорит об этом важном, а для некоторых из нас центральном пункте в процессе индивидуации в своей книге «Логическая жизнь души. Навстречу строгому определению психологии» (Giegerich, 2005).

Литература

- Akhtar S. (1992). *Broken Structures: Severe Personality Disorders and their Treatment*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- American Medical Association (1997). Structured Clinical Interview with Antisocial Personality // *DSM4 User's Guide for the Structured Clinical Interview for DSM4 Axis 2, SCID-II*. Washington, DC: American Psychiatric Press, p. 28.
- American Medical Association (2003). *Physician ICD-9 CM2003: International Classification of Diseases*. Hyattsville, MD: NCHS.
- American Psychiatric Association (1968). *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 2nd edition (DSM-II)*. Washington, DC: American Psychiatric Press.
- American Psychiatric Association (1980). *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 3rd edition (DSM-III)*. Washington, DC: American Psychiatric Press.
- American Psychiatric Association (1994). *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4th edition (DSM-IV)*. Washington, DC: American Psychiatric Press.
- American Psychiatric Association (2000). *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 4th edition, Text Revision (DSM-IV-TR)*. Washington, DC: American Psychiatric Press.
- Andersen H. C. (1976). *Hans Christian Andersen: Eighty Fairy Tales*. New York: Pantheon.
- Balint M. (1968). *The Basic Fault: The Therapeutic Aspects of Regression*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Baring A., Cashford J. (1991). *The Myth of the Goddess: Evolution of an Image*. London: Viking Arkana.
- Barrie J.M. (1991). *Peter Pan*. New York: Viking.

- Beatty J. S., Kraul E. G. (eds) (2004). *La Llorona: Encounters With the Weeping Woman*. Santa Fe, NM: Sunstone Press.
- Beck A. T., Freeman A., Davis D. (2003). *Cognitive Therapy of Personality Disorders*. 2nd ed., New York: Guilford Press.
- Benjamin L. S. (1993). *Interpersonal Diagnosis and Treatment of Personality Disorders*. New York: Guilford Press. 2nd ed., 1996.
- Benjamin L. S. (1996). An interpersonal theory of personality disorders // J. F. Clarkin, J. F. Lenzenweger (eds). *Major Theories of Personality Disorder*. New York: Guilford Press.
- Bernstein J. (2005). *Living in the Borderland: The Evolution of Consciousness and the Challenge of Healing Trauma*, London: Routledge.
- Bion W. (1950). Attacks on Linking // W. Bion, *Second Thoughts*. New York: Jason Aronson, 1967.
- Bion W. (1967). *Bion, Second Thoughts*. New York: Jason Aronson.
- Bleuler E. (1922). Die probleme der Schizoidie und der Syntonie // *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie*. 78: 373–388.
- Bleuler E. (1929). Syntonie-schizoidie-schizophrenie // *Neurologie und Psychopathologie*. 38: 47–64.
- Boer C. (trans.) (1970). *The Homeric Hymns*. Dallas, TX: Spring Publications.
- Bolen J. (1984). *Goddesses in Everywoman: A New Psychology of Women*. New York: Harper & Row.
- Bolen J. (1990). *Gods in Everyman Reissue: Archetypes That Shape Men's Lives*. New York: Harper.
- Bollas C. (2000). *Hysteria*. London: Routledge.
- Borossa J. (2001). *Hysteria*. Cambridge: Icon Books.
- Bowlby J. (1969). *Attachment and Loss: Vol. 1. Attachment*. New York: Basic Books.
- Bowlby J. (1973). *Attachment and Loss: Vol. 2. Separation: Anxiety and Anger*. New York: Basic Books.
- Bowlby J. (1988). *A Secure Base: Clinical Applications of Attachment Theory*. London: Routledge.
- Briggs K. (1970). *A Dictionary of British Folk Tales*. Bloomington: Indiana University Press.
- Bursten B. (1972). The Manipulative Personality // *Archives of General Psychiatry*. 26: 318–321.
- Bursten B. (1973). *The Manipulator*. New Haven: Yale University Press.
- Cahill T. (2004). *Sailing the Wine-Dark Sea: Why the Greeks Matter*. New York: Anchor Books.
- Calasso R. (1993). *The Marriage of Cadmus and Harmony*. New York: Vintage.
- Carroll L. (1907). *Alice's Adventures in Wonderland*. New York: Gramercy Press, 1995.

- Cleckly H. (1976). *The Mask of Sanity: An Attempt to Clarify Some Issues About the So-Called Psychopathic Personality*. St Louis, MS: Mosby.
- Corbin H. (1972). *Mundus Imaginalis, or the Imaginary and the Imaginal*. Dallas, TX: Spring Books.
- Donahue B. (Speaker) (September 1995). Why didn't she knock on the door? New York: National Meeting of Jungian Analysts, cited with permission of the author.
- Dougherty N., West J. (2005). Dismemberment and anxiety: anxieties at the edge. Paper presented at the North American Conference of Jungian Analysts, *At the Edge Between Hope and Despair: Confronting Cultural, Political and Clinical Dilemmas through Analytical Psychology*. Chicago, 22–25 September.
- Downing C. (1987). *The Goddess: Mythological Images of the Feminine*. New York: Crossroads.
- Downing C. (1993). *Gods in Our Midst: Mythological Images of the Masculine, A Woman's View*. New Orleans: Spring Journal Books.
- D'Silva K., Duggan C., McCarthy L. (2004). Does treatment really make psychopaths worse? A review of the evidence // *Journal of Personality Disorders*. 18: 163–77.
- Edelman S. (1998). *Turning the Gorgon: A Meditation on Shame*, Putnam, CT: Spring Publications.
- Edinger E. (1972). *Ego and Archetype*. New York: Putnam.
- Eigen M. (1986). *The Psychotic Core*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Euripides (1998). *Medea, Hippolytus, Electra, Helen*. Oxford: Oxford University Press.
- Euripides (1999). The Bacchae // D. Grene, R. Lattimore (eds), W. Arrowsmith (trans.). *The Complete Greek Tragedies*. Chicago: University of Chicago Press.
- Fairbairn W. R. D. (1954). *An Object Relations Theory of the Personality*. New York: Basic Books.
- Faulkner R. (trans.) (1969). *The Ancient Egyptian Pyramid Texts, translated into English*. Oxford: Oxford University Press.
- Fenichel O. (1945). *The Psychoanalytic Theory of Neurosis*. New York: Norton.
- Ferenczi S. (1925). Character and anal eroticism // *Psychoanalysis of Sexual Habits*. New York: Brunner/Mazel, 1980.
- Fonagy P. (2001). *Attachment Theory and Psychoanalysis*. New York: Other Press.
- Fontenrose J. (1959). *Python: A Study in Delphic Myth and its Origins*. Berkeley: University of California Press. Republished as: *The Delphic Oracle*. Berkeley–Los Angeles: University of California Press, 1978.

- Fordham M. (1957). *New Developments in Analytical Psychology*. London: Routledge, Kegan & Paul.
- Fordham M. (1974). Defenses of the self // *Journal of Analytical Psychology*. 19, 2: 192–99.
- Fossati A., Maffei C., Bagnato M., Donati D., Donini M., Fiorilli M., Novella L. (2000). A psychometric study of DSM-IV passive-aggressive (negativistic) personality disorder criteria // *Journal of Personality Disorder*. 14, 1: 72–83.
- Freud S. (1914). On narcissism: an introduction // *Collected Papers*. English translation. V. 4. London: Hogarth Press, 1935.
- Frosch J.P. (1983). The treatment of antisocial and borderline personality disorders // *Hospital Community Psychiatry*. 34: 243–248.
- Gabbard G. O. (2005). *Psychodynamic Psychiatry in Clinical Practice*. Arlington, VA: American Psychiatric Publishing.
- Gabbard G. O., Coyne L. (1987). Predictors of response of antisocial patients to hospital treatment // *Hospital Community Psychiatry*. 38: 1181–1185.
- Gabbard G. O., Menninger R. W. (1988). The psychology of the physician // G. O. Gabbard, R. W. Menninger (eds). *Medical Marriages*. Washington, DC: American Psychiatric Press.
- Gabbard G. O., Wilkinson S. M. (1994). *Management of Countertransference with Borderline Patients*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Gell-Mann M. (1994). Complex adaptive systems // G. A. Cowan, D. Pines, D. Meltzer (eds). *Complexity, Models, Metaphors and Reality*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Gibbon M. B., Spitzer R. L., Williams J. B. W., Benjamin L. S. (1997). *DSM-IV User's Guide for the Structured Clinical Interview for DSM-IV Axis II Personality Disorders (SCID-II)*. Washington, DC: American Psychiatric Press.
- Giegerich W. (2005). *The Soul's Logical Life: Towards a Rigorous Notion of Psychology*. New Orleans: Spring Journal Books.
- Girl Interrupted* (1999). Film by James Mangold, Columbia Pictures.
- Glickauf-Hughes C., Wells M. (1998). *Object Relations Psychotherapy: An Individualized and Interactive Approach to Diagnosis and Treatment*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Goldstein W. (1996). *Dynamic Psychotherapy with the Borderline Patient*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Grand S. (2000). *The Reproduction of Evil: A Clinical and Cultural Perspective*. Hillsdale, NJ–London: Analytic Press.
- Grant B. F., Hasin D. S., Stinson F. S., Dawson D. A., Chon S. P., Ruan W. J., Pickering R. P. (2004). Prevalence, correlates and disability of per-

- sonality disorders in the United States: results from the national epidemiologic survey on alcohol and related conditions // *Journal of Clinical Psychiatry*. 65, 7: 948–958.
- Graves R. (1955). *The Greek Myths*. V. 1–2. Harmondsworth: Penguin.
- Greenwald H. (1974). Treatment of the psychopath // H. Greenwald (ed.). *Active Psychotherapy*. New York: Jason Aronson.
- Grimm J. and W. (1972). *The Complete Grimm's Fairy Tales*. New York: Random House.
- Grotstein J. (1982). Newer perspectives in object relations theory // *Journal of Contemporary Psychoanalysis*. 18: 43–91.
- Gunderson J. G. (1984). *Borderline Personality Disorder*. Washington, DC: American Psychiatric Press.
- Guntrip H. (1969). *Schizoid Phenomena, Object Relations, and the Self*. New York: International Universities Press.
- Guntrip H. (1971). *Psychoanalytic Theory, Therapy and the Self: A Basic Guide to the Human Personality in Freud, Erikson, Klein, Sullivan, Fairbairn, Hartmann, Jacobson and Winnicott*. New York: Basic Books.
- Guthrie W. K. C. (1980). *The Greeks and Their Gods*. Boston: Beacon Press.
- Halleck S. L. (1981). Sociopathy: ethical aspects of diagnosis and treatment // *Current Psychiatric Therapy*. 20: 167.
- Hamilton E. (1940). *Mythology: Timeless Tales of Gods and Heroes*. New York: New American Library.
- Hare R. (1986). Twenty years of experience with the Cleckley psychopath // W. Reid, D. Dorr, J. Walker, J. Bonner (eds). *Unmasking the Psychopath: Antisocial Personality and Related Syndromes*. New York: Norton.
- Hare R. D., Hart S. D. (1998). Association between psychopathy and narcissism: theoretical views and empirical evidence // E. Ronningham (ed.). *Disorders of Narcissism: Diagnosis, Clinical and Empirical Implications*. Washington, DC: American Psychiatric Press.
- Harris A. (2005). *Gender as Soft Assembly*. Hillsdale, NJ: Analytic Press.
- Harris J. C., Chase R. (2002). *The Complete Tales of Uncle Remus*. New York: Houghton Mifflin.
- Hart D. L. (2001). *The Water of Life: Spiritual Renewal in the Fairy Tale*. Lanham, MD: University Press of America.
- Heylighen F., Joslyn C., Turchin V. (eds). *Principia Cybernetica*. Online. Brussels: Principia Cybernetica Project. URL: <http://pespmc1.vub.ac.be> (дата обращения: 21.10.2005).
- Hillman J. (1972). *The Myth of Analysis*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Hillman J. (1979). *Puer Papers*. Dallas, TX: Spring Publications.

- Hillman J. (1983). *Interviews*. New York: Harper & Row.
- Hillman J. (1999). *The Force of Character and the Lasting Life*. New York: Random House.
- Hinshelwood R. (1991). *A Dictionary of Kleinian Thought*. London: Free Association Books.
- Hoch A. (1910). Constitutional factors in the dementia præcox group // *Review of Neurology and Psychiatry*. 8: 463–75.
- Hogenson G. (2004). Archetypes: emergence and the psyche's deep structure // J. Cambray, L. Carter (eds). *Contemporary Perspectives in Jungian Analysis*. London: Brunner Routledge.
- Horner A. (1991). *Psychoanalytic Object Relations Therapy*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Horney K. (1939). *Neurosis and Human Growth*. New York: Norton.
- Horney K. (1945). *Our Inner Conflicts*. New York: Norton.
- Horowitz M. J. (1991). *Hysterical Personality Style and the Hysterical Personality Disorder*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- House of Games* (1987). Film by David Mamet, Metro-Goldwyn-Mayer.
- The Jerusalem Bible* (1966). Garden City, NY: Doubleday.
- The Jerusalem Bible* (King James Version, 1611). Philadelphia: National Publishing Company, 2000.
- Johnson S. (1985). *Characterological Transformation: The Hard Work Miracle*. New York: Norton.
- Josephs L. (1995). *Character and Self Experience*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Jung C. G. (1909). *The Psychology of Dementia Præcox*. *Collected Works* 3.
- Jung C. G. (1919). *Instinct and the Unconscious*. *Collected Works* 8.
- Jung C. G. (1926). *Spirit and Life*. *Collected Works* 8.
- Jung C. G. (1928). *Analytical Psychology and 'Weltanschauung'*. *Collected Works* 8.
- Jung C. G. (1933). *The Spiritual Problem of Modern Man*. *Collected Works* 10.
- Jung C. G. (1935). *The Relations Between the Ego and the Unconscious*. *Collected Works* 7.
- Jung C. G. (1943). *Psychology and Alchemy*. *Collected Works* 12.
- Jung C. G. (1945). *The Relations Between the Ego and the Unconscious*. *Collected Works* 7.
- Jung C. G. (1947). *Epilogue To Essays on Contemporary Events*. *Collected Works* 10.
- Jung C. G. (1953). *The Collected Works* (Bollingen Series XX). Trans. R. F. C. Hull, H. Read, M. Fordham, G. Adler (eds). Princeton, NJ: Princeton University Press, 20 vols.
- Jung C. G. (1955). *The Conjunction*. *Collected Works* 14.
- Jung C. G. (1956a). *Symbols of Transformation*. *Collected Works* 5.

- Jung C. G. (1956b). *On the Psychology of the Trickster-Figure*. *Collected Works* 9, I.
- Jung C. G. (1958). *The Psychogenesis of Mental Disease*. *Collected Works* 3.
- Jung C. G. (1960). *The Structure and Dynamics of the Psyche*. *Collected Works* 8.
- Jung C. G. (1963a). *Memories, Dreams and Reflections*. London: Collins, Routledge, Kegan & Paul.
- Jung C. G. (1963b). *Mysterium Coniunctionis*. *Collected Works* 10.
- Jung C. G. (1968a). *Psychology and Alchemy*. *Second Edition*. *Collected Works* 12.
- Jung C. G. (1968b). *The Tavistock Lectures*. *Collected Works* 18.
- Kalsched D. (1980). Narcissism and the search for interiority // *Quadrant*. 13, 2: 46–74.
- Kalsched D. (1996). *The Inner World of Trauma: Archetypal Defenses of the Personal Spirit*. London–New York: Routledge.
- Kalsched D. (2003). Daimonic elements in early trauma // *Journal of Analytical Psychology*. 48, 2: 145–69.
- Kerényi K. (1962). *The Heroes of the Greeks*. New York: Thames and Hudson.
- Kerényi K. (1972). Commentary on the trickster // P. Radin. *The Trickster: A Study in American Indian Mythology*. New York: Schocken.
- Kerényi K. (1976). *Dionysus: Archetypal Image of the Indestructible Life*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kerényi K. (1978). *Athene: Virgin and Mother in Greek Religion*. Putnam, CT: Spring Publications.
- Kerényi K. (1983). *Apollo: The Wind, the Spirit, and the God, Four Studies*. Dallas, TX: Spring Publications.
- Kerényi K. (1996). *Hermes: Guide of Souls*. Putnam, CT: Spring Publications.
- Kernberg O. (1970). Factors in the treatment of narcissistic personalities // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 18: 51–85.
- Kernberg O. (1975). *Borderline Conditions and Pathological Narcissism*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Kernberg O. (1984). *Severe Personality Disorders: Psychotherapeutic Strategies*. New Haven: Yale University Press. (Reprint edition, 1993.)
- Klein M. (1946). Notes on some schizoid mechanisms // *International Journal of Psychoanalysis*. 27: 99–110. Republished in: *Melanie Klein, Paula Heimann, Susan Issacs and Joan Riviere: Developments in psychoanalysis*. New York: Hogarth, 1952.
- Klein M. (1957). *Envy and Gratitude and Other Works 1946–1963*. New York: Free Press.
- Knox J. (2004). *Archetypes, Analysis, Attachment*. London: Routledge.

- Kohut H. (1971). *The Analysis of the Self: Systematic Approach to Treatment of Narcissistic Personality Disorders*. New York: International Universities Press.
- Kohut H. (1977). *The Restoration of the Self*. New York: International Universities Press.
- Kohut H. (1984). *How Does Analysis Cure?* A. Goldberg (ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- Komor C. (2000). *OCD and Other Gods*. Grand Rapids, MI: Self Help Books.
- Kraepelin E. (1913). *Psychiatrie: Ein Lehr*. Leipzig: Barth, 8th ed., as cited in Millon, 1981.
- Lasch C. (1978). *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. New York: Norton.
- LeGuin U. (1990). *Tehanu: The Last Book of Earthsea*. New York: Atheneum.
- Leonard L. S. (1985). *The Wounded Woman, Healing the Father-Daughter Relationship*. Boston: Shambala Press.
- Leonard L. S. (1993). *Meeting the Madwoman: Empowering the Feminine Spirit*. New York: Bantam.
- Lester J. (1987). *The Tales of Uncle Remus: The Adventures of Brer Rabbit*. New York: Puffin.
- Lewis C. S. (1980). *Till We Have Faces: A Myth Retold*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich.
- Likierman M. (2001). *Melanie Klein: Her Work in Context*. London–New York: Continuum.
- McCullough P. K., Maltsberger J. T. (2001). Obsessive-compulsive personality disorder // G. O. Gabbard (ed.). *Treatments of Psychiatric Disorders*. V. 2. 3rd ed. Washington, DC: American Psychiatric Publishing.
- McDowell M. (2001). Principles of organization: a dynamic systems view of the archetype-as-such // *Journal of Analytical Psychology*. 46, 4: 637–654.
- McGrew L. (1988). Shame: the paralysis of feminine initiative, an analysis of the Athene/Persephone woman. Unpublished thesis. C. G. Jung Institute of Chicago, cited with the kind permission of the author.
- McWilliams N. (1994). *Psychoanalytic Diagnosis: Understanding Personality Structure in the Clinical Process*. New York: Guilford Press.
- Mahler M., Pine F., Bergman A. (1975). *The Psychological Birth of the Human Infant: Symbiosis and Individuation*. New York: Basic Books.
- Marlan S. (2005). *The Black Sun: The Alchemy and Art of Darkness*. College Station: Texas A & M University Press.
- Masterson J. F. (1976). *Psychotherapy of the Borderline Adult: A Developmental Approach*. New York: Brunner/Mazel.
- Masterson J. (1981). *The Narcissistic and Borderline Disorders: An Integrated Developmental Perspective*. New York: Brunner/Mazel.

- Masterson J. (1988). *The Search for the Real Self: Unmasking the Personality Disorders of Our Age*. New York: Free Press.
- Maturana H., Varela F. (1991). *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordrecht: Reidel.
- Meloy J.R. (1988). *The Psychopathic Mind: Origins, Dynamics and Treatment*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Meloy J.R. (1995). Antisocial personality disorder // G.O. Gabbard (ed.). *Treatments of Psychiatric Disorders*. V. 2. 2nd ed. Washington, DC: American Psychiatric Press.
- Meloy J.R. (ed.) (2001). *The Mark of Cain: Psychoanalytic Insight and the Psychopath*. Hillsdale, NJ: Analytic Press.
- Meltzer D., Bremner J., Hoxter S., Weddell D., Wittenberg I. (1975). *Explorations in Autism*. Perthshire, Scotland: Clunie Press.
- Merkur D. (1991). *Powers Which We Do Not Know: The Gods and Spirits of the Inuit*. Moscow: University of Idaho Press.
- Miller A. (1975). *Prisoners of Childhood: The Drama of the Gifted Child and the Search for the True Self*. New York: Basic Books.
- Millon T. (1981). *Disorders of Personality: DSM-III: Axis II*. New York: Wiley.
- Millon T. (1998). *Psychopathy: Antisocial, Criminal and Violent Behavior*. New York: Guilford Press.
- Millon T. (2000). *Personality Disorders in Modern Life*. 2nd ed. Hoboken, NJ: Wiley, 2004.
- Millon T., Davis R.D. (eds) (1996). *Disorders of Personality: DSM-IV and Beyond*. 2nd ed. New York: Wiley.
- Millon T., Radovanov J. (1995). Passive-aggressive (negativistic) personality disorder // W.J. Livesley. *The DSM-IV Personality Disorders*. New York: Guilford Press.
- Mitrani J. (2001). *Ordinary People and Extra-Ordinary Protections: A Post Kleinian Approach to the Treatment of Primitive Mental States*. London: Brunner–Routledge.
- Moctezuma E. M. (1992). *The Great Temple: Official Guide*. Mexico City: Inah-Salvat.
- Modlin L. C. (1983). The antisocial personality // *Bulletin Menninger Clinic*. 47: 129–144.
- Mogenson G. (2003). *The Dove in the Consulting Room*. London: Routledge.
- Neumann E. (1954). *The Origins and History of Consciousness*. Princeton: Princeton University Press.
- Neumann E. (1963). *The Great Mother: An Analysis of the Archetype*. Princeton, NJ: Bollingen.
- Ogden T. (1986). *The Matrix of the Mind: Object Relations and the Psychoanalytic Dialogue*. Northvale, NJ: Jason Aronson.

- Ogden T. (1994). *The Primitive Edge of Experience*. Northvale, NJ: Jason Asonson.
- Oldham J. M., Morris L. B. (1990). *The Personality Self Portrait*. New York: Bantam.
- Otto R. (1923). *The Idea of the Holy: An Inquiry into the Non Rational Factor in the Idea of the Divine and its Relation to the Rational*. Oxford: Oxford University Press.
- Otto W. (1964). *The Homeric Gods*. Boston: Beacon Press.
- Otto W. (1981). *Dionysus: Myth and Cult*. Dallas, TX: Spring Publications.
- Paris G. (1986). *Pagan Meditations: The Worlds of Aphrodite, Artemis and Hestia*. Dallas, TX: Spring Publications.
- Perry J., Christopher, M. (1996). Dependent Personality Disorder // G. O. Gabbard, S. Atkinson (eds). *Synopsis of Treatment of Psychiatric Disorders*. 2nd ed. Washington, DC: American Psychiatric Press.
- Pinkola Estés C. (1992). *Women Who Run With the Wolves: Myths and Stories of the Wild Woman Archetype*. New York: Ballantine.
- Pipher M. (1994). *Reviving Ophelia: Saving the Selves of Adolescent Girls*. New York: G. P. Putnam's Sons.
- Power M. (1999). Dreaming the M. C. is a Raven // *Atlantic Review*. 11, 2. With the kind permission of the author.
- Pratt A. (1994). *Dancing With Goddesses: Archetypes, Poetry and Empowerment*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Radin P. (1972). *The Trickster: A Study in American Indian Mythology, with Commentaries by Karl Kerényi and C. G. Jung*. New York: Schocken.
- Raine K. (2000). *The Collected Poems of Kathleen Raine*. Ipswich: Golgo-noza Press.
- Reich W. (1933, 1949). *Character-Analysis*. 3rd ed. New York: Farrar, Strauss, Giroux, 1980.
- Reid W. H., Dorr D., Walker J., Bonner J. (1986). *Unmasking the Psychopath*. New York: Norton.
- Rodgers P. (2005). Book review of: G. Mogenson (2003). *The Dove in the Consulting Room: Hysteria and the Anima in Bollas and Jung*. Hove, UK: Brunner-Routledge // *Journal of Analytical Psychology*. 50: 107–109.
- Salman S. (1999). Dissociation and the self in the magical pre-Oedipal field // *Journal of Analytical Psychology*. 44: 69–85.
- Samuels A. (ed.) (1991). *Psychopathology: Contemporary Jungian Perspectives*. New York: Guilford Press.
- Satinover J. (1980). Puer aeternus: the narcissistic relation to the self // *Quadrant*. 13, 2: 75–108.
- Schapira L. L. (1988). *The Cassandra Complex: Living With Disbelief, a Modern Perspective on Hysteria*. Toronto: Inner City Books.

- Schenk R. (2001). *The Sunken Fish, the Wasted Fisher, the Pregnant Fish: Post-modern Reflections on Depth Psychology*. Wilmette, IL: Chiron.
- Schore A.N. (1994). *Affect Regulation and the Origin of the Self: The Neurobiology of Emotional Development*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
- Schore A.N. (1997). Early organization of the nonlinear right brain and development of a predisposition to psychiatric disorders // *Development and Psychopathology*. 9: 595–631.
- Schore A.N. (2003a). *Affect Dysregulation and Disorders of the Self*. New York: Norton.
- Schore A.N. (2003b). *Affect Regulation and Repair of the Self*. New York: Norton.
- Schore A. N (2003c). Early relational trauma, disorganized attachment and the development of a predisposition to violence // M.F. Solomon, D.J. Siegal (eds). *Healing Trauma: Attachment, Mind, Body and Brain*. New York: Norton.
- Schwartz-Salant N. (1982). *Narcissism and Character Transformation: The Psychology of Narcissistic Character Disorders*. Toronto: Inner City Books.
- Schwartz-Salant N. (1989). *The Borderline Personality: Vision and Healing*. Chicago: Chiron.
- Searles H. (1986). *My Work With Borderline Patients*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Seinfeld J. (1990). *The Bad Object: Handling the Negative Therapeutic Reaction in Psychotherapy*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Seinfeld J. (1996). *Containing Rage, Terror and Despair: An Object Relations Approach to Psychotherapy*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Showalter E. (1998). *Hystories: Hysterical Epidemics and Modern Media*. New York: Columbia University Press.
- Shulman H. (1997). *Living at the Edge of Chaos: Complex Systems in Culture and Psyche*. Einsiedlen: Daimon.
- Siegel D.J. (1999). *The Developing Mind: Towards a Neurobiology of Interpersonal Experience*. New York: Guilford Press.
- Siegel D.J. (2003). An interpersonal neurobiology of psychotherapy: the developing mind and the resolution of trauma // M.F. Solomon, D.J. Siegal (eds). *Healing Trauma: Attachment, Mind, Body and Brain*. New York: Norton.
- Solomon M.F, Siegel D.J. (eds) (2003). *Healing Trauma: Attachment, Mind, Body and Brain*. New York: Norton.
- Spensley S. (1995). *Frances Tustin*. London: Routledge.
- Sperry L. (1995). *Handbook of Diagnosis and Treatment of the DSM-IV Personality Disorders*. New York: Brunner/Mazel.

- Sperry L., Carlson J. (1993). *Psychopathology and Psychotherapy: From Diagnosis to Treatment*. Muncie, IN: Accelerated Development.
- Steel F. (1994). The Three Little Pigs // *Goldilocks and the Three Bears and Other Classic English Fairy Tales*. New York: Children's Classics.
- Stein L. (1967). Introducing not-self // *Journal of Analytical Psychology*. 12, 2: 97–113.
- Stein M. (1998). *Jung's Map of the Soul: An Introduction*. Chicago and La Salle, IL: Open Court.
- Stern D. (1985). *The Interpersonal World of the Infant: A View from Psychoanalysis and Developmental Psychology*. New York: Basic Books.
- Stolorow R.D., Atwood G.E., Brandchaft B. (eds) (1994). *The Intersubjective Perspective*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Sullivan L.E. (1987). Tricksters: an overview // M. Eliade (ed.). *Encyclopedia of Religion*. New York: Macmillan.
- Symington N. (1980). The response aroused by the psychopath // *International Review of Psychoanalysis*. 7: 291–298.
- Travers P.L. (1989). *What the Bee Knows: Reflections on Myth, Symbol and Story*. London–New York: Arkana.
- Tuckett D. (1993). Some thoughts on the presentation and discussion of the clinical material of psychoanalysis // *International Journal of Psychoanalysis*. 74: 1175–1189.
- Tustin F. (1990). *The Protective Shell in Children and Adults*. London: Karnac.
- Van der Kolk B., McFarlane A., Weisaeth L. (1996). *Traumatic Stress: The Effects of Overwhelming Experience on Mind, Body and Society*. New York: Guilford Press.
- Van Sweden R.C. (1995). *Regression to Dependence: A Second Opportunity for Ego Integration and Developmental Progression*. Northvale, NJ: Jason Aronson.
- Von Franz M.L. (1981). *Puer Aeternus*. 2nd ed. Santa Monica, CA: Sigo Press.
- Von Franz M.L. (2000). *The Problems of the Puer Aeternus*. Toronto: Inner City Books.
- Webster's New Universal Unabridged Dictionary* (1983). New York: Simon and Schuster.
- Widiger T., Lynam D. (1998). Psychopathy and the five-factor model of personality // T. Millon, E. Somonsen, M. Birket-Smith, R. Davis (eds). *Psychopathy: Antisocial, Criminal and Violent Behavior*. New York: Guilford Press.
- Wilkinson M. (2003). Undoing trauma: contemporary neuroscience: a Jungian clinical perspective // *Journal of Analytical Psychology*. 48: 235–253.

- Wilkinson M. (2005). Undoing dissociation: affective neuroscience: a contemporary Jungian clinical perspective // *Journal of Analytical Psychology*. 50: 483–501.
- Winnicott D.W. (1958). *Through Paediatrics to Psychoanalysis*. London: Tavistock.
- Winnicott D.W. (1960). Ego distortion in terms of the true and false self // D.W. Winnicott (1965). *The Maturation Processes and the Facilitating Environment*. London: Hogarth Press.
- Winnicott D.W. (1965). *The Maturation Processes and the Facilitating Environment*. London: Hogarth Press.
- Winnicott D.W. (1971). *Playing and Reality*. London: Tavistock.
- Withers R. (ed.) (2003). *Controversies in Analytical Psychology*. New York: Brunner–Routledge.
- Young-Eisendrath P., Weideman F. (1987). *Female Authority: Empowering Women Through Psychotherapy*. New York: Guilford Press.
- Zhang L., Xing G.Q., Levine S., Post R.M., Smith M.A. (1997). Maternal deprivation induces neuronal death // *Society for Neuroscience Abstracts*. 23: 1112.

Научное издание

Серия «Современная психотерапия»

Нэнси Дж. Догерти

Жаклин Дж. Вест

МАТРИЦА И ПОТЕНЦИАЛ ХАРАКТЕРА

С позиций архетипического подхода и теорий развития

В поисках неиссякаемого источника духа

Редактор – О. В. Шапошникова

Макет, верстка и обложка – С. С. Фёдоров

Издательство «Когито-Центр»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел.: (495) 682-61-02

E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru

www.cogito-centre.com

Сдано в набор 06.06.14. Подписано в печать 24.06.14
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Тираж 1000 экз. Уч.-изд. л. 19; усл.-печ. л. 25. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Издательство „Известия“» УД ПРФ
127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6